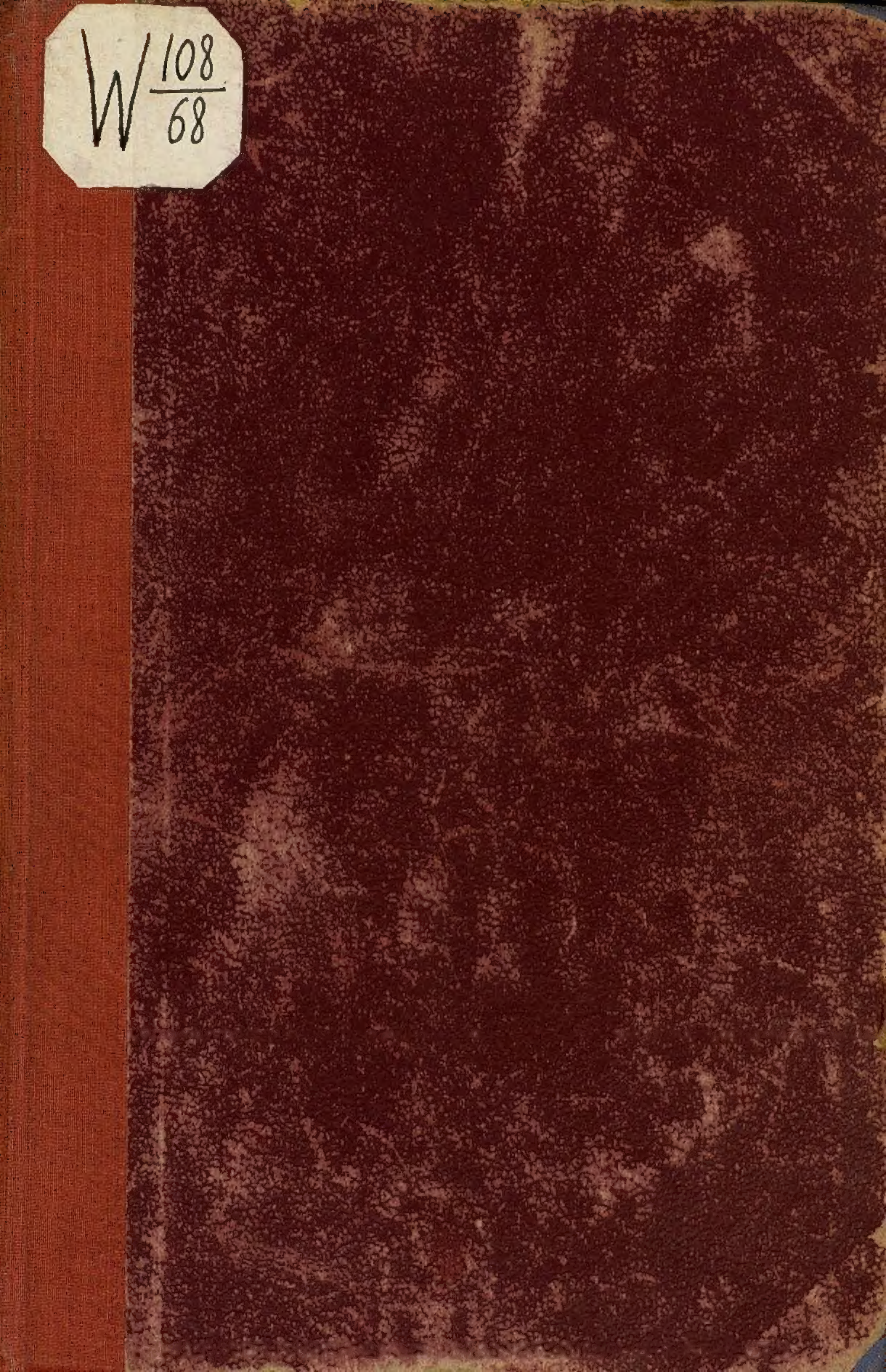

W 108/68

ТОРГОВЫЯ

и другія

ПРАВА ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ,

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ХОДѢ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ,

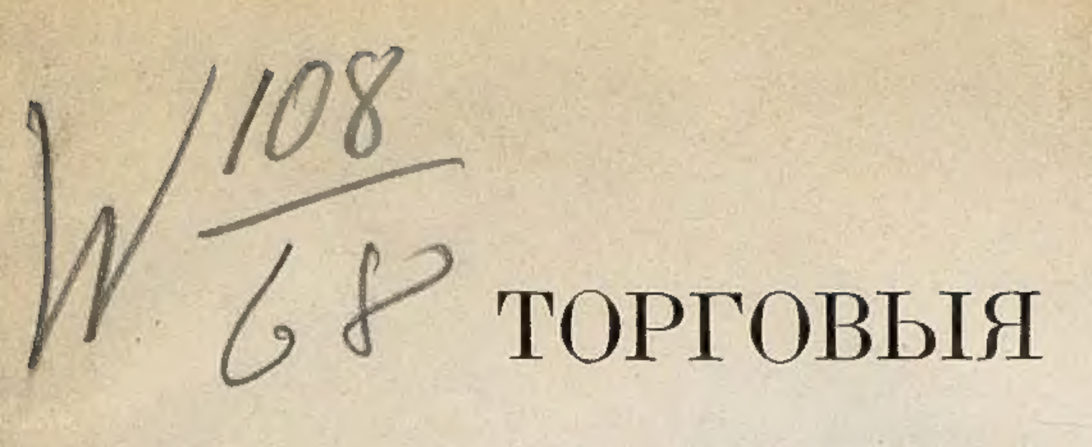
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ НЫНѢ ДѢЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

О ЕВРЕЯХЪ.

Составилъ **Н. Д. Градовскій.**

С.-Петербургъ.

1885.

ТОРГОВЫЯ

и другія

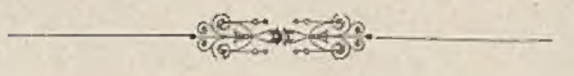
ПРАВА ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ,

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ХОДѢ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ МѢРЪ,

ПРЕДШЕСТВОВАВШИХЪ НЫНѢ ДѢЙСТВУЮЩЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

О ЕВРЕЯХЪ.

Составилъ **Н. Д. Градовскій.**

С.-Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финанс., на Дворц. площ.
1885.

2007050339

Оглавленіе.

Царствованіе Императора Павла I.

Царствованіе Императора Александра I.

СТРАН.

Предлежащій обзоръ мѣръ и постановленій, касающихся евреевъ въ Россіи, имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе обстоятельствъ, съ цѣлью ближайшаго, по возможности, разъясненія причинъ, положившихъ начало торговымъ и другимъ ограниченіямъ въ правахъ евреевъ и послужившихъ къ образованію дѣйствующихъ, въ Имперіи, законовъ о нихъ. Обзоръ этотъ объемлетъ періодъ времени, начиная съ царствованія Государя Алексія Михаиловича, когда евреи, въ нашемъ государствѣ, сдѣлались впервые, предметомъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, до царствованія Императора Николая Павловича, по Высочайшей волѣ Котораго воспослѣдовали нѣкоторыя существенныя измѣненія въ правахъ евреевъ, положившія основаніе нынѣ дѣйствующему о нихъ законодательству.

Главнымъ источникомъ къ составленію этого труда служило Полное Собраніе Законовъ, изъ котораго необходимый матеріалъ извлеченъ непосредственно, по неполнотѣ составленнаго и изданнаго, въ 1874 году, В. О. Леванда, пособія, подъ заглавіемъ: „Полный хронологическій Сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ, отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до настоящаго времени". Обстоятельство это весьма усложнило и замедлило работу по предварительной подготовкѣ матеріала, но, какъ оказывается, существенно послужило къ пользѣ самаго труда; такъ-какъ пришлось ознакомиться съ нѣкоторыми государственными актами, имѣющими первостепенное значеніе въ ходѣ, законодательныхъ мѣръ, касающихся евреевъ. Таковы, напримѣръ, акты, относящіеся къ моменту вступленія евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, при

возсоединеніи этого края съ Россіею, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, а именно: Именные указы Государыни, данные 28 Мая 1772 года Генералъ-Маіорамъ Каховскому и Кречетникову, съ особымъ, при этихъ указахъ, Наказомъ для нихъ, „по коему они должны были поступать при исправленіи долж-„ностей Губернаторовъ въ присоединенныхъ отъ Польши губер-„ніяхъ", и Именной Указъ 16 Августа того же года „о приня-„тіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши про-„винцій", съ приложеннымъ къ указу печатнымъ плакатомъ, посредствомъ котораго всѣ мѣстные тамъ жители, въ томъ числѣ и еврейскаго исповѣданія, были оповѣщены Генералъ-Губернаторомъ, Графомъ Чернышевымъ, какъ о вступленіи ихъ въ русское подданство, такъ и о дарованіи имъ правъ русскаго гражданства, въ равной мѣрѣ, съ прочими подданными государства. Упущеніе изъ вида этихъ актовъ не дало бы возможности составить вполнѣ правильную характеристику той политики, какой держалась Императрица Екатерина Великая, относительно своихъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, въ теченіи всего своего царствованія, до появленія, въ послѣднихъ его годахъ, ограничительныхъ постановленій, проведенныхъ правительствомъ въ Именныхъ указахъ 23 Декабря 1791 и 23 Іюня 1794 годахъ и положившихъ основаніе существующей нынѣ чертѣ осѣдлости евреевъ, ограничивающей ихъ права жительства, торговли и промысловъ въ Россіи.

Что касается нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ или спеціальныхъ предметовъ, то пособія ограничены лишь 1) общеизвѣстными источниками, по части Русской Исторіи, какъ то: лѣтописными разсказами, Исторіею Государства Россійскаго Карамзина, и свѣдѣніями, имѣющимися въ Русскомъ Архивѣ; 2) сочиненіемъ профессора С.-Петербургскаго Университета Бершадскаго „Литовскіе евреи", и 3) „Матеріалами" бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ, а также нѣкоторыми данными, имѣющимися въ „Трудахъ" Губернскихъ, по еврейскому вопросу, Коммисій.

Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, касающіяся гражданскаго

положенія евреевъ въ заграничныхъ государствахъ, почерпнуты изъ „Allgemeine Encyclopäedie der Wissenschaften und Künste“, изд. А. Г. Гофмана, 1850 г., въ части подъ словомъ: Iuden, а также „Die früheren und gegenwaertigen Verhaeltnisse der Iuden in den saemtlichen Landestheilen des Preussichen Staates, von Ludvig von Roenne (Kammer-Gerichts-Rathe) und Heinrich Simon (Ober-Landes-Gerichts-Assessor).

Относительно самаго изложенія настоящаго труда, приняты порядокъ и способъ, соотвѣтствующіе его цѣли, заключающейся, какъ сказано выше, въ возможно тщательнѣйшемъ разъясненіи, въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ и постановленій, *причинъ или мотивовъ*, служившихъ, для правительства, поводами къ принятію того или другаго образа дѣйствія, по отношенію къ евреямъ. Вслѣдствіе этого, признано удобнѣйшимъ раздѣлить трудъ на двѣ части. Первая обнимаетъ собою періодъ времени, продолжающійся до вступленія на престолъ Императора Павла I, въ каковомъ періодѣ установились начала *репрессивной политики* относительно евреевъ. Вторая часть обнимаетъ два царствованія: Императоровъ Павла I и Александра I, т. е. періодъ времени, непосредственно предшествовавшій нынѣ дѣйствующему о евреяхъ законодательству и изображающій послѣдствія водворившихся въ государственной сферѣ вышесказанныхъ началъ *репрессивной* или *ограничительной*, относительно ихъ, политики.

Ноября 1885 г.

Торговыя права евреевъ въ Россіи зависѣли прежде, зависятъ и теперь, отъ общаго ихъ положенія въ государствѣ.

Поэтому, говоря объ этихъ правахъ, нельзя не коснуться и всѣхъ вообще ихъ правъ, а также и тѣхъ ограниченій, кои установлены дѣйствующимъ о евреяхъ законодательствомъ.

Только при разсмотрѣніи, въ взаимной связи и послѣдовательности, всей совокупности содержащихся въ этомъ законодательствѣ постановленій и причинъ, ихъ вызвавшихъ, можно прійти къ тѣмъ или другимъ выводамъ и заключеніямъ, относительно необходимости сохраненія существующихъ ограниченій, или возможности тѣхъ или другихъ мѣръ ограниченія.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что вопросъ о занятіи евреями торговлею и промыслами въ Россіи тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ объ *удержаніи* или измѣненіи нынѣ дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній и постановленій.

Но такъ-какъ причины исключительнаго образа дѣйствій правительства, по отношенію къ евреямъ, имѣютъ свое начало въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ нынѣ дѣйствующему о нихъ законодательству, то для того, чтобы прійти къ возможно правильнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ о значеніи сего законодательства и его соотвѣтственности съ дѣйствительными въ немъ потребностями государства, необходимо подвергнуть, предварительно, разсмотрѣнію законодательныя и правительственныя мѣры, какъ *до*, такъ и *послѣ* вступленія евреевъ въ русское подданство.

Возможно-обстоятельное изложеніе этихъ мѣръ, съ первыхъ моментовъ ихъ появленія, и мотивовъ, на которыхъ онѣ были основаны, будетъ содержать *фактическую сторону дѣла*, которая дастъ возможность уяснить себѣ, ближайшимъ образомъ, какъ настоящіе поводы дѣйствія правительства, по отношенію къ евреямъ, такъ равно

и то, въ какой степени эти поводы оправдывались прежде, оправдываются и нынѣ, съ точки зрѣнія государственной пользы и его практическихъ интересовъ, въ *торговомъ, промышленномъ и финансовомъ* отношеніяхъ, а также съ точки зрѣнія надлежащей *справедливости*.

I.

(Періодъ отъ Царя Алексія Михаиловича до Императора Павла I).

До разрѣшенія Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II, 16-го Ноября 1769 года, евреямъ, присланнымъ изъ дѣйствовавшей въ Турціи арміи, права поселенія въ Новороссійскомъ краѣ и присоединенія къ Россійской Имперіи, въ 1772 году, Бѣлорусскаго края [1]), въ предѣлахъ русскаго государства не было евреевъ, которые состояли бы въ его подданствѣ и за которыми были-бы формально признаны права русскаго гражданства.

Но изъ этого нельзя еще заключить, чтобы въ древней Руси, а затѣмъ и въ самомъ русскомъ государствѣ, задолго до присоединенія Бѣлорусскаго края, не было, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, какъ временно пріѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреевъ.

Напротивъ, изъ имѣющихся о евреяхъ въ древней Руси вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, какъ въ общеизвѣстныхъ историческихъ источ-

---

[1]) Въ Польшѣ и бывшихъ ея провинціяхъ, евреи поселились цѣлыми массами и имѣютъ осѣдлость, начиная съ IX столѣтія по Р. Х., т. е. около *тысячи лѣтъ*. Еще въ 905 году, Польскимъ правительствомъ были изданы правила, опредѣлявшія ихъ гражданское положеніе тамъ, съ нѣкоторыми даже преимуществами передъ прочими жителями, относительно суда и защиты отъ рыцарей и рыцарства. Въ 1264 году, т. е. болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, Калишскимъ княземъ Болеславомъ издана, имѣвшая громкую извѣстность, „привилегія евреямъ“, которая опредѣляла ихъ положеніе, не только въ Польшѣ, но и въ сосѣднихъ съ нею западно-славянскихъ странахъ. До начала XV столѣтія, евреи пользовались въ Польшѣ и ея провинціяхъ совершеннымъ спокойствіемъ и полнымъ благосостояніемъ, подъ покровительствомъ династіи Пястовъ. Но по прекращеніи этой династіи, евреи подвергались сильнымъ гоненіямъ и въ Польшѣ, а затѣмъ, при Ягеллонахъ, ихъ права стали подвергаться разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ, продолжавшимся до послѣдняго времени политическаго существованія Польши, т. е. около трехъ вѣковъ (очеркъ прав. и общ. пол. евр., предст. Намѣстн. Царства Польскаго. Матеріалы Ком. по устр. быта евр., ч. II, ст. 145 и слѣд.). Въ Остзейскомъ краѣ евреи имѣютъ осѣдлость съ XVI столѣтія, т. е. теперь уже около трехсотъ лѣтъ (П. С. З. т. XXV, № 18,889, утвержд. Императоромъ Павломъ I докладъ Сената 11 Марта 1799 года).

никахъ *), такъ и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ **), усматривается, что еще до принятія, въ X столѣтіи, славянами христіанства и даже до переселенія, въ IX столѣтіи, массы евреевъ изъ Германіи въ Польшу, въ южной Руси, и преимущественно въ Кіевѣ, существовало осѣдлое населеніе евреевъ, которые проникли въ славянскія земли, а затѣмъ и въ Литву, изъ сосѣднихъ Хозарскихъ областей и греческихъ колоній въ Крыму, и которые, по всей вѣроятности, принадлежали къ числу зашедшихъ туда, въ первыя столѣтія по Р. Х., изъ Воспорскаго царства, въ Малой Азіи, чрезъ Кавказъ. Изъ Хозарскихъ же областей евреи могли, нерѣдко, приводиться славянскими племенами, въ числѣ плѣнныхъ, и разселяться ими по ихъ городамъ и вѣсямъ.

Живя тамъ, до и послѣ принятія кореннымъ населеніемъ христіанства, евреи занимались не одною только торговлею, но всѣми промыслами, какими занимались и туземные жители. Есть историческіе слѣды ***), что они вмѣшивались въ родовыя распри русскихъ князей, поддерживая одну партію противъ другой, за что подвергались преслѣдованіямъ недовольной ими стороны. Равнымъ образомъ, имѣются историческія свѣдѣнія и о томъ, что позднѣе, въ XV столѣтіи, съ образованіемъ, въ степяхъ южной Украйны (Малороссіи), казачества, они вступали въ ряды казаковъ и участвовали въ ихъ военныхъ подвигахъ ****), изъ чего, по аналогіи, можно заключить, что обитая, еще до того, болѣе семи вѣковъ, среди славянъ, они воевали, и въ прежнее время, вмѣстѣ съ ними, участвуя въ ихъ набѣгахъ и защитѣ ихъ земель отъ такихъ же набѣговъ непріятельскихъ племенъ. Фактъ участія евреевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ славянъ и литовцевъ, а также и днѣпровскихъ казаковъ, въ то даже время, когда они воевали съ московскимъ государствомъ, усматривается, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что евреи встрѣчались въ числѣ военно-плѣн-

---

*) Карамзина „Исторія Госуд. Россійск.“, см. мѣста, отмѣч. въ указателѣ подъ словомъ „Евреи“. Иловайскаго: Исторія Россіи „Введеніе“, стр. 266—267, а также стр. 141, 147, 185 и сл. **) Профес. Малышевскаго, въ „Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи“ 1878 г.; Гаркави, въ „журн. Мин. Нар. Просвѣщ.“, за Іюль 1879 г. и въ „Трудахъ Импер. Археол. Общ.“.

***) См. лѣтописные разсказы о призваніи Владиміра Мономаха въ Кіевъ по смерти Святополка.

****) Вопросы и отвѣты рав. Іогеля-Серкеса (Баха) и такіе же вопросы и отвѣты рав. Мейера Люблинскаго, напечатанные на еврейскомъ языкѣ, первые во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1697 г., а вторые въ Венеціи, въ 1618 году, переведенные на русскій языкъ служащимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Г. Гаркави. См: также „Акты“, изданные Виленскою Археограф. Ком., т. V, стр. 173.

*

ныхъ. Это подтверждается, отчасти, и приведеннымъ ниже государственнымъ актомъ 1655 года, изъ котораго видно, что при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, во время его войны съ Польшею, въ числѣ военно-плѣнныхъ литовцевъ, присланныхъ въ Калугу, были и евреи. Есть даже свѣдѣнія о евреяхъ, убитыхъ въ числѣ казаковъ, во время ихъ стычекъ съ непріятелемъ *).

Вообще, изъ историческихъ данныхъ о евреяхъ въ древней Руси видно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ случаевъ возстаній противъ евреевъ, во время родовыхъ распрей между князьями, или въ первыя времена распространенія среди славянъ христіанства, когда обращеніе въ него не только язычниковъ, но и тѣхъ, кои не рѣшались добровольно его принять, признавалось необходимымъ, для успѣховъ распространенія христіанства,—нѣтъ слѣдовъ, чтобы въ обычаѣ русскихъ славянъ было принятіе какихъ либо ограничительныхъ мѣръ, относительно гражданскихъ и политическихъ правъ жившихъ среди ихъ евреевъ.

Вслѣдствіе этого, евреи, въ теченіи многихъ столѣтій, пользовались тамъ совершенною равноправностью съ прочими жителями, и въ этомъ отношеніи, монгольское иго ни въ чемъ не измѣняло существовавшаго порядка вещей.

При такихъ условіяхъ первоначальнаго существованія евреевъ, въ древней Руси и Литвѣ, они хотя и оставались тверды въ исповѣданіи своего іудейскаго закона, но съ теченіемъ времени на столько освоились и ассимилировались, въ нравахъ и обычаяхъ, съ славянами, среди которыхъ жили, что въ разговорной своей рѣчи употребляли славянскій языкъ и носили даже славянскія мужскія и женскія имена **).

Такъ это продолжалось до той поры, пока эти евреи не слились съ массою евреевъ, переселившихся въ Польшу изъ Германіи и не

---

*) Съ точки зрѣнія предубѣжденій противъ евреевъ, которыя распространяются въ народѣ, эти факты могутъ показаться выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; но они не должны, въ дѣйствительности, удивлять кого либо, такъ какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, во время различныхъ войнъ иностранныхъ державъ между собою, особенно въ послѣднія войны, евреи, наполняя собою ихъ арміи и достигая въ нихъ высшихъ воинскихъ чиновъ, не исключая генеральскихъ, имѣли уже неоднократный случай ознаменовать себя воинными подвигами, сражаясь каждый въ рядахъ войскъ своей страны (см. ниже).

**) „Объ языкѣ евреевъ“ жившихъ въ древнее время на Руси, изслѣд. Гаркави. Спб. 1866 г. и “Литовскіе евреи“, соч. Проф. С.-Петерб. Унив. Бершадскаго, стр. 395.

подверглись, вмѣстѣ съ ними, гоненіямъ, а затѣмъ и ограниченіямъ въ правахъ, начиная съ XV столѣтія, по прекращеніи покровительствовавшей имъ династіи Пястовъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что русскіе славяне пришли въ бытовыя соотношенія съ евреями, по всей вѣроятности, даже ранѣе, чѣмъ славяне польскіе, и что первые изъ нихъ, будучи гораздо вѣротерпимѣе послѣднихъ, вовсе не чуждались, первоначально, евреевъ, которые, въ свою очередь, не чуждались славянъ, даже во времена ихъ язычества, не взирая на то, что вышедшіе изъ Азіи евреи принадлежали, подобно ихъ единовѣрцамъ, переселившимся изъ Германіи, къ числу тѣхъ, которые строго слѣдовали ученію раввиновъ и талмуду [1]).

Поэтому, въ виду согласія, въ какомъ эти евреи, вообще, жили съ славяно-русскими и литовскими племенами, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, а также судя по времени, въ которое встрѣчались рѣдкіе случаи мѣстныхъ возстаній противъ евреевъ на Руси, подобныя явленія было бы весьма ошибочно приписывать племенной или такъ называемый *расовой* враждѣ къ нимъ славянъ или даже какой либо ихъ преимущественной къ нимъ, предъ прочими нехристіанами, религіозной неприязни. Равнымъ образомъ, несправедливо и ошибочно было бы приписывать неистовства, въ XVII столѣтіи, надъ евреями Запорожскихъ казаковъ, особой религіозной неприязни къ евреямъ всего малороссійскаго народа; такъ-какъ неистовства тѣ происходили во время войнъ Запорожцевъ съ поляками, которыя сопровождались, какъ извѣстно, неимовѣрными жестокостями, съ обѣихъ сторонъ, и въ которыхъ евреи поддерживали, естественно, сторону поляковъ, будучи тѣсно связаны съ ними экономическими интересами, вслѣдствіе содержанія на ихъ земляхъ арендъ и нахожденія съ ними въ другихъ денежныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Изъ государственныхъ актовъ, которые приведены ниже, можно достаточно убѣдиться, что малороссійскій народъ и сами казаки, въ мирное время, вовсе не чуждались евреевъ, въ той степени, какъ это предполагаютъ многіе, основываясь, исключительно, на предвзятыхъ о евреяхъ взглядахъ и понятіяхъ.

---

[1]) Какъ это видно, между прочимъ, изъ письма Хозарскаго царя Іосифа (около 960 г. по Р. Х.), старинная копія съ коего хранится въ С.-Петерб. Импер. Публичн. Библ.—Извѣстія о Хозарахъ и другихъ народахъ, въ томъ числѣ о славянахъ и руссахъ, Проф. Спб. Унив. А. Хвольсона, 1869 г., стр. 56.

Особенно заслуживаетъ вниманіе тотъ фактъ, что на Руси, какъ до образованія московскаго государства, такъ и послѣ того, не было примѣровъ гоненій на евреевъ, которыя были бы вызваны по поводу какихъ либо попытокъ съ ихъ стороны, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, къ совращеніямъ христіанъ въ свою вѣру. Весьма темное дѣло, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о евреѣ Борухѣ, обвинявшемся въ совращеніи, будто, флота капитанъ-лейтенанта Возницына, представляется такимъ единичнымъ случаемъ, который, какъ будетъ объяснено ниже, не можетъ имѣть значенія достовѣрнаго повода къ обвиненію евреевъ въ стремленіяхъ къ прозелитизму.

Что касается, такъ называемой «жидовской ереси», появившейся въ Москвѣ, при царѣ Іоаннѣ III, то и это обстоятельство не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ взведенію на евреевъ подобныхъ обвиненій.

О сущности этой ереси и виновникахъ ея происхожденія существовали, и въ то время, весьма темныя и сбивчивыя понятія. Хотя въ народѣ носился разсказъ, что причиною ея возникновенія былъ нѣкій жидъ Захарій, прибывшій въ Новгородъ изъ Кіева; но разсказъ этотъ не подтверждался тогда, не подтвердился и впослѣдствіи, никакими положительными данными. Между тѣмъ, изъ историческихъ свѣдѣній объ этой сектѣ извѣстно, что она образовалась въ Москвѣ отъ ереси «стригольниковъ», появившейся въ Новгородѣ въ XIV столѣтіи. При чемъ, несомнѣнно, что въ обѣихъ этихъ ересяхъ были замѣшаны многія лица изъ православнаго духовенства, даже высшаго, такъ, напримѣръ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, любимецъ Іоанна III, и архимандритъ Симонова монастыря, Зосимъ, возведенный въ санъ митрополита. Жидовская ересь въ Москвѣ нашла себѣ партію еще и потому, что имѣла сильную поддержку въ лицѣ невѣстки Іоанна III, Еленѣ, женѣ его сына Іоанна молодаго и дочери молдавскаго господаря.

Не взирая на жестокія казни, какимъ подверглись въ то время, уличенные въ этой ереси изъ людей, отпавшихъ отъ православія [1]) и на ея названіе «жидовской», она прошла безъ всякихъ тогда послѣдствій для евреевъ; такъ-какъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы по этому

---

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ были всенародно сожжены въ клѣткѣ, нѣкоторымъ были отрѣзаны языки, а весьма многіе были заключены въ тюрьму или разосланы по монастырямъ. Учеб. Рус. Истор. Иловайскаго для курс. старш. возр.

поводу были приняты, одновременно, какія либо мѣры строгости, относительно ихъ пріѣзда въ московское государство и пребыванія въ немъ, что, само собою, свидѣтельствуетъ, что ни въ народѣ, ни въ правительствѣ, не существовало тогда твердаго убѣжденія о виновности въ той ереси именно евреевъ [1]).

Вообще, нѣкоторое время, по образованіи московскаго государства, а затѣмъ и Русскаго царства, евреи не были въ немъ предметомъ какихъ либо особыхъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій; такъ-какъ края и области древней Руси, гдѣ евреи имѣли осѣдлость и куда они временно пріѣзжали, для торговли, изъ другихъ странъ, какъ-то: Малороссія, Кіевская Русь, Смоленскъ и другіе города и провинціи, находились, какъ извѣстно, еще подъ владычествомъ Литвы и Польши и не входили, первоначально, въ составъ территоріи русскаго государства.

Но съ присоединеніемъ къ Россіи, отъ Польши, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, начиная съ 1656 года, Вильно, Ковно, Гродно, Малой и Бѣлой Руси, а по Андрусовскому перемирію, Смоленска, части Запорожья на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Малороссіи, и города Кіева, а въ 1681 году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ—всей Украйны и Запорожья,—въ юго-западныхъ частяхъ расширившейся, такимъ образомъ территоріи русскаго государства, оказались мѣстности, гдѣ, въ городахъ и селахъ было уже болѣе или менѣе значительное число, какъ заѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреевъ, хотя тѣ и другіе были ограничены польскимъ правительствомъ въ ихъ правахъ жительства и торговли, на основаніи статутовъ и привилегій, данныхъ разнымъ городамъ или отдѣльнымъ народностямъ, какъ напримѣръ: Малороссіи, Кіеву, Вильно, Могилеву, и проч.

Такіе польскіе статуты и привилегіи, первое время, какъ извѣстно, были оставляемы русскимъ правительствомъ въ полной ихъ силѣ, безъ изгнанія евреевъ изъ предѣловъ русской территоріи, хотя и безъ

---

[1]) Тоже самое можно сказать и о сектѣ „Субботниковъ“, обнаруженной гораздо позднѣе, а именно, въ 1818 году, при Императорѣ Александрѣ I, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, внѣ черты осѣдлости евреевъ. Хотя она и была прозвана сектою „іудействующихъ“ или „жидовскою“; но, какъ будетъ объяснено ниже, причины ея возникновенія слѣдуетъ отнести къ появившимся въ Россіи, вмѣстѣ съ иностранными колонистами, различнымъ христіанскимъ свободнымъ сектамъ и толкамъ, но никакъ не къ евреямъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ судимъ и уличенъ за ея распространеніе.

признанія, въ тоже время, за кѣмъ либо изъ нихъ правъ на русское подданство.

Поэтому, въ царствованіе Алексія Михайловича встрѣчаются уже слѣды правительственныхъ мѣръ и распоряженій, относительно евреевъ, но они были ихъ предметомъ только въ качествѣ заѣзжихъ чужеземцевъ, о принятіи которыхъ въ русское подданство невозбуждалось и вопроса, хотя, въ то же время, не отрицалось за ними право и на постоянную въ Россіи осѣдлость

Что касается принятаго, вообще, съ того времени, русскимъ правительствомъ образа дѣйствій, въ отношеніи иновѣрцевъ еврейскаго закона, то онъ зависѣлъ, отчасти, отъ установившихся уже тогда общихъ взглядовъ на отношенія русскаго государства къ греко-восточной православной церкви, какъ къ господствующему въ немъ исповѣданію, отчасти же, отъ проникшихъ въ правительственную среду особыхъ на евреевъ воззрѣній, составившихся, заранѣе, въ христіанскомъ мірѣ средневѣковаго времени.

Признавая себя и признаваясь церковью блюстителемъ православія, государство наше, въ лицѣ правительства, являлось, какъ извѣстно, усерднымъ ревнителемъ вѣры. Съ одной стороны, огражденіе народа отъ соблазновъ совращенія въ чужія вѣры, а съ другой стороны, обращеніе въ православіе невѣрныхъ—были, въ то время, главными предметами государственныхъ заботъ и попеченій о благѣ народа.

Эту ревность къ религіознымъ интересамъ православія, съ самаго начала образованія московскаго государства, ощущали на себѣ всѣ вообще иновѣрцы, не принадлежавшіе къ господствующему греко-восточному исповѣданію, преимущественно же раскольники, или отщепенцы отъ православія, и иновѣрцы не христіанскихъ исповѣданій, которымъ было тогда присвоено, обычаемъ и закономъ, общее названіе «*бусурманъ*». Отъ большей или меньшей степени вѣротерпимости къ тому или другому иновѣрному исповѣданію и выбора средствъ къ огражденію и распространенію православія, зависѣлъ и, болѣе или менѣе строгій, характеръ мѣръ, относительно раскольниковъ и иновѣрцевъ. Извѣстно, напримѣръ, что при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, самымъ строгимъ мѣрамъ преслѣдованія подвергались, со стороны правительства, не столько иновѣрцы, сколько раскольники, какъ люди, отпавшіе отъ православія.

Что касается «бусурманъ», то изъ нихъ евреи, какъ вообще олицетворявшіе собою, въ религіозныхъ созерцаніяхъ христіанъ, тѣхъ, ко-

торые распяли Христа, должны были, естественно, вселять къ себѣ въ ревнителяхъ православія чувство особой религіозной непріязни,—чувство, отрѣшиться отъ котораго, въ то время, представлялось, для нихъ, конечно, затруднительнымъ, потому-что оно находило себѣ пищу въ общихъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ, которые поддерживались и въ высшихъ классахъ, весьма малою, въ то время, и въ нихъ степенью развитости общаго образованія.

Обратиться, поэтому къ ближайшимъ изслѣдованіямъ о евреяхъ, правительство не имѣло тогда возможности, да не ощущало и особой въ томъ надобности, не предвидя, конечно, что русскому государству придется, нѣкогда, имѣть въ своемъ подданствѣ болѣе, чѣмъ трехмилліонное населеніе евреевъ.

Вслѣдствіе этого, перешедшія изъ западной европы, преимущественно, изъ католическихъ странъ, созерцательныя воззрѣнія на евреевъ, какъ на племя, подлежащее различію въ правахъ съ прочими гражданами, укоренились и въ нашей правительственной сферѣ, хотя видимо состояли въ противорѣчіи и борьбѣ съ тѣми на евреевъ бытовыми воззрѣніями, какія существовали, въ прежнее время, на Руси, среди славянскихъ племенъ.

Однимъ изъ дѣйствій перехода въ нашу правительственную сферу непріязненыхъ религіозныхъ воззрѣній на евревъ было то, что названіе «жидъ», употреблявшееся въ прежнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, по однимъ лишь природнымъ свойствамъ языка, стало пріобрѣтать какъ бы бранное значеніе и употребляться въ неблагопріятномъ смыслѣ для евреевъ; такъ какъ съ этимъ именемъ начали у насъ соединять уже, какъ бы понятіе о человѣкѣ низкомъ, презрѣнномъ, коварномъ, все племя котораго, за предаціе и распятіе Христа, осуждено находиться подъ вѣчною карою самого Бога. Не взирая на смыслъ, какой, такимъ образомъ, получило слово «жидъ», евреи именовались «жидами» во всѣхъ почти государственныхъ актахъ и оффиціальныхъ бумагахъ того времени, легко быть можетъ, съ умысломъ внушенія къ евреямъ чувствъ презрѣнія [1]), такъ-какъ на ряду было другое для нихъ, болѣе соотвѣтствующее названіе «евреянъ» или евреевъ.

---

[1]) Наименованіе евреевъ въ офиціальныхъ бумагахъ „жидами“, а ихъ вѣру „жидовскою“, именно съ этою цѣлію, имѣетъ примѣры и въ новѣйшее время. Такъ въ 1819 г. въ царствованіе Императора Александра I, по поводу возникшаго вопроса о мѣрахъ противъ секты „субботниковъ“, появленіе которой, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи,

Неблагопріятныя понятія и взгляды на евреевъ, какъ на «жидовъ», поддерживались, отчасти, и особенностями польскаго ихъ типа, который выработался подъ вліяніемъ вѣковыхъ гоненій, какія были воздвигнуты на нихъ, среди христіанскаго населенія, со временъ крестовыхъ походовъ, сперва на западѣ, а потомъ и въ самой Польшѣ, начиная съ XV столѣтія, съ возшествіемъ на престолъ династіи Ягеллоновъ. Этотъ типъ носилъ на себѣ отпечатокъ особой отчужденности и отличалъ евреевъ рѣзкими чертами отъ прочихъ людей, по наружному виду, одеждѣ, нарѣчію, обычаямъ и нравамъ, а также приниженію, свойственному людямъ низшихъ классовъ, не пользующихся прочнымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Занятія евреевъ заключились, преимущественно, въ мелкой торговлѣ и промыслахъ, вслѣдствіе оттѣсненія ихъ отъ земледѣлія и сельскихъ занятій самимъ польскимъ правительствомъ (см. ниже).

Все это было послѣдствіемъ четырехвѣковаго гнета надъ евреями въ Польшѣ и тѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя постоянно держали ихъ въ зависимости отъ личнаго произвола, не только властей, но польскихъ магнатовъ, шляхты, ксендзовъ и даже горожанъ, которымъ часто давались привилегіи на изгнаніе евреевъ изъ городовъ. Польское правительство само пріучало ихъ, такимъ образомъ, къ скитальческой жизни и неопредѣленному роду занятій, сопряженному съ непрочною осѣдлостію и отсутствіемъ увѣренности въ неприкосновенности правъ собственности на недвижимое имущество.

Поэтому, хотя между евреями всегда было много личностей вполнѣ достойныхъ, способныхъ и даже замѣчательныхъ по своему уму, познаніямъ и трудамъ производительнаго свойства и полезнымъ, но видъ ихъ общаго типа, съ какимъ они появились и на русской территоріи, какъ бы нагляднымъ образомъ подтверждалъ составившееся о нихъ заранѣе общее предубѣжденіе, относительно того, что они «жиды», исповѣдуютъ враждебную для христіанства вѣру, стремятся къ къ отчужденной отъ христіанъ жизни, ненавидятъ производительный

приписывалось евреямъ, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, была предложена, между прочимъ мѣра, принятая Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ, и заключавшаяся въ томъ, чтобы мѣстному начальству было предписано „въ оффиціальныхъ сношеніяхъ“ именовать сказанную секту „жидовскою“, а ея послѣдователей „жидами“, на тотъ именно конецъ, какъ сказано въ запискѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы вселить въ народѣ отвращеніе къ ней (П. С. З. XL. № 30,436, п. 13).

трудъ и прочную осѣдлость, что они, вообще не способны къ военному поприщу, требующему мужества и развитія физическихъ силъ, и вслѣдствіе всего этого, недостойны и пользоваться въ обществѣ и государствѣ одинаковымъ положеніемъ съ прочими жителями.

Замѣчавшаяся же, вообще, въ еврейскихъ массахъ религіозная преданность къ обрядамъ ихъ вѣры давала о нихъ понятіе, какъ объ особомъ народѣ, имѣвшемъ крѣпкую, какъ бы ничѣмъ не устранимую, племенную и религіозную сплоченность и наводила на мысль, что причины отчужденнаго состоянія евреевъ скрываются, главнымъ образомъ, въ ихъ вѣроученіи, которое, по своему содержанію и духу, должно непремѣнно быть враждебнымъ христіанству и его нравственнымъ началамъ.

Такія понятія поддерживались и распространялись въ народѣ, преимущественно, въ высшихъ его класахъ, іезуитами и фанатиками изъ польско-католическаго духовенства, стремившихся всячески возбуждать власти противъ евреевъ, утверждая, что въ нихъ и ихъ вѣроученіи дѣйствительно скрываются сильные элементы противодѣйствія христіанству, съ склонностію къ прозелитизму и пропагандѣ своей вѣры [1]). Оттуда понятія эти проникли и въ нашу высшую среду, изъ которой происходили бояре и сановники, окружавшіе царя и имѣвшіе, во время войнъ съ Польшею, случаи видѣть собственными глазами типъ загнаннаго и жившаго въ отчужденномъ состояніи еврея.

Это же было главною причиною, почему въ высшемъ кругѣ лицъ того времени, болѣе или менѣе близко стоявшихъ у кормила правленія, составилось и установилось понятіе, что евреи, по ихъ закону, суть первые враги христіанства, что при частыхъ столкновеніяхъ съ ними народа, ему можетъ грозить опасность «жидовской ереси» и что, наконецъ, евреи, и по ихъ племеннымъ качествамъ и свойствамъ, не могутъ и не должны, какъ бы по небесному о томъ предопредѣленію, пользоваться одинаковыми правами съ прочими людьми. Отсюда, въ правительствѣ проявлялось, иной разъ, чувство какой-то безотчетной религіозной непріязни къ евреямъ, какъ ненавистнымъ для христіанства «жидамъ» и поддерживалось убѣжденіе, что всего благоразумнѣе и полезнѣе для государства было бы избѣгать, по возможности, всякихъ съ ними сношеній.

---

[1]) „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ". Профес. Спб Унив. Д. А. Хвольсона, 1880 г., стр. 135 и др.

Поэтому, представители правительственной власти были, нерѣдко, склонны къ закрытію евреямъ доступа въ государство и къ ихъ изгнаніямъ изъ его предѣловъ. Принесеніе, въ этомъ случаѣ, въ жертву матеріальныхъ пользъ и выгодъ страны признавалось дѣломъ усердія и ревности къ православію и лучшимъ средствомъ къ побужденію евреевъ не упорствовать въ ихъ вѣрованіяхъ.

При такихъ условіяхъ, казалось, что всѣ слѣды прежней вѣротерпимости къ евреямъ должны были бы у насъ исчезнуть, и въ правительствѣ и въ народѣ, и что съ образованіемъ русскаго царства, надъ личностью и достояніемъ евреевъ должны были бы повториться всѣ ужасы средневѣковыхъ гоненій.

Между тѣмъ, ничего подобнаго не произошло. Не взирая на преобладаніе, въ то время, предубѣжденій противъ евреевъ, на сильную степень религіозной непріязни къ нимъ, государственная мудрость нашихъ царей, значительнѣйшая, сравнительно съ католицизмомъ, вѣротерпимость нашей православной церкви, въ лицѣ высшаго ея духовенства, и природная склонность къ такой же вѣротерпимости всего славянскаго племени, соединенная съ практическимъ смысломъ, чуждымъ слѣпаго фанатизма католическихъ странъ, брали постоянно верхъ надъ суровостью религіозныхъ взглядовъ, господствовавшихъ, вообще, по отношенію къ иновѣрцамъ.

Подъ вліяніемъ евангельскаго ученія, сохранившагося въ лонѣ православія, во всей его чистотѣ, общечеловѣческое чувство къ еврею, какъ человѣку, имѣющему, подобно всѣмъ людямъ, естественное право на жизнь и свое достояніе, а слѣдовательно и на охрану со стороны закона и власти, никогда не изглаживалось въ самыхъ усердныхъ ревнителяхъ православія, изъ представителей правительственной власти.

Поэтому, до еврейскихъ погромовъ, которые приключились въ наше время и причины которыхъ еще достаточно не разъяснены, въ нашемъ государствѣ никогда не встрѣчались тѣ ужасы поголовнаго истребленія евреевъ, огнемъ и мечемъ, безъ различія пола и возраста, какіе были порожденіемъ грубаго фанатизма въ католическихъ странахъ. При внимательномъ же изученіи нашихъ законодательныхъ источниковъ, нельзя не усмотрѣть, что въ то даже время, когда въ правительствѣ преобладала религіозная идея безусловнаго освобожденія православной среды отъ присутствія въ ней еврейскаго элемента, напримѣръ, въ царствованія Екатерины I, Анны Іоанновны и пр., всѣ мѣры строгости, принимавшіяся въ отношеніи евреевъ, носили на себѣ

отпечатокъ несравненно болѣе здравой и гуманной политики, чѣмъ на западѣ, во время господства тамъ той же религіозной идеи. Мѣры эти отличались *во-первыхъ*, осторожностію, такъ какъ ихъ принятіе предоставлялось не самосуду и расправѣ самого народа, а исключительно лишь верховной власти, особенно же въ случаяхъ поголовнаго ихъ изгнанія изъ государства. Правительственная мѣра такого изгнанія, коль скоро она признавалась необходимою, приводилась въ исполненіе, не иначе, какъ по Царскому на то, каждый разъ, указу, въ извѣстномъ порядкѣ, а именно, посредствомъ высылокъ за «рубежъ» (за границу), съ помощію законныхъ властей и безъ конфискаціи имущества, за исключеніемъ развѣ русской звонкой монеты, которую, не безъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, основаній, признавалось полезнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, отбирать у евреевъ, но не иначе, какъ съ вознагражденіемъ ихъ за нее другими цѣнностями. Этимъ, во всякомъ случаѣ, сохранялось въ народѣ чувство уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ евреевъ на жизнь и достояніе и предупреждались случаи народныхъ противъ нихъ возстаній, сопровождавшихся обыкновенно, поголовными ихъ избіеніями и разграбленіемъ ихъ имущества, такъ, какъ это часто происходило на Западѣ. *Во-вторыхъ*, такія мѣры строгости, въ отношеніи евреевъ отличались значительными уступками въ ихъ пользу, когда отъ торговыхъ сношеній съ евреями предвидѣлась какая либо мѣстная или общая для государства польза. Исключительный случай безусловной неуступчивости, въ этомъ отношеніи, со стороны правительства, изъ чисто религіозныхъ побужденій, встрѣтился лишь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая не допускала евреевъ въ Россію, въ теченіи почти всего своего царствованія. Но случай этотъ былъ единственный, въ тотъ даже періодъ времени, когда по незначительному у насъ числу евреевъ и несостоянію ихъ еще въ русскомъ подданствѣ, ихъ допущеніе или недопущеніе въ Россію могли еще, въ извѣстной степени, зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія правительства.

Слѣды политической терпимости къ евреямъ нашихъ государей усматриваются изъ законодательныхъ актовъ нашего государства, начиная съ Царя Алексія Михаиловича.

Изъ предпосланнаго, въ его Уложеніи 1649 г., къ содержащимся въ немъ 25 главамъ, вступленія, видно, что Уложеніе это составлено и начертано подъ непосредственнымъ руководствомъ Патріарха и всего Священнаго Собора, согласно съ духомъ правилъ Святыхъ Апостоловъ

и Святыхъ Отцевъ. Царь Алексій Михаиловичъ, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу самыхъ строгихъ и усердныхъ ревнителей Православія. Все его вниманіе было сосредоточено, преимущественно, на огражденіи Православія отъ расколовъ и ересей и совращеній въ нихъ. Фактъ появленія при немъ на русской территоріи евреевъ, въ немаломъ уже числѣ, былъ вполнѣ извѣстенъ, какъ ему, такъ и святителямъ церкви, руководствовавшимъ его въ составленіи Уложенія.

Между тѣмъ, въ этомъ законодательномъ памятникѣ не встрѣчается никакихъ положительныхъ и безусловныхъ воспрещеній, относительно всякаго рода сношеній съ евреями, въ общественномъ быту. Установивъ жестокую казнь, а именно сожженіе огнемъ, «безъ всякаго милосердія», за насильственное или обманное принужденіе, «бусурманомъ» «русскаго человѣка», къ совращенію изъ Православія и обрѣзанію, Уложеніе Царя Алексія Михаиловича не дѣлаетъ, въ этомъ отношеніи, никакого различія собственно для евреевъ. Жестокая казнь за вышесказанное преступленіе относилась, поэтому, столько же къ нимъ, сколько и къ магометанамъ, вѣроученію которыхъ, какъ извѣстно, присущъ тоже обрядъ обрѣзанія (Улож. гл. XXII, ст. 24). То же самое можно сказать и о 70 ст. XX главы того же Уложенія. Хотя она содержитъ въ себѣ строгое воспрещеніе «русскимъ людямъ» жить въ домахъ у иноземцевъ некрещеныхъ и находиться у нихъ въ услуженіи, по крѣпостямъ или добровольно; но это, равнымъ образомъ, не относится, исключительно, къ однимъ только евреямъ, а къ иновѣрцамъ всѣхъ, вообще, нехристіанскихъ исповѣданій. Къ тому же, по существу этого воспрещенія и изъ имѣющихся о немъ въ той же статьѣ Уложенія объясненій видно, что оно имѣло своею побудительною причиною не пресѣченіе всякихъ сношеній съ нехристіанами по дѣламъ гражданскаго оборота, но только религіозную цѣль огражденія православныхъ отъ раздѣленія пищи и домашнихъ общеній съ некрещеными, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ о правовѣріи или ортодоксіи, могли осквернять православнаго и препятствовать его душеспасенію [1]). Изъ этого выводится прямое заключеніе, что при всей ре-

[1]) Вѣдомо учинилось, сказано въ 70 ст. XX гл. Уложенія, что по Москвѣ и въ городѣхъ у иновѣрныхъ у некрещеныхъ иноземцевъ служать православные христіане и тѣмъ православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе и многіе безъ покаянія, безъ отцовъ духовныхъ помираютъ, и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ ѣдятъ невѣлѣнно»... Извѣстно, что такія же обратно понятія объ общеніяхъ съ иновѣрцами имѣютъ и многіе изъ нехристіанъ, признающихъ себя правовѣрными, какъ-то: турки, татары, евреи и т. п.

лигіозной, въ то время, непріязни къ евреямъ или «жидамъ», ни Царь, ни окружавшее его духовенство, отнюдь не имѣли въ своихъ мысляхъ вносить эту непріязнь въ торговыя и другія дѣловыя сношенія съ евреями и лишать ихъ общаго огражденія законовъ, какъ людей, сношеніе съ которыми христіанину, внѣ домашняго быта, было бы безусловно вреднымъ и предосудительнымъ, а тѣмъ менѣе возбуждать православный народъ къ возстаніямъ противъ евреевъ и попранію всякихъ чувствъ къ ихъ общечеловѣческимъ правамъ.

Нѣкоторыя данныя, содержащіяся въ государственныхъ актахъ того времени, даютъ прямое основаніе предполагать и даже утверждать, что при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, въ русскомъ правительствѣ не существовало мысли о закрытіи для евреевъ доступа въ Русское государство и даже въ Москву. Это видно, между прочимъ, изъ Именнаго указа Царя Алексія Михаиловича 30 Іюля 7162 (1654) года, объявленнаго изъ Разряда Приказу Княжества Смоленскаго, въ которомъ предписывается въ Вяземскомъ уѣздѣ, по дорогѣ отъ Смоленска, учредить заставы, съ цѣлію задержанія и препровожденія къ Великому Государю бѣлорусскихъ крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ: Бѣльскаго, Смоленскаго и Дорогобужскаго; въ отношеніи же всѣхъ прочихъ проѣзжихъ по вышесказанной дорогѣ людей, буквально сказано: «а которые скажутся Мстиславскаго и иныхъ порубежныхъ городовъ Литовскіе люди, католицкія смяцкія вѣры и *Жиды*, и Мурзы и всякіе некрещеные люди, и тѣхъ пропущать къ Москвѣ». (П. С. З. т. I, № 135). Достовѣрно также и то, что Царь Алексій Михайловичъ, являвшійся столь усерднымъ ревнителемъ православія, не ощущалъ, однако, особаго страха и не видѣлъ для православія и народа особаго вреда отъ внѣдренія даже евреевъ въ своемъ государствѣ, волею державной своей власти. Это видно изъ того, что указомъ 7163 (1655) года повелѣно «литовскихъ людей и жидовъ», присланныхъ военно-плѣнными въ Калугу изъ Смоленска, князьями Трубецкимъ и Волконскимъ, отправить, для водворенія на жительство, въ Нижній-Новгородъ, который, въ то время, вслѣдствіе недавняго подвига Минина, считался городомъ доблестнымъ и пользовался чувствомъ особаго расположенія къ нему Царя и народа (П. С. З. т. I, № 148).

Хотя есть слѣды, что въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ, царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ оставлялись, временно, въ силѣ польскія привилегіи нѣкоторыхъ городовъ, предоставлявшія имъ, между прочимъ, право изгнанія евреевъ изъ своей черты, какова, на-

примѣръ привилегія г. Вильно, подтвержденная грамотою царя 1658 (7166) года (П. С. З. т. I, № 232); но это вызывалось еще политикою польскою, но никакъ не русскою. Весьма ошибочно было бы также придавать значеніе нашей политической нетерпимости къ евреямъ помѣщеніе въ законахъ того времени нѣкоторыхъ выраженій духовнаго смысла, такихъ, какія имѣются, напримѣръ, въ 109 статьѣ изъ «Новоуказанныхъ статей» царя Алексія Михаиловича 22 Января 1669 (7177) года, «о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ», гдѣ въ видѣ добавленія къ вышеупомянутой 24 статьѣ XXII главы Уложенія 1649 года, о казни «бусурманъ» за совращеніе изъ православія, сказано, между прочимъ, слѣдующее: «А въ градскихъ законѣхъ написано: Аще Жидовинъ, или Агарянинъ дерзнетъ развратить «отъ Христіанской вѣры Христіанина, повиненъ есть казни главнѣе; «а аще Жидовинъ Христіанина раба имый обрѣжетъ, да отсѣкутъ ему «главу». (П. С. З. т. I, № 441). Эти слова, какъ видно изъ текста, заимствованы изъ градскихъ греческихъ законовъ, слѣдовательно, изъ источника, чуждаго земли русской и, отчасти, даже нашей «помѣстной» Православной Церкви, чему доказательствомъ можетъ служить уже одно то, что они не включены въ Уложеніе, составленное подъ руководствомъ патріарха и всего священнаго собора. Къ тому же, всѣ такія выраженія имѣютъ значеніе чисто духовное, подобно тѣмъ, напримѣръ, какія имѣются въ нашемъ «Требникѣ», по поводу древняго церковнаго чина присоединенія евреевъ къ православію. Воззрѣнія этого рода не переносились нашими царями въ политическую сферу на столько, чтобы они могли обращаться тамъ въ мотивы къ религіознымъ гоненіямъ евреевъ и къ строгой исключительности, по отношенію къ нимъ. Политическая и бытовая терпимость къ евреямъ, какой, въ то время, держались наши государи, не взирая на нѣкоторую непріязненность духовныхъ на нихъ взглядовъ, усматривается, съ особою ясностью, изъ актовъ, касающихся нашихъ сношеній съ ближайшею къ намъ, тогда, державою—Польшею. Такъ, изъ извѣстнаго Андрусовскаго договора о перемиріи съ нею, заключеннаго, при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, 30-го Января 1667 (7175) года, видно, что евреямъ; обитавшимъ въ перешедшихъ къ Россіи, по тому договору, городахъ и областяхъ, какъ-то: Смоленскѣ, Кіевѣ, части Малороссіи и проч., было дозволено, съ семействами и имуществомъ, въ числѣ прочихъ тамъ жителей, *добровольно оставаться на сторонѣ Его Царскаго Величества,* т. е. другими словами, подъ державною

властью Русскаго Царя, въ предѣлахъ его царства. Въ 11 п. Андрусовскаго договора, по поводу евреевъ, сказано, именно слѣдующее: «... также и жидовъ тѣхъ, которые въ вѣру русскую не крестилися, всѣхъ съ женами и съ дѣтьми и съ животами ихъ, ни кого не тая, и къ заставанію не припуждаючи, доброю вѣрою въ сторону Его Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой взволить и выпустить Его Царское Величество укажетъ; и которые бы изъ нихъ похотѣли *въ сторону Его Царскаго Величества добровольно остаться, то имъ вольно имѣть быть.* А которые польскаго и литовскаго народу женскій полъ и жидовки вышли замужъ за русскихъ людей: и *тѣмъ оставаться въ сторону Его Царскаго Величества*, при мужѣхъ своихъ» (П. С. З. п. I, № 398, п. 11). Изъ этихъ словъ вовсе не видно слѣдовъ какой либо исключительности по отношенію къ евреямъ, ни той политической нетерпимости къ нимъ, которая, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ духовныхъ на нихъ воззрѣній, могла бы вселять въ правительствѣ мысль объ ихъ изгнаніи изъ городовъ и областей, только что вошедшихъ тогда въ составъ русской территоріи; но усматривается, напротивъ, что тогдашнею политикою нашею, въ принципѣ, было признано за евреями, оставшимися на сторонѣ Россіи, право, не только на временное пребываніе въ предѣлахъ русскаго государства, но и на постоянную какъ бы въ немъ осѣдлость, безъ всякихъ, въ то же время, ограниченій въ правахъ жительства такихъ евреевъ какою либо опредѣленною для нихъ мѣстностью, изъ чего можно заключать, что царь Алексій Михайловичъ не видѣлъ, не только въ отдѣльныхъ личностяхъ изъ евреевъ, но и въ цѣломъ ихъ населеніи, какого либо особаго вреда или опасности, ни для церкви, столь ревностно имъ оберегавшейся, ни для государства. Если же жившіе въ Россіи евреи не признавались тогда правительствомъ, формально, въ русскомъ подданствѣ, то это зависѣло отъ извѣстнаго взгляда на евреевъ, какъ на особую націю, въ предположеніи, что они живутъ, всюду по своимъ особымъ обычаямъ и законамъ, вслѣдствіе чего, всѣ вообще евреи, какъ иностранные, такъ и находившіеся у насъ, признавались людьми чужеземными и въ русскомъ подданствѣ какъ бы вовсе не нуждавшимися. Принципъ терпимости къ евреямъ, съ тѣми оттѣнками, которые придавались ей, вслѣдствіе вышесказаннаго взгляда на евреевъ, какъ на особую націю, не былъ нарушаемъ у насъ, при царяхъ, и впослѣдствіи. Хотя въ имѣющемся нѣчто исключительномъ о евреяхъ, въ 8 п. договора, заключеннаго съ Польшею же, при царѣ

Θеодорѣ Алексіевичѣ, 3/13 Августа 1678 (7186) года, о продолженіи Андрусовскаго перемирія, усматривается, нѣкоторыми, признакъ нашей историко-національной нетерпимости къ евреямъ; но это не совсѣмъ правильно. При заключеніи этого договора, обѣ договаривавшіяся державы: Россія и Польша, поставивъ, между прочимъ, предметомъ своихъ взаимныхъ соглашеній, право свободнаго пріѣзда торговыхъ людей одной державы въ столичные города другой, 8-мъ п. договора, содержавшимъ эти соглашенія, дѣйствительно, въ видѣ изъятія, закрыли для евреевъ доступъ въ сказанные города: Польша—въ *Краковъ, Варшаву* и *Вильно,* а Россія—«Его Царскаго Величества въ царствующій градъ *Москву*». Но по характеру обоюдности этихъ соглашеній, какъ содержавшихся въ договорномъ актѣ, каждая изъ державъ, выговаривая себѣ это условіе, очевидно, разумѣла и могла разумѣть евреевъ не своихъ, а договорившагося съ нею государства: Польша—евреевъ, оставшихся на сторонѣ Русскаго Царя и обитавшихъ въ предѣлахъ его царства; а Россія—евреевъ, принадлежавшихъ коронѣ польской и обитавшихъ въ предѣлахъ Царства Польскаго. Изъ этого, само собою, слѣдуетъ: 1) что сказанное ограниченіе, по отношенію къ Москвѣ, прямымъ образомъ, не касалось евреевъ, обитавшихъ въ Россіи, по праву имъ на то предоставленному; 2) что русское государство уже, съ того времени, стало признавать такихъ евреевъ людьми не посторонними, но какъ бы своими, русскими, евреями, хотя и безъ признанія ихъ въ русскомъ подданствѣ, по причинамъ, изъясненнымъ выше, и 3) что вообще, условіе о закрытіи для польскихъ евреевъ доступа въ Москву представляло мѣру, вызванную не столько по иниціативѣ русскаго правительства, вслѣдствіе религіозной или національной нетерпимости къ евреямъ, сколько по инициативѣ самой Польши, сообразовавшейся съ своими статутами и привилегіями городовъ, содержавшими стѣснительныя для евреевъ ограниченія, какихъ въ Русскомъ царствѣ, до того времени, не существовало, даже по отношенію къ Москвѣ; причемъ, русскихъ бояръ, заключавшихъ тотъ договоръ съ польскими послами, могла руководить и политическая мысль о необходимости поддержанія, при такихъ требованіяхъ со стороны Польши о евреяхъ, достоинства и величія и нашего престольнаго города (П. С. З. т. II, № 730, п. 8). Затѣмъ, какъ это видно изъ приведеннаго выше указа царя Алексія Михаиловича 30 Іюля 1654 (7162) года, право пріѣзда въ Москву разнаго рода людей изъ Западнаго края, по дорогѣ, которая шла на Смоленскъ, было вообще

обусловлено строгимъ соблюденіемъ установленной, тѣмъ же указомъ, формальности, заключавшейся въ томъ, что каждый изъ вышесказанныхъ людей не могъ являться въ Москву, безъ представленія доказательствъ, что въ Вяземскомъ уѣздѣ, на учрежденныхъ, для того, заставахъ, по дорогѣ изъ Смоленска, онъ былъ допрошенъ о томъ, кто онъ такой, какого города и уѣзда и какой вѣры, т. е. другими словами, безъ представленія надлежащаго удостовѣренія о своей личности, въ установленномъ тогда порядкѣ (П. С. З. т. I, № 135). Лицо, не представившее о себѣ, по прибытіи въ Москву, такого удостовѣренія, признавалось пріѣхавшимъ въ столицу украдкою или «утайкою». Въ этомъ именно смыслѣ справедливо разумѣть и имѣющееся въ указѣ царя Ѳеодора Алексѣевича 12 Сентября 1676 (7185) года объясненіе, «что по указу Великаго Государя Евреянъ, съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать не велѣно», такъ какъ въ указѣ этомъ говорится, исключительно, о евреяхъ, пріѣхавшихъ въ Москву съ товарами *утайкою*, т. е. безъ представленія надлежащихъ удостовѣреній, что они были подвергнуты допросу на вышесказанныхъ заставахъ, а между тѣмъ, кромѣ вышеприведеннаго указа царя Алексія Михаиловича, которымъ установлена эта общая государственно-полицейская мѣра, въ виду нѣтъ другаго узаконенія, которымъ евреямъ, жившимъ въ Россіи, воспрещался бы, прямымъ образомъ, явный пріѣздъ въ Москву, т. е. съ доказательствами о выполненіи, по отношенію къ нимъ, вышеизъясненной формальности. Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній къ предположенію, чтобы, въ то время, права жительства евреевъ, существовавшихъ въ Россіи и не состоявшихъ въ подданствѣ Польши, были подвергнуты какимъ либо исключительнымъ ограниченіямъ. Что касается Украйны, Смоленска и другихъ городовъ и селъ въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, то на пріѣздъ и пребываніе евреевъ тамъ, для занятія торговыми и разными промыслами, русское правительство и цари наши, очевидно, смотрѣли съ полною терпимостью, вслѣдствіе чего, въ то время, и не принималось никакихъ мѣръ, ни къ изгнанію ихъ оттуда, ни къ ограниченіямъ тѣхъ ихъ правъ, какими они уже пользовались тамъ еще ранѣе. Есть даже основаніе предполагать, что взглядъ нашего правительства на права евреевъ въ возсоединенныхъ областяхъ былъ, въ то время, сравнительно, даже шире, чѣмъ правительства польскаго, такъ какъ, по несостоянію ихъ въ русскомъ подданствѣ, они признавались заѣзжими чужеземцами, или иностранцами, которые,

какъ извѣстно, всегда пользовались у насъ особою охраною законовъ.

Фактъ, что при всей неприязни къ евреямъ и ихъ вѣрѣ, обращеніе съ ними Московскихъ Государей носило именно этотъ характеръ, усматривается осязательно, между прочимъ, изъ вышеупомянутаго указа 7185 (1677) года, царя Ѳеодора Алексіевича, который, въ отношеніи евреевъ, слѣдовалъ такой же точно политикѣ, какъ и царь Алексій Михайловичъ.

Изъ этого указа видно, что хотя распоряженіе царя Алексія Михайловича о недопущеніи въ Москву, съ товарами и безъ товаровъ, евреевъ, недопрошенныхъ на заставахъ по смоленской дорогѣ и пріѣхавшихъ какъ-бы украдкою, было строго подтверждено царемъ Ѳеодоромъ Алексіевичемъ, но что, въ то же время, мѣры, принимавшіяся относительно и такихъ даже евреевъ, не носили на себѣ ни малѣйшаго отпечатка какихъ либо насилій надъ ними и ихъ имуществомъ. Напротивъ, изъ того-же указа усматривается, что евреи названы въ немъ не презрѣннымъ именемъ «жидовъ», но «евреянами», и что относительно тѣхъ изъ нихъ, которые и впредь тайно пріѣхали бы въ Москву, съ товарами, предписывалось только товары ихъ не принимать къ запискѣ въ московской большой таможнѣ, а прибывшихъ съ ними евреевъ отсылать въ посольскій приказъ.... «которые евреяне, сказано въ указѣ, впредь пріѣдутъ съ товары утайкою къ Москвѣ и учнутъ являться и товары свои записывать въ большой московской «таможнѣ. и тѣхъ евреянъ изъ приказа большаго приходу присылать въ посольскій приказъ и товары ихъ въ таможнѣ не записывать, для того, что по указу Великаго Государя, евреянъ, съ товары и безъ товаровъ, изъ Смоленска пропускать не велѣно». (Полн. Собр. Зак. Т. II № 662). Воспрещеніе записывать въ таможнѣ товары евреевъ, которые, тайнымъ съ ними пріѣздомъ въ Москву, нарушали установленное царскою волею правило и отсылка такихъ евреевъ въ посольскій приказъ, чрезъ законныя власти, безъ обращенія къ внезапной ихъ высылкѣ изъ Москвы и конфискаціи принадлежавшихъ имъ товаровъ, не взирая на то, что, въ подобныхъ случаяхъ, они являлись, въ сущности, ослушниками царской воли, никакъ нельзя признать мѣрами, которыя содержали-бы какое либо насиліе надъ ихъ личностію или имуществомъ. Это служитъ, кажется, достаточнымъ доказательствомъ, что при всей суровости тогдашнихъ взглядовъ на иновѣрцевъ нехристіанскаго закона, вообще, и евреевъ, въ особенности,

царямъ нашимъ были присущи чувства уваженія къ общечеловѣческимъ правамъ каждаго изъ нихъ, не исключая и евреевъ. Поэтому, есть полное основаніе заключать, что такое ихъ право, и въ то время, вполнѣ ограждалось закономъ отъ всякихъ нарушеній со стороны частныхъ лицъ, и что всякій самосудъ или самоуправство надъ евреемъ, такъ точно, какъ и надъ всякимъ другимъ, навлекли бы, неминуемо на виновнаго въ томъ гнѣвъ царя и наказаніе, по всей строгости Уложенія.

Въ царствованіе Императора Петра Великаго, вниманіе его, какъ извѣстно, было обращено, преимущественно, на образованіе народа на расширеніе границъ государства и на развитіе его торговыхъ и промышленныхъ силъ; но имъ не были упускаемы изъ виду и интересы православной церкви, какъ господствующаго въ государствѣ исповѣданія.

Въ его царствованіе, подобно тому, какъ и при царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, особенно преслѣдовались всякаго рода отступленія отъ вѣры и раскольники.

Такъ, на основаніи Именнаго указа 8 февраля 1716 г. было строго предписано всѣмъ православнымъ ежегодно ходить на исповѣдь, подъ опасеніемъ штрафа. Этимъ же указомъ повелѣно всѣмъ раскольникамъ произвести перепись и обложить ихъ двойнымъ окладомъ податей, который отмѣненъ, за тѣмъ, лишь при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1782 году. Именнымъ указомъ 4 іюля 1724 года повелѣно «о небытіи имъ (раскольникамъ) ни у какихъ дѣлъ начальниками и о не принимапіи ихъ ни въ какія свидѣтельства» (П. С. З. т. V, № 2991, т. VII, № 4,526 и т. XXI №№ 15,274 и 15,581). Равнымъ образомъ, при Императорѣ Петрѣ I, принимались и поощрительныя мѣры къ привлеченію въ православіе иновѣрцевъ. Такъ, Сенатскимъ указомъ 1 сентября 1720 года, съ этою цѣлію, дарована новокрещеннымъ «разныхъ народовъ людямъ» трехлѣтняя льгота отъ платежа всякихъ сборовъ и податей, «дабы тѣмъ, какъ сказано въ указѣ, придать къ воспріятію вѣры греческаго закона лучшую охоту» (П. С. З. т. VI, № 3,637).

Не взирая, однако, на такія строгія отношенія правительства къ обязанностямъ по огражденію интересовъ господствующаго исповѣданія, при Императорѣ Петрѣ I, не встрѣчается слѣдовъ о какихъ либо воспрещеніяхъ относительно евреевъ. Напротивъ, есть данныя, которыя даютъ право съ достовѣрностію предполагать, что Петръ I относился къ нимъ съ терпимостію и безусловно не отрицалъ ихъ пользы для государства. Имѣющіеся расказы о личномъ будто нерасположеніи Петра I къ евреямъ, кромѣ ихъ неполной достовѣрности

и анекдотическаго характера, не могутъ имѣть значенія и потому—что нѣтъ слѣдовъ, чтобы такое нерасположеніе выражалось государемъ въ какихъ либо государственныхъ мѣрахъ и постановленіяхъ. Геній Петра I, какъ извѣстно, отличался между прочимъ, возможнымъ отрѣшеніемъ себя отъ личныхъ симпатій или антипатій въ дѣлахъ государственнаго управленія, почему, если и предположить существованіе въ Государѣ личнаго нерасположенія къ евреямъ то это могло отразиться, развѣ, на производившихся имъ тогда вызовахъ изъ иностранныхъ державъ полезныхъ для себя людей [1]), но отнюдь не на его политику, по отношенію къ евреямъ, жившимъ уже въ Россіи или добровольно въ нее пріѣзжавшихъ, по своимъ торговымъ или промышленнымъ дѣламъ.

Хотя состоявшимся при царяхъ и великихъ князьяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексіевичахъ трактатомъ 26 апрѣля (6 мая) 7191 (1688) года, заключеннымъ между полномочными польскими послами и россійскими боярами, о присоединеніи къ Россіи, на вѣчныя времена городовъ: Смоленска, Рославля, Малой-Россіи, Кіева и пр., подтверждено о воспрещеніи «польскимъ евреямъ» имѣть свободный пріѣздъ въ Москву, но право пріѣзда и такихъ евреевъ въ другіе города и мѣста русскаго государства, осталось неприкосновеннымъ, по сказанному трактату, во все время царствованія Петра I. Изъ капитуляціи же, заключенной 4 іюля 1810 года, между рижскимъ губернаторомъ, графомъ Штрембергомъ, и генералъ-фельдмаршаломъ Шереметевымъ, видно, что на основаніи 11 п. этой капитуляціи, изъ имѣвшихся тамъ евреевъ, одному «жиду» Гиршу позволено оставить, по желанію, Россію; прочимъ же жителямъ, «какихъ ни есть они племенъ», повелѣно не давать свободнаго отпуска (П. С. З. Т. II, № 1187, п. 18, т. IV, № 2277). Въ 1720 году, на представленныхъ Императору докладныхъ пунктахъ, по вопросу о нѣкоторыхъ плѣнныхъ полякахъ еврейскаго происхожденія, не слѣдуетъ ли ихъ отдать, т. е. выслать изъ Россіи, послѣдовала резолюція государя: «не отдавать» (П. С. З. Т. VI, № 3604). За симъ, торговыя ограниченія Петра I, относительно иностранцевъ, касались всѣхъ ихъ вообще, безъ различія закона вѣры. Таковы, напр. указы Петра Великаго 19 ноября 1720 года о воспрещеніи русскимъ подданнымъ чинить съ иноземцами контракты и договоры по доставкѣ товаровъ къ

[1]) Въ извѣстномъ Манифестѣ Петра I, 16 Апрѣля 1702 года, „о вызовѣ иностранцевъ въ Россію, съ обѣщаніемъ имъ свободы вѣроисповѣданія“; не содержится, однако, никакихъ изъятій, относительно евреевъ.

портамъ; 30 апрѣля 1719 года о воспрещеніи торга парчею во внутреннихъ частяхъ Россіи и въ Малороссіи и т. п. (Пол. Собр. Законовъ т. VI, № 3,672 и т. V, № 3,359). Поэтому, слѣдуетъ полагать, что образъ дѣйствій правительства, въ отношеніи евреевъ, при Петрѣ I, ни въ чемъ не измѣнился что прежнія постановленія о нихъ остались въ силѣ и что, вслѣдствіе этого, въ Малороссіи, Смоленскѣ и другихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, евреи, продолжали пользоваться правомъ пріѣзда и торговли, а также жительства въ городахъ и селеніяхъ.

Такимъ образомъ, русское законодательство, за періодъ времени отъ изданія уложенія царя Алексія Михаиловича до кончины Петра I, послѣдовавшей въ 1725 году, т. е. въ теченіи почти цѣлаго вѣка, не содержитъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ, ни относительно воспрещенія евреямъ всякаго доступа въ Россію, ни относительно существованія въ краяхъ, гдѣ они имѣли временное пребываніе, прямыхъ какихъ либо ограниченій ихъ торговыхъ тамъ правъ, мѣстомъ, родомъ или предметомъ торговли, изъ чего можно съ достовѣрностью заключить, что при царяхъ Алексіѣ Михаиловичѣ, Өеодорѣ Алексіевичѣ и Императорѣ Петрѣ Великомъ, евреи, во 1-хъ, производили тамъ торговлю не на однихъ только ярмаркахъ, а повсемѣстно, въ городахъ и селеніяхъ, продавая привозимые товары, не только оптомъ, но и въ раздробъ, словомъ, пользовались тамъ правомъ свободной торговли, наравнѣ съ прочими заѣзжими иноземцами, безъ всякихъ стѣсненій, со стороны собственно русскаго закона и русской администраціи; во 2-хъ, имѣли тамъ нѣкоторую даже осѣдлость, занимаясь кромѣ торговли, и разными другими промыслами, какъ то: содержаніемъ корчемъ, арендою земель и домовъ, продажею вина, пива и меда, и пользовались въ довольно значительной степени, какъ расположеніемъ мѣстныхъ жителей, такъ и довѣріемъ самыхъ властей, которыми, вслѣдствіе этого, предоставлялось имъ содержаніе даже откуповъ такихъ, какъ откупа таможенныхъ и питейныхъ (кабацкихъ) сборовъ.

Все это подтверждается, впрочемъ, и законодательными актами, состоявшимися почти вслѣдъ за кончиною Петра I и позднѣе.

Такъ, изъ указа Императрицы Екатерины I, 14 марта 1727 года, видно, что въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ Дворцовомъ селѣ Звѣровичѣ и другихъ, принадлежавшихъ къ нему деревняхъ, мѣстной администраціей были отданы на откупъ таможенные и питейные (кабацкіе) сборы евреямъ Борху и Лейбову, съ товарищами. Но какъ, по религіознымъ

взглядамъ правительства на евреевъ, при Императрицѣ Екатеринѣ I, было признано нужнымъ измѣнить прежнюю политику, въ отношеніи ихъ и закрыть имъ доступъ въ Россію; то вышесказанное обстоятельство послужило поводомъ къ содержащемуся въ томъ указѣ распоряженію, которымъ было предписано евреевъ Борха и Лейбова отъ откуповъ немедленно отрѣшить, и по учиненіи съ ними расчета по контрактамъ, выслать ихъ, съ товарищами, за границу (за рубежъ); откупа же передать другимъ, кромѣ «жидовъ»; при чемъ, сдѣлана ссылка на прежній Именной указъ, который, какъ состоявшійся за два дня до кончины Петра I, а именно 26 Января 1725 года [1]), едва ли можетъ быть отнесенъ къ нему лично. Въ видахъ же осуществленія усвоенной правительствомъ мысли совершеннаго освобожденія русскаго государства отъ евреевъ, чрезъ полтора мѣсяца послѣ распоряженія о высылкѣ за границу вышесказанныхъ евреевъ, а именно 26 Апрѣля 1727 года, послѣдовалъ другой Именной указъ, Екатерины I, на основаніи котораго сдѣлано распоряженіе о высылкѣ изъ Россіи уже всѣхъ вообще евреевъ, имѣвшихъ пребываніе въ Украйнѣ и другихъ Россійскихъ городахъ, при чемъ, предписано и объ отобраніи отъ нихъ русской золотой и серебряной монеты, съ уплатою имъ за нее мѣдными деньгами (П. С. З. т. VII №№ 5032 и 5063).

По видно, что такая мѣра не соотвѣтствовала, вполнѣ, дѣйствительнымъ желаніямъ и интересамъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ на другой же годъ, при Императорѣ Петрѣ II, правительствомъ была сдѣлана, въ этомъ отношеніи, значительная уступка, заключавшаяся въ томъ, что по ходатайствамъ Войска Запорожскаго, обѣихъ сторонъ Днѣпра, Гетмана Апостола о разныхъ мѣрахъ, касавшихся Малороссіи, въ томъ числѣ и о разрѣшеніи вновь евреямъ пріѣзда туда, для торговли на ярмаркахъ, состоялись 22 Августа 1728 года рѣшительные пункты Верховнаго Тайнаго Совѣта, изъ которыхъ, пунктомъ 14-мъ, хотя подтверждено, что жительство евреевъ въ Малороссіи, по силѣ указа 1727 года, строго воспрещается, но въ то же время имъ вновь разрѣшенъ пріѣздъ въ Малороссію, для занятія торговыми дѣлами на ярмаркахъ, подъ условіемъ, чтобы они производили на нихъ торговлю, не иначе, какъ оптомъ, на вырученныя изъ товаровъ деньги покупали товары же, золота и серебра деньгами изъ Малороссіи за границу не вывозили, а въ Малороссію не ввозили копѣекъ и другой

---

[1]) Указъ этотъ въ Полномъ Собраніи Законовъ не помѣщенъ.

монеты, подъ русскимъ гербомъ (П. С. З. т. VIII № 5324). Черезъ четыре же года послѣ этого, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, указомъ Сената 11 Сентября 1731 года, подъ такими же условіями, разрѣшено евреямъ, вновь, право пріѣзда въ Смоленскую губернію, для торговли на ярмаркахъ (Полн. Соб. Зак. т. VIII № 5,852).

Хотя этими распоряженіями правительства, право торговли евреевъ на ярмаркахъ, въ то же время, ограничено ея родомъ, а именно продажею товаровъ не иначе, какъ только оптомъ; но вскорѣ за тѣмъ, по ходатайству князя Шаховскаго, которому было ввѣрено главное начальство надъ слободскими полками, правительствомъ сдѣлана еще уступка въ пользу евреевъ, такъ какъ состоявшимися, 31 Іюля и 8 Августа 1734 года, двумя Именными указами Императрицы Анны Іоанновны, ихъ право торговли на ярмаркахъ значительно расширено, разрѣшеніемъ имъ въ слободскихъ полкахъ, «для пользы обывательской», продажи товаровъ не только оптомъ, но и въ раздробь, на фунты и локти, съ удержаніемъ лишь прежняго ограниченія, относительно ихъ права на русскую золотую и серебряную монету (П. С. З. т. IX № 6610 и 6614).

Подтвержденіе права пріѣзда евреевъ въ Малороссію, для торговли на ярмаркахъ, содержится и въ воспослѣдовавшемъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Именномъ указѣ, 16 Февраля 1736 года, въ числѣ мѣръ, указанныхъ въ немъ, относительно поимки бѣглыхъ людей на учрежденныхъ, по польской границѣ, заставахъ и надзора за вывозомъ и ввозомъ въ Россію заповѣдныхъ товаровъ (П. С. З. тотъ же томъ № 6898).

Что касается содержанія евреями въ Малороссіи корчемъ, арендованія земель и домовъ, а также торговли виномъ, пивомъ и медомъ, то нужно полагать, что евреи не прекращали, въ томъ краѣ, своихъ занятій этими промыслами и, занимаясь ими, жили тамъ и послѣ распоряженій о высылкѣ ихъ изъ Россіи. Это подтверждается данными, содержащимися въ докладѣ Сената, утвержденномъ кабинетъ-министрами Императрицы Анны Іоанновны 18 августа 1739 г. Изъ доклада этого усматривается, что Сенату была представлена Генеральною Войсковою Канцеляріею вѣдомость, въ которой было показано въ Малороссіи 130 человѣкъ евреевъ, живших въ отписныхъ на Государыню и въ владѣльческихъ «маетностяхъ», и шинковавшихъ тамъ виномъ, пивомъ или медомъ. Въ виду этого, Сенатомъ, на основаніи извѣстнаго уже указа Императрицы Екатерины I, 26 апрѣля 1727 года, было

предписано о немедленной высылкѣ тѣхъ евреевъ за границу. Но вслѣдствіе представленія Генеральной Войсковой Канцеляріи, въ которомъ ею выражены опасенія, что высланные евреи, по случаю бывшей, въ то время, войны съ Турціею, могутъ перейти къ туркамъ и сдѣлаться у нихъ лазутчиками, резолюціей кабинетъ-министровъ, положенной на вышесказанномъ докладѣ Сената, мѣра эта была пріостановлена, причемъ канцеляріи той предписано строго наблюдать и «накрѣпко запретить, чтобы во всей Малой Россіи никто къ себѣ «жидовъ не бралъ и ни въ корчмахъ своихъ содержалъ, ниже на аренду что «имъ отдалъ» (П. С. З. т. X, № 7869). По заключеніи же, въ слѣдующемъ году, мира съ Турціей, а именно 11 іюля 1740 года, по собственноручной резолюціи Императрицы Анны Іоанновны, положенной на доношеніи Сената, къ которому былъ приложенъ реестръ о числѣ живущихъ въ Малороссіи осѣдлыхъ евреевъ, повелѣно выслать ихъ съ женами и дѣтьми за границу, «по силѣ прежнихъ указовъ». Изъ сказаннаго же реестра усматривается, что, въ то время, въ Малороссіи, въ отписныхъ и владѣльческихъ помѣстьяхъ проживало евреевъ 292 человѣка мужескаго и 281 женскаго пола, всего 573 души [1]), и всѣ они показаны живущими въ помѣстьяхъ, не только свѣтскихъ лицъ, изъ числа такихъ владѣльцевъ, какъ графы: фонъ-Минихъ, Головины, Толстые, князья Трубецкіе, генералы, полковники, судьи, бунчуковые товарищи и сотники, но и духовенства, а именно: Кіево-Софійскаго монастыря (П. С. З. Т. XI, № 8,169).

Судя по этому, а также и по тому, что евреи тѣ спокойно проживали тамъ, съ ихъ семействами, многіе годы, можно заключить, что ихъ не чуждались ни жители, ни богатые владѣльцы земель, ни само духовенство православной церкви, что они жили съ евреями въ ладахъ, находя ихъ для себя полезными и что отъ этого не проистекало никакого дѣйствительнаго вреда, для безопасности православной церкви и государства.

Послѣдовала ли на самомъ дѣлѣ высылка этихъ евреевъ за границу, согласно съ повелѣніемъ 11 іюля 1740 года, или нѣтъ—въ точности неизвѣстно. Но не подлежитъ сомнѣнію, что евреи, въ болѣе

---

[1]) Такъ какъ поголовныя высылки евреевъ предпринимались несогласно съ желаніемъ мѣстнаго населенія и мнѣнія мѣстной администраціи, то нельзя вполнѣ положиться, чтобы въ сказанномъ реестрѣ число такихъ осѣдлыхъ евреевъ не было показано въ уменьшенной цифрѣ.

или менѣе значительномъ числѣ, продолжали и послѣ того пребывать, не только въ Малороссіи и мѣстностяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, но даже и въ великороссійскихъ губерніяхъ, куда они заѣзжали оттуда, для торговыхъ сношеній съ жителями. Это подтверждается тѣмъ, что указомъ Императрицы Елисаветы Петровны, состоявшимся черезъ два года послѣ вышеприведеннаго повелѣнія Императрицы Анны Іоанновны, а именно 2 декабря 1742 г., повелѣно вновь, самымъ строгимъ образомъ, подъ опасеніемъ Высочайшаго гнѣва и *тяжчайшаго истязанія*, выслать всѣхъ евреевъ, какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень (П. С. З. т. XI, № 8,673). Неоднократность подобныхъ мѣръ и распоряженій, сопровождавшихся строгими требованіями правительства, относительно ихъ выполненія, даютъ, сами собою, прямой поводъ заключать, что высылка евреевъ и закрытіе имъ всякаго доступа въ мѣста, гдѣ населеніе привыкло къ торговымъ сношеніямъ съ ними, не встрѣчали особаго сочувствія ни въ мѣстныхъ жителяхъ, ни въ мѣстной администраціи. Изъ всего сказаннаго видно, что содержащееся въ «Трудахъ» черниговской коммиссіи, по еврейскому вопросу, (стр. 6) предположеніе, что въ Малороссіи, по возсоединеніи ея съ Великороссіей, т. е. со времени царей Алексія Михаиловича и Θеодора Алексіевича, евреевъ, будто, вовсе не было и что мѣстные жители чуждались ихъ сами и не желали имѣть съ ними дѣлъ, оказывается не вполнѣ точнымъ и согласнымъ съ фактами.

Если бы это было дѣйствительно такъ, какъ предполагаютъ составители «Трудовъ», то не было бы и причинъ для правительства задаваться, тотчасъ по кончинѣ Императора Петра I, мыслію объ ихъ изгнаніи изъ предѣловъ Россіи и прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, съ строгими требованіями о выполненіи этихъ мѣръ, не было бы причинъ къ ходатайствамъ о евреяхъ со стороны такихъ главъ мѣстнаго управленія, каковы были гетманъ Апостолъ и князь Шаховской, которымъ, какъ представителямъ интересовъ мѣстнаго населенія, хорошо были извѣстны его потребности и настроеніе по отношенію къ евреямъ, не было бы и причинъ къ уступкамъ со стороны правительства, для смягченія мѣръ строгости, относительно евреевъ.

Но если, со стороны коренныхъ жителей возсоединенныхъ къ Россіи мѣстъ и областей и ихъ представителей, не только не было доходившихъ до русскаго правительства ропота, неудовольствій и жалобъ на евреевъ, а напротивъ, были ходатайства за нихъ; если, какъ мы

видѣли, весьма многіе владѣльцы изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сословіямъ и даже духовенству, вопреки всѣхъ воспрещеній, со времени Императрицы Екатерины I, охотно водворяли ихъ на своихъ земляхъ (маетностяхъ), находя въ томъ для себя пользу; если многіе изъ евреевъ внушали довѣріе и администраціи, не опасавшейся поручать имъ дѣла, сопряженныя съ казеннымъ даже интересомъ, и если, наконецъ, отъ сношеній съ ними не ощущалось, повидимому, особаго вреда для религіозныхъ и экономическихъ интересовъ государства, то какія же именно причины побуждали правительство, при Императрицахъ: Екатеринѣ 1, Аннѣ Іоанновнѣ, а за тѣмъ и Елисаветѣ Петровнѣ, дѣйствовать такимъ образомъ въ отношеніи евреевъ и относиться къ нимъ, сравнительно строже, чѣмъ это было въ царствованіе Алексія Михайловича, Ѳеодора Алексіевича и Петра Великаго? Чѣмъ объяснить внезапно обнаружившееся въ правительствѣ стремленіе къ безусловному закрытію для евреевъ всякаго доступа въ государство? Скрывались ли причины такой политики, исключительно, въ однихъ лишь религіозныхъ воззрѣніяхъ на евреевъ, или же въ сознаніи правительствомъ какихъ либо практическихъ въ томъ потребностей, для пользы государства и православной церкви?

Нѣкоторые государственные акты царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, съ мотивами, въ нихъ содержащимися, могутъ служить на это отвѣтомъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, необходимо остановиться, нѣсколько, на этомъ предметѣ, чтобы уяснить себѣ ближе общность побудительныхъ причинъ, какими руководствовалось правительство, относительно евреевъ, въ царствованіе трехъ Императрицъ.

Изъ постановленій и распоряженій, относящихся къ ихъ времени и касающихся евреевъ, видно, между прочимъ, что правительство опасалось вывоза ими изъ Россіи золотой и серебряной монеты. Но распоряженіе, сдѣланное въ предупрежденіе этого, достаточно ограждало казну для того, чтобы ограничиться имъ, не прибѣгая къ мѣрамъ поголовной высылки евреевъ за границу, съ закрытіемъ для нихъ всякаго доступа въ Россію. Это признавалось и самимъ правительствомъ, такъ-какъ подъ условіемъ соблюденія евреями его требованія о невывозѣ ими русской звонкой монеты, имъ былъ разрѣшенъ пріѣздъ вновь въ Россію на ярмарки; слѣдовъ же ихъ обвиненія въ неисполненіи этого требованія не имѣется, по-крайней-мѣрѣ это не выставлено мотивомъ ихъ изгнанія изъ государства. Это приводитъ къ заключенію, что предпри-

пятая мѣра строгости не имѣла никакихъ достаточныхъ финансовыхъ основаній. Нѣтъ поводовъ также къ предположенію, чтобы она была вызвана торговыми или какими либо другими мѣстными экономическими нуждами или выгодами, такъ-какъ, по засвидѣтельствованію, мѣстныхъ начальствъ, пріѣздъ евреевъ въ Россію на ярмарки оживлялъ, напротивъ, торговлю и служилъ вообще для пользы обывательской. Поголовная высылка евреевъ изъ Россіи не могла также объясняться и сознаніемъ правительства прямой въ томъ потребности изъ какой либо предвидѣвшейся для православной церкви серьезной отъ евреевъ опасности. Сношенія съ ними, непрерывно продолжавшіяся, со времени присоединенія Смоленска и Украйны, были тогда у насъ почти вѣковыя. Между тѣмъ, въ виду правительства не было ничего такого, что могло бы наводить его на мысль, что православію угрожаетъ возможность частыхъ совращеній въ еврейскую вѣру. Это доказывается тѣмъ, что нѣтъ ни одного историческаго памятника, ни одного государственнаго акта, изъ которыхъ усматривалось бы, что въ царствованіе Алексія Михаиловича, Ѳеодора Алексіевича или Петра I были случаи примѣненія, надъ кѣмъ либо изъ евреевъ, той жестокой казни, какая 24 ст. XXII гл. Уложенія 1649 г. установлена за совращеніе изъ православія, не было примѣра сожженія по Уложенію еврея огнемъ «безъ милосердія», за насильственное или обманное принужденіе имъ «русскаго человѣка» къ жидовской вѣрѣ. Это доказываетъ, что заѣзжіе евреи не занимались у насъ прозелитизмомъ и что, съ этой стороны, они не представляли и не могли представлять никакой опасности для православной церкви. Наша церковь была и тогда достаточно крѣпка, какъ силою собственнаго ученія, такъ и непоколебимыми вѣрованіями каждаго православнаго, и даже каждаго раскольника, въ крестъ и евангеліе, соединенными, какъ бы съ естественнымъ въ нихъ отвращеніемъ ко всѣмъ, кто не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ. Поэтому, нѣтъ достаточнаго повода къ предположенію, чтобы мѣра безусловнаго закрытія евреямъ доступа въ Россію была вызвана какими либо дѣйствительными въ ней потребностями и со стороны нашей православной церкви. Напротивъ, всѣ факты положительно свидѣтельствуютъ, что какъ въ пріѣзжихъ, такъ и осѣдлыхъ евреяхъ, не замѣчалось, вообще, никакого стремленія къ совращеніямъ въ свою вѣру и расположенія заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ своихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ. Отъ этого же рода сношеній съ евреями, какъ уже сказано, происходили не вредъ, а скорѣе польза.

Поэтому, причину внезапной мысли, объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи было бы напрасно искать въ убѣжденіяхъ правительства о какихъ либо практическихъ въ томъ потребностяхъ, для церкви и государства. Остается, слѣдовательно, одна побудительная причина—это религіозныя увлеченія и общія предразсудки и предубѣжденія противъ евреевъ.

Разительный, единственный, начиная съ Царя Алексія Михаиловича, случай, при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, сожженія еврея Боруха Лейбова и флота капитанъ-лейтенанта Возницына—перваго за совращеніе Возницына въ «жидовскій законъ», а послѣдняго—за отпаденіе отъ православія и богохульство, служитъ еще большимъ подтвержденіемъ того, что правительство руководствовалось тогда, въ своей политикѣ, по отношенію къ евреямъ, исключительно, этого рода побужденіями, шедшими въ разрѣзъ съ практическими пользами государства.

Изъ помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ сенатскаго доклада по этому дѣлу, утвержденнаго Императрицею Анною Іоанновною 3 Іюля 1738 г. (П. С. З. т. X № 7612), видно, что въ апрѣлѣ того года, дѣло объ этомъ случаѣ поступило въ Сенатъ, для гражданскаго суда надъ евреемъ Борухомъ и капитанъ-лейтенантомъ Возницынымъ, изъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, по Именному указу Императрицы Анны Іоанновны, и тогда же передано Сенатомъ Юстицъ-Коллегіи для написанія сентенціи. Въ тоже время, для совокупнаго разсмотрѣнія съ этимъ дѣломъ и написанія, равнымъ образомъ, сентенціи, Сенатомъ было передано въ Юстицъ-Коллегію другое дѣло, поступившее, какъ и первое, изъ вышесказанной Канцеляріи, о томъ же еврѣе, Борухѣ Лейбовѣ. Это послѣднее дѣло было возбуждено 14 лѣтъ передъ тѣмъ, по доносамъ на Боруха смоленскихъ мѣщанъ: Шилы, Семена Паскина и другихъ людей, изъ мѣстныхъ жителей, объ убійствѣ имъ, Борухомъ, въ с. Звѣровичѣ, Смоленскаго уѣзда, священника Авраамія, о совращеніи имъ, съ прочими жидами, въ свою вѣру, простаго народа, о построеніи имъ жидовской школы и о мученіи имъ же крестьянской дѣвки. По этому общему дѣлу, первоначальный розыскъ былъ произведенъ отъ архіерейскаго дома Ѳилофея, архіепископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, но оно не было окончательно разслѣдовано Канцеляріею тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, почему Юстицъ-Коллегія и не признала возможнымъ написать по немъ свою сентенцію. Такимъ образомъ, осталось неизвѣстнымъ, въ какой степени были

справедливы обвиненія, взведенныя на Боруха, по вышесказаннымъ извѣтамъ и доносамъ на него. Что же касается дѣла по обвиненію его же, Боруха, и капитанъ-лейтенанта Возницына: перваго въ совращеніи Возницына въ жидовскую вѣру, а втораго—въ отпаденіи отъ православія и богохульствѣ, то и по этому дѣлу Юстицъ-Коллегія находила слѣдствіе не полнымъ и признавала надобность въ дополненіи его «накрѣпкими розысками» (пытками), безъ чего не видѣла возможность написать справедливую сентенцію о примѣненіи къ Боруху и Возницыну такой жестокой казни, какъ сожженіе ихъ огнемъ «безъ всякаго милосердія». Сенатъ находилъ тоже самое; но вслѣдствіе объявленнаго ему генераломъ Ушаковымъ словеснаго повелѣнія Императрицы объ учиненіи по этому дѣлу рѣшенія безъ дальнѣйшихъ розысковъ, изъ ея личныхъ опасеній, что отъ жестокихъ пытокъ могли бы послѣдовать «перемѣнныя рѣчи» и что этимъ дѣло могло бы замедлиться, оно было разсмотрѣно и рѣшено Юстицъ-Коллегіей въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось. Хотя, такимъ образомъ, еврей Борухъ и Возницынъ отъ большихъ пытокъ (накрѣпкихъ розысковъ) были освобождены, но по слѣдственному порядку тогдашняго времени, они были допрошены, еще до того, въ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, съ приводомъ въ застѣнокъ и подъемомъ на «дыбу», слѣдовательно съ помощію пытокъ, которые хотя и считались малыми, но были сопряжены, однако, съ истязаніями, такого рода, какъ вывихъ суставовъ и растяженіе жилъ. Послѣдствіемъ этого было, конечно, то, что обвиняемые, не сознавшись, первоначально, ни въ чемъ, дали, впослѣдствіи, весьма сбивчивыя и разнорѣчивыя показанія и, будучи поставлены свидѣтелями одинъ противъ другаго, старались всячески слагать вину другъ на друга, а затѣмъ были вынуждены принести повинную, которая, въ сущности, не имѣла инаго значенія, какъ вынужденнаго сознанія въ взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ. При чемъ, повинная Возницына была соединена съ раскаяніемъ и обѣщаніемъ, впредь жидовскаго закона и обрядовъ жидовскихъ «не содержать». Кромѣ недостаточности уликъ и доказательствъ по ихъ показаніямъ, въ слѣдственномъ о нихъ производствѣ замѣчалось еще отсутствіе самаго важнаго, а именно—слѣдовъ формальнаго какого-либо акта, который удостовѣрялъ бы, что Возницынъ былъ дѣйствительно обрѣзанъ. Поэтому, рѣшеніе настоящаго дѣла, по существу, и написаніе по немъ сентенціи, представлялись весьма затруднительными для Юстицъ-Коллегіи. Но будучи вынуждена, давленіемъ свыше, поста-

новить, во что бы то ни стало, обвинительный приговоръ. Коллегія не могла этого сдѣлать иначе, какъ путемъ изворотливыхъ выводовъ и заключеній, которые поражаютъ отсутствіемъ въ нихъ всякой послѣдовательности, а приговоръ о казни всякой справедливости. Признавъ, что Возницынъ отпалъ отъ православной вѣры и принялъ жидовскій законъ «самовольно», т. е. добровольно, безъ всякаго со стороны Боруха принужденія къ тому, насиліемъ или обманомъ, коллегія тѣмъ не менѣе, нашла возможнымъ подвергнуть Боруха казни, слѣдовательно, съ другой стороны, въ противорѣчіе самой себѣ, признала Боруха виновнымъ въ насильственномъ и обманномъ принужденіи Возницына къ своей жидовской вѣрѣ. Признавъ же Боруха виновнымъ въ этомъ преступленіи, коллегія по точному смыслу 24 п. XXII гл. Улож. 1649 г., которымъ она руководствовалась, должна была бы, въ отношеніи Возницына, положить сентенцію не о казни его, но о его отсылкѣ «къ учиненію указа, по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцевъ», къ духовной власти. Между тѣмъ, коллегія нашла и Возницына достойнымъ сожженія огнемъ, т. е. казни установленной только для бусурманъ» за совращеніе обманомъ и насиліемъ изъ православія, на томъ основаніи, что «русскій человѣкъ», въ силу вышеприведеннаго пункта Уложенія, освобождается, въ подобномъ случаѣ, отъ казни только тогда, если онъ «превращенъ отъ православія въ жидовскій законъ не самовольно, а насильствомъ и обманомъ». Почему, коллегія постановила сентенцію о сожженіи ихъ обоихъ «дабы впредь, незнающіе люди, не отвращены были отъ православной церкви, которая паче всего хранима быть должна». Сенатъ, съ своей стороны, не найдя и за симъ дѣло достаточно изслѣдованнымъ полагалъ, въ своемъ докладѣ Императрицѣ, дополнить его «указными розысками», для достиженія истины; въ случаѣ же нежеланія этого Императрицею, подвергнуть Боруха и Возницына, согласно съ сентенціею Юстицъ-Коллегіи, сожженію, по силѣ Уложенія. На этомъ докладѣ послѣдовала Собственноручная резолюція Императрицы, слѣдующаго содержанія: «Понеже оные, Возницынъ въ богохуленіи на Христа Спасителя нашего и въ отверженіе истиннаго христіанскаго закона и въ принятіи жидовской вѣры, а жидъ Борухъ Лейбовъ въ превращеніи его чрезъ прелестныя свои увѣщанія въ жидовство, сами повинились, и для того больше ими розыскать не въ чемъ, дабы далѣе сіе богопротивное дѣло не продолжалось, и такіе богохульникъ Возницынъ и превратитель въ жидовство, жидъ Борухъ, другихъ прельщать не

дерзали: того ради, за такія ихъ богопротивныя вины, безъ дальняго продолженія, по силѣ государственныхъ правъ, обоихъ казнить смертію, сжечь, чтобы другіе, смотря на то, невѣжды и богопротивники отъ Христіанскаго закона отступать не могли, и таковые прелестники, какъ и оный Жидъ Борохъ, изъ Христіанскаго закона прельщать и въ свои законы превращать не дерзали».

Изъ этого дѣла и резолюціи Императрицы усматривается съ достаточною, кажется, ясностью, что въ данномъ случаѣ, правительство руководилось главнѣйше тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, а не сознаніемъ дѣйствительной невозможности, въ данномъ случаѣ, обойтись безъ казни, которая до того не имѣла въ Россіи примѣра, по отношенію къ евреямъ.

Такія точно побужденія были исключительною причиною и всѣхъ прочихъ принимавшихся, въ отношеніи евреевъ, мѣръ. Это вполнѣ подтверждается содержаніемъ Именныхъ Указовъ Императрицы Елисаветы Петровны 2-го Декабря 1742 г. и 16-го Декабря 1743 г., въ которыхъ явно выражены мотивы, характеристически обрисовывающіе настоящія причины вышесказаннаго образа дѣйствія, относительно евреевъ (П. С. З. т. XI №№ 8673 и 8840).

Въ первомъ изъ этихъ указовъ, 2-го Декабря 1842 г., послѣ ссылки на извѣстный уже указъ Императрицы Екатерины I, 26-го Апрѣля 1727 г., сказано, между прочимъ... «извѣстно учинилось, что оные Жиды, еще въ Нашей Имперіи, а наипаче въ Малороссіи, подъ разными видами, яко то торгами и содержаніемъ корчемъ и шинковъ жительство свое продолжаютъ, отъ чего не инаго какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ *имени Христа Спасителя ненавистниковъ*, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно. А понеже Наше Всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ Нашимъ вѣрноподданнымъ и всей Нашей Имперіи случиться могущихъ худыхъ послѣдствій крайне охранять и отвращать, того для» и проч.

По приведеніи такого мотива, повелѣвается указомъ выслать заграницу, «какъ изъ Великороссійскихъ такъ, и изъ Малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, какого бы кто званія и достоинства ни былъ», со всѣмъ ихъ имуществомъ, и впредь ихъ въ Россію ни подъ какимъ предлогомъ не впускать, исключая, если бы кто изъ евреевъ захотѣлъ принять христіанскую вѣру и, притомъ, не иную, какъ греческаго исповѣданія, «которымъ, сказано въ указѣ,

крестя въ нашей Имперіи, жить позволить, токмо вон ихъ изъ государства уже не выпускать». Причемъ, согласно съ прежними распоряженіями правительства, состоявшимися послѣ Петра I, при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ, предписывается также, если у кого нибудь изъ евреевъ нашлась бы русская золотая и серебряная монета, то ее у нихъ отбирать, выплачивая ее русскими мѣдными мелкими деньгами, пятикопѣечниками, денежками и полушками, «которыя, сказано въ указѣ, могутъ они (евреи) въ нашей же Имперіи отдать и куда кому надобно векселя взять». Все это повелѣно указомъ исполнить самымъ строгимъ образомъ, подъ опасеніемъ царскаго гнѣва и «тяжчайшаго истязанія». Этотъ указъ помѣщенъ въ полномъ Собраніи Законовъ и озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «о высылкѣ, какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ жидовъ, какого бы кто званія и достоинства ни былъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, за-границу, и о невпусканіи оныхъ, на будущее время, въ Россію, кромѣ желающихъ принять христіанскую вѣру греческаго исповѣданія».

Въ виду содержавшагося въ указѣ повелѣнія о строгомъ его соблюденіи, онъ былъ тотчасъ обнародованъ, а въ слѣдующемъ 1743 году, о выполненіи его «накрѣпчайше» подтверждено Сенатомъ, особыми указами.

Внезапная высылка изъ Россіи всѣхъ находившихся въ ней евреевъ, съ воспрещеніемъ впускать ихъ въ нее на будущее время, а также отобраніе у нихъ русской золотой и серебряной монеты, съ обмѣномъ ее на мѣдныя деньги и даже безъ такого обмѣна, просто подъ векселя, то есть, другими словами, лишеніе ихъ права собственности на извѣстныя цѣнности и принадлежавшія имъ деньги, представляли собою такія мѣры и распоряженія, которыя должны были неминуемо повлечь за собою преждевременное прекращеніе завязавшихся съ евреями и заграничными негоціантами торговыхъ сношеній, ко вреду насущнѣйшихъ интерессовъ мѣстныхъ жителей, съ подрывомъ, въ то же время, какъ мѣстнаго кредита, такъ и довѣрія заграничныхъ купцовъ къ русскому правительству. Въ виду этого, въ Малороссіи, Генеральная Войсковая Канцелярія, а въ г. Ригѣ—Лифляндское Губернское Правленіе, тамошняя Регирунгсъ-Канцелярія, генералъ-фельдмаршалъ Рейхсъ-графъ фонъ Лессій и Рижскій Магистратъ, почти одновременно, вошли въ Сенатъ съ доношеніями, въ которыхъ объясняли: *Генеральная Войсковая Канцелярія,* что вслѣдствіе вышесказаннаго указа Импе-

ратрицы, выслано изъ Малороссіи 142 еврея мужескаго и женскаго пола, что между тѣмъ, евреи издавна пріѣзжали въ Малороссію не для житья, а только для торговли на ярмаркахъ, что за привозъ и отвозъ своихъ товаровъ они платятъ въ казну индуктивные сборы, эксакторами которыхъ состоятъ греки, что евреи, не вѣдая нечаянной ихъ высылки за-границу, завезли изъ разныхъ государствъ въ Имперію товары и ихъ «на знатную сумму» еще не продали, что они же, евреи, разнымъ купцамъ въ Великороссіи и Малороссіи, а тѣ купцы имъ должны произвести денежныя уплаты по векселямъ, почему вышесказанная Войсковая Канцелярія, согласно съ просьбою эксакторовъ грековъ, ходатайствовала передъ Сенатомъ о разрѣшеніи вновь евреямъ-купцамъ пріѣзда въ Россію съ товарами на ярмарку, «дабы не пропускомъ ихъ не послѣдовало въ казенномъ индуктивномъ сборѣ недобору, а имъ (эксакторамъ грекамъ) убытку и раззоренія»; *вышепомянутыя лифляндскія правительственныя учрежденія и власти*, что многіе и едва-ли не всѣ польскіе магнаты и купцы имѣютъ евреевъ своими факторами и повѣренными, по своимъ торговымъ дѣламъ, что вслѣдствіе этого, они, чрезъ посредство ихъ, евреевъ, заключаютъ контракты съ рижскими купцами, деньги принимаютъ, товары присылаютъ и потребные въ Ригѣ товары покупаютъ, что если евреямъ воспретится вовсе пріѣздъ въ этотъ городъ, то все это должно «пресѣчься», что рижское мѣщанство имѣетъ за евреями болѣе 100 тыс. ефимковъ задаточныхъ денегъ, между тѣмъ, по случаю высылки ихъ изъ Россіи, они могутъ отправиться съ своими товарами въ чужестранныя сосѣднія мѣста и тамъ ихъ распродать, а нужные для нихъ на вывозъ товары тамъ же купить, слѣдовательно «торгъ въ Ригѣ сильно пропадетъ, а рижскіе купцы ни съ чѣмъ останутся» и, такимъ образомъ, Ея Императорскаго Величества «интересу великій ущербъ приключится и имѣющіеся рижскихъ купцовъ на тѣхъ жидахъ весьма великіе долги пропадутъ, а коммерція совсѣмъ рушиться можетъ, для того, что имъ привозныхъ изъ-за моря товаровъ продать будетъ некому», почему лифляндскія учрежденія и власти, подобно малороссійской Войсковой Канцеляріи, ходатайствовали «чтобы опредѣлено было пріѣзжающихъ изъ Польши и Литвы въ Ригу, съ своими товарами, жидовъ и потомъ возвращающихся, безъ задержанія пропускать и имъ въ томъ никакого помѣшательства и препятствія не чинить...»

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ эти доношенія, вошелъ къ Императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ нахо-

дилъ и съ своей стороны, что воспрещеніе евреямъ, разъ навсегда, права пріѣзда въ тѣ или другія пограничныя мѣста, гдѣ между ними и мѣстными купцами существуетъ ярмарочный временной торгъ, можетъ повлечь за собою не только «великій убытокъ» русскимъ купцамъ, но причинитъ не малый и самой государственной казнѣ, почему Сенатъ, ссылаясь на состоявшіеся при Императорѣ Петрѣ II и Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по ходатайству гетмана Апостола, Высочайшие указы, полагалъ, что для приращенія государственныхъ интересовъ и распространенія коммерціи и дабы подданные Ея Величества изъ купцовъ, въ Малороссіи и прочихъ пограничныхъ мѣстахъ, могли имѣть пользу, «надлежало бы жидовъ, какъ въ Малую Россію и слободскіе полки, такъ и въ Ригу и всѣ пограничныя мѣста, для единаго точію купеческаго промысла на ярмарки съ товарами впущать». Но на такомъ докладѣ положена Императрицею Елисаветою Петровною Собственноручная резолюція слѣдующаго содержанія: «*Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли*».

Вслѣдствіе такой резолюціи, выясняющей побужденія, какими руководствовалось правительство, какъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, такъ и при другихъ Императрицахъ, состоялся и тотчасъ обнародованъ Именной указъ 16 Декабря 1743 года; а затѣмъ, въ слѣдующемъ году, Правительствующій Сенатъ, указомъ 25 Января 1744 года, предписалъ подлежащимъ мѣстнымъ начальствамъ: «обрѣтающихся въ Малой Россіи, въ Ригѣ и въ прочихъ великороссійскихъ и завоеванныхъ городахъ «жидовъ», по содержанію вышеупомянутаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго Декабря 2 дня прошлаго 742 года указа, всѣхъ выслать за-границу и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ, ни для чего, также и въ ярманочныя времена на ярмарки, ни на малое время въ Россію отнюдь не впускать, да и о впускѣ ихъ никакихъ ни откуда представленій въ Правительствующій Сенатъ не присылать; а всѣль оные отнынѣ высланы, о томъ въ Правительствующій Сенатъ рапортовать». (П. С. З. т. XII, № 8,867).

Изъ ряда вышеизложенныхъ фактовъ, само собою, вытекаетъ: 1) что принятая правительствомъ при Императрицахъ: Екатеринѣ I, Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ, столь строгая политика, въ отношеніи евреевъ, не оправдывалась торговыми, экономическими и финансовыми интересами государства; 2) что она не имѣла въ своемъ основаніи тѣхъ началъ, коими наши Государи руководствовались прежде, и 3) что этотъ образъ дѣйствія, не будучи вызванъ мате-

ріальными въ томъ нуждами и пользами страны, ни религіозно-нравственными интересами православнаго исповѣданія, имѣлъ, исключительно, одну только побудительную причину—религіозную исключительность и предубѣжденія противъ евреевъ.

Но была-ли этимъ достигнута, по крайней мѣрѣ, цѣль совершеннаго очищенія русской территоріи отъ евреевъ и герметическаго, такъ сказать, закрытія для нихъ дверей государства? Оставались-ли евреи еще и послѣ того въ предѣлахъ государства, или же, до извѣстнаго времени, ихъ дѣйствительно въ немъ не было?

«Труды» черниговской коммисіи по еврейскому вопросу даютъ на это утвердительный отвѣтъ (стр. 7), въ предположеніи, что высылка евреевъ изъ Россіи была встрѣчена сочувственно жителями, которые, вслѣдствіе этого, сами охотно и строго приводили ее въ исполненіе. Въ подтвержденіе же, что послѣ того евреевъ въ Малороссіи до 1793 года уже не встрѣчалось, въ «Трудахъ» дѣлается ссылка на опись, произведенную при Г. Г. Румянцевѣ, и на описаніе черниговскаго намѣстничества Шафонскаго 1776 года. Но едва-ли такія данныя могутъ быть приняты за несомнѣнныя.

Особая строгость, съ какою были предписаны мѣры о высылкѣ евреевъ изъ Россіи и не менѣе строгія подтвержденія, какія Правительствующимъ Сенатомъ были сдѣланы мѣстнымъ начальствамъ о точномъ и неукоснительномъ выполненіи ихъ, вслѣдъ за указами, какъ 2 Декабря 1742 года, такъ и 16 Декабря 1743 г., свидѣтельствуютъ скорѣе, что мѣры тѣ, какъ уже сказано, не были встрѣчены съ особымъ сочувствіемъ, ни со стороны мѣстныхъ жителей, ни со стороны мѣстной администраціи. Если же принять во вниманіе приведенный выше фактъ усиленныхъ ходатайствъ, съ какими, въ виду перваго изъ тѣхъ указовъ, обратились въ Сенатъ мѣстныя власти въ Малороссіи и г. Ригѣ, о невысылкѣ евреевъ и дозволеніи имъ дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи; если припомнить также недавнія, передъ тѣмъ, подобныя же ходатайства гетмана Апостола и князя Шаховскаго, уступки, какія, вслѣдствіе этого, было признано нужнымъ сдѣлать, въ пользу торговыхъ правъ евреевъ, въ царствованіе Петра II и Анны Іоанновны и, наконецъ, содержаніе евреевъ въ своихъ помѣстьяхъ многими владѣльцами, въ томъ числѣ и Кіево-Софійскимъ монастыремъ, не взирая на строгія воспрещенія о томъ со времени Екатерины I; то нельзя не признать, что имѣющееся въ «Трудахъ» Черниговской коммисіи предположеніе о всеобщемъ сочувствіи къ прави-

тельственнымъ мѣрамъ, относительно высылки евреевъ изъ Россіи, является вполнѣ произвольнымъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ офиціальныхъ данныхъ, которыя основаны не на дѣйствительныхъ фактахъ, а на однихъ только предположеніяхъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что денежныя и матеріальныя выгоды, всегда и вездѣ были главными двигателями въ жизни людей, къ какому бы они вѣроисповѣданію ни принадлежали, и что, въ виду ихъ, практическое направленіе всегда брало верхъ, особенно въ населеніяхъ русско-славянскаго происхожденія, даже тамъ, гдѣ преобладалъ римско-католическій элементъ. Поэтому, несравненно больше основаній къ предположенію, что указы 2 Декабря 1742 г. и 16 Декабря 1743 г., не смотря на всю ихъ строгость, повели только къ одному и тому же результату, а именно къ ихъ обходу всѣми мѣрами, какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны мѣстныхъ жителей, не безъ содѣйствія и самихъ мѣстныхъ властей, и что, вслѣдствіе этого, не только въ г. Ригѣ и другихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, но и въ Малороссіи, евреи и послѣ того продолжали появляться и имѣть въ нихъ, болѣе, или менѣе, продолжительное пребываніе, для торговыхъ и другихъ сношеній съ коренным тамъ населеніемъ. Если же въ описи Г. Г. Румянцева не встрѣчается слѣдовъ ихъ пребыванія тамъ, то это могло произойти отъ того, что мѣстная администрація, въ виду строгихъ распоряженій о евреяхъ, остерегалась вообще вносить ихъ въ списки, къ чему она могла имѣть и вполнѣ законный предлогъ, такъ какъ опись та имѣла своимъ предметомъ и цѣлью — собраніе свѣдѣній, преимущественно, о состоящемъ въ русскомъ подданствѣ осѣдломъ, коренномъ населеніи, а не о заѣзжихъ, на короткое время, чужеземныхъ людяхъ, къ числу которыхъ относились тогда и евреи, даже изъ числа имѣвшихъ постоянную у насъ осѣдлость и владѣвшихъ недвижимыми имуществами.

Еслибъ правительство вполнѣ разсчитывало на несочувствіе къ евреямъ мѣстнаго населенія, то не было бы и повода послѣ ихъ изгнанія изъ Россіи, къ какимъ либо новымъ, въ отношеніи ихъ, мѣрамъ. Между тѣмъ, спустя 20 лѣтъ послѣ вышесказанныхъ указовъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ самый годъ вступленія Екатерины II на престолъ, а именно 4 Декабря 1762 года, состоялся Именной Ея указъ о воспрещеніи евреямъ выходить и селиться въ Россіи, въ числѣ другихъ иностранцевъ, которымъ это было разрѣшено. Спустя же два года послѣ того, а именно 11 Октября 1764

года, при той же Императрицѣ, состоялся Сенатскій Указъ, которымъ евреямъ, жившимъ въ непринадлежавшей намъ еще тогда Литвѣ, въ тамошней слободѣ Вѣткѣ, и принявшимъ крещеніе по старообрядческому обряду, разрѣшено селиться внутри Имперіи, для чего, по составленному реестру, были указаны тамъ для нихъ даже особыя мѣстности (П. С. З. т. XVI, №№ 11720 и 12260).

Нѣтъ сомнѣнія, что евреи, принявшіе христіанство по раскольническому обряду, остались такими же евреями, какъ и прежде. Это было для тѣхъ евреевъ, очевидно, только средствомъ къ обходу правительственныхъ распоряженій, воспрещавшихъ имъ селиться въ Россіи, и въ этомъ случаѣ, обходу такому, какъ бы не замѣчая того, содѣйствовало само же правительство, въ лицѣ Сената и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ которымъ Сенатомъ было сдѣлано, по этому предмету, предварительное сношеніе.

Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, вполнѣ утвердительно, чтобы со времени Императрицы Елисаветы Петровны до разрѣшенія евреямъ Екатериною II, въ 1769 году, селиться въ Новороссійскомъ краѣ, въ составѣ русскаго народонаселенія вовсе не было евреевъ и чтобы всякія сношенія съ ними у насъ были вовсе прекращены.

Перейдемъ, теперь, къ ближайшему разсмотрѣнію образа дѣйствія, по отношенію къ евреямъ, Императрицы Екатерины Великой и правительства, въ Ея царствованіе.

Вышеприведенный Именной указъ Императрицы Екатерины II, о воспрещеніи евреямъ выходить и селиться въ Россіи, въ числѣ прочихъ иностранцевъ, состоявшійся 4 Декабря 1762, т. е. черезъ пять мѣсяцевъ по вступленіи Императрицы на престолъ, и появившіеся въ концѣ Ея царствованія два другіе Именные указа, подвергнувшіе права жительства евреевъ въ Россіи существеннымъ ограниченіямъ, даютъ многимъ поводъ заключать, что эта великая Государыня, впродолженіи всего своего царствованія, руководствовалась такою же политикою нетерпимости къ нимъ, какъ и предшествующія Императрицы. Но ближайшее разсмотрѣніе законодательныхъ предначертаній Екатерины II, касающихся евреевъ, убѣждаетъ, однако, въ совершенно противномъ.

Изъ нѣкоторыхъ имѣющихся объ этомъ данныхъ, не лишенныхъ исторической достовѣрности, усматривается, что первое время, до начертанія въ 1767 году извѣстнаго Наказа Коммисіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія, взгляды этой великой Монархини на евреевъ и

отношеніе къ нимъ государства и правительственной власти, въ точности, какъ бы не установилось.

Въ собственноручныхъ замѣткахъ Императрицы, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ», за 1865 годъ (стр. 492), имѣется, по поводу этого, слѣдующій разсказъ.

Въ первый, или на другой день по восшествіи своемъ на престолъ, Императрица прибыла въ Сенатъ, гдѣ, именно въ тотъ день, по наступившей очереди, докладывалось, между прочимъ, дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. Всѣ сенаторы были единогласно того мнѣнія, что ихъ слѣдуетъ допустить, признавая такое допущеніе полезнымъ для государства. Но Императрица затруднилась, однако, высказать свою Монаршую волю, по этому предмету. Когда же, изъ присутствовавшихъ сенаторовъ, князь Одоевскій поднесъ Императрицѣ дѣло о евреяхъ, съ извѣстною уже резолюціею на немъ Императрицы Елизаветы Петровны: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли», то Государыня, прочитавъ ее, отдала приказаніе заслушанное дѣло о евреяхъ отложить до другаго времени.

Это дало поводъ къ толкамъ, что, будто, Императрица Екатерина II имѣла такое же нерасположеніе къ евреямъ, какъ и Императрица Елисавета Петровна. Между тѣмъ, изъ приведеннаго же разсказа объ этомъ случаѣ видно, что такіе толки не имѣли никакого основанія. Колебаніе Императрицы, относительно евреевъ, въ самомъ разсказѣ, объясняется тѣмъ, что Императрица, только что заявившая, передъ этимъ случаемъ, торжественно, въ Манифестѣ о восшествіи на престолъ, свой священный долгъ, относительно защиты и обороны православнаго закона, не могла не почувствовать нѣкоторую щекотливость своего положенія, при докладѣ въ Сенатѣ, въ личномъ Ея присутствіи, дѣла о евреяхъ, съ имѣвшеюся на немъ резолюціею Императрицы Елисаветы Петровны, а также всю неловкость для себя начать свое царствованіе актомъ, который могъ бы быть истолкованъ не въ пользу Ея благочестія и вооружить противъ Нея духовенство, бывшее, въ то время, и безъ того уже, недовольнымъ, вслѣдствіе невоспослѣдованія еще возврата ему секуляризованныхъ имѣній.

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы разсказъ самой Императрицы, помѣщенный въ «Русскомъ Архивѣ», не былъ документально вѣренъ. Во всякомъ случаѣ, онъ весьма правдоподобенъ, такъ какъ щекотливость вопроса о евреяхъ, въ первые дни восшествія Императрицы на престолъ, весьма понятна и могла быть причиною, какъ отсрочки вы-

шеупомянутаго дѣла, такъ и нерѣшительнаго образа дѣйствія Императрицы, по отношенію къ евреямъ, въ первое время Ея царствованія.

Но это продолжалось недолго. Геніемъ Государыни вскорѣ усвоены и изображены, въ изданномъ Ею, 30 Іюля 1767 года, Наказѣ Коммисіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія (П. С. З. т. XVIII, № 12946), многія изъ тѣхъ великихъ началъ, которыя служатъ нынѣ основою гражданскаго благоустройства всѣхъ вообще христіанскихъ государствъ, какъ-то: о религіозной терпимости, о равенствѣ въ правахъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія «народа и закона (вѣры)», о значеніи каждаго человѣка, какъ существа свободно-разумнаго, имѣющаго естественное право на жизнь, трудъ и свое достояніе, о настоящихъ отношеніяхъ верховной власти къ различнымъ народностямъ, соединеннымъ въ общій гражданскій союзъ, подъ скипетромъ одной и той же державы, и т. п.

Такъ, въ вышеупомянутомъ Наказѣ изображено, между прочимъ, въ гл. V, подъ рубрикою: «*О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ*» § 34: «Равенство гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ»; въ гл. VI, подъ рубрикою: «*О законахъ вообще*», § 41: «ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно, или каждому особенно, или всему обществу»; § 42: «всѣ дѣйствія ничего такого въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, которые не съ особымъ намѣреніемъ установлены, какъ только, чтобы дѣлать самое большее спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущимъ»; подъ рубрикою: *Правила весьма важныя и нужныя*, § 494: «въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный, для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ, былъ порокъ запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ»; § 495: «и нѣтъ подлинно инаго средства, кромѣ разумнаго иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду [1]); § 496: «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему

---

[1]) Переводъ этотъ съ помѣщеннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ французскаго текста крайне не точенъ, а потому, не лишне привести французскій текстъ этого § „Il n'y a même qu'une sage tolérance, avouée de la religion orthodoxe et de la politique, qui puisse ramener ces brebis égarées au vrai troupeau des fidèles".

закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца и отводятъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ». Въ дополненіяхъ къ этому Наказу (П. С. З. т. XVIII, № 13096) изображено, въ гл. XXII, подъ рубрикою: «*О расходахъ и приходахъ и ихъ управленіи, то есть, объ Экономіи Государства, иначе называемой Финансовое Управленіе*», § 568: «всякъ долженъ здѣсь самому себѣ сказать: я человѣкъ, ничего чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себя не считаю»; § 573: «человѣкъ кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлецъ, рукодѣльникъ или торговецъ; праздный хлѣбоядца, или прилежаніемъ и раченіемъ подающій къ тому способы; управляющій или управляемый, все есть человѣкъ: сіе одно слово подаетъ уже совершенное изображеніе всѣхъ нуждъ и всѣхъ средствъ къ удовлетворенію оныхъ».

Изъ того же Наказа усматривается, что Екатерина II, усвоивъ себѣ вышеизъясненныя общія начала, отдавала себѣ, въ то же время, вполнѣ ясный отчетъ, что народности, живущія въ государствѣ, могутъ различаться между собою, по ихъ природнымъ качествамъ и свойствамъ, направленнымъ въ ту или другую сторону человѣческой дѣятельности, при чемъ въ примѣръ приводятся, между прочимъ, китайцы, какъ люди, отличающіеся необыкновеннымъ проворствомъ въ торговыхъ дѣлахъ и жаждою къ обогащенію и пріобрѣтенію себѣ большой прибыли (гл. VI, § 55).

Очевидно, что съ усвоеніемъ этихъ началъ и понятій должны были существенно измѣниться взгляды на иновѣрцевъ, христіанскихъ и не христіанскихъ исповѣданій, и средства, которыя избирались прежде къ огражденію православной Церкви, такъ точно какъ и къ раскрытію истины по дѣламъ уголовнымъ. Отмѣна пытокъ и религіозныхъ преслѣдованій, въ жестокихъ и суровыхъ формахъ прежняго времени, были естественнымъ послѣдствіемъ этого.

Императрица Екатерина II не ограничилась изображеніемъ только на бумагѣ усвоенныхъ началъ и понятій, но окрѣпнувъ въ нихъ, Императрица стала приводить ихъ въ дѣйствительную жизнь, лично руководя избранныхъ государственныхъ дѣятелей и исполнителей Царской Ея воли, посредствомъ Собственноручныхъ письменныхъ приказаній, указовъ, наказовъ и манифестовъ.

Такая просвѣщенная дѣятельность Императрицы и природная Ея мудрость, проявлявшіяся по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не могли не отразиться и на Ея политикѣ, по отношенію и къ евреямъ.

Религіозная нетерпимость прежняго времени должна была уступить болѣе здравымъ понятіямъ о свободѣ исповѣданія каждымъ своей вѣры, а стремленіе приводить въ православіе мѣрами внѣшняго принужденія— чувствомъ уваженія къ личности и правамъ иновѣрцевъ и убѣжденіямъ ихъ совѣсти, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Императрица Екатерина II, еще за три года до присоединенія отъ Польши Бѣлорусскаго края, съ осѣдлымъ въ немъ еврейскимъ населеніемъ, а именно, 16 Ноября 1769 года, не поколебалась, Именнымъ указомъ, даннымъ Кіевскому Генералъ-Губернатору Воейкову, предоставить присланнымъ изъ дѣйствующей арміи евреямъ право поселенія въ Новороссійскомъ краѣ (П. С. З. т. XVШ № 13383).

Хотя это право было ограничено однимъ только тѣмъ краемъ и поселившимся въ немъ евреямъ не было, одновременно, предоставлено правъ русскаго гражданства, которыя дарованы имъ, какъ будетъ сказано ниже, лишь въ 1791 году; но все-таки формальное разрѣшеніе евреямъ водворенія въ предѣлахъ русской территоріи, откуда правительство, въ царствованіе прежнихъ Императрицъ, стремилось евреевъ вовсе изгнать, было рѣшительнымъ уже шагомъ къ измѣненію такой, относительно ихъ, политики и свидѣтельствуетъ, что Екатерина II, съ того времени, не стала смотрѣть на евреевъ, какъ на людей, представлявшихъ нѣчто безусловно опасное для спокойствія государства и православной нашей Церкви.

Принимая, затѣмъ, въ 1772 году, пріуготовительныя мѣры къ присоединенію отъ Польши Бѣлорусскаго края, въ то время, когда объ этомъ шли еще переговоры съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами, и предположивъ раздѣлить тотъ край на двѣ губерніи: Псковскую и Могилевскую, съ образованіемъ изъ нихъ генералъ-губернаторства и назначеніемъ туда Генералъ-Губернаторомъ графа Захара Григорьевича Чернышева, а Губернаторами: генераловъ — Коховскаго и Кречетникова, Императрица, при Именныхъ указахъ 28 Мая 1772 года, сообщила имъ особый, Ею начертанный, Наказъ, содержавшій подробное наставленіе объ основаніяхъ, какими они должны были руководствоваться, при управленіи губерніями и краемъ (П. С. З. т. XIX №№ 13807 и 13808).

Этотъ Наказъ составляетъ, конечно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ актовъ Екатерины Великой. Императрица, непосредственно отъ своего лица, повелѣвала въ немъ, между прочимъ, правителямъ губерній и

края, въ отношеніи различныхъ вѣръ, какія исповѣдуются жителями, руководствоваться строго началами терпимости, начертанными въ §§ 494, 495 и 496 вышеупомянутаго общаго Наказа Коммиссіи для составленія проекта, Новаго Уложенія, а въ отношеніи правъ состоянія жителей—началами равенства, начертанными въ V его главѣ; причемъ, предписывалось принимать дѣятельныя мѣры къ пресѣченію всякаго рода угнетѣній, притѣсненій, несправедливостей, разбоевъ, смертоубійствъ, избѣгая въ изслѣдованіи дѣлъ «мерзкихъ пытокъ, обвиняющихъ и праваго и виноватаго», а также всякихъ суровыхъ казней. Въ Наказѣ изъяснялась также Монаршая воля Императрицы, чтобы не только провинціи силою оружія, но и сердца всѣхъ людей, въ нихъ живущихъ, были покорены «добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ», и чтобы всѣ жители, какого бы они званія ни были, не только были оставлены при всемъ томъ «что кто имѣетъ и гдѣ кто живетъ», но чтобы были приняты мѣры къ огражденію личной и имущественной безопасности каждаго изъ нихъ. Вмѣстѣ съ симъ, предписывалось произвести перепись повѣтамъ и деревнямъ и всѣмъ живущимъ въ нихъ людямъ и крестьянамъ; что же касается городовъ, то повелѣно оставить ихъ, на первый случай, при ихъ правахъ и привилегіяхъ, съ разрѣшеніемъ имъ входить съ ходатайствами объ ихъ утвержденіи. Изъ всѣхъ вѣроисповѣданій, Императрицею въ Наказѣ обращено особое вниманіе только на монашескіе ордена римско-католическаго исповѣданія, и изъ нихъ, преимущественно, на іезуитовъ, за которыми повелѣно «наипаче недремапно смотрѣть... яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ». Въ отношеніи же евреевъ и ихъ исповѣданія, въ Наказѣ ничего исключительнаго постановлено не было.

Умолчаніе Императрицею о евреяхъ, въ столь важномъ случаѣ, какъ присоединеніе края, съ значительнымъ ихъ населеніемъ, которое, съ того времени, должно было войти въ составъ общаго народонаселенія Имперіи и имѣть въ ней постоянную осѣдлость, есть обстоятельство, которое само собою, доказываетъ, что Государыня не имѣла намѣренія руководствоваться прежними религіозными предубѣжденіями и предразсудками относительно евреевъ, не желала дѣйствовать на основаніи предвзятыхъ на нихъ взглядовъ, какъ на людей, по ихъ племени и вѣрѣ, безусловно вредныхъ для государства, и не видѣла, вообще, потребности ставить ихъ подъ своимъ скипетромъ, въ какое либо исключительное отъ прочихъ подданныхъ положеніе.

Это не преминуло обнаружиться и въ болѣе осязательныхъ чертахъ. По успѣшномъ окончаніи переговоровъ о присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, состоялся 11 Августа 1772 года Именной указъ «о принятіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши провинцій», которымъ повелѣно графу Чернышеву, какъ Генералъ-Губернатору этого края, по приложенному къ указу плакату, объявить объ этомъ политическомъ событіи мѣстнымъ жителямъ съ приведеніемъ ихъ къ присягѣ, каждаго по закону ихъ вѣры.

Вышесказанный плакатъ, составленный и изложенный въ духѣ Наказа, который былъ данъ генераламъ Коховскому и Кречетникову, содержитъ формулировку оповѣщенія жителей края о вступленіи ихъ въ русское подданство, съ торжественнымъ заявленіемъ, отъ лица Императрицы, тѣхъ началъ и основаній, какихъ Государыня была намѣрена держаться въ своемъ образѣ дѣйствія, по отношенію къ новымъ своимъ подданнымъ. Плакатъ этотъ былъ тогда прочитанъ въ церквахъ, прибитъ въ разныхъ мѣстахъ, для его всенароднаго прочтенія и записанъ въ городскихъ книгахъ. По государственной важности этого документа, которымъ ярко обрисовывается предначертанная Великою Монархинею политика, относительно жителей присоединенныхъ областей и провинцій, въ томъ числѣ, относительно и евреевъ, нелишне привести здѣсь нѣкоторыя мѣста плаката, въ подлинномъ ихъ текстѣ. Онъ начинается такимъ образомъ: «Я, Графъ За-«харъ Чернышевъ объявляю... всѣмъ вообще жителямъ, всякаго чина «и званія, присоединенныхъ отъ Рѣчи Посполитой Польской на вѣч-«ныя времена къ Имперіи Всероссійской мѣстъ и земель... (слѣдуетъ «описаніе земель и ихъ границъ)... отнынѣ навсегда имѣютъ (мѣста «и земли) состоять подъ скипетромъ Россійской Имперіи, жители же «оныхъ земель и владѣльцы, *какого бы рода и званія они ни были, «въ подданствѣ онаго.* Чего ради и имѣлъ я, какъ учрежденный надъ «оными отъ Ея Величества Генералъ-Губернаторъ, точное Высочайшее «повелѣніе торжественно обнадежить, прежде всего, собственнымъ Ея «священнымъ Именемъ и словомъ (какъ то симъ публичнымъ плака-«томъ, для всеобщаго свѣдѣнія и удостовѣренія и исполняю), всѣхъ «Ея Величества новыхъ подданныхъ, а мнѣ любезныхъ теперь со-«граждан̑ъ, что Всемилостивѣйшая Государыня изволитъ не только «всѣхъ ихъ подтверждать, при совершенной свободѣ въ публичномъ «отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи и «имуществѣ, но и *совершенно ихъ подъ державою Своею усыновляя,*

«всѣхъ и каждаго награждать, еще отнынѣ, въ полной мѣрѣ и *безъ «всякаго изъятія*, всѣми тѣми правами, вольностями и преимуще-«ствами, каковыми древніе Ея подданные пользуются, такъ что *каж-«дое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель* вступаетъ, съ «самаго сего дня, во всѣ оному свойственныя выгоды, *по всему про-«странству Имперіи Россійской*... Черезъ торжественное выше сего «обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприко-«сновенной въ имуществахъ цѣлости, собою разумѣется, что и *Еврей-«скія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи «Россійскихъ городахъ и земляхъ будутъ оставлены и сохранены «при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи за-«кона и имуществъ своихъ пользуются: ибо человѣколюбіе Ея Им-«ператорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить «изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подъ бла-«гословенною Ея Державою, доколѣ они, съ своей стороны, съ «подлежащимъ повиновеніемъ яко вѣрноподданные жить и въ на-«стоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ своимъ обращаться «будутъ*. Судъ и расправа да будутъ продолжаемы въ настоящихъ «ихъ мѣстахъ именемъ и властію Ея Императорскаго Величества, съ «наблюденіемъ строжайшаго правосудія».

Изъ этого видно, что принятіе евреевъ въ русское подданство совершилось на одних основаніяхъ съ прочими жителями, не только безъ всякихъ ограничительныхъ условій, относительно ихъ правъ жительства въ Россіи и другихъ гражданскихъ правъ, но съ значительною, по отношенію къ ихъ вѣроисповѣданію, прерогативою, заключавшеюся въ томъ, что евреямъ, въ то же время, даровано право существованія въ государствѣ отдѣльными отъ прочаго населенія еврейскими обществами, за которыми признано значеніе *юридическихъ лицъ*, хотя и въ видѣ особой Монаршей милости и подъ условіемъ ихъ повиновенія правительству и обращенія въ торгахъ и промыслахъ. Эта прерогатива, которая не была предоставлена жителямъ всѣхъ прочихъ исповѣданій, не исключая православнаго, имѣла своею причиною извѣстный взглядъ на евреевъ, какъ на особый народъ или націю, нуждавшуюся, по своимъ обычаямъ и вѣрованіямъ, въ особомъ устройствѣ и управленіи, лишеніе которыхъ людей еврейскаго закона представлялось, въ то время, какъ бы стѣсненіемъ свободы ихъ исповѣданія, чего Государынѣ на первыхъ же порахъ не желалось допустить. Это было, однако, нѣкоторою политическою ошибкою, такъ какъ такое пре-

имущество послужило къ разъединенію евреевъ, въ общественномъ отношеніи, съ прочими жителями и, какъ будетъ объяснено ниже, было однимъ изъ главныхъ, впослѣдствіи, поводовъ къ различіямъ въ правахъ евреевъ ограничительнаго свойства. При всемъ томъ, остается несомнѣннымъ то, что по смыслу приведенныхъ политическихъ актовъ, евреи, въ числѣ прочихъ жителей Бѣлоруссіи, были приняты подъ русскій скипетръ *безусловно*. Это и не могло быть иначе, такъ-какъ по значительному числу евреевъ въ присоединенномъ краѣ и нахожденію не менѣе значительныхъ ихъ массъ въ сосѣднихъ съ нами державъ: Польши, Австріи и Пруссіи, высылка ихъ за «рубежъ» сдѣлалась, съ того времени, мѣрою уже невыполнимою. Постигая это вполнѣ, Екатерина Великая недопускала и мысли о какой либо условности въ принятіи евреевъ въ свое подданство, вслѣдствіе чего они и вошли въ составъ русскаго народонаселенія, наравнѣ съ прочими подданными.

Для руководства же мѣстныхъ властей въ ихъ дѣйствіяхъ по собранію точныхъ свѣдѣній о народонаселеніи и другихъ предметахъ, касавшихся присоединенныхъ мѣстностей и земель, къ вышеупомянутому Именному указу, вмѣстѣ съ плакатомъ, были приложены образцы формъ: 1) для перечневыхъ вѣдомостей изъ посемейныхъ списковъ о числѣ городовъ и селеній въ повѣтахъ и въ нихъ жителей, *въ томъ числѣ и евреевъ,* въ городахъ, мѣстечкахъ, селеніяхъ и деревняхъ, и 2) для посемейныхъ списковъ жителей въ повѣтахъ, приходахъ и селеніяхъ, съ графою для камеральныхъ примѣчаній и графами, для показанія каждаго съ семействомъ, *въ томъ числѣ и евреевъ,* въ городахъ и мѣстечкахъ—по торговымъ и другимъ занятіямъ, а въ селеніяхъ—по хатамъ (П. С. З. т. XIX, № 13850).

Нельзя, при этомъ, не обратить, однако, вниманія, что въ то время, какъ въ плакатѣ послѣдователи еврейскаго закона названы «евреями», имъ было присвоено въ вышесказанныхъ образцахъ формъ презрѣнное названіе «жидовъ»,—обстоятельство, которое не могло не обнаружить весьма неблагопріятнаго вліянія на взгляды мѣстной администраціи, относительно послѣдователей еврейскаго закона. Но нужно полагать, что это было сдѣлано помимо воли и желанія Императрицы, такъ какъ составленные образцы тѣхъ формъ, будучи предметомъ второстепеннымъ, по всей вѣроятности, къ прочтенію Государыни поднесены не были.

Вниманіе Императрицы было обращено, конечно, на одинъ только плакатъ, въ точности опредѣлявшій общія начала Ея политики, отно-

сительно новыхъ Ея подданныхъ, въ присоединенномъ отъ Польши краѣ, въ томъ числѣ и евреевъ, — начала, которыя, какъ это выражено въ Наказѣ губернаторамъ Коховскому и Кречетникову, признавались этою великою Государынею *«коренными, основанными на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка»*. Въ духѣ и направленіи этихъ началъ продолжался образъ дѣйствія Екатерины Великой, по отношенію къ евреямъ, почти во все время Ея царствованія. Только подъ конецъ его допущены Императрицею нѣкоторыя отступленія отъ этой политики, преимущественно, подъ вліяніемъ выдвигавшихся постоянно мѣстными и высшими властями религіозныхъ доводовъ, основанныхъ на укоренившихся противъ евреевъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ.

Сдѣлаемъ сперва обзоръ тѣхъ касавшихся евреевъ мѣръ и распоряженій, которыя находились въ согласіи съ личными взглядами и убѣжденіями Императрицы, выраженными въ плакатѣ и вышепомянутомъ Наказѣ правителямъ Бѣлорусскаго края.

Вслѣдъ за вступленіемъ русской администраціи въ управленіе этимъ краемъ, а именно 13 Сентября 1772 года, тамошній Генералъ-Губернаторъ, графъ Чернышевъ, представилъ на воззрѣніе Императрицы докладные пункты, съ своими предположеніями объ устройствѣ порядка мѣстнаго тамъ управленія.

Седьмымъ изъ этихъ докладныхъ пунктовъ, графомъ Чернышевымъ было предположено, между прочимъ, съ цѣлью огражденія крестьянъ отъ излишнихъ сборовъ и отягощенія неумѣренными работами, со стороны арендаторовъ населенныхъ имѣній, которыми, преимущественно, были евреи, установить для такихъ арендъ пятилѣтній срокъ, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы сказанныхъ имѣній имѣли право сдавать ихъ въ аренду не иначе, какъ по Именнымъ, каждый разъ, на то указамъ Высочайшей власти. Но Императрица, какъ бы отклонила эту чрезвычайную мѣру, начертавъ Собственноручно противъ этого пункта резолюцію слѣдующаго содержанія: «сдѣлать съ арендаторами контракты, коибъ охраняли отъ разоренія тѣхъ деревень». Изъ этой общей мѣры, признававшейся Императрицею достаточною для огражденія интересовъ крестьянскаго населенія, не сдѣлано никакихъ исключеній относительно собственно евреевъ (П. С. З. т. XIX № 13865).

За симъ, когда въ 1772 же, а потомъ въ 1774 годахъ, по представленію графа Чернышева, были дарованы мѣстнымъ жителямъ Бѣлорусскихъ губерній временныя льготы отъ платежа податей, то льготы

эти, каждый разъ, были распространяемы, въ одинаковой мѣрѣ, и на евреевъ. При уменьшеніи же, въ 1779 году, для тѣхъ же жителей положеннаго оклада податей на половину, такое точно облегченіе предоставлено и евреямъ (П. С. З. т. XIX №№ 13923 и 14113, т. XX № 14892).

Въ 1781 году, Именнымъ указомъ повелѣно взимать за винную спдку со всѣхъ жителей Бѣлорусскихъ губерній одинаковую подать, *безъ различія ихъ рода и закона* (П. С. З. т. XXI № 15274). Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, не было допущено въ отношеніи евреевъ какихъ либо особыхъ отягощеній, значительнѣйшихъ въ сравненіи съ прочими подданными.

Нѣкоторое время передъ этимъ, а именно 7 января 1780 года, по возбужденному графомъ же Чернышевымъ вопросу [1]) о правѣ евреевъ записываться въ купечество въ губерніяхъ Могилевской и Полоцкой, состоялся Именной указъ, въ которомъ прямо сказано: «Мы черезъ сіе волю Нашу объявляемъ, что въ томъ имъ (евреямъ) препятствовать не слѣдуетъ, поступая, впрочемъ, что до платежа капиталовъ принадлежитъ, по точной силѣ приложенныхъ при манифестѣ нашемъ отъ 17 апрѣля 1775 года статей и именно ст. 47». Манифестомъ же этимъ и статьями, къ нему приложенными, разрѣшено записываться въ купечество, повсемѣстно въ Имперіи, всѣмъ вообще мѣщанамъ, объявившимъ капиталъ свыше 500 руб., съ освобожденіемъ ихъ, по запискѣ въ купечество, отъ платежа подушной подати [2]). Разъясненіе Императрицею, какъ законодательницею, что, въ отношеніи записки въ купечество, къ евреямъ слѣдуетъ примѣнять общія узаконенія, какія существовали, въ то время, для горожанъ, разныхъ съ ними состояній, ясно доказываетъ, что Императрица не имѣла въ мысляхъ ограничивать сказанное право, для евреевъ, одними Бѣлорусскими губерніями. Между тѣмъ, указъ тотъ появился подъ заглавіемъ «о дозволеніи евреямъ, обитающимъ въ Могилевской и Полоцкой губерніяхъ, записываться въ купечество»,—что могло, конечно, давать, впослѣдствіи, поводъ къ истолкованію права торговли евреевъ въ ограничительномъ смыслѣ (П. С. З. т. XX № 14962).

Законодательная воля Императрицы, относительно уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, усматривается, далѣе, и

---

[1]) О причинахъ возбужденія объявителемъ плаката подобнаго вопроса будетъ сказано ниже.

[2]) Манифестъ о Высочайше дарованныхъ разнымъ сословіямъ милостей, по случаю заключенія мира съ Портою Оттоманскою (П. С. З. т. XX, № 14,275).

изъ Именнаго ея указа 3 мая 1783 года, которымъ было постановлено, между прочимъ, что «евреи, въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ пребывающіе, долженствуютъ обложены быть податьми по состоянію, въ какое они запишутся, «*безъ различія закона и народа*» (П. С. З. т. XXI, № 15724, III, п. 6).

Это направленіе законодательныхъ предначертаній Екатерины II, по отношенію къ евреямъ, усматривается еще яснѣе и положительнѣе изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

4 февраля 1785 года состоялись два Именныхъ указа, изъ коихъ однимъ по силѣ вышеприведеннаго манифеста 17 марта 1775 года, разрѣшено въ возвращенномъ отъ Курляндіи къ Рижской губерніи посадѣ Шлокѣ записываться въ мѣщанство и купечество россійскимъ вольнымъ людямъ и иностранцамъ, «безъ различія народа и закона», а другимъ указомъ, право это распространено, по отношенію ко всѣмъ вообще уѣзднымъ городамъ Рижской и Ревельской губерній (П. С. З. т. XXII, №№ 16144 и 16145). Очевидно, что сила этихъ указовъ распространялась и на евреевъ, какъ состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, такъ и иностранныхъ. Но какъ въ виду не отмѣненнаго, а слѣдовательно, какъ бы еще дѣйствовавшаго тогда, Именнаго указа Екатерины II, 4 декабря 1762 г., объ иностранныхъ евреяхъ, мѣстныя власти препятствовали, вѣроятно, такимъ евреямъ пользоваться вышесказаннымъ правомъ; то купцы изъ иностранныхъ евреевъ въ г. Митавѣ обратились, заблаговременно, къ посланному въ г. Ригу дѣйствительному тайному совѣтнику графу Воронцову, съ особымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи и имъ права записываться въ купечество посада Шлока. Вслѣдствіе этой просьбы, 4 же февраля 1785 года, состоялся данный на имя рижскаго Генералъ-Губернатора графа Броуна Именной указъ, которымъ еврейскимъ купцамъ сказанное право вполнѣ разрѣшено; причемъ, въ объясненіе мотива такого разрѣшенія, сказано, между прочимъ, въ указѣ слѣдующее: «когда же мы указомъ нашимъ позволили всѣмъ иностранцамъ, *безъ различія народа и закона*, записываться въ мѣщанство и купечество сего посада, равно какъ и другихъ городовъ, на кои сіе простирается, и пользоваться выгодами, правами и свободою въ отправленіи торговъ, промысловъ и ремеслъ, кои вообще купечеству и мѣщанству россійскимъ, по узаконеніямъ нашимъ, присвоены, то и ничто не препятствуетъ удовлетворить требованію помянутыхъ еврейскихъ купцовъ, на каковомъ основаніи вы съ ними и поступите» (П. С. З. т. XXII, № 16146). Очевидно, что

этимъ отмѣнялась сила приведеннаго выше именнаго указа 4 декабря 1762 года, состоявшагося въ духѣ еще той политики, относительно евреевъ, какой держалось русское правительство, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Характеристическое различіе этихъ двухъ политикъ усматривается изъ другаго подобнаго же случая, которымъ еще ярче обрисовываются, какъ личные взгляды Императрицы Екатерины Великой на подданныхъ еврейскаго исповѣданія и отношенія къ нимъ государственной власти, такъ и склонность правительства пользоваться удобными предлогами, чтобы подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ евреямъ, противодѣйствовать уравненію ихъ въ правахъ съ прочими подданными. Случай этотъ слѣдующій.

Въ 1786 году, нѣкоторые изъ жившихъ въ Бѣлорусскихъ городахъ евреи, испытывая, вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами, разныя притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей, которыя, вопреки торжественно объявленной въ вышеупомянутомъ плакатѣ державной воли Императрицы, стали, съ самаго начала, допускать произвольныя дѣйствія по отношенію къ евреямъ, ограничивать ихъ права и отказывать имъ даже въ надлежащемъ правосудіи, рѣшились войти съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о своихъ нуждахъ и защитѣ отъ такого несогласнаго съ волею Императрицы образа дѣйствія мѣстной администраціи.

Принявъ это прошеніе благосклонно и передавая его на разсмотрѣніе Сената, при словесномъ указѣ, объявленномъ Генералъ-Прокурору Полоцкимъ и Могилевскимъ Генералъ-Губернаторомъ Пассекомъ, Императрица «примѣтить указала, что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ Ея Величества, *въ состояніе равное съ другими*, то и подлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать *правило, Ея Величествомъ установленное*, что всякъ, по званію и состоянію своему, долженствуетъ пользоваться выгодами и правами, *безъ различія* закона и народа».

Нельзя было, кажется, Императрицѣ выразить яснѣе своей законодательной воли, относительно безусловнаго уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными. Ни это повелѣніе Императрицы, ни предшествующія верховныя Ея распоряженія не давали правительству ни малѣйшаго повода къ установленію для евреевъ какихъ либо различій въ правахъ съ прочими подданными ограничительнаго свойства, въ томъ числѣ и по отношенію къ ихъ праву повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Сенату, который былъ, въ то время, ближайшимъ органомъ

законодательной власти, надлежало, слѣдовательно, не устанавливая, въ отношеніи евреевъ, никакихъ исключительныхъ мѣръ, разъяснить мѣстному начальству настоящій смыслъ державной воли Императрицы и отмѣнить всѣ распоряженія его, которыя не были съ этою волею согласны. Но Сенатъ поступилъ иначе.

Не распространивъ на евреевъ, какъ надлежало, дѣйствія общихъ узаконеній, Сенатъ призналъ нужнымъ, въ видѣ изъятія изъ нихъ, установить какъ бы особыя правила для еврейскаго народа, которыя появились въ его указѣ, состоявшемся 7 Мая 1786 г., подъ заглавіемъ «объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, касательно ихъ подсудности, торговли и промышленности» (П. С. З. т. XXII, № 16391).

Изъ этого указа видно, что хотя Сенатъ, на основаніи предложеннаго ему генералъ-прокуроромъ къ исполненію Высочайшаго указа примѣнилъ къ правамъ евреевъ начала равенства, но въ то же время, ввелъ въ свои постановленія такія мѣры, которыя состояли съ ними въ противорѣчіи и, вмѣстѣ съ другими сенатскими же мѣрами и распоряженіями, о коихъ будетъ сказано ниже, положили основаніе тому исключительному положенію евреевъ въ государствѣ, въ какомъ они находятся въ настоящее время и находились прежде, при польскомъ правительствѣ, постановленія котораго совершенно противоположны съ направленіемъ законодательныхъ идей русской Государыни, были пропитаны духомъ исключительныхъ льготъ и привилегій.

Приступивъ къ разсмотрѣнію ходатайствъ, заключавшихся, какъ въ вышесказанномъ прошеніи, такъ и въ поступившихъ, за тѣмъ, дополнительныхъ къ нему прошеніяхъ и запискахъ тѣхъ же евреевъ, Сенатъ призналъ нужнымъ разрѣшить, прежде всего, вопросъ объ ихъ домогательствѣ на свободное въ городахъ винокуреніе, пиво и медовареніе, съ продажею этихъ питей оптомъ и въ розницу, помимо отдававшихся въ откупъ питейныхъ домовъ.

Просьбу эту Сенатъ, согласно съ заключеніями мѣстныхъ начальствъ, губернскаго и главнаго, весьма справедливо призналъ неправильною и въ ней евреямъ отказалъ, такъ-какъ удовлетвореніе подобнаго домогательства не имѣло бы инаго значенія, какъ допущеніе, въ пользу евреевъ, исключительной льготы или привилегіи, въ нарушеніе существовавшаго, тогда, общаго питейнаго закона 3 мая 1782 г., воспрещавшаго всѣмъ, вообще, вышесказанную продажу питей. Отказъ этотъ вполнѣ согласовался, слѣдовательно, съ началами равенства, указанными Императрицею. Придерживаясь какъ бы этихъ же началъ и въ

дальнѣйшихъ своихъ постановленіяхъ, Сенатъ призналъ возможнымъ, на основаніи того же самаго питейнаго закона, предоставить евреямъ право одинаковаго съ прочими подданными участія въ торгахъ, при взятіи питей на откупъ, съ преимуществомъ, какое было установлено для горожанъ надъ иногородными, и съ тѣмъ, чтобы въ отношеніи устроенныхъ уже евреями въ городахъ винокурень и другихъ строеній, судебными мѣстами было поступлено безобидно для нихъ «и, конечно, какъ сказано въ указѣ, *не отягощая ихъ противу другихъ равнаго состоянія людей*». Установивъ, такимъ образомъ, равенство евреевъ съ прочими подданными, по торговлѣ питіями, и руководствуясь, повидимому, строго этимъ основаніемъ, Сенатъ, вообще, въ огражденіе правъ евреевъ, постановилъ, въ главныхъ чертахъ въ томъ же указѣ, слѣдующія правила и мѣры: 1) объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для евреевъ и несогласныхъ съ дѣйствовавшими, въ то время, общими узаконеніями распоряженій генералъ-губернатора и намѣстническихъ правленій, относительно воспрещенія евреямъ брать, а помѣщикамъ, имъ отдавать въ своихъ деревняхъ, въ арендное содержаніе винокурень и корчемъ; 2) о допущеніи евреевъ къ выборамъ «въ судейскія и прочія купечества и мѣщанства должности» и о составленіи изъ нихъ и другихъ христіанскаго закона гражданъ городовыхъ магистратовъ, ратушъ и городскихъ думъ», соразмѣрно по количеству каждаго роду, «по точной силѣ жалованной городамъ 21 апрѣля 1785 г., грамоты [1]); 3) о доставленіи евреямъ, по ихъ дѣламъ, *правосудія*, равномѣрно и всякихъ по торгамъ и промысламъ и по городовому праву выгодъ, наравнѣ съ прочими подданными, *безъ различія закона вѣры*, а также о допущеніи евреевъ по дѣламъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, подъ присягою, по обрядамъ ихъ вѣры [2]), почему въ домогательствѣ евреевъ объ учрежденіи особыхъ еврейскихъ судовъ Сенатомъ было отказано; 4) о предоставленіи евреямъ права по дѣламъ, касающимся ихъ духовенства и обрядовъ вѣры, судиться и разбираться по прежнему, въ уѣздныхъ и губерн-

---

[1]) Городовое положеніе, п. к. ст. 127 (П. С. З. т. XXIII. № 16,188).

[2]) Ниже мы увидимъ, что не смотря на это распоряженіе, мѣстныя власти, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, придерживаясь древнихъ польскихъ статутовъ, продолжали и послѣ того устранять евреевъ отъ свидѣтельскихъ показаній по дѣламъ христіанъ, что послужило въ царствованіе Императора Александра I, поводомъ къ возбужденію объ этомъ законодательнаго даже вопроса. (См. ниже).

кихъ кагалахъ, учрежденныхъ, какъ будетъ объяснено ниже, по инициативѣ графа Чернышева, тотчасъ, по присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, съ присвоеніемъ такимъ кагаламъ, по дѣламъ евреевъ, не только духовной, но и гражданской даже юрисдикціи [1]); 5) о предоставленіи евреямъ, съ жалобами на вымогательство съ нихъ помѣщиками и другими лицами, за построенныя ими на ихъ земляхъ дома и другія строенія, платежа поземельныхъ денегъ, сверхъ договорныхъ цѣнъ, обращаться въ подлежащія судебныя мѣста; причемъ, Могилевскому и Полоцкому намѣстническимъ правленіямъ вмѣнено въ обязанность разсматривать ихъ «на основаніи законовъ и съ тѣмъ же безпристрастьемъ, съ коими дѣла прочихъ Бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются», изъ чего можно заключить, что нашими русскими судами и, вообще, нашими русскими мѣстными властями былъ принятъ и весьма скоро усвоенъ, по отношенію къ евреямъ, неправосудный образъ дѣйствія прежнихъ польскихъ судовъ и властей; 6) объ оказаніи евреямъ возможныхъ вспомоществованій, по дѣламъ о раздачѣ мѣстъ въ городахъ подъ постройки домовъ, и о вознагражденіи такими мѣстами помѣщиковъ, взамѣнъ ихъ земель, заселенныхъ евреями, «не нарушая токмо ничьей безъ подлежащаго удовлетворенія собственности» и не ссылаясь на прежніе польскіе законы и установленія, *относительно различія евреевъ отъ христіанъ*, «поелику, сказано въ Сенатскомъ указѣ, войдя они, по запискѣ ихъ въ купечество и мѣщанство, *въ равное съ прочими состояніе* и платя въ казну *равныя подати*, также и нося прочія *наравнѣ съ другими тягости*, должны, во всякомъ случаѣ, защищены и удовлетворены быть *наравнѣ съ прочими Ея Императорскаго Величества подданными*», 7) о вознагражденіи евреевъ, за отчуждаемыя отъ нихъ въ городахъ на общественную пользу дома, *также наравнѣ съ прочими жителями*, отъ которыхъ послѣдовали такія отчужденія, не изъемля ихъ отнюдь отъ сего удовлетворенія противъ другихъ, «*по различію единственно въ законѣ*», каковое постановленіе Сената даетъ право предполагать

---

[1]) Хотя сказаннымъ распоряженіемъ Сената юрисдикція кагаловъ была ограничена одними религіозными дѣлами евреевъ; но кругъ ея дѣйствія былъ, однако, и послѣ того не малымъ, если принять во вниманіе, что, въ то время, къ религіознымъ дѣламъ евреевъ, предоставленнымъ самостоятельному завѣдыванію ихъ обществъ и кагаловъ, относились всѣ дѣла брачныя, по устройству синагогъ, молитвенныхъ домовъ, благотворительныхъ учрежденій, по образованію юношества, учрежденію школъ, общественнымъ денежнымъ сборамъ и т. п.

существованіе случаевъ, что, первое время, у евреевъ отбиралось имущество по произволу административныхъ властей и что этими властями не всегда, слѣдовательно, уважались, по отношенію къ евреямъ, существовавшія и въ то время, общія узаконенія о неприкосновенности правъ частной собственности на имущества, пріобрѣтенныя законными путями; 8) о непринужденіи евреевъ, записавшихся въ купечество и мѣщанство, а также живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, *преждевременно* селиться въ городахъ; равнымъ образомъ, о невоспрещеніи имъ «заниматься по уѣздамъ промысломъ и работами, съ дозволенія общества, по даваемымъ паспортамъ [1]), особенно когда въ городахъ не имѣется свободныхъ мѣстъ, для построекъ домовъ, и когда неизвѣстно, могутъ ли они найти себѣ тамъ средства къ пропитанію, такъ-какъ и законами не запрещено торгующимъ отлучаться изъ городовъ, лишь бы они платили лежащія на нихъ подати бездоимочно»,—что ведетъ къ прямому заключенію, что въ административныхъ властяхъ, съ самаго начала вступленія евреевъ въ русское подданство, проявилось стремленіе къ сосредоточенію ихъ населенія, исключительно въ городахъ, съ явною цѣлью оттѣсненія ихъ отъ земледѣлія и сельской промышленности, по предвзятому взгляду, что евреи, вообще, могутъ заниматься только торговыми и денежными дѣлами,—взгляду, вполнѣ, какъ видно, не отвергавшемуся и самимъ Сенатомъ; 9) о предоставленіи евреямъ установленныя съ нихъ государственныя подати и общественные сборы, за исключеніемъ процентовъ съ объявленныхъ купцами капиталовъ, платить въ казну *по свободной между собою раскладкѣ* [2]) подобно тому, какъ это предоставлено Именнымъ указомъ 3 Мая 1783 года, въ малороссійскихъ намѣстничествахъ, казакамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ ка-

---

[1]) Это, само собою, придавало еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ, независимо отъ религіознаго, и административное значеніе, такъ-какъ ихъ власти были, одновременно, подчинены дѣла, касавшіяся мѣстопребыванія, отлучекъ и занятій евреевъ торговлею и промыслами; почему, мнѣніе профессора Бершадскаго, что Екатерининскимъ законодательствомъ отрицалось, будто, за кагалами всякое оффиціальное значеніе, не можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ (Литовскіе Евреи, 1883 г., стр. 57).

[2]) Предоставленіемъ евреямъ общественной между собою раскладки податей, въ отдѣльномъ и самостоятельномъ видѣ, положено начало солидарной отвѣтственности еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ за исправный взносъ податей причисленныхъ къ нимъ евреевъ, а слѣдовательно, и ихъ податной отъ нихъ зависимости. Поэтому, нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Профессора Бершадскаго, что Екатерининскимъ законодательствомъ податная зависимость евреевъ отъ ихъ обществъ и кагаловъ была совершенно, будто, устранена. (Лит. Евр., стр. 57).

зеннаго вѣдомства; причитающіеся же казнѣ съ объявленныхъ капиталовъ проценты постановлено взыскивать сколько съ кого слѣдуетъ; 10) объ истребованіи отъ Рижскаго Намѣстническаго Правленія объясненія, почему въ г. Ригѣ допущено воспрещеніе евреямъ, пріѣзжающимъ съ товарами, имѣть свободныя квартиры, а также объ отказѣ, въ то же время, въ просьбѣ евреевъ о разрѣшеніи имъ безпрепятственной записки въ окладѣ Рижскаго форштата, наравнѣ съ прочими иногородными купцами, для свободной тамъ торговли, на томъ основаніи, что *о свободной ихъ запискѣ въ купечество и мѣщанство въ другихъ городахъ, кромѣ Бѣлорусскихъ губерній, не имѣется особаго Высочайшаго повелѣнія.* (П. С. З. т. XXII, № 16391).

Воспрещеніе евреямъ записываться и свободно торговать въ Рижскомъ форштатѣ, съ признаніемъ, въ то же время, что разрѣшеніе имъ права свободной записки въ купечество и мѣщанство, внѣ городовъ Бѣлорусскаго края, требовало какъ бы особаго Высочайшаго повелѣнія, представляло мѣру, которою нарушалась высшею правительственною властію, совершенно произвольно, равноправность евреевъ съ прочими подданными государства, и не только однихъ евреевъ, но, можно сказать, что и всѣхъ прочихъ жителей присоединенныхъ отъ Польши провинцій и областей; такъ-какъ съ ограниченіемъ правъ жительства евреевъ и ихъ торговыхъ и промышленныхъ занятій однимъ Бѣлорусскимъ краемъ, коренное его населеніе должно было подвергнуться исключительному отягощенію населеніемъ евреевъ и ихъ торговою и промышленною конкурренціею, въ отличіе отъ подданныхъ всѣхъ прочихъ мѣстностей Имперіи, для которыхъ создавалось такимъ путемъ какъ бы льготное, въ этомъ отношеніи, положеніе.

Вообще, установленныя вышеприведеннымъ указомъ Сената правила, въ видѣ особаго Положенія о евреяхъ, — что имѣло уже, впрочемъ, прецедентъ въ другомъ указѣ Сената 17 Октября 1776 года, о которомъ будетъ сказано ниже,—носятъ на себѣ отпечатокъ исключительности, вытекавшей изъ предвзятыхъ взглядовъ на евреевъ, какъ на классъ людей, управленіе которыми какъ бы обусловливается потребностью въ спеціальныхъ постановленіяхъ.

Между тѣмъ, такой образъ дѣйствія Сената, въ послѣдствіяхъ котораго онъ видимо не отдавалъ себѣ отчета, парализировалъ въ основаніи идею равенства, которою ему было Высочайше повелѣно руководствоваться, и былъ принятъ Сенатомъ не только безъ всякихъ законныхъ къ тому поводовъ, но вопреки установленнымъ Великою

Монархиею, а слѣдовательно, существовавшимъ уже, въ то время, прямымъ законоположеніямъ, выраженнымъ какъ въ наказѣ правителямъ Бѣлорусскаго края и плакатѣ, которымъ жители Бѣлорусскаго края были торжественно оповѣщены о державной волѣ Государыни, такъ и въ приведенныхъ выше Именныхъ указахъ Императрицы 7 Января 1780 и 4 Февраля 1785 года, которыми, съ ясностію и категоричностію исключавшими возможность инаго толкованія, дарованы права гражданства евреямъ на всемъ пространствѣ Имперіи, какъ людямъ, которые вошли въ равныя съ прочими подданными состоянія. Въ послѣднихъ изъ тѣхъ указовъ, 4 Февраля 1785 года, шла къ тому же рѣчь о посадѣ Шлокѣ, принадлежавшемъ также къ Рижской губерніи, почему и не могло, казалось, представляться никакихъ недоразумѣній относительно Рижскаго форштата, не имѣвшему и не долженствовавшему имѣть никакихъ преимуществъ передъ прочими Россійскими городами, а тѣмъ болѣе передъ другими мѣстностями вышесказанной губерніи. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что общія предубѣжденія противъ евреевъ и предвзятые на нихъ взгляды послужили главною причиною, почему Сенатомъ, при разрѣшеніи ходатайствъ вышесказанныхъ евреевъ, допущено столь существенное уклоненіе отъ установленныхъ Императрицею и Ею прямо, въ этомъ случаѣ, указанныхъ началъ и основаній. Но есть, однако, нѣкоторые поводы къ предположенію, что это могло быть послѣдствіемъ, отчасти, и правительственныхъ недоразумѣній.

Въ прежнее время, какъ извѣстно, существовали крайнія у насъ недостатки, не только въ устройствѣ органовъ законодательной власти, но и въ самомъ порядкѣ и способахъ изданія и обнародованія законовъ. Вслѣдствіе этого, многія мѣры и распоряженія, принимавшіяся въ порядкѣ верховнаго управленія государствомъ и исходившія непосредственно отъ лица державной власти, а слѣдовательно имѣвшія законодательную силу и значеніе, оставались иной разъ неизвѣстными, весьма продолжительное время, даже для такихъ высшихъ правительственныхъ установленій, какъ Сенатъ. Примѣромъ этому можетъ служить, между прочимъ, тотъ случай, что порядокъ кагальнаго устройства еврейскихъ обществъ, введенный въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 13 Сентября 1772 года докладныхъ пунктовъ перваго правителя тамошняго края, Графа Чернышева, не былъ въ точности извѣстенъ Сенату въ 1782 г., т. е. въ теченіи десяти лѣтъ, какъ это видно изъ собственнаго его указа

16 Іюня того года, которымъ предписано другому Генералъ-Губернатору (Пассеку) доставить Сенату подробныя свѣдѣнія о сказанныхъ кагалахъ, названныхъ въ томъ же указѣ «Жидовскими Судами.» (П. С. З. т. XXI, № 15436).

Легко быть можетъ, что, точно такимъ же образомъ, Сенату не были въ точности извѣстны, ни наказъ, который былъ данъ Императрицею генераламъ Коховскому и Кречетникову, ни плакатъ, содержавшій въ себѣ законодательныя положенія о правахъ новыхъ подданныхъ Россіи, въ томъ числѣ и евреевъ, ни, наконецъ, позднѣйшія, касавшіяся этихъ правъ, верховныя распоряженія Императрицы. Оставленіе этихъ Высочайшихъ мѣръ и распоряженій безъ вывода на справку въ Сенатскомъ указѣ такой важности, какъ указъ 7 Мая 1786 г., которымъ опредѣлялось правовое положеніе евреевъ въ государствѣ, утверждаетъ еще болѣе въ убѣжденіи объ игнорированіи Сенатомъ вышесказанныхъ актовъ державной власти Императрицы. Но во всякомъ случаѣ, явное противорѣчіе принятой Сенатомъ въ вышесказанномъ его указѣ исключительности, по отношенію къ евреямъ, съ началами, указанными Императрицею, налагало на него, въ то же время, какъ главнаго блюстителя точнаго выполненія законовъ и державной воли, несомнѣнную обязанность испрошенія ближайшихъ, по этому предмету, указаній Монархини. Невыполненіе Сенатомъ этого и легкость, съ какою онъ отнесся къ столь существенному предмету, какъ правовое положеніе въ государствѣ цѣлаго класса людей, и въ то время уже многочисленнаго, при сознаніи самимъ же Сенатомъ потребности въ принятіи мѣръ къ огражденію его правъ отъ стѣснительныхъ и произвольныхъ дѣйствій мѣстныхъ властей, свидѣтельствуютъ лишь, что не всѣ государственные дѣятели того времени, по гражданской части, стояли на высотѣ политическихъ принциповъ Екатерины Великой и не всѣ отрѣшали себя отъ вліянія господствовавшихъ тогда религіозныхъ предубѣжденій и предразсудковъ противъ евреевъ.

Такимъ образомъ, съ 1786 года и даже, какъ мы увидимъ ниже, еще ранѣе того, евреи въ порядкѣ управленія, вопреки законодательнымъ о нихъ предначертаніямъ Императрицы Екатерины II, были поставлены въ исключительное уже положеніе, существенными ограниченіями въ ихъ правахъ состоянія, хотя къ нѣкоторымъ условіямъ ихъ гражданскаго быта, въ частности, правительствомъ, почти до самаго конца царствованія Екатерины II, согласно съ державною на то во-

лею Императрицы, продолжали примѣняться указанныя Ею начала равенства. Такъ, за два года до Ея кончины, а именно 7 Сентября 1794 года, состоялся Именной указъ, которымъ распространенъ на евреевъ купеческаго званія общій законъ, освобождавшій всѣхъ вообще лицъ этого званія отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, которая замѣнена для нихъ повинностію денежною, чрезъ взиманіе за каждаго рекрута по 500 рублей. (П. С. З. т. XXIII, № 17249). Нужно замѣтить, впрочемъ, что евреи, по сложившимся о нихъ понятіямъ, не отбывали de facto натуральной рекрутской повинности и прежде, почему приведенною мѣрою, въ сущности, установленъ съ евреевъ купеческаго званія лишь новый денежный сборъ, въ пользу рекрутской повинности, чѣмъ конечно, въ тоже время, узаконялась свободность этого званія евреевъ отъ отбыванія ея натурою. Ниже мы увидимъ, что, вскорѣ, за симъ, всѣ вообще евреи были устранены Сенатомъ отъ отбыванія рекрутской повинности натурою.

Изъ приведенныхъ данныхъ достаточно усматривается, какъ противоположна была политика Екатерины Великой, относительно евреевъ, съ политикою прежнихъ Императрицъ, особенно же Елисаветы Петровны, почему нельзя не признать крайне ошибочными свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, имѣющіяся въ журналѣ засѣданій бывшаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Комитета о евреяхъ, 20, 27 и 30 Января 1882 года, гдѣ, совершенно несогласно съ дѣйствительными фактами, объяснено, между прочимъ, что «вообще при Императрицахъ «Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, какъ видно изъ Ея Манифеста о вступленіи на престолъ, правительство не желало имѣть евреевъ въ Россіи». Ничего подобнаго въ этомъ Манифестѣ нѣтъ.

Въ немъ не содержится ни слова о евреяхъ, и онъ не могъ касаться тѣхъ изъ нихъ, которые были приняты въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлорусскаго края, по той простой причинѣ, что онъ воспослѣдовалъ за десять лѣтъ до присоединенія къ Россіи областей этого края. Этимъ Манифестомъ, по самому времени его появленія, не могъ, слѣдовательно, опредѣлиться нашъ политическій образъ дѣйствія, относительно тѣхъ евреевъ, которые десять лѣтъ спустя вошли въ составъ русскаго народонаселенія, и по ихъ числу, а также состоянію въ русскомъ подданствѣ, не могли уже подвергаться, по прежнему, поголовнымъ высылкамъ заграницу. Въ Манифестѣ томъ, по поводу раскола и имѣвшихся въ государствѣ иновѣрныхъ исповѣданій, христіанскихъ и нехристіанскихъ, содержится только торжествен-

ное воззваніе къ народу отъ лица Императрицы, какъ русской Православной Государыни, о Ея намѣреніи строго ограждать господствующую, Греко-Восточную нашу церковь и православный законъ отъ соблазновъ совращенія, какъ вообще, такъ и вслѣдствіе опасности, какой они подвергались въ послѣднее, тогда, время «отъ перемѣны древняго въ «Россіи православія и принятія иновѣрнаго закона». Это было ни болѣе, ни менѣе, какъ торжественное, всенародное, заявленіе Императрицею Екатериною II своего profession de foi, дабы никто не могъ сомнѣваться въ государствѣ, относительно твердой и непоколебимой воли Государыни охранять и поддерживать въ своей Державѣ православную вѣру, какъ господствующее исповѣданіе. Содержащійся же въ Манифестѣ намекъ объ опасности совращеній касается не столько евреевъ, не занимавшихся, вообще, совращеніями въ свою вѣру, сколько нашего внутренняго раскола, уніи и латинскихъ орденовъ, особенно же іезуитскаго, который Императрица, какъ объяснено выше, признавала опаснѣйшимъ изъ всѣхъ.

Поэтому, смѣшеніе вышесказаннымъ Комитетомъ царствованій Императрицъ: Елисаветы Петровны и Екатерины II, по ихъ образу дѣйствія, относительно евреевъ, съ указаніемъ на тотъ Манифестъ, доказываетъ лишь совершенное незнакомство, ни съ его содержаніемъ, ни съ законодательными актами Екатерины Великой, ни съ касавшимся евреевъ положеніемъ вещей *до* и *послѣ* присоединенія Бѣлорусскаго края.

Если Екатериною II, подъ конецъ Ея царствованія, были допущены, по отношенію къ евреямъ, вступившимъ въ русское подданство, нѣкоторыя отступленія отъ начала первоначальной ея политики, то причину этого слѣдуетъ искать, конечно, не въ Ея личныхъ взглядахъ и волѣ, а въ взглядахъ и стремленіяхъ государственныхъ дѣятелей того времени, изъ которыхъ, какъ уже сказано, не всѣ стояли на высотѣ проводившихся этою великою Государынею политическихъ принциповъ, къ поддержанію которыхъ, подъ конецъ своей жизни, у Государыни не было уже, естественно, столько энергіи, особенно въ дѣлахъ, къ которымъ примѣшивались вопросы религіознаго свойства, представлявшіеся, въ то же время, какъ бы вопросами христіанскаго благочестія.

Для того, чтобы уяснить себѣ, въ извѣстной степени, настоящія причины нѣкоторой реакціи, произшедшей какъ бы въ образѣ дѣйствія самой Императрицы, по отношенію къ евреямъ, и ознакомиться съ послѣдствіями, какія это имѣло для государства, необходимо вникнуть

ближе въ обстоятельства и ходъ дѣлъ, касающихся евреевъ, съ самаго начала ихъ вступленія въ русское подданство, въ числѣ жителей присоединенной къ Россіи Бѣлоруссіи.

Изъ вышеупомянутаго плаката, которымъ первый правитель этого края, графъ Чернышевъ, оповѣстилъ его жителей о новомъ ихъ отечествѣ, а также изъ послѣдующихъ верховныхъ распоряженій Императрицы, видно, что Государыня неоспоримо имѣла твердое и непоколебимое намѣреніе отрѣшиться, въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствія, отъ господствовавшихъ противъ евреевъ предразсудковъ и предубѣжденій, не подвергая ихъ гражданскихъ правъ ограниченіямъ, по различію только ихъ племени и закона вѣры.

Текстъ вышеприведеннаго плаката и послѣдующій образъ дѣйствія Императрицы, а также неоднократно встрѣчавшееся въ верховныхъ Ея распоряженіяхъ выраженіе «безъ различія народа и закона» (вѣры), свидѣтельствуютъ о положительной волѣ Государыни усыновлять въ присоединявшихся къ Россіи силою оружія, а тѣмъ болѣе въ возсоединявшихся съ нею, безъ пролитія крови, областяхъ древней нашей Руси, всѣхъ ея новыхъ подданныхъ, какого бы рода, званія или вѣры они ни были, съ дарованіемъ имъ одинаковыхъ правъ и выгодъ съ прочими подданными, *на всемъ пространствѣ Имперіи,* не исключая изъ этого и подданныхъ *еврейскаго исповѣданія.*

Мысль эта была строго проведена Императрицею и въ наказѣ, который былъ данъ ею предназначившимся въ Бѣлоруссію правителямъ края, передъ присоединеніемъ его къ Россіи. Въ этомъ наказѣ, начертанномъ сообразно съ личными взглядами и волею Императрицы, ни слова, какъ уже сказано выше, не упоминается о евреяхъ, какъ объ исключительномъ какомъ либо народѣ или классѣ людей, для котораго требовался бы особый порядокъ управленія или отдѣльное отъ другихъ племенъ и народностей правовое въ государствѣ положеніе. Съ точки зрѣнія политическихъ началъ, какими руководствовалась великая Государыня, говорить въ такомъ смыслѣ о евреяхъ представлялось столь же неумѣстнымъ и несообразнымъ съ практическими интересами государства, какъ говорить подобнымъ же образомъ, о татарахъ или другихъ народныхъ племенахъ, издревле, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, населявшихъ Россію. Это доказываетъ, что Императрицею Екатериною II, какъ законодательницею, вполнѣ сознавался лично тотъ принципъ, что къ какому бы племени и закону вѣры ни принадлежали жители той или другой мѣстности государства, но разъ

они вступили въ его подданство, они не должны составлять уже въ немъ не только *отдѣльнаго народа*, или націи, но даже *особаго класса людей*, а тѣмъ менѣе подчиняться правительствомъ какому либо исключительному образу дѣйствія, который клонился бы къ уменьшенію степени ихъ благосостоянія, сравнительно съ прочими подданными. Императрица, какъ видно изъ всѣхъ ея актовъ, отдавала себѣ вполнѣ ясный отчетъ, что благосостояніе каждаго изъ подданныхъ государства имѣетъ тѣсную и неразрывную связь съ благосостояніемъ всего его народонаселенія и что съ точки зрѣнія государственной пользы, а также въ интерессахъ правосудія и справедливости, ограниченію правъ, какъ мѣрѣ карательнаго свойства, могутъ подвергаться не *классы жителей*, но лишь *отдѣльныя между ними личности*, за личную и вполнѣ констатированную вину.

Еще менѣе представляется основаній къ предположенію, чтобы, при свѣтломъ умѣ Императрицы и признанной всѣми ея мудрости въ дѣлахъ государственнаго управленія, могла присутствовать въ ней мысль нарушенія политическаго единства всѣхъ соединенныхъ подъ ея скипетромъ частей Имперіи, допущеніемъ какого либо различія между ними, собственно изъ за евреевъ, посредствомъ образованія *Руси съ евреями* и Руси *безъ евреевъ*, съ цѣлію отягощенія ими однихъ и освобожденія отъ нихъ другихъ частей государства, въ смыслѣ дарованія этимъ послѣднимъ и обитающимъ въ нихъ племенамъ и народамъ какъ бы льготнаго или привилегированнаго, въ этомъ по отношеніи, положенія. Но вслѣдствіе недостаточнаго уясненія себѣ, большею частію изъ властей и государственныхъ дѣятелей того времени, политическихъ принциповъ, къ установленію которыхъ стремилась Екатерина Великая, въ своихъ попеченіяхъ объ общемъ благѣ своего государства, правительствомъ, въ моментъ присоединенія Бѣлорусскаго края, была допущена существенная, по отношенію къ еврейскому въ немъ населенію, политическая ошибка, имѣвшая весьма неблагопріятныя послѣдствія и, при всемъ геніи Императрицы, отъ вниманія ея какъ бы ускользнувшая.

Ошибка эта заключалась въ томъ, *во первыхъ*, что составителями вышеупомянутаго плаката, предназначавшагося для торжественнаго оповѣщенія жителей Бѣлорусскаго края о вступленіи ихъ въ русское подданство, помѣщено въ немъ нѣчто исключительное о евреяхъ, а именно: подтвержденіе ихъ обществамъ льготъ и привилегій, какими они пользовались въ прежнее время, при польскомъ режимѣ, одновре-

менно съ ограниченіями въ гражданскихъ правахъ, политикою Екатерины II отвергнутыми. Дарованіе евреямъ, кромѣ равнаго состоянія съ прочими подданными, еще права юридическаго существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ отъ прочихъ подданныхъ еврейскихъ обществъ и въ смыслѣ, какъ объяснено въ вышеуказанномъ плакатѣ, особой Монаршей милости, недопущенной относительно жителей всѣхъ другихъ въ Бѣлоруссіи племенъ и народностей, не исключая и тѣхъ, которыя были православнаго исповѣданія, составляло такую, въ сущности, прерогативу, которая, нарушая начала равенства, тотчасъ присвоила у насъ евреямъ политическій оттѣнокъ какъ бы особаго, въ государствѣ, народа или націи, скрѣпленной племенною и религіозною связью, въ силу самаго закона, въ отличіе отъ прочихъ племенъ и народностей. *Во вторыхъ*, вышесказанная ошибка заключалась еще въ томъ, что одновременно съ этимъ, т. е. прежде чѣмъ администрація русскаго правительства успѣла войти въ управленіе Бѣлорусскаго края и ознакомиться ближе и самостоятельно съ евреями и ихъ бытомъ, государственные дѣятели, на обязанности которыхъ лежало составленіе сказаннаго плаката, подъ вліяніемъ своихъ предвзятыхъ о евреяхъ понятій, собственнымъ опытомъ не провѣренныхъ, поспѣшили изобразить ихъ въ немъ такимъ классомъ людей, которые какъ бы огульно вселяли опасенія, относительно ихъ гражданской и политической благонадежности. Это видно изъ слѣдующей, имѣющейся въ плакатѣ, оговорки: «доколѣ они (евреи) съ своей стороны, съ надлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные, жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ по званіямъ своимъ обращаться будутъ», — оговорки, какой не было сдѣлано въ отношеніи другихъ тамъ жителей иновѣрныхъ исповѣданій. При этомъ, нельзя упустить изъ виду еще и то, что сообщая къ руководству мѣстныхъ властей, при томъ же плакатѣ, образцы формъ, для собранія разныхъ свѣдѣній о краѣ, правительство, преднамѣренно или нѣтъ, но значительно принизило, въ глазахъ тѣхъ властей, общечеловѣческое достоинство евреевъ, назвавъ ихъ въ тѣхъ образцахъ не евреями, а презрѣннымъ для христіанъ именемъ «жидовъ», что не согласовалось и съ болѣе соотвѣтствующими волѣ Императрицы словами самаго плаката: «ибо человѣколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ (евреевъ) исключать изъ общей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія подъ благословенною Ея державою...», и проч.

Присвоеніе вышесказаннымъ способомъ, съ самаго начала, евреямъ,

вошедшимъ въ составъ русскаго народонаселенія, особой національной личности, съ изображеніемъ ея въ чертахъ для нихъ неблагопріятныхъ и даже уничтожительныхъ, и притомъ отъ имени какъ бы самой Императрицы, не могло не поставить евреевъ, сразу, въ воззрѣніяхъ низшихъ и высшихъ властей, какъ людей, по отношенію къ которымъ надлежало вводить особый порядокъ и принять особый образъ дѣйствія. Это давало, нѣкоторымъ образомъ, законный поводъ и евреямъ продолжать, по прежнему, смотрѣть на себя, какъ на чуждое въ государствѣ племя, которому хотя и присвоены права русскаго гражданства, но которое, тѣмъ не менѣе, имѣетъ преимущество предъ прочими народностями пользоваться обособленною и сплоченною жизнію.

Причины поставленія евреевъ въ такое исключительное въ государствѣ положеніе, въ моментъ принятія ихъ въ русское подданство, и притомъ путемъ льготъ и привилегій, не ограничивавшихъ, а расширявшихъ ихъ права, сравнительно съ прочими подданными, объясняются, конечно: 1) недостаточнымъ усвоеніемъ тогдашними государственными дѣятелями законодательныхъ о евреяхъ предначертаній Императрицы Екатерины II, 2) ошибочнымъ предположеніемъ, что свобода еврейскаго исповѣданія, по правамъ и обычаямъ евреевъ и закону ихъ вѣры, необходимо обусловливается общественною ихъ обособленностію среди прочихъ народовъ, и 3) неощущавшеюся, въ моментъ принятія евреевъ въ русское подданство, потребностью въ провѣркѣ дѣйствительности этого факта, подтверждавшагося, какъ бы нагляднымъ образомъ, условіями еврейскаго быта, въ какихъ онъ былъ застигнутъ въ Бѣлоруссіи русскимъ владычествомъ.

Легализированная же, такимъ образомъ, общественная *обособленность* или, лучше сказать, *разъединенность* евреевъ съ прочимъ населеніемъ, при господствовавшей въ властяхъ, того времени, религіозной къ нимъ непріязни, должна была, не смотря на свой характеръ дарованной, въ видѣ Монаршей милости, вѣроисповѣдной прерогативы, послужить не къ огражденію, а къ стѣсненію гражданскихъ правъ евреевъ произвольными дѣйствіями со стороны властей, видѣвшихъ въ евреяхъ непріязненный элементъ для христіанской религіи и предполагавшихъ въ такомъ, относительно ихъ, образѣ дѣйствія надежное средство для ихъ побужденія къ скорѣйшему переходу въ христіанство. Стѣснительному и неправосудному направленію властей, по отношенію къ евреямъ, вызвавшему въ 1786 году, какъ мы видѣли выше, потребность въ особыхъ даже мѣрахъ къ огражденію ихъ правъ

въ Россіи, содѣйствовали не мало условія и той внѣшней обстановки, при которой евреи въ Бѣлоруссіи перешли, въ числѣ прочихъ жителей, изъ подъ владычества польскаго подъ владычество русское.

Передъ глазами первыхъ правителей Бѣлорусскаго края—графа Чернышева и генераловъ Кречетникова и Коховскаго—предсталъ еврейскій типъ польскихъ провинцій, выработавшійся, какъ вслѣдствіе гоненій и жестокихъ преслѣдованій, какимъ евреи подвергались въ Польшѣ, послѣ Казиміра I, такъ и приниженнаго ихъ тамъ положенія, не ограждавшаго ихъ достаточно отъ личнаго произвола властей, горожанъ, католическаго духовенства и даже частныхъ лицъ, изъ числа польскихъ магнатовъ и польской шляхты. Встрѣчавшіеся въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Бѣлоруссіи евреи дѣйствовали неблагопріятно, по одному своему наружному виду. Длинные пейсы евреевъ, съ ермолкою на головѣ, обложенною, въ царствованіе Императора Николая I, особою даже податью, въ пользу коробочнаго сбора, и вообще присвоенная себѣ евреями особая одежда, именовавшаяся ихъ національною одеждою и окончательно воспрещенная лишь въ то же царствованіе (В. П. С. З. т. XXIII № 21985 и т. XXV № 24130); несозвучный польско-нѣмецкій жаргонъ евреевъ, ихъ рѣзкія черты лица восточнаго типа, и обряды вѣры, вселявшіе, вообще, среди христіанъ, суевѣрныя понятія о выполненіи, будто, евреями какъ бы чего-то таинственнаго и непріязненнаго для христіанской религіи, у себя по домамъ, въ синагогахъ и даже, въ извѣстные дни, на открытомъ воздухѣ, при лунномъ сіяніи; наконецъ родъ ихъ занятій, состоявшій, исключительно, въ мелочной торговлѣ, мелкихъ городскихъ промыслахъ, денежныхъ сдѣлкахъ, арендахъ, факторствѣ и т. п., и казавшаяся, вслѣдствіе этого, общая неспособность евреевъ къ тяжелымъ физическимъ трудамъ, преимущественно же къ военной службѣ, къ которой, по установившимся, въ то время, на нихъ взглядамъ, они вовсе не призывались; вся эта внѣшность, не означавшая, въ сущности, ничего изъ предполагавшагося относительно евреевъ и ихъ природныхъ свойствъ, а также ихъ вѣроученія, не могли, однако, не подѣйствовать неблагопріятно на русскія власти, особенно же на такихъ воиновъ, какъ графъ Чернышевъ и генералы Кречетниковъ и Коховскій. Къ тому же, какъ будетъ видно изъ данныхъ, которыя приводятся ниже, лица эти сами не были чужды религіозныхъ, относительно евреевъ, предубѣжденій и предразсудковъ, соединенныхъ съ склонностью ихъ понужденія къ переходу въ христіанскую вѣру, пу-

темъ принудительныхъ мѣръ. Неблагопріятное впечатлѣніе на русскія власти не могла не производить и численность евреевъ, какъ торговаго и промышленнаго класса, соперничавшаго съ купечествомъ христіанскихъ исповѣданій. Конкурренція же со стороны евреевъ, торговая и промышленная, по неразвитости тогдашнихъ экономическихъ понятій о значеніи этого явленія, принималась властями за умышленный подрывъ евреями русской торговли и промышленности, съ цѣлью эксплоатаціи христіанскихъ классовъ населенія. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтеніе евреями малѣйшихъ для себя выгодъ, по роду занятій. получало, въ глазахъ властей, значеніе какъ бы незаконныхъ со стороны ихъ стяжаній и наживы и даже злоупотребленія, ко вреду экономическихъ интересовъ кореннаго населенія. При такихъ условіяхъ, было весьма легко возбуждать русскія власти противъ евреевъ разнымъ людямъ и личностямъ изъ мѣстнаго купечества, горожанъ, католическаго духовенства и владѣвшихъ землями и населенными имѣніями польскихъ магнатовъ и шляхты, которые всѣ, вообще, не были довольны тѣмъ, что русскимъ владычествомъ положенъ извѣстный предѣлъ ихъ произволу надъ евреями, уничтоженіемъ польскихъ льготъ и привилегій и введеніемъ въ судахъ правосудія, ограждавшаго, въ значительнѣйшей, сравнительно, степени чѣмъ прежде, личность и имущество евреевъ, подвергавшихся, до того, со стороны владѣльцевъ земель и населенныхъ имѣній, въ Польшѣ и ея провинціяхъ, даже *произвольнымъ денежнымъ поборамъ*, какъ это видно, между прочимъ, изъ приведеннаго выше указа Сената 7 Мая 1786 года. Наконецъ, причиною неблагосклонныхъ и даже раздражительныхъ отношеній мѣстныхъ властей къ евреямъ служило, въ довольно значительной степени, и безпокойное ихъ состояніе, которое естественно существовало, вслѣдствіе неопредѣлительности ихъ положенія среди христіанъ, вынуждавшее евреевъ безпрестанно утруждать начальство жалобами на ихъ притѣсненія или просьбами и домогательствами, относительно разныхъ льготъ и привилегій, соотвѣтствовавшихъ ихъ взглядамъ и понятіямъ о себѣ, какъ объ особой въ странѣ націи, пользующейся, исключительными, по своему вѣроисповѣданію, правами и составляющей, въ этомъ отношеніи, какъ бы нѣчто отдѣльное отъ прочихъ жителей, съ значительными даже, въ сравненіи съ ними, преимуществами, къ чему, какъ объяснено выше, евреи имѣли, отчасти, и законный поводъ. Отказывая евреямъ, въ подобныхъ просьбахъ и домогательствахъ, на основаніи началъ равенства, правительство, съ другой стороны, какъ это

видно изъ Сенатскаго указа 7 мая 1786 года, не было склонно соблюдать этихъ началъ, по отношенію къ естественнѣйшимъ правамъ евреевъ, какими пользуется въ государствѣ каждый подданный. Это не могло не вселять въ евреяхъ еще большее безпокойство о своей судьбѣ и учащать ихъ жалобы и просьбы, развивая среди нихъ сутяжничество и склонность къ обремененію начальства, иной разъ, и не вполнѣ законными домогательствами.

Главная причина всего этого скрывалась въ шаткости положенія евреевъ и неопредѣлительности ихъ правъ; но власти относили сказанныя явленія къ природнымъ свойствамъ евреевъ, къ ихъ «жидовскому» характеру, какъ выражались тогда, въ предположеніи, что, по ихъ вѣрованіямъ, они питаютъ непримиримую ненависть и злобу къ христіанамъ, представляя собою, поэтому, элементъ, вредный для ихъ благосостоянія.

Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ взглядовъ было появленіе въ представителяхъ мѣстной администраціи убѣжденія о практической, будто, необходимости въ принятіи противъ евреевъ репрессивныхъ мѣръ къ возможному стѣсненію и ограниченію ихъ правъ, для огражденія кореннаго населенія отъ предполагаемыхъ со стороны ихъ злоупотребленій. Къ такимъ мѣрамъ относилось сочувственно и высшее правительство, такъ-какъ онѣ согласовались съ его затаенною мыслію о понужденіи евреевъ къ скорѣйшему переходу въ христіанство. Вотъ почему, вслѣдъ за вступленіемъ русской администраціи въ управленіе Бѣлорусскимъ краемъ, въ мѣстныхъ тамъ властяхъ обнаружилось стремленіе, отчасти къ сохраненію, отчасти къ установленію для евреевъ особыхъ порядковъ и стѣснительныхъ различій въ правахъ, вопреки личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ Екатерины Великой.

Выше мы видѣли, что одна изъ исключительныхъ мѣръ, предложенныхъ графомъ Чернышевымъ въ его докладныхъ пунктахъ 13 сентября 1772 года, а именно та, которая касалась порядка отдачи евреямъ населенныхъ имѣній въ арендное содержаніе, была Императрицею отклонена. Но въ тѣхъ же его пунктахъ, Императрицею оставлены въ силѣ двѣ другія подобныя мѣры: отдѣльный отъ прочихъ подданныхъ поголовный съ «жидовъ» денежный сборъ, «по одному рублю съ каждой» головы, который евреи должны были платить, независимо отъ поголовныхъ же сборовъ, имъ же, графомъ Чернышевымъ, предложенныхъ, для купцовъ по 1 р. 20 к., для арендаторовъ корчемъ, за вино, пиво и медъ, по 50 копѣекъ и для содержавшихъ

помѣщичьи имѣнія, съ помѣщичьяго дохода, по 1 р. 50 коп.; 2) отдѣльная для евреевъ общественная организація, съ кагалами во главѣ, которые графъ Чернышевъ полагалъ учредить «по усмотрѣнію губернаторовъ и по надобности», съ приписскою къ нимъ всѣхъ вообще евреевъ. Императрица допустила обѣ эти мѣры, не замѣтивъ, конечно, что онѣ состоятъ въ противорѣчіи съ собственною ея волею, относительно равенства въ правахъ всѣхъ подданныхъ, безъ различія народа и закона» (П. С. З. т. XIX № 13865). Вышесказанный отдѣльный сборъ съ евреевъ по одному рублю съ головы былъ вскорѣ отмѣненъ, за силою вышеприведеннаго именнаго указа Императрицы Екатерины II, 3 мая 1783 года, подчинившаго евреевъ, въ отношеніи государственныхъ податей, общему порядку (П. С. З. т. XXI, № 15724). Но кагальное устройство евреевъ осталось въ силѣ.

Вслѣдствіе этого, тогда же были учреждены уѣздные и губернскіе кагалы, не только съ административною, но и судебною надъ евреями властію, и даже съ правомъ представительства ихъ народныхъ нуждъ и потребностей, что не могло, конечно, не укрѣплять евреевъ въ мысли, что они дѣйствительно составляютъ въ государствѣ какъ бы отдѣльную и самостоятельную націю и вселять въ нихъ стремленіе къ домогательству, не только разныхъ торговыхъ и промышленныхъ льготъ и привилегій, но и особаго даже, въ лицѣ ихъ кагаловъ, гражданскаго и уголовнаго суда.

Все это было сдѣлано мѣстными властями по шаблону польской рутины, такъ какъ польское правительство, стѣсняя до нельзя права евреевъ, изгоняя ихъ изъ городовъ или ограничивая ихъ жительство тамъ особыми «жидовскими» кварталами (ghetto, Judenfiertel), подобно тому, какъ это дѣлалось въ средніе времена, на Западѣ, въ то же время, предоставляло имъ полную почти независимость въ устройствѣ ихъ общественныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи они пользовались въ Польшѣ неограниченною почти свободою. Изъ имѣющагося во 2 ч. «Матеріаловъ» коммисіи по устройству быта евреевъ «Очерка правоваго и общественнаго положенія польскихъ евреевъ», представленнаго, въ 1873 году, варшавскимъ губернаторомъ Намѣстнику Царства Польскаго, видно, что религіозныя дѣла евреевъ, браки и разводы, общинные сборы, судъ надъ евреями, не только въ гражданскихъ, но даже уголовныхъ дѣлахъ, образованіе еврейскаго юношества, учрежденіе школъ,—всѣ эти предметы были предоставлены собственному завѣдыванію «еврейскихъ обществъ», въ лицѣ ихъ кагаловъ, съ весьма

незначительною степенью вмѣшательства со стороны правительства. Считаясь въ Польшѣ королевскими рабами (servi regii), евреи были изъяты изъ вѣдомства общихъ властей и находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ воеводъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ особой важности, которыя были указаны въ «воеводскихъ правилахъ», апелляція на рѣшенія общинныхъ судовъ восходила прямо къ воеводамъ, а иногда къ Королю. Вообще же, права евреевъ въ Польшѣ подвергались значительнымъ ограниченіямъ и если, при этомъ, что либо предоставлялось въ ихъ пользу, то это дѣлалось не иначе, какъ въ видѣ особой милости, въ видѣ какъ бы исключительной привилегіи или льготы.

При всей тяжести этого положенія, при всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ, какимъ евреи подвергались во время польскаго владычества, сохраненіе за ихъ обществами свободы управленія внутренними своими дѣлами, изъ коихъ многія были не духовнаго, а чисто гражданскаго характера, не было, конечно, противно ихъ понятіямъ о себѣ; они дорожили и гордились этимъ, связывали это съ своими религіозно-національными преданіями и считали себя вправѣ смотрѣть на все свое населеніе, какъ на особый классъ людей, хотя непріязненный для христіанъ и гонимый, но все же такой, за которымъ королевская власть и правительство признавало нѣкоторыя національныя оттѣнки и который составлялъ въ странѣ, гдѣ они имѣли пребываніе, какъ бы «народъ въ народѣ», «націю въ націи».

Одинъ геній Императрицы Екатерины Великой могъ тогда постигнуть всю несоотвѣтственность такого порядка вещей, относительно евреевъ. Принципъ равенства, Ею торжественно провозглашенный, былъ единственнымъ и могучимъ средствомъ къ коренной реформѣ этого, несогласнаго съ духомъ Ея политики, порядка вещей. Но такова была сила его и личныхъ предубѣжденій противъ евреевъ русскихъ властей, что они не могли не подчиниться, въ большей или меньшей степени, этой обветшалой относительно евреевъ рутинѣ, чему, конечно, способствовало, преимущественно, недостаточное знакомство, тогда, нашихъ властей и правительства съ евреями и ихъ бытомъ.

Еслибъ графъ Чернышевъ и его сподвижники по управленію Бѣлорусскимъ краемъ, имѣли ясное о немъ понятіе, и отдавали себѣ отчетъ о всей несоотвѣтственности съ практическими интересами государства допущенія въ немъ юридическаго существованія отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ и ихъ кагальныхъ управленій, также всякихъ другихъ различій въ правахъ евреевъ, вопреки дер-

жавной воли Императрицы, то, конечно, мѣстною нашею администраціею, на первыхъ же порахъ, былъ бы принятъ совершенно иной образъ дѣйствія. Но изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что инициативѣ именно этихъ правителей края принадлежитъ удержаніе и введеніе многихъ исключительныхъ формъ и порядковъ, касавшихся гражданскаго быта евреевъ. Профессоръ С.-Петербургскаго Университета Бершадскій, въ своемъ сочиненіи «Литовскіе евреи», въ виду представленнаго Графу Чернышеву генераломъ Коховскимъ «Описанія» тогдашняго состоянія евреевъ въ Могилевской губерніи, предполагаетъ, что русское правительство было достаточно, будто, ознакомлено съ характеромъ кагальныхъ учрежденій (стр. 55 и 56). Но едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Не отрицая, что сказанное «Описаніе» содержало въ себѣ, болѣе или менѣе, вѣрное изображеніе состоянія евреевъ и ихъ кагальныхъ общинъ, хотя, по времени составленія того описанія, и это представляется сомнительнымъ,— нельзя, во всякомъ случаѣ, сказать, чтобы не только правительство, но и сами первые правители Бѣлорусскаго края, стоявшіе ближе къ евреямъ, вполнѣ уяснили себѣ настоящее значеніе сказанныхъ еврейскихъ учрежденій и препятствія, какія въ нихъ скрывались къ уравненію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, по волѣ Императрицы. Сохраненіе тѣми властями кагальнаго устройства еврейскихъ обществъ, по примѣру Польши, тогда-какъ отъ нихъ зависѣлъ починъ принятія и введенія, относительно евреевъ, порядка болѣе сообразнаго съ законодательными предначертаніями Императрицы, служатъ лучшимъ доказательствомъ недостаточнаго уясненія ими себѣ настоящаго характера этихъ средневѣковыхъ формъ юридическаго существованія евреевъ въ христіанскихъ странахъ.

Столь же мало съ характеромъ кагальныхъ учрежденій и другихъ особенностей еврейскаго быта было знакомо и высшее правительство, въ лицѣ Сената, особенно первое десятилѣтіе, по присоединеніи къ Россіи Бѣлорусскаго края, какъ это видно, отчасти, и изъ приведеннаго выше Сенатскаго указа 16 Іюня 1782 года, которымъ было предписано Генералъ-Губернатору Пассеку доставить подробныя свѣдѣнія о введенныхъ Графомъ Чернышевымъ «Жидовскихъ судахъ.» Хотя воспослѣдовавшимъ за симъ вышеупомянутымъ указомъ 7 Мая 1786 года, въ которомъ содержались спеціальныя постановленія объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, а потомъ и Именнымъ указомъ 3 Мая 1795 года (П. С. З. т. XXIII, № 17327), судебная юрисдикція ев-

рейскихъ кагаловъ, съ цѣлію недопущенія относительно евреевъ никакихъ исключеній по дѣламъ гражданскаго и уголовнаго правосудія, ограничена одними духовно-религіозными ихъ дѣлами, но по значительности, въ то время, какъ уже объяснено выше, круга предметовъ, относившихся къ этимъ дѣламъ, кагалы, и послѣ того, пользовались довольно обширною судебною властію надъ лицомъ и имуществомъ своихъ единовѣрцевъ, имѣя, въ то же время, во многихъ отношеніяхъ, и административную надъ ними власть. Въ такомъ видѣ общественное устройство евреевъ продолжало существовать и послѣ Екатерины II, до самаго почти новѣйшаго времени, а именно до царствованія Императора Николая I, содѣйствуя значительно ихъ обособленности среди прочаго населенія и придавая ихъ религіозно-общественной солидарности особую силу и крѣпость.

Но съ точки зрѣнія тогдашнихъ органовъ правительственной власти, не вникавшихъ въ настоящія причины явленій, касавшихся евреевъ, ихъ общественная обособленность приписывалась исключительно ихъ собственному упорству, въ отчужденномъ положеніи среди христіанъ, вслѣдствіе чего мѣстныя власти ощущали потребность въ постоянномъ побужденіи правительства къ принятію, относительно евреевъ, исключительныхъ мѣръ, ограничительнаго характера.

Это было причиною, вызвавшею по иниціативѣ графа Чернышева, не далѣе, какъ черезъ четыре года послѣ вступленія русской администраціи въ управленіе Бѣлорусскимъ краемъ, ограничительную мѣру, содержащуюся въ указѣ Сената 17 Октября 1776, которою проведена рѣзкая черта различія въ правахъ между евреями и христіанами, совершенно произвольно и въ разрѣзъ съ содержавшимися въ вышеупомянутомъ плакатѣ основаніями гражданскаго состоянія евреевъ, объявленными самимъ же графомъ Чернышевымъ, чѣмъ положено начало тому порядку вещей, при существованіи котораго каждое изъ правъ, общихъ всѣмъ прочимъ подданнымъ, могло быть предоставляемо евреямъ уже не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, въ видѣ исключенія или изъятія изъ ихъ общаго правоваго въ государствѣ положенія. Это и послужило источникомъ тѣмъ исключительнымъ мѣрамъ, какимъ евреи, мало по малу, стали подвергаться, впослѣдствіи, вопреки державной воли Императрицы Екатерины II, въ Ея же царствованіе (П. С. З. т. XX, № 14522). Разсмотримъ ближе обстоятельства, касающіяся этой мѣры.

Изъ сказаннаго указа Сената видно, что графъ Чернышевъ и его

сподвижники, генералы Коховскій и Кречетников, распорядившись, на основаніи вышеупомянутых Высочайше утвержденных докладных пунктов 13 Сентября 1772 года, о поголовном обложеніи евреев рублевым сбором и учрежденіи уѣздных и губернских кагалов, приняли, въ то же время, мѣры къ распредѣленію евреевъ по этимъ кагаламъ и ихъ припискѣ къ нимъ, какъ для правильнаго взиманія съ евреевъ податей, такъ и для выдачи имъ паспортовъ. При этомъ, какъ видно изъ приведеннаго выше указа Сената же 16 Іюня 1782 г. (П. С. З. т. XXI, № 15436), за кагалами признана и судебная власть, для разбора дѣлъ между евреями, съ присвоеніемъ губернскимъ кагаламъ, по такимъ дѣламъ, значенія высшихъ даже судовъ, вслѣдствіе чего первое время, они рѣшали ихъ безапелляціонно. Хотя, впослѣдствіи, такая судебная власть кагаловъ была ограничена, но это произошло, какъ сказано выше, лишь въ 1786 г., то есть черезъ 14 лѣтъ послѣ того, въ теченіи которыхъ такая юрисдикція кагаловъ имѣла полное свое дѣйствіе, почему и неудивительно, если евреи, привыкнувъ къ ней, домогались этой льготы, какъ законнаго преимущества. Что же касается власти кагаловъ административно полицейскаго характера, по выдачѣ приписанныхъ къ нимъ евреямъ паспортовъ на отлучки, для занятій торговлею и промыслами, а также по надзору за правильнымъ и бездоимочнымъ поступленіемъ съ евреевъ, въ казну, податей и другихъ сборовъ; то этого рода обязанности оставались въ полной ихъ силѣ до 1795 года, т. е. почти до конца царствованія Императрицы Екатерины II. Хотя же въ этомъ году, какъ видно изъ приведеннаго ниже именнаго указа 3 Мая 1795 года, вслѣдствіе приписки евреевъ къ городамъ, на основаніи Городоваго Положенія, еврейскія общества, въ административномъ отношеніи, были подчинены Магистратамъ; но предоставленное евреямъ право самостоятельной раскладки между собою податей не прекращало ихъ зависимости, въ этомъ отношеніи, отъ кагаловъ, какъ ближайшихъ органовъ, ихъ общественнаго управленія, за которымъ было, къ тому же, сохранено и право самостоятельнаго завѣдыванія всѣми религіозно-общественными дѣлами ихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ относились и дѣла по устройству школъ и образованію еврейскаго юношества. Это не можетъ не убѣждать въ нѣкоторой ошибочности мнѣнія професса Бершадскаго, что при Императрицѣ Екатеринѣ II, русское правительство не присвоивало еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ никакого, будто, оффиціальнаго значенія и уничтожило всякую зависимость отъ нихъ евреевъ,

въ податномъ и административномъ отношеніяхъ (Лит. Евреи, стр. 57). Все это, напротивъ, было принято и удержано русскимъ правительствомъ не только въ принципѣ, но и на самомъ дѣлѣ, хотя и несогласно съ законодательными предначертаніями Императрицы, относительно равноправности евреевъ въ правахъ съ прочими подданными. Сохранивъ за евреями прерогативу юридическаго существованія въ государствѣ отдѣльными обществами и учредивъ уѣздные и губернскіе кагалы, графъ Чернышевъ озаботился произведеніемъ евреямъ въ Бѣлоруссіи переписи. Но перепись эта была произведена имъ съ отступленіями отъ порядка, указаннаго въ приложенныхъ къ Именному указу 16 Августа 1772, «о принятіи подъ Россійскую Державу уступленныхъ отъ Польши провинцій», образцахъ, по содержанію и смыслу которыхъ, еврейское населеніе должно было быть приведено въ извѣстность, въ составѣ прочихъ жителей и не для иной цѣли, какъ только камеральной. Графомъ же Чернышевымъ было присвоено этому дѣлу спеціальное значеніе, и видимо, съ религіозною цѣлію. Это усматривается изъ того, что имъ предписано о произведеніи той переписи, черезъ особаго ревизора, съ показаніемъ въ ней точныхъ свѣдѣній, между прочимъ, и о томъ, «кто изъ нихъ (евреевъ) принялъ христіанскую вѣру и какую». Затѣмъ, по окончаніи переписи, графъ Чернышевъ, ссылаясь на прежнія распоряженія правительства, относительно евреевъ, во время Императрицы Елисаветы Петровны, и какъ бы упустивъ изъ вида, какъ то, что онъ и подвѣдомственные ему губернаторы сподвижники не Ея, а Екатерины II, такъ равно и то, что прежнія мѣры, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, не могли имѣть примѣненія въ его время, когда принятіе ихъ въ это подданство было уже свершившимся фактомъ, представилъ на утвержденіе Сената проектированныя имъ, вмѣстѣ съ губернаторами Кречетниковымъ и Коховскимъ, правила и постановленія, которыя хотя и касались однихъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, но въ тоже время имѣли прямое отношеніе ко всѣмъ вообще евреямъ, составляя для нихъ какъ бы особое Положеніе.

По содержанію этихъ правилъ и постановленій, правителями Бѣлорусскаго края предлагались слѣдующія мѣры: 1) объ освобожденіи «жидовъ», принявшихъ христіанскую вѣру (какую не сказано), отъ установленнаго для евреевъ поголовнаго сбора, съ предоставленіемъ перешедшимъ въ христіанство полной свободы, по избранію рода жизни и мѣста жительства, 2) о предоставленіи такимъ евреямъ права запи-

скп въ купеческое званіе, а художникамъ пзъ нихъ въ цехи, 3) о разрѣшеніи, изъ тѣхъ же евреевъ, находящимся въ услуженіи и работѣ, выдавать безпрепятственно паспорты, а желающимъ заниматься земледѣліемъ—оставаться въ мѣстахъ, гдѣ они пожелаютъ, 4) о подчиненіи тѣхъ изъ принявшихъ христіанскую вѣру евреевъ, которые запишутся въ купеческое званіе и цехи, а также которые будутъ брать паспорты, общимъ правиламъ, относительно пошлинъ и казенныхъ сборовъ, наравнѣ съ прочими жителями, 5) о предоставленіи занимающимся изъ нихъ земледѣліемъ права арендовать казенныя и помѣщичьи земли, съ платою въ казну или помѣщикамъ, по арендымъ договорамъ, не допуская, однакоже, укрѣпленія ихъ кѣмъ либо за собою, 6) о предоставленіи имъ права свободнаго избранія жительства въ другихъ городахъ и селеніяхъ, 7) о невозбраненіи имъ вступать въ военную и гражданскую службу, съ распространеніемъ на нихъ, въ этомъ отношеніи, дѣйствія общихъ законовъ, и наконецъ 8) о распространеніи всѣхъ этихъ правъ и преимуществъ передъ прочимъ евреями на все потомство евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Хотя, при этомъ, буквально не объяснено, предоставлялось или не предоставлялось этимъ евреямъ, при избраніи ими своего мѣстопребыванія въ селеніяхъ, право записки, въ тоже время, въ свободныя сельскія состоянія, но по общему смыслу 1, 3 и 6 пп. вышеприведенныхъ правилъ, можно заключать, что и это право предполагалось имъ не воспрещать.

Одобривъ всѣ эти мѣры, Сенатъ вышесказаннымъ указомъ 17 Октября 1776 года текстуально предписалъ слѣдующее: «жидовъ», принявшихъ христіанскій законъ (какой-тоже не сказано), въ поголовный окладъ не класть, съ предоставленіемъ имъ права свободно избирать родъ своей жизни, но съ тѣмъ, чтобы никто ихъ къ себѣ не укрѣплялъ», то есть, другими словами, Сенатъ принялъ и, нѣкоторымъ образомъ, узаконилъ всѣ вышесказанныя мѣры, предложенныя графомъ Чернышевымъ столь несогласно съ державною волею Императрицы.

Вслѣдствіе такихъ мѣръ, евреи, оставшіеся въ законѣ своей вѣры, т. е. все ихъ населеніе, вопреки изображенной въ плакатѣ державной воли Государыни объ ихъ состояніи, равномъ съ прочими подданными, являлись съ совершенно уже исключительномъ положеніи и какъ бы вовсе лишенными правъ русскаго гражданства; такъ какъ очевидно, что если существеннѣйшими изъ этихъ правъ, какъ-то: повсемѣстнымъ жительствомъ въ Имперіи, свободнымъ избраніемъ рода жизни,

безпрепятственною запискою въ купечество и цехи, занятіемъ земледѣліемъ и сельскою промышленностію, содержаніемъ въ арендѣ земель, гражданскою и военною службою и одинаковыми выгодами съ прочими подданными по платежу податей и отправленію государственныхъ и общественныхъ повинностей, могли пользоваться одни только евреи, принявшіе христіанскую вѣру, то этимъ признавалось правительствомъ, въ принципѣ, что всѣ прочіе евреи, вѣры своей не измѣнившіе, были по своему положенію, какъ бы лишены всѣхъ этихъ правъ и могли пользоваться ими, только въ видѣ исключенія или изъятія изъ общихъ о нихъ правилъ, на основаніи особыхъ законодательныхъ о томъ постановленій.

Этимъ объясняется, почему для мѣстной администраціи право торговли и записки евреевъ въ купечество стало, съ того времени, являться какъ бы законодательнымъ вопросомъ и почему въ 1780 году, т. е. черезъ четыре года послѣ состоянія вышесказаннаго Сенатскаго указа, такой вопросъ былъ возбужденъ графомъ Чернышевымъ, не взирая на то, что законодательныхъ воспрещеній объ этомъ никакихъ, на самомъ дѣлѣ, не существовало. Были ли постановленныя въ томъ Сенатскомъ указѣ мѣры извѣстны Императрицѣ—въ точности сказать нельзя; но во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностію заключать, что Государынею не придавалось имъ никакого значенія, такъ-какъ мы видѣли, что вышесказанный вопросъ былъ ею разрѣшенъ утвердительно, какъ не представлявшій никакихъ сомнѣній (Им. Ук. 7 янв. 1780 г. П. С. З. т. XX, № 14,962). Но какъ при этомъ не послѣдовало отмѣны Сенатскаго указа 17 октября 1776 года, то въ порядкѣ управленія, онъ не утратилъ силы и продолжалъ имѣть для администраціи свое руководящее значеніе. Несомнѣнно, поэтому, что именно этимъ указомъ Сената и содержавшимся въ немъ положеніемъ о евреяхъ, предначертаннымъ по инціативѣ графа Чернышева и подвѣдомственныхъ ему губернаторовъ, положено начало всѣмъ ограниченіямъ, какимъ подверглись, впослѣдствіи, права евреевъ.

Доводы, приведенные начальниками Бѣлорусскаго края, для побужденія правительства къ проведенію, въ области гражданскихъ правъ, столь рѣзкой черты различія между евреями и христіанами, какъ это видно изъ того же указа Сената, не содержали въ себѣ, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ государства, въ торговомъ, промышленномъ и финансовомъ отношеніяхъ, никакой практической вѣскости и имѣли, въ своемъ основаніи, поводы, скрывавшіеся въ чисто религіозныхъ мо-

тивахъ, такихъ же, какими руководствовалось правительство, при Императрицахъ Екатеринѣ I, Аннѣ Іоановнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ и руководствоваться которыми Екатерина Великая не имѣла намѣренія, по измѣнившимся тогда, относительно евреевъ, обстоятельствамъ. Въ періодъ времени, предшествовавшій присоединенію Бѣлорусскаго края, евреи, какъ извѣстно, не состояли въ русскомъ подданствѣ, они признавались вообще у насъ людьми чужеземными, допущеніе или не допущеніе которыхъ въ государство, по ихъ незначительному, въ то время числу, могло еще зависѣть отъ усмотрѣнія правительства. По присоединеніи же Бѣлорусскаго края, евреи, вслѣдствіе вступленія ихъ въ русское подданство, явились, въ полномъ смыслѣ слова, *натурализированнымъ классомъ гражданъ*, и считались уже не сотнями, какъ прежде, а десятками тысячъ, почему разрѣшеніе или воспрещеніе ихъ пребыванія въ Россіи, очевидно, не могло уже зависѣть отъ воли правительства, смотря по его расположенію или нерасположенію къ нимъ. Такимъ образомъ, само положеніе вещей указывало на невозможность прежней, въ отношеніи евреевъ, политики, основанной исключительно на религіозной нетерпимости къ нимъ, какая преобладала въ нашей правительственной сферѣ, при прежнихъ Императрицахъ, что и было вполнѣ постигнуто геніемъ Императрицы Екатерины II.

Но первоначальные правители Бѣлорусскаго края и Сенатъ, не уяснивъ себѣ этого достаточно, сосредоточили свое вниманіе въ дѣлахъ о евреяхъ, преимущественно, на религіозныхъ цѣляхъ, и притомъ вовсе не на тѣхъ, къ осуществленію которыхъ призвано русское государство, такъ-какъ въ поощрительныхъ мѣрахъ, мѣстными властями и Сенатомъ разумѣлось христіанство вообще, безъ различія вѣроисповѣданій, что для интересовъ нашей православной церкви, какъ господствующаго исповѣданія, не могло имѣть особаго значенія. Такимъ образомъ, въ своихъ заботахъ и попеченіяхъ о горсти евреевъ, которые вслѣдствіе вышесказанныхъ поощреній, могла бы перейти въ христіанскую вѣру, иной разъ, и даже большею частію, вовсе не православнаго исповѣданія, мѣстныя власти и Сенатъ упустили изъ виду болѣе существенный для государства вопросъ, — вопросъ о несомнѣнной, въ то время, необходимости повергнуть на воззрѣніе такой великой Монархини, какъ Екатерина II, тщательно разработанный проектъ, съ общими соображеніями, относительно гражданскаго положенія, какое, на основаніяхъ справедливыхъ и

полезныхъ для государства, разъ навсегда, надлежало бы установить относительно сотни тысячъ евреевъ, только что вступившихъ въ подданство Россіи и составлявшихъ населеніе, объ удаленіи котораго, изъ предѣловъ ея, правительственными мѣрами и распоряженіями не могло уже быть, конечно, и рѣчи. Сомнительность практической пользы, для государства, удержанія, относительно евреевъ, польскаго режима усугубляла потребность въ обдуманности образа дѣйствія, какой долженъ былъ принятъ русскимъ правительствомъ, по отношенію къ многочисленному уже тогда населенію этихъ новыхъ его подданныхъ. При чемъ, особенно тщательному обсужденію, со стороны мѣстныхъ и высшихъ властей, подлежалъ конечно, вопросъ о справедливости и пользѣ, для государства и края, ограниченія путемъ закона правъ повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи, а также сосредоточенія ихъ въ однихъ лишь городахъ, чрезъ воспрещеніе имъ права приписки въ сельскія состоянія, какъ свободныя, такъ и крѣпостныя, доступъ въ которыя, на всемъ пространствѣ Имперіи, могъ-бы, казалось, успѣшнѣе всего подѣйствовать на сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, возбужденіе и развитіе въ нихъ утраченной вѣками склонности къ земледѣльческому труду, уничтоженіе ихъ типа мелкихъ торговцевъ и ослабленіе ихъ религіозно-племенной обособленности. Еслибъ первоначальными правителями Бѣлорусскаго края, а за тѣмъ и Сенатомъ, были повергнуты на воззрѣніе Императрицы соображенія по этимъ существеннымъ предметамъ и проведена надлежащая черта различія не между евреями и христіанами, а между евреями прежняго времени, не состоявшими въ русскомъ подданствѣ, и тѣми, которые, по присоединеніи Бѣлоруссіи, вошли безповоротно въ составъ русскаго народонаселенія, то геніемъ Екатерины Великой, нужно полагать, были бы указаны болѣе твердыя, руководящія начала, относительно подданныхъ еврейскаго исповѣданія, начала, которыя, по всей вѣроятности, предупредили-бы тѣ затрудненія, какія встрѣтились впослѣдствіи и встрѣчаются по настоящее время.

Между тѣмъ, Графъ Чернышевъ и другія мѣстныя власти, большею частію, видѣли въ евреяхъ только враговъ христіанства и отдѣльный, долженствовавшій всегда быть чуждымъ странѣ, народъ, который требовалъ какъ-бы совершенно отдѣльнаго управленія, и не выходя изъ предѣловъ такихъ предвзятыхъ взглядовъ, поспѣшили основать на нихъ свой образъ дѣйствія, приспособляясь въ то же время, къ рутиннымъ порядкамъ, введеннымъ польскимъ правительствомъ. Точно такимъ же об-

разомъ поступилъ и Сенатъ, этотъ высшій тогда органъ государственной власти.

Не взирая на верховныя распоряженія Императрицы Екатерины II, противорѣчившія принимавшимся имъ мѣрамъ, Сенатъ продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ, т. е. противоположномъ указаннымъ Императрицею началамъ уравненія евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, и мы видѣли, что при постановленіи Сенатомъ мѣръ, содержащихся въ его указѣ 7 Мая 1786 года, объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, имъ, хотя и были приняты въ соображеніе вышесказанныя начала, но въ то же время, допущены существенныя уклоненія отъ нихъ, чрезъ установленіе такихъ въ правахъ евреевъ различій, изъ которыхъ одни эти права разширяли, другія ограничивали ихъ, а всѣ вмѣстѣ присвоивали евреямъ совершенно исключительное въ государствѣ положеніе. Такъ Сенатъ, безъ возбужденія какихъ либо сомнѣній, требовавшихъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, оставилъ вышесказаннымъ указомъ въ силѣ противорѣчившую началамъ равенства прерогативу евреевъ, предоставлявшую имъ преимущественное передъ прочими жителями право юридическаго существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ обществъ, имѣющихъ свое особое устройство, а съ другой стороны не призналъ за евреями, состоявшими въ русскомъ подданствѣ и пользовавшимися уже правами русскаго гражданства, право повсемѣстнаго жительства и передвиженія въ государствѣ, съ свободнымъ избраніемъ рода жизни, на общемъ основаніи съ людьми, равныхъ съ ними состояній, подъ тѣмъ единственно предлогомъ, что на это требовалось, будто, особое Высочайшее соизволеніе, тогда-какъ основанія, указанныя Императрицею, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и другихъ, не давали къ этому никакого законнаго повода, особенно въ виду состоявшихся за годъ передъ тѣмъ, а именно 4 Февраля 1785 года, трехъ Именныхъ указовъ, разрѣшавшихъ всѣмъ Россійскимъ вольнымъ людямъ, «безъ различія народа и закона», право записки въ посадѣ Шлокѣ и городахъ Рижской и Ревельской губерніи, по точной силѣ Манифеста 17 Апрѣля 1775 года, т. е. повсемѣстно въ Имперіи, изъ чего не только не было сдѣлано исключенія для евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ и пользовавшихся правами русскаго гражданства, но вслѣдствіе просьбы, поданной иностранными купцами изъ евреевъ въ г. Митавѣ, разъяснено, что сила того Манифеста распространяется и на евреевъ иностранныхъ.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что вышесказаннымъ указомъ Сената и другимъ подобнымъ же, состоявшимся 17 Октября 1776 г., представлявшими оба нѣчто въ родѣ исключительныхъ о евреяхъ положеній, но такихъ, которые появились въ порядкѣ управленія и законодательной властью Императрицы утверждены не были,—положено начало той чертѣ осѣдлости евреевъ, которая держитъ ихъ въ замкнутомъ состояніи въ Западномъ краѣ, по настоящее время.

Между тѣмъ, Высочайшее повелѣніе Екатерины II, предложенное Генералъ-Прокуроромъ Сенату къ исполненію, при передачѣ на его разсмотрѣніе прошеній евреевъ, вызвавшихъ потребность въ принятіи мѣръ къ огражденію ихъ правъ въ Россіи,—повелѣніе, принадлежавшее къ числу тѣхъ, въ которыхъ выражалась твердая воля Государыни, относительно равнаго состоянія евреевъ съ прочими подданными,—налагало на Сенатъ, во всякомъ случаѣ, обязанность, при отказѣ евреямъ въ правѣ свободной записки въ купечество внѣ Бѣлорусскихъ губерній, подъ предлогомъ неимѣнія въ виду на то особаго Высочайшаго повелѣнія, сослаться, по-крайней-мѣрѣ, на узаконенія или Высочайшія повелѣнія, которыя содержали бы въ себѣ воспрещенія этого права для евреевъ, вступившихъ въ русское подданство и пользовавшихся правами русскаго гражданства; въ случаѣ же какихъ либо, въ этомъ отношеніи, недоразумѣній, которыхъ говоря справедливо на самомъ дѣлѣ не было, повергнуть такое обстоятельство на воззрѣніе Императрицы съ подробными и обстоятельными соображеніями, для полученія отъ Государыни личныхъ указаній, по предмету столь существенной для государства важности, какъ лишеніе многочисленнаго класса подданныхъ еврейскаго исповѣданія права пользованія всѣми выгодами дарованнаго ему гражданства, наравнѣ съ прочими подданными, одинаковыхъ съ ними состояній.

Сенатъ же, подъ вліяніемъ господствовавшихъ предубѣжденій и предразсудковъ, относительно евреевъ, и своихъ неправильныхъ взглядовъ на нихъ, не счелъ нужнымъ, въ сказанномъ случаѣ, обратиться къ законодательной власти Императрицы, вслѣдствіе чего, все населеніе евреевъ въ Россіи осталось въ шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи, послужившимъ одною изъ главныхъ причинъ образовавшагося, впослѣдствіи, исключительнаго о евреяхъ законодательства.

Въ предположеніи, что евреи, и по вступленіи ихъ въ русское подданство, должны составлять отдѣльный народъ, не принадлежащій къ коренному населенію государства,—народъ чужестранный, имѣющій

какъ бы временное пребываніе въ государствѣ,—и не придавая, въ то время, надлежащаго значенія факту древней осѣдлости евреевъ въ возсоединенныхъ областяхъ прежней нашей Руси, правительство какъ бы не ощущало и потребности въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ упроченію гражданскаго ихъ положенія въ Россіи, но признавало, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ практичнымъ, тотчасъ по присоединеніи Бѣлорусскаго края, съ еврейскимъ въ немъ населеніемъ, оказывать постоянное противодѣйствіе законодательнымъ предначертаніямъ Императрицы Екатерины II объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ прочими гражданами, въ особенности же въ правѣ ихъ повсемѣстнаго жительства въ Имперіи. Отсюда явилась въ правительствѣ мысль объ ограниченіи правъ жительства евреевъ и отправленія ими торговъ и промысловъ тѣми областями, въ которыхъ они были застигнуты русскимъ владычествомъ, съ цѣлію безусловнаго закрытія для нихъ всѣхъ прочихъ областей и странъ русскаго государства. Но при этомъ, государственными дѣятелями, того времени, не было, конечно, отдано себѣ надлежащаго отчета: 1) что такая мѣра, кромѣ ея несообразности съ началами равноправности евреевъ, предначертанными Императрицею, несоотвѣтствовала, въ то же время, началамъ гражданской и политической равноправности всѣхъ соединенныхъ подъ русскимъ скипетромъ странъ и областей и населявшихъ ихъ коренныхъ племенъ и народностей; такъ-какъ, при допущеніи сказанной мѣры, однѣ такія страны и области, съ кореннымъ въ нихъ населеніемъ, подверглись бы всѣмъ невыгодамъ исключительнаго ихъ отягощенія евреями, какъ многолюднымъ торговымъ классомъ населенія, а другія, вслѣдствіе преимущественной какъ бы заботливости правительства объ огражденіи ихъ отъ евреевъ, были бы лишены и выгодъ, какія возможно имѣть отъ торговыхъ сношеній съ ними, 2) что этимъ проводились бы довольно рѣзкія черты отличія, не только въ гражданскомъ, но какъ бы и въ политическомъ бытѣ образующихъ Россію странъ и областей, такъ-какъ изъясненные знаки преимущественной заботливости правительства объ однихъ изъ нихъ, могли бы давать другимъ поводъ смотрѣть на себя какъ на страны и области, непризнаваемыя правительствомъ коренными русскими, а слѣдовательно, для Россіи, нѣкоторымъ образомъ, чуждыя ,3) что между тѣмъ, такой взглядъ, не будучи исторически вѣрнымъ, потому-что всѣ возсоединившіяся съ Россіею, на западѣ и югѣ, земли составляли нашу древнюю Русь, могъ бы представлять и довольно существенныя невыгоды для Россіи, въ случаѣ ка-

кихъ либо политическихъ усложненій, какія встрѣчались при Екатеринѣ II, могли встрѣчаться и послѣ, особенно въ виду близкаго, съ чужеземными державами, сосѣдства тѣхъ странъ и областей и значительнаго числа, въ составѣ кореннаго тамъ населенія, иновѣрныхъ и инородныхъ племенъ и народностей, 4) что, вообще, допущеніе, въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ, отличій между странами и областями, образующими Русскую державу, не соотвѣтствовало бы принципамъ ея единодержавія, въ силу которыхъ всѣ соединенныя подъ ея скипетромъ части Россіи, какъ общей для всѣхъ ея подданныхъ родины, какого бы они происхожденія и закона вѣры ни были, должны составлять *единую и нераздѣльную Русь*, все народонаселеніе которой, въ видахъ общаго блага государства, должно пользоваться одинаковою степенью правомѣрности и гражданскаго благосостоянія, безъ различія странъ и областей и населяющихъ ихъ племенъ и народностей, и 5) что слѣдовательно, мѣрою локализированія евреевъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, на окраинахъ Русской Имперіи, подрывалась бы, въ сущности, главнѣйшая основа его единодержавія — *единство государства*, составляющее въ каждой странѣ, имѣющей самостоятельный политическій бытъ, первостепенное условіе его силы, крѣпости и могущества.

Доказательствомъ, что Екатерина Великая, по отношенію къ своей Державѣ, лично исходила именно изъ этихъ политическихъ взглядовъ и началъ и именно съ ними связывала свои державныя предначертанія, относительно равноправности всѣхъ поступавшихъ подъ Ея скипетръ земель и народностей, безъ различія ихъ рода и закона вѣры, не допуская, въ этомъ отношеніи, никакихъ исключеній и касательно евреевъ, не взирая на господствовавшія къ нимъ, преимущественно въ высшихъ средахъ, чувства религіозной неприязни, могутъ служить, между прочимъ, слѣдующія слова, содержащіяся въ текстѣ плаката, посредствомъ котораго жители Бѣлоруссіи, въ томъ числѣ и евреи, были, торжественно и всенародно, оповѣщены о державной волѣ и намѣреніи Императрицы, относительно правъ и выгодъ ихъ гражданскаго состоянія въ Россіи: «...отнынѣ и навсегда имѣютъ (присоединенныя отъ Польши мѣста и земли») состоять подъ скипетромъ Рос- «сійской Имперіи, жители же оныхъ земель и владѣльцы, *какого бы «рода и званія ни были,* въ подданствѣ онаго» и «...что Всемило- «стивѣйшая Государыня изволитъ... совершенно ихъ подъ Державою «Своею *усыновляя,* всѣхъ и каждаго награждать, еще отнынѣ, *въ «полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія,* всѣми тѣми правами, воль-

«ностями и преимуществами, каковыми *древніе Ея подданные* поль-«зуются, такъ-что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ зе-«мель вступаетъ, съ самаго сего дня, *во всѣ* оному свойственныя «*выгоды по всему пространству Имперіи*».

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что Императрица Екатерина Великая, присвоивала весьма важное значеніе праву именоваться подданнымъ Ея Державы и что Государынею отнюдь не допускалась и не могла допускаться мысль какихъ либо отъ прочихъ частей Россіи, по поводу евреевъ, отличій возсоединявшихся съ нею, или присоединявшихся къ ней, силою оружія, странъ и областей, особенно тѣхъ, которыя составляли нашу древнюю Русь и гдѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, имѣлось населеніе, соединенное съ русскою народностію, узами кровнаго родства. Этимъ объясняются державныя предначертанія Екатерины Великой, а за тѣмъ твердыя и настойчивыя требованія Государыни, относительно уравненія евреевъ въ правахъ съ коренными подданными государства, что вовсе не было, слѣдовательно, знакомъ особаго Монаршаго Ея снисхожденія къ лицамъ, исповѣдующимъ еврейскую вѣру, котораго, по духу того времени и общему настроенію умовъ, не могла имѣть, конечно, и сама Императрица, но доказываетъ лишь Ея попеченія, относительно водворенія и упроченія, въ государственномъ строѣ своей Державы, законоположеній, которыя, какъ сказано въ вышеупомянутомъ Ея Наказѣ губернаторамъ Коховскому и Кречетникову, суть «*коренныя, основанныя на правилѣ православія, политикѣ и здраваго разсудка*», и которыя, нынѣ, во всѣхъ европейскихъ странахъ, составляютъ главную основу ихъ внутренняго благоустройства и благосостоянія.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на это мѣстныя власти и государственные дѣятели того времени. Объясняя себѣ образъ дѣйствія Императрицы, относительно евреевъ, незаслуженною ими Ея Монаршею къ нимъ милостью, они полагали поступать весьма практично для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, умѣряя, по возможности, эту казавшуюся имъ снисходительность къ нимъ Государыни. Вслѣдствіе этого, пользуясь широкимъ, въ то время, просторомъ, для личнаго ихъ произвола, низшія и высшія власти, какъ видно изъ приведенныхъ уже данныхъ, не стѣснялись, большею частію, мѣрами строгости, относительно евреевъ, и стремились всячески склонить къ этому же и Императрицу, подъ предлогомъ, что такой образъ дѣйствія оправдывается, будто, потребностію огражденія кореннаго населенія отъ вреда,

причиняемаго ему евреями; такъ-какъ преданность евреевъ закону своей вѣры и ощущавшаяся мѣстными торговыми классами, со стороны ихъ, сильная степень торговой и промышленной конкурренціи, а также частыя ихъ жалобы на притѣсненія должностныхъ и частныхъ лицъ высшей среды туземнаго населенія, отождествлялись, въ тогдашнихъ понятіяхъ, съ упорствомъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, неблагопріятнымъ для интересовъ православія, неповиновеніемъ къ властямъ, враждебнымъ настроеніемъ къ христіанскимъ классамъ населенія, стремленіемъ къ ихъ эксплоатаціи, вслѣдствіе природной алчности къ наживѣ и денежному обогащенію [1]) и, вообще, съ злоупотребленіемъ евреями дарованныхъ имъ правъ, ко вреду нравственныхъ и экономическихъ интересовъ кореннаго населенія.

Орудуя постоянно въ этомъ смыслѣ и пользуясь существовавшими, въ то время, недостатками въ формахъ нашего законодательства,

---

[1]) Въ страсти къ наживѣ и обогащенію имѣлся прежде, имѣется и теперь, обычай обвинять, поголовно, всѣхъ вообще занимающихся торговыми или денежными дѣлами и предпріятіями. Неудивительно, поэтому, что если такой обычай, при религіозной непріязни къ евреямъ, укоренился относительно ихъ, такъ-какъ по ихъ положенію среди христіанскихъ населеній, евреи были поставлены въ невозможность, для своего существованія, заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ торговыхъ и денежныхъ дѣлъ. При всемъ томъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ о евреяхъ и ихъ бытѣ, оказывается, что за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ изъ ихъ личностей, вся вообще масса евреевъ, изъ числа занимающихся торговлею, промыслами, ремеслами и денежными даже оборотами, довольствуется, сравнительно, меньшею прибылью и заработками, чѣмъ многіе торговые люди другихъ вѣроисповѣданій и народностей, не исключая, иной разъ, и русскихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ евреи, въ Западномъ краѣ, находятся подъ владычествомъ Россіи, прошло болѣе ста лѣтъ. Между тѣмъ, вотъ что сказано, въ числѣ прочихъ объясненій, въ запискѣ одного изъ членовъ бывшей коммисіи по устройству быта евреевъ, В. Я. Фукса: „Замѣчательно, однако, что страсть „къ наживѣ необогатила еврейской національности. Еврейскіе банкиры и крупные не„гоціанты съумѣли вездѣ пріобрѣсти себѣ колоссальныя богатства, но народная масса „евреевъ вездѣ отличалась и доселѣ отличается крайнею бѣдностію". Если принять, при этомъ, въ соображеніе, что, по имѣющимся оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, благосостояніе лицъ сельскаго состоянія, въ Бѣлоруссіи и другихъ центрахъ еврейскаго населенія, въ Западномъ краѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, не пришло въ упадокъ и находится въ лучшемъ даже положеніи, чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ евреевъ нѣтъ; то нельзя не прійти къ заключенію, что обычай поголовнаго ихъ обвиненія, въ преимущественной передъ прочими племенами и народностями страсти къ наживѣ и обогащенію, всегда былъ основанъ скорѣе на предубѣжденіяхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ фактахъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ несомнѣнный, что страсть къ наживѣ и обогащенію не составляетъ отличительную черту одного еврейскаго племени и что, во всякомъ случаѣ, это не можетъ признаваться поводомъ къ ограниченію гражданскихъ правъ того или другаго класса населенія, какъ это замѣчено еще Екатериною Великою, въ Ея Наказѣ коммисіи о соч. проек. Новаго Уложенія, съ приведеніемъ въ примѣръ Китайцевъ. (П. С. З. т. XXIII, № 12946, § 55).

*

представители мѣстной и высшей администраціи достигли, подъ конецъ царствованія Императрицы Екатерины II, появленія, въ видѣ Именныхъ указовъ, нѣкоторыхъ законодательныхъ актовъ ограничительнаго значенія, по отношенію къ правамъ гражданскаго состоянія евреевъ въ Россіи и ихъ повсемѣстнаго жительства въ ней.

Главнѣйшими изъ такихъ актовъ представляются два Именныхъ указа, состоявшіеся 23 Декабря 1791 года и 23 Іюня 1794 года, въ которыхъ воля Императрицы выражена въ смыслѣ, несогласномъ съ прежними Ея предначертаніями, относительно евреевъ, и которые, многимъ, даютъ, нынѣ, поводъ къ предположеніямъ, что Государыня, въ отношеніи ихъ, руководствовалась, впродолженіи всего своего царствованія, тою же политикою нетерпимости, какъ и прежнія Императрицы.

По важности этихъ двухъ указовъ и ихъ вліянію на права жительства, торговли и промысловъ евреевъ въ Россіи, отчасти, по настоящее время, необходимо разсмотрѣть ихъ нѣсколько ближе, съ цѣлію разъясненія: дѣйствительно-ли выраженная въ нихъ воля Императрицы можетъ признаваться вполнѣ Ея личною.

Первый изъ сказанныхъ указовъ, воспослѣдовавшій 23 Декабря 1791 года, озаглавленъ, при его распубликованіи Сенатомъ, слѣдующимъ образомъ: «О предоставленіи евреямъ правъ гражданства въ «Екатеринославскомъ Намѣстничествѣ и Таврической губерніи». Изъ этого видно, что указъ этотъ, поднесенный къ Высочайшей подписи Императрицы, имѣлъ прямымъ своимъ предметомъ не ограниченіе правъ гражданства евреевъ, но, напротивъ, дарованіе такихъ правъ тѣмъ изъ нихъ въ Россіи, которые ими еще не пользовались. Между тѣмъ, Высочайшему повелѣнію объ этомъ, предпослано нѣчто постороннее, къ предмету указа, судя по его заглавію, прямымъ образомъ, не относившееся, какъ это усматривается изъ начальнаго его текста, который слѣдующій: «Разсмотрѣвъ, съ одной стороны, поданныя Намъ прошенія отъ евреевъ, касательно незаписки ихъ въ Смоленское и Московское купечество, а съ другой, представленныя Намъ отъ Генерала, «Главнокомандующаго въ Москвѣ и тамошней губерніи, Князя Прозоровскаго, обстоятельства, до сего же случая относящіяся, и *соображая все это съ законами*, находимъ, что евреи не имѣютъ никакого «права записываться въ купечество во внутренніе россійскіе города и «порты, а только *по указамъ Нашимъ* дозволено имъ пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи». Послѣ этихъ

вступительныхъ словъ, слѣдуетъ текстъ Высочайшаго повелѣнія Императрицы о распространеніи такихъ же правъ гражданства на евреевъ Екатеринославскаго Намѣстничества и области Таврической, безъ точнаго, впрочемъ, объясненія, при этомъ, могутъ ли эти евреи пользоваться правами гражданства, если не повсемѣстно въ Россіи, то въ Бѣлоруссіи, гдѣ имѣлось уже населеніе ихъ единовѣрцевъ, а также могутъ ли эти послѣдніе евреи, съ своей стороны пользоваться правами гражданства въ Намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической. Есть, поэтому, основаніе предполагать, что изъ образовавшихся, такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, двухъ отдѣльныхъ еврейскихъ населеній, каждое должно было какъ бы оставаться въ предѣлахъ своего края. Такая неточность указа могла давать мѣстнымъ властямъ поводъ евреевъ Бѣлоруссіи не пускать въ южную Россію, а евреевъ тѣхъ краевъ—въ Бѣлоруссію, чѣмъ открывался вообще, еще большій просторъ для тамошнихъ властей къ разнаго рода произвольнымъ стѣсненіямъ евреевъ въ правахъ жительства, торговли и промысловъ. (П. С. З. т. XXIII, № 17,006).

Такое ограниченіе въ правахъ состоянія евреевъ, пользовавшихся, со времени ихъ вступленія въ подданство Россіи, правомъ русскаго гражданства, представляло мѣру, которая, по своей важности и своимъ послѣдствіямъ, требовала, несомнѣнно, прямаго и вмѣстѣ точнаго и опредѣлительнаго узаконенія. Но изъ приведеннаго выше начальнаго текста указа видно, что такого узаконенія, однако, не послѣдовало, но что сказанная мѣра установлена, впервые, въ законодательной области, путемъ истолкованія, по встрѣтившемуся частному случаю, какъ бы прежде существовавшихъ ограничительныхъ о евреяхъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній, состоявшихся въ царствованіе же Императрицы Екатерины II. Между тѣмъ, цѣлый рядъ приведенныхъ выше Именныхъ указовъ и Высочайшихъ повелѣній Императрицы противоположнаго смысла, не отмѣненныхъ, до того, никакими другими Именными Ея указами и Высочайшими повелѣніями, а также изъясненные выше политическіе взгляды Государыни на значеніе, въ составѣ Ея Имперіи, возсоединенныхъ съ нею краевъ и областей и существовавшихъ тамъ племенъ и народностей,—достаточно, кажется, убѣждаютъ, что до появленія именнаго указа 23 Декабря 1791 года, узаконеній, постановленій или распоряженій, которыя исходили бы, непосредственно, отъ лица Императрицы и подвергли бы дарованныя евреямъ права гражданства вышесказаннымъ ограниченіямъ, въ дѣйствительности, не

существовало. Поэтому, отнесеніе къ личной волѣ Императрицы начертанія и появленія указа 23 Декабря 1791 г., въ сказанномъ его видѣ, было бы равносильно предположенію о возможности допущенія Государынею неправильнаго и несправедливаго истолкованія Ея собственныхъ законодательныхъ предначертаній, которыя, въ случаѣ Ея желанія объ ихъ измѣненіи, въ виду какой либо государственной въ томъ потребности, могли бы быть измѣнены, безъ помощи неправильнаго истолкованія существовавшихъ о евреяхъ законоположеній, съ ссылкою на такія, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, не было.

Второй изъ сказанныхъ указовъ, появившійся 23 Іюня 1794 года, озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «О сборѣ съ евреевъ, записавшихся по городамъ въ мѣщанство и купечество, установленныхъ податей вдвое противу положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій», изъ чего можно заключать, судя по-крайней-мѣрѣ, по буквальному тексту его заглавія, что указъ этотъ имѣлъ прямымъ предметомъ не ограниченіе правъ гражданства евреевъ мѣстами ихъ осѣдлости, но одну лишь финансовую мѣру, касавшуюся ихъ податей, хотя и сопряженную съ преимущественнымъ ихъ отягощеніемъ ими, въ сравненіи съ прочими подданными. Между тѣмъ, указъ начинается слѣдующимъ образомъ: «Позволивъ евреямъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы ихъ въ губерніяхъ: Минской, «Изъяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородской-Сѣверской, Екатеринославской и въ Области «Таврической, записаться по городамъ въ мѣщанство и купечество, «повелѣваемъ»...., за симъ слѣдуетъ текстъ повелѣнія, касающагося обложенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей. Изъ начальнаго текста этого указа усматривается, еще осязательнѣе, несогласная съ политическими взглядами Императрицы Екатерины II правительственная цѣль ограниченія мѣста жительства евреевъ возсоединенными съ Россіею областями древней Руси и проведенія, въ этомъ отношеніи, рѣзкой черты отличія между ними и прочими частями Имперіи, съ цѣлью какъ бы преимущественнаго огражденія этихъ послѣднихъ отъ евреевъ и предполагавшагося отъ нихъ вреда. При чемъ, здѣсь, какъ и въ предшествующемъ указѣ, о такомъ ограниченіи правъ жительства евреевъ говорится, какъ о постановленіи закона заранѣе уже существовавшаго, тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, до появленія указа 23 Декабря 1791 г., ничего подобнаго не существовало. Поэтому, и въ этомъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы сказанное ограниченіе было установлено путемъ

прямаго органическаго объ этомъ закона, въ которомъ, несомнѣннымъ образомъ, выражалась бы, по этому предмету, личная воля Государыни.

Такимъ образомъ, въ обоихъ именныхъ указахъ, какъ 23 Декабря 1791 года, такъ и 23 Іюня 1794 года, относительно правъ жительства евреевъ въ Россіи, содержатся, въ сущности, лишь правительственныя распоряженія, основанныя на неправильномъ истолкованіи существовавшихъ, въ то время, Высочайшихъ указовъ и повелѣній о правахъ гражданства евреевъ въ Россіи. Ссылка въ указахъ не на эти узаконенія, а на такія, которыя, на самомъ дѣлѣ, не существовали; недостаточная точность и опредѣлительность указовъ, по отношенію къ правамъ гражданскаго состоянія столь значительнаго, по числу, класса подданныхъ, какъ евреи; отсутствіе всякихъ объясненій о мотивахъ, побудившихъ Императрицу допустить въ этихъ правахъ ограниченія, измѣнявшія, кореннымъ образомъ, общее правовое у насъ положеніе евреевъ, съ невыгодами, какъ для нихъ, такъ и для различныхъ частей государства; несообразность текста указовъ, дающаго возможность исходить изъ мысли, что при присоединеніи Бѣлоруссіи, евреямъ, кромѣ вѣроисповѣдныхъ льготъ и преимуществъ, было предоставлено въ видѣ Монаршей милости, и самое право дальнѣйшаго ихъ существованія въ предѣлахъ русскаго государства, тогда какъ со времени присоединенія Бѣлоруссіи, по невозможности обращаться къ поголовнымъ высылкамъ евреевъ заграницу, какія практиковались въ прежнее время, пребываніе евреевъ въ Россіи, а слѣдовательно и ихъ право пользованія извѣстнымъ состояніемъ, для возможности законнаго существованія въ государствѣ, зависѣли уже, въ то время, болѣе отъ положенія вещей, чѣмъ отъ личнаго усмотрѣнія правительства; противорѣчіе содержащихся въ обоихъ указахъ ограничительныхъ постановленій съ взглядами и предначертаніями Императрицы Екатерины Великой, которыхъ она держалась въ теченіи всего своего царствованія, и, напротивъ, совершенная тождественность этихъ ограниченій съ духомъ и направленіемъ тѣхъ мѣръ, къ принятію которыхъ было склонно само правительство; наконецъ, появленіе вышесказанныхъ указовъ лишь подъ конецъ царствованія Императрицы, т. е. въ тотъ періодъ его времени, когда геній въ ней присутствовалъ, но воля и законодательная энергія могли ослабнуть, особенно въ дѣлахъ, къ которымъ примѣшивались религіозныя цѣли, обращавшіяся, нерѣдко, въ случаяхъ, касавшихся евреевъ, въ вопросы даже христіанскаго благочестія,—все это, вмѣстѣ взятое, даетъ право заключать: 1) что хотя

существующая нынѣ черта осѣдлости евреевъ, локализирующая ихъ населеніе въ Западномъ краѣ, возымѣла свое начало въ царствованіе Императрицы Екатерины II, но что тѣмъ не менѣе, черта эта составляетъ учрежденіе, которое, справедливымъ образомъ, не можетъ быть отнесено къ личной инициативѣ самой Императрицы и личнымъ ея взглядамъ на этотъ предметъ, и 2) что, поэтому, установленіе этого ограниченія, не путемъ изданія о немъ прямаго органическаго закона, но путемъ неправильныхъ въ Именныхъ указахъ истолкованій смысла существовавшихъ законоположеній Императрицы Екатерины II, съ принятіемъ въ основаніе такихъ Именныхъ ея указовъ и Высочайшихъ повелѣній, которые, въ дѣйствительности, не существовали, есть ничто иное, какъ искусное, въ формѣ Именныхъ указовъ, проведеніе административными властями, того времени, собственныхъ, по отношенію къ евреямъ, взглядовъ и мѣръ, которые шли въ разрѣзъ съ воззрѣніями и верховными распоряженіями самой Императрицы.

Изъ всего сказаннаго усматривается, съ достаточною, кажется, ясностью, что идея локализированія евреевъ въ Россіи, путемъ установленія, такъ называемой, черты ихъ осѣдлости, вводящей исключительный порядокъ вещей, по отношенію къ правамъ и выгодамъ не однихъ евреевъ, но и коренныхъ населеній различныхъ странъ и областей Русской Имперіи, не есть продуктъ, ни генія Императрицы Екатерины Великой, ни духа и разума нашей историко-національной политики, ни духа и разума законодательныхъ начертаній нашихъ прежнихъ Государей, всегда стремившихся къ единству русскаго государства, безъ различія образующихъ его странъ и областей, и относившихся, въ частности, къ евреямъ, съ терпимостью, сравнительно, большею, чѣмъ Государи и правительства въ Западной Европѣ и Польшѣ. Едва ли справедливо было бы приписывать идею локализированія евреевъ духу и разуму той даже политики нетерпимости къ евреямъ, которая проявилась у насъ въ царствованія Императрицъ: Екатерины I, Анны Іоановны и Елисаветы Петровны; такъ-какъ эта политика заключалась въ идеѣ равномѣрнаго освобожденія отъ евреевъ всѣхъ частей государства, безъ допущенія какихъ либо изъятій, которыя клонились бы къ выгодѣ однихъ изъ нихъ и ущербу для другихъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ указовъ Императрицы Елисаветы Петровны, 2 декабря 1742 г., и 16 декабря 1743 г., а также Сенатскаго указа 25 января 1744 г., которыми предписывалось о высылкѣ заграницу всѣхъ проживавшихъ у насъ евреевъ, не только изъ Великороссіи, но изъ

Малой и Бѣлой Россіи и прочихъ завоеванныхъ городовъ (П. С. З. т. XI, №№ 8673 и 8840 и т. XII, № 8867). Поэтому, иниціативу по учрежденію существующей у насъ черты осѣдлости евреевъ и самое ея установленіе, въ царствованіе Екатерины II, слѣдуетъ отнести къ взглядамъ и образу дѣйствія не самой Императрицы, но властей того времени, не усвоившихъ достаточно ея политическихъ принциповъ и не отдававшихъ себѣ вполнѣ яснаго отчета о всей непрактичности для государства, при невозможности равномѣрнаго освобожденія отъ евреевъ всѣхъ частей Россіи, путемъ прежнихъ ихъ высылокъ заграницу, скопленія ихъ массъ въ извѣстныхъ ея мѣстностяхъ, которое должно было повести къ преимущественному ихъ отягощенію чрезмѣрнымъ числомъ людей торговаго и промышленнаго класса. Но разъ идея сказанной черты получила свое осуществленіе, путемъ законодательнаго акта, она пріобрѣла въ правительственной сферѣ значеніе свершившагося факта, о которомъ не поднималось уже вопроса, какъ о фактѣ, нетребовавшемъ, будто, ближайшихъ обсужденій, вслѣдствіе чего черта эта остается въ силѣ по настоящее время.

Кромѣ этой ограничительной мѣры, государственные дѣятели, времени Императрицы Екатерины II, достигли, въ видѣ Именныхъ ея указовъ, и нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе сомнительныхъ, по своей пользѣ, въ государственномъ отношеніи.

Въ числѣ такихъ мѣръ, особенное вниманіе обращаетъ на себя проведенная правительствомъ, въ вышеупомянутомъ Именномъ указѣ 23 іюня 1794 года, одновременно съ ограниченіемъ правъ жительства евреевъ, которою они подвергнуты платежу двойнаго оклада податей и которая была отмѣнена, за тѣмъ, лишь въ царствованіе Императора Николая I, съ изданіемъ положенія о евреяхъ 1835 года.

На первый взглядъ, эта мѣра можетъ представиться имѣвшею одну только финансовую цѣль. Но ближайшее ея разсмотрѣніе убѣждаетъ, что она имѣла цѣль, исключительно, репрессивнаго свойства и что въ основаніи ея лежала скрытая мысль правительства религіознаго преслѣдованія евреевъ, съ попыткою очищенія отъ нихъ русской территоріи. Это усматривается, отчасти, изъ самаго текста повелѣнія, касающагося этой мѣры. Текстъ этотъ слѣдующій: «повелѣваемъ съ «тѣхъ изъ помянутыхъ евреевъ (мѣсто жительства которыхъ ограничено поименованными въ указѣ губерніями), которые таковымъ дозволеніемъ (отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы, т. е. другими словами, жить въ Россіи) пользоваться желаютъ, собирать

«съ 1 числа слѣдующаго іюля установленныя подати вдвое противу «положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ «исповѣданій; которые же не похотятъ остаться, таковымъ дать сво-«боду, на основаніи положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней «двойной подати, выѣхать изъ Имперіи нашей. (П. С. З. т. XXIII, № 17,224).

Объясненіе въ указѣ, что евреи подвергаются преимущественному отягощенію податьми, въ сравненіи съ подданными христіанской вѣры разныхъ исповѣданій, тогда-какъ, въ сущности, евреи, въ то же время, подвергались преимущественному отягощенію, въ томъ же отношеніи, сравнительно съ людьми и нехристіанскихъ исповѣданій, уже достаточно указываетъ, что сказанная мѣра имѣла религіозную цѣль установленія различія между евреями и христіанами, въ податномъ отношеніи. Это дѣлается еще яснѣе, если принять во вниманіе, что мѣра эта вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ основаніямъ, которыя содержались въ неотмѣненномъ, а слѣдовательно, имѣвшемъ въ правительственной сферѣ извѣстное значеніе, Сенатскимъ указѣ 17 октября 1776 года, по смыслу котораго, одинаковыми выгодами въ правахъ гражданскаго состоянія съ прочими подданными могли пользоваться лишь евреи, принявшіе христіанскую вѣру. Религіозная цѣль сказанной мѣры усматривается еще изъ того, что правительствомъ, въ слѣдующемъ году, а именно, въ Именномъ указѣ 8 іюня 1795 года, т. е. за годъ до кончины Императрицы Екатерины II, проведена мѣра, изъявшая отъ платежа вышесказаннаго двойнаго оклада податей обитавшихъ въ Крыму караимовъ, какъ послѣдователей іудейскаго закона, не державшихся ученія Талмуда [1]), въ отличіе отъ прочихъ евреевъ, которымъ въ всеподданнѣйшемъ донесеніи, по этому предмету, екатеринославскаго, вознесенскаго и таврическаго Генералъ-Губернатора, Графа Зубова, было присвоено названіе «Раббиновъ». (П. С. З. т. XXIII, № 17,340).

Преимущественное отягощеніе податьми извѣстнаго класса людей, съ религіозною цѣлію, имѣло у насъ примѣры, по отношенію не къ однимъ только евреямъ. Со времени Петра I, какъ объяснено выше, подобному отягощенію были подвергнуты и раскольники. Но по отношенію къ нимъ, религіозная цѣль этой мѣры была вполнѣ ясная и

---

[1]) О значеніи Талмуда, по новѣйшимъ о немъ изслѣдованіямъ, и о неосновательности преслѣдованія изъ за него евреевъ говорится ниже.

понятная, такъ-какъ она имѣла въ виду огражденіе отъ расколовъ нашего православнаго закона и побужденіе совратившихся раскольниковъ къ ихъ возврату въ лоно нашей церкви. Относительно прочихъ иновѣрцевъ, религіозная въ нашемъ государствѣ мѣра, даже принудительнаго характера, могла тоже не быть лишена, для каждаго, вполнѣ понятной цѣли, коль скоро эта цѣль ограничивалась интересами нашего православнаго закона, какъ господствующаго въ государствѣ, къ защитѣ и оборонѣ каковаго закона оно и призвано.

Въ этомъ отношеніи, нельзя сказать, чтобы религіозныя мѣры, принятыя противъ евреевъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, при всей ихъ строгости и несогласности съ началами вѣротерпимости и пользою государства, не имѣли надлежащей цѣлесообразности, такъ-какъ цѣль ихъ не выходила изъ предѣловъ лежащихъ на государствѣ нашемъ обязанностей, по огражденію интересовъ нашей Греко-Восточной каѳолической церкви. Это видно изъ приведеннаго выше Имяннаго Ея указа 2 Декабря 1742 года, которымъ было повелѣно допускать въ Россію изъ евреевъ, въ видѣ исключенія, лишь тѣхъ, «кто изъ нихъ «захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія» (П. С. З. т. XI, № 8,673). Но власти и государственные дѣятели, противодѣйствовавшіе предначертаніямъ Императрицы Екатерины Великой, относительно примѣненія къ евреямъ началъ ихъ равенства въ правахъ съ прочими подданными, не уяснивъ себѣ, надлежащимъ образомъ, настоящей религіозной цѣли нашего государства, задались мыслію побужденія евреевъ къ переходу въ христіанство, безъ различія вѣроисповѣданій, что лишало эту цѣль надлежащаго значенія и удобообъяснимости, такъ-какъ обращеніе, напримѣръ, милліоннаго уже тогда у насъ населенія евреевъ въ католическую вѣру не представляло бы, конечно, выгодъ ни для нашей церкви, ни для государства. Такое неуясненіе себѣ тогдашними властями этого предмета усматривается, какъ изъ вышеупомянутаго Сенатскаго указа 17 Октября 1776 года, такъ и повелѣнія объ обложеніи евреевъ двойнымъ окладомъ податей, ибо по смыслу этихъ правительственныхъ актовъ, каждый изъ евреевъ могъ выйти изъ невыгодъ своего неравнаго съ прочими подданными положенія, въ случаѣ принятія христіанской вѣры, не только православной, но и другихъ исповѣданій. Такимъ образомъ, принимавшіяся правительствомъ противъ евреевъ мѣры репрессивнаго свойства, съ религіозною цѣлью, составляли такое насиліе совѣсти, которое, собственно говоря, было безцѣльнымъ, какъ для нашей церкви, такъ и для

Государства. Что касается лично Императрицы Екатерины Великой, то Государыня, по своимъ взглядамъ на свободу исповѣданія и по извѣстнымъ уже общимъ принципамъ своей политики, не могла относиться сочувственно къ мѣрамъ стѣсненія, въ дѣлѣ религіи, чьей-бы то ни было свободы совѣсти, однимъ изъ доказательствъ чему можетъ служить ознаменованіе Государынею своего царствованія, между прочимъ, тѣмъ, что за нѣсколько лѣтъ передъ воспослѣдовавшимъ обложеніемъ евреевъ двойною податью, отъ платежа такой же подати, Именными указами Императрицы, освобождены раскольники, не взирая на то, что изъ всѣхъ иновѣрцевъ, взгляды на нихъ были всегда, сравнительно, строже, какъ на людей, отпадшихъ отъ православія и Церкви (Имен. ук. 20 Іюля и 8 Ноября 1782 г., П. С. З. т. XXI, №№ 15,473 и 15,581). Поэтому, мысль отягощенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей не могла принадлежать Императрицѣ, по одной уже религіозной ея цѣли, въ томъ смыслѣ, какъ ее разумѣли власти; ибо такая цѣль не соотвѣтствовала понятіямъ объ отношеніяхъ русскаго государства къ господствующему въ немъ исповѣданію и Манифесту Императрицы о возшествіи на престолъ 28 Іюня 1762 г., въ которомъ заявлены обязанности верховной власти по защитѣ и оборонѣ одного лишь православнаго закона. Сказанную мѣру нельзя приписывать лично Государынѣ и по присвоивавшейся ей правительствомъ политической цѣли—очищенія отъ евреевъ русской территоріи. Екатерина Великая, какъ уже объяснено выше, вполнѣ постигала, что съ момента принятія подъ свой скипетръ Бѣлоруссіи, съ еврейскимъ въ немъ населеніемъ, по его числу, уже и въ то время, весьма значительнымъ, всѣ прежнія попытки къ освобожденію государства отъ присутствія въ немъ евреевъ были-бы тщетными и что, при такихъ условіяхъ, здравая политика указывала лишь одно: совершенное примиреніе съ неизбѣжностію этого факта и присвоеніе евреямъ, вмѣстѣ съ принятіемъ ихъ въ русское подданство, равныхъ съ прочими подданными правъ состоянія, что, въ дѣйствительности, и было сдѣлано Императрицею, которая, въ этомъ случаѣ, поступила, слѣдовательно, такъ, какъ поступили позднѣе, относительно евреевъ, всѣ прочія европейскія страны и государства. Еще менѣе можно приписывать лично Императрицѣ сказанную мѣру, по ея финансовой цѣли; такъ-какъ Государынѣ вполнѣ было извѣстно, изъ донесеній первыхъ правителей Бѣлорусскаго края и позднѣйшихъ тамъ властей, что все населеніе евреевъ, перешедшихъ къ намъ отъ Польши, вслѣдствіе невладѣнія

ими тамъ землями, на правѣ собственности, ненахожденія ихъ въ состояніяхъ сельскихъ и оттѣсненія ихъ, вообще, еще при польскомъ владычествѣ, отъ земледѣлія, занимается преимущественно городскими промыслами— мелочною торговлею, мелкою промышленностію и ремеслами, и претерпѣвая, при этомъ, разнаго рода притѣсненія, а также неся тягости по платежу, кромѣ податей, разныхъ другихъ сборовъ, не представляетъ условій, которыя могли-бы давать поводъ къ предположенію, чтобы казна могла извлекать съ этого класса подданныхъ, въ податномъ отношеніи, сравнительно, болѣе выгодъ, чѣмъ съ другихъ людей податныхъ-же сословій. Нужно полагать, что это и было, между прочимъ, причиною отмѣны Императрицею установленнаго, первоначально, исключительнаго съ евреевъ однорублеваго поголовнаго сбора и подчиненія ихъ, Именнымъ указомъ 3 Мая 1783 г. и другими повелѣніями, платежу одинаковыхъ податей съ прочими людьми, равныхъ съ ними состояній [1]). Поэтому, никакъ нельзя приписывать личной инициативѣ Императрицы принятіе, въ отношеніи евреевъ, такой мѣры, какъ обложеніе ихъ двойнымъ окладомъ податей, которая могла-бы имѣть послѣдствіемъ лишь, болѣе или менѣе, быстрое накопленіе на еврейскомъ населеніи подлежащихъ сложенію со счетовъ безнадежныхъ недоимокъ, безъ всякой пользы для казны. Между тѣмъ, мѣры строгости, къ какимъ мѣстныя власти должны были-бы прибѣгнуть, для побужденія евреевъ и ихъ обществъ къ исправному взносу сказанной подати, при не всегда правосудномъ отношеніи тѣхъ властей къ евреямъ, открывали широкій просторъ произволу надъ ихъ личностью и имуществомъ, который послужилъ-бы къ экономическому разстройству и разоренію десятковъ тысячъ платящихъ единицъ, изъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, поселяя среди ихъ населенія бѣдность и нищету, всегда способствовавшія деморализаціи отягощеннаго чрезмѣрными платежами класса и развитію въ немъ разнаго рода порочныхъ склонностей, отчего могъ предвидѣться вредъ и для общихъ интересовъ государства. При такихъ условіяхъ, мѣра отягощенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей, въ случаѣ ея принятія, имѣла-бы характеръ одного

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, имѣетъ, между прочимъ, существенное значеніе данный Императрицею Генералъ-Прокурору Именной указъ 10 Марта 1781 г., въ которомъ, по поводу установленнаго съ купеческихъ капиталовъ однопроцентнаго сбора, сказано „...*исповѣданіе торгующихъ не долженствуетъ служить поводомъ ни къ какому различію: слѣдовательно, кто бы какого закона ни былъ, ни больше ни меньше установленнаго платить не обязанъ......*“ (П. С. З. т. XXI, № 15,130, т. 1).

лишь религіознаго гоненія и преслѣдованія евреевъ, безъ особой пользы для интересовъ и православной церкви, по причинамъ, изъясненнымъ выше. Изъ этого усматривается, что сказанная мѣра обложенія евреевъ двойнымъ окладомъ податей не отличалась, вообще, цѣлесообразностью и ея согласностію съ практическими пользами государства, и могла объясняться лишь чувствами неприязни къ многочисленному классу подданныхъ еврейскаго исповѣданія, — неприязни, лично Императрицею Екатериною II, съ законодательной точки зрѣнія, не одобрявшейся. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что отягощеніе евреевъ двойною податью, подобно локализированію ихъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ государства, принадлежитъ, всецѣло, иниціативѣ тогдашней администраціи, которою обѣ эти мѣры и были проведены въ Именныхъ указахъ, съ цѣлію присвоенія имъ законодательнаго значенія.

Такимъ образомъ, правительство, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ вліятельнѣйшихъ его дѣятелей, вслѣдствіе религіозной своей неприязни къ евреямъ и ошибочныхъ на нихъ взглядовъ, какъ на народъ чужеземный, который рано или поздно, можетъ и долженъ быть выселенъ изъ Россіи, или выражаясь болѣе простонародно — выжитъ изъ нея, считали своею обязанностію всячески склонять Императрицу къ политикѣ прежняго времени, съ цѣлію освобожденія государства отъ евреевъ, посредствомъ понужденія ихъ къ добровольному выселенію за его предѣлы, по невозможности уже, въ то время, достиженія этой цѣли путемъ правительственныхъ мѣръ.

Въ ожиданіи, что стѣсненіе евреевъ въ правахъ жительства въ Россіи и выгодахъ по платежу государственныхъ податей возъимѣетъ желаемое дѣйствіе, администрація продолжала принимать сама и проводить въ Именныхъ указахъ мѣры репрессивнаго свойства, которыя, по ихъ явному вреду, для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, могли объясняться только ошибочными убѣжденіями правительства, что евреи имѣютъ какъ-бы временное только пребываніе въ Россіи.

Ничто, казалось-бы, не могло быть вреднѣе, напримѣръ, для вышесказанныхъ интересовъ государства, какъ принудительное сосредоточеніе всей массы еврейскаго населенія, исключительно, въ городахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно имѣло свою осѣдлость. Изъ Сенатскаго указа 7 Мая 1786 года, объ огражденіи правъ евреевъ въ Россіи, видно, что самъ Сенатъ отдавалъ себѣ въ этомъ довольно ясный отчетъ; такъ-какъ указомъ тѣмъ было воспрещено мѣстному начальству, между прочимъ, принуждать записавшихся въ купечество и мѣщанство ев-

реевъ «безвременно селиться въ городахъ» и препятствовать имъ «упражняться по уѣздамъ въ промыслахъ и работахъ». Послѣдствія противоположнаго образа дѣйствія были очевидны. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго переполненія городовъ сказанныхъ мѣстностей массою евреевъ, составлявшихъ, исключительно, торговый и промышленный классъ людей, видимо, должны были пострадать экономическіе интересы не только евреевъ, но и всего городскаго тамъ населенія, такъ-какъ избытокъ силъ торговой и промышленной конкурренціи въ городахъ и проистекающее отъ такого избытка неравновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, по всѣмъ отраслямъ торговли и промышленности, представлялись такими условіями, которыя могли бы служить не къ процвѣтанію городовъ, но скорѣе къ ихъ упадку, съ вредомъ для экономическихъ и финансовыхъ интересовъ государства. Такія условія должны были отразиться еще вреднѣе, послѣ отягощенія евреевъ платежомъ двойнаго оклада податей и ограниченія ихъ правъ жительства поименованными въ Именномъ указѣ 23 Іюня 1794 года мѣстностями, пространство которыхъ, въ сравненіи съ пространствомъ Имперіи, было незначительно. Незначительная же, сравнительно, въ тѣхъ мѣстностяхъ плотность общаго народонаселенія, съ точки зрѣнія практическихъ интересовъ государства, не могла оправдывать скопленія тамъ отягощенныхъ податьми и сборами еврейскихъ массъ, по той причинѣ, что евреи, по условіямъ своего положенія, были, вообще, оттѣснены отъ земледѣлія и не имѣли прямаго отношенія къ производительнымъ силамъ страны и ея почвы, которыя не могли, поэтому, доставлять имъ средствъ къ жизни, помимо усвоеннаго ими рода занятій, и служить, слѣдовательно, къ ослабленію ихъ торговой и промышленной конкурренціи въ городахъ и даже уѣздахъ.

Между тѣмъ, тогдашнее правительство, не отдавая себѣ, конечно, обо всемъ этомъ вполнѣ яснаго отчета, вслѣдъ за вышесказанными мѣрами, а именно въ Именномъ указѣ 3 Мая 1795 года, состоявшемся всего за полтора года до кончины Императрицы, на имя минскаго, изяславскаго и брацлавскаго генералъ-губернатора Тутолмина, провело мѣры, которыми хотя и подтверждались, какъ право участія евреевъ въ городскомъ управленіи, на основаніи 127 ст. Городоваго Положенія, такъ и прежнее ограниченіе судебной власти кагаловъ обрядами ихъ закона и дѣлами богослуженія, чѣмъ, кажущимся образомъ, какъ бы примѣнялось правительствомъ къ правамъ евреевъ начало ихъ уравненія въ правахъ съ прочими подданными; но въ то

же время, указомъ тѣмъ предписано евреевъ, разсѣянныхъ по *селеніямъ* въ губерніяхъ, гдѣ имъ дозволено жить, вносить въ городовыя окружныхъ городовъ книги, подчинить ихъ, на основаніи Городоваго Положенія, Магистратамъ и *стараться переселять ихъ въ уѣздныя города*, «дабы сіи люди», сказано въ указѣ, «не скитались во вредъ «обществу, но производя торги и различныя рукодѣлія и ремесла и себѣ прибыль и обществу пользу приносили» (П. С. З. т. XXIII, № 17,329).

Этою мѣрою налагалась какъ бы санкція самаго закона на типъ евреевъ, какъ мелкихъ въ городахъ торговцевъ, и окончательно закрывался для нихъ всякій доступъ въ сельскія состоянія, какъ свободныя, такъ и крѣпостныя, что естественно не могло способствовать къ развитію среди евреевъ склонности къ земледѣлію, тѣмъ болѣе, что по смыслу, какъ вышеизъясненныхъ, такъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, едва ли они допускались, въ то время, къ пріобрѣтенію земель въ собственность и землевладѣнію, хотя прямыхъ постановленій русскаго законодательства о воспрещеніи имъ этихъ правъ, наравнѣ съ людьми одинаковыхъ съ ними состояній, а также права найма къ себѣ въ услуженіе, для работъ, людей христіанскихъ исповѣданій, въ то время, еще не существовало [1]).

Сосредоточеніе всей массы еврейскаго населенія въ городахъ тѣхъ мѣстностей, которыя были предназначены, тогда, для постоянной осѣдлости евреевъ, съ возложеніемъ на мѣстную администрацію, Именнымъ указомъ, обязанностей по принятію мѣръ къ выселенію ихъ въ города, изъ селъ и деревень, подготовляло самыя невыгодныя условія для экономическаго тамъ быта, какъ евреевъ, такъ и прочаго населенія, и открывало, конечно, широкій просторъ мѣстнымъ властямъ, для произвольныхъ дѣйствій надъ евреями. Такимъ образомъ, проведенная правительствомъ, въ Именномъ указѣ 3-го Мая 1795 года, вмѣстѣ съ прочими подобными же, репрессивнаго свойства, мѣрами, должна была имѣть послѣдствіемъ порожденіе, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, элементовъ къ развитію, въ близкомъ будущемъ, среди нихъ, пролетаріата и деморализаціи, вредно отражавшихся на нравственномъ и экономическомъ бытѣ всего, вообще, тамъ населенія, что на самомъ дѣлѣ и произошло, какъ мы увидимъ ниже.

[1]) Законъ о воспрещеніи евреямъ найма христіанъ въ услуженіе, по вступленіи евреевъ въ подданство Россіи, появился у насъ, впервые, какъ мы увидимъ ниже, лишь въ царствованіе Императора Александра I.

При такихъ обстоятельствахъ, могучимъ средствомъ къ улучшенію общаго положенія вещей въ мѣстностяхъ, исключительно отягощенныхъ массами еврейскаго населенія, и облегченію участи и самихъ евреевъ могло бы служить, конечно, ихъ подчиненіе, наравнѣ съ прочими людьми, податныхъ же состояній, *отбыванію рекрутской повинности натурою*. Мѣра эта могла бы имѣть послѣдствіемъ нѣкоторое разрѣженіе ихъ массъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, и поднятіе ихъ нравственнаго и общественнаго значенія въ государствѣ, какъ его подданныхъ. Реформа, произведенная, въ этомъ отношеніи, въ царствованіе Императора Николая Павловича, не взирая на нѣкоторую строгость и исключительность мѣръ, которыми она сопровождалась, должна считаться, однако, весьма благодѣтельною для евреевъ; такъ-какъ привлеченіе ихъ къ натуральной воинской повинности составляло вмѣстѣ и актъ признанія русской страны отечествомъ и для ея жителей еврейскаго исповѣданія, въ чемъ явственно выражалась державная воля Монарха объ искорененіи господствующихъ, въ этомъ отношеніи, предубѣжденій и предразсудковъ, какъ вообще, такъ въ правительственной сферѣ, въ особенности.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ европейскихъ державахъ, имѣлся уже примѣръ привлеченія евреевъ къ воинской повинности, наравнѣ съ прочими гражданами, а именно, въ сосѣдней съ нами Австріи, гдѣ, въ 1781 году, Императоромъ Іосифомъ II изданъ законъ, подчинившій евреевъ общимъ постановленіямъ, по этому предмету [1]). Примѣру этому, послѣдовали, вскорѣ, Пруссія и другія иностранныя державы, которыя, признавъ благоразумнымъ примириться съ фактомъ нахожденія евреевъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, въ составѣ ихъ народонаселенія, какъ фактомъ неустранимымъ, и не задаваясь уже болѣе несбыточною мыслію о возможности освобожденія своихъ странъ отъ еврейскаго въ нихъ населенія, путемъ изгнанія евреевъ изъ ихъ предѣловъ, стали, вообще, принимать коренныя реформы къ уравненію евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, т. е. выполнять то, что Ека-

—

[1]) Die Früheren und gegenwärtigen Verhältnisse der Juden, Людвига фонъ-Рене и Генриха Симона, двухъ нѣмцевъ въ Пруссіи, занимавшихъ тамъ оффиціальныя должности въ государственной службѣ, первый въ чинѣ каммергерихтерата, а второй - оберландсгерихтсъ ассесора, 1843 г., стр. 18. — Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, II отд., II—№, ч. 27, стр. 279.

терииою Великою было еще ранѣе предначертано, относительно своихъ подданныхъ этого же исповѣданія. Нынѣ, опытъ свидѣтельствуетъ, что это имѣло, въ европейскихъ странахъ, самыя благотворныя послѣдствія, такъ-какъ евреи оказались вполнѣ годными къ военной службѣ, даже строевой. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что по свѣдѣніямъ, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, евреи, во время бывшихъ въ нынѣшнемъ столѣтіи войнъ, успѣли ознаменовать себя во многихъ иностранныхъ державахъ, въ томъ числѣ и Пруссіи, военными подвигами, которые даютъ право заключать о несостоятельности господствовавшихъ, прежде, предубѣжденій, противъ природнаго мужества евреевъ и ихъ способности къ тяжелымъ трудамъ военнаго поприща и, вообще тѣмъ, которые обусловливаются развитіемъ физическихъ силъ [1]). Если же фактъ совершенной годности евреевъ къ военной службѣ, въ странахъ, гдѣ они имѣютъ свое пребываніе, является фактомъ вполнѣ констатированнымъ, то нѣтъ основанія къ предположенію, чтобы евреи, въ ихъ прежнихъ и нынѣшнихъ поколѣніяхъ въ Россіи, не содержали въ себѣ достаточныхъ элементовъ къ своему нравственному развитію и не могли, поэтому, при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ, снабжать государство полезными и вполнѣ достойными гражданами.

Геній Императрицы Екатерины II предусматривалъ все это. Великою Монархинею вполнѣ постигалось, что неравенство евреевъ въ правахъ съ прочими подданными, въ какихъ-бы то ни было отношеніяхъ, не соотвѣтствуетъ практическимъ требованіямъ общаго государственнаго блага и не можетъ быть терпимо по духу новѣйшихъ временъ.

Но для тогдашнихъ органовъ правительственной власти, эти принципы представлялись особенно неудобопостижимыми, относительно правъ евреевъ на военную въ государствѣ службу. По недостатку, въ тѣ времена, другихъ руководящихъ, относительно этого предмета, началъ и основаній, кромѣ завѣщанныхъ преданіями польской рутины

---

[1]) Во Франціи, напримѣръ, въ дѣйствительной службѣ, въ рядахъ войскъ и, вообще, по военному вѣдомству состояло, за 1883 годъ, изъ числа французскихъ подданныхъ, исповѣдующихъ еврейскую вѣру: 109 сублейтенантовъ, 89 лейтенантовъ, 90 капитановъ, 4 командира артиллерійскихъ и 5 командировъ кавалерійскихъ эскадроновъ, 4 командира инженерныхъ и 12 командировъ пѣхотныхъ батальоновъ, 13 полковниковъ и подполковниковъ, 3 бригадныхъ и 2 дивизіонныхъ генерала и 4 военныхъ интенданта. Многіе изъ нихъ награждены орденомъ почетнаго легіона.

и общихъ, противъ евреевъ, предубѣжденій и предразсудковъ, безусловное закрытіе для нихъ доступа въ военную службу, не представлялось, тогда, въ правительственной сферѣ, даже вопросомъ. «Жидъ», въ военномъ одѣяніи, съ оружіемъ въ рукахъ, былъ-бы, въ то время, необычайнымъ явленіемъ, о возможности котораго не допускалось и мысли. Вслѣдствіе этого, правительствомъ не признавалось необходимымъ испрашивать, по этой важной статьѣ государственнаго управленія, какихъ либо ближайшихъ указаній Высочайшей власти. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II, 7 Сентября 1794 г., еврейское купечество, какъ объяснено выше, въ отношеніи выгодъ по отбыванію рекрутской повинности, было уравнено съ купечествомъ христіанскихъ исповѣданій, по точной силѣ Именнаго-же указа 3 Мая 1783 года, освобождавшаго, вообще, лицъ купеческаго званія отъ натуральной рекрутской повинности, съ замѣною ея денежною, въ размѣрѣ 500 руб. за каждаго рекрута. Это не давало, конечно, правительству права, собственною властію, ни освобождать все остальное еврейское населеніе отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, ни отягощать его, въ замѣнъ такой повинности, особымъ денежнымъ сборомъ. То и другое, по важности предмета, требовало законодательнаго постановленія Высочайшей власти, по разуму основныхъ законовъ государства и того времени. Но Сенатъ, истолковывая вышесказанную мѣру не льготою, дарованною купцамъ изъ евреевъ, въ равной мѣрѣ съ купцами изъ христіанъ, но какъ-бы признаніемъ верховною властію Императрицы всѣхъ, вообще, евреевъ негодными къ отбыванію рекрутской повинности натурою, указомъ, состоявшимся 21 Января 1796 года, т. е. въ годъ кончины Государыни, распространилъ, собственною властію, безъ испрошенія на то Высочайшаго Ея соизволенія, денежную рекрутскую повинность, въ вышесказанномъ размѣрѣ, на евреевъ и мѣщанскаго состоянія, классъ которыхъ, съ евреями купеческаго званія, составлялъ все ихъ населеніе у насъ, чѣмъ какъ-бы и узаконилось фактическое, до того, устраненіе евреевъ отъ натуральной рекрутской повинности (П. С. З. т. XXIII, № 17,432). Такимъ образомъ, мѣщанское сословіе евреевъ, обнимавшее почти всю массу ихъ населенія въ Россіи, независимо отъ платежа двойнаго оклада податей, было отягощено еще платежомъ денежной рекрутской повинности, въ размѣрѣ 500 руб. за каждаго рекрута. Между тѣмъ, эта мѣра представлялась тѣмъ менѣе справедливою, что всѣ, вообще, евреи этого состоянія принадлежали

къ недостаточному классу гражданъ, что признавалось, отчасти, и самимъ закономъ, такъ-какъ по смыслу дѣйствовавшаго, въ то время, Манифеста 17 Марта 1775 года, о состояніяхъ разнаго рода свободныхъ людей, мѣщанами признавались, вообще, тѣ лица изъ нихъ, которыя не были въ состояніи объявить капитала въ размѣрѣ именно 500 руб., для записки въ купечество (П. С. З. т. XX, № 14,275), изъ чего можно заключать, что евреи, въ этомъ случаѣ, отягощены правительственною властію, какъ-бы сознательно, непомѣрнымъ налогомъ, не представлявшимъ никакой особой пользы и для казны, какъ всякій денежный сборъ, исправнаго и бездоимочнаго платежа котораго ожидать нельзя.

Этою мѣрою заканчиваются правительственныя дѣйствія, относительно евреевъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Въ общемъ же выводѣ, мѣры и распоряженія правительства, относительно евреевъ, не отвѣчавшія законодательнымъ о нихъ предначертаніямъ Великой Государыни, имѣли слѣдующія, государственными дѣятелями того времени не предвидѣнныя, послѣдствія:

1) Учрежденіе черты осѣдлости евреевъ, раздѣляющей Россію на двѣ какъ-бы части: *Россію съ евреями* и *Россію безъ евреевъ*, съ присвоеніемъ этимъ частямъ оттѣнковъ отличій въ ихъ гражданскомъ и политическомъ бытѣ, вопреки коренному началу единодержавія о *единствѣ и нераздѣльности русскаго государства*.

2) Установленіе различій въ правахъ и выгодахъ племенъ и народностей, соединенныхъ въ одну семью, подъ скипетромъ русской Державы, вопреки кореннымъ основаніямъ нашего законодательства о равенствѣ передъ закономъ всѣхъ и каждаго, изъ подданныхъ государства, какого-бы кто происхожденія и вѣры ни былъ.

3) Установленіе основаннаго на духѣ исключительныхъ льготъ и привилегій порядка вещей, въ экономической сферѣ государства, посредствомъ допущенія господства въ ней двухъ отдѣльныхъ *монопольныхъ* какъ-бы положеній: одного въ *Россіи съ евреями*—въ пользу какъ-бы евреевъ же, преобладающихъ тамъ, по своему многолюдству, въ торговлѣ и промышленности; другаго—въ *Россіи безъ евреевъ*, въ пользу какъ-бы торговыхъ и промышленныхъ тамъ классовъ, но ко вреду класса потребителей, т. е. всего, вообще, тамъ населенія.

4) Проистекающее отъ этихъ условій неправильное и неравномѣрное распредѣленіе въ государствѣ торговыхъ и промышленныхъ силъ, отягощающихъ своимъ избыткомъ мѣста, въ которыхъ присутствуютъ

евреи, ко вреду общаго тамъ экономическаго благосостоянія, — вреду, какой естественно сопряженъ съ преобладаніемъ предложенія надъ спросомъ.

5) Скрывающіеся въ этомъ положеніи вещей элементы невѣжественнаго состоянія, пролетаріата и деморализаціи еврейскихъ у насъ массъ, т. е. такихъ явленій, которыя не могутъ быть безразличны для государства, какъ явленія болѣзненныя въ организмѣ его собственнаго политическаго тѣла, мысль объ искорененіи въ которомъ этого зла, путемъ цѣльнаго изъятія изъ состава его народонаселенія всѣхъ у насъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія, принадлежитъ къ числу тщетныхъ и несбыточныхъ, а вмѣстѣ и весьма сомнительныхъ по той пользѣ, какую можно было-бы, въ дѣйствительности, ожидать, для торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ государства, при допущеніи даже предположенія объ осуществимости подобной мѣры [1]).

6) Постоянную ошибочность, при сложности изъясненныхъ условій, въ взглядахъ, относительно самихъ причинъ проистекающаго отъ евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, нравственнаго и экономическаго вреда, — ошибочность, дающая поводы къ постоянному обвиненію въ немъ, исключительно, евреевъ-же и ставящая правительственную власть на путь, преимущественно, репрессивныхъ противъ нихъ мѣръ.

7) Образованіе, вслѣдствіе этого, исключительнаго о евреяхъ законодательства, усложняющаго чрезмѣрно наши законы и функціи нашихъ государственныхъ и административныхъ органовъ, обращая ихъ часто къ мѣрамъ, которыми, безъ достиженія прямой ихъ цѣли—искорененія зла—нарушаются, въ то-же время, коренныя законоположенія о неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго подданнаго, до совершенія имъ преступленія, влекущаго за собою ограниченіе этихъ правъ, въ видѣ правомѣрной кары, на основаніи понятій объ уголовной вмѣняемости.

8) Поддержаніе въ правительственной сферѣ, путемъ такихъ мѣръ,

---

[1]) Исторія Испаніи, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что одною изъ главныхъ причинъ совершеннаго, въ этой странѣ, упадка торговли были принятыя, въ XVI столѣтіи, Филиппомъ II, подъ вліяніемъ инквизиціоннаго духа, разныя стѣснительныя мѣры и преслѣдованія наиболѣе промышленныхъ жителей: *евреевъ* и морисковъ. Учебникъ „Новой Исторіи" Иловайскаго, для старш. возраста.

общественной обособленности евреевъ, что даетъ имъ, нѣкоторымъ образомъ, законный поводъ смотрѣть на себя, какъ на особый въ странѣ народъ, имѣющій права на національность и отдѣльный внутренній бытъ.

9) Нарушеніе коренныхъ у насъ, со временъ Императрицы Екатерины II, законовъ о свободѣ вѣроисповѣданій, которая формально, хотя дарована евреямъ, но вмѣстѣ, существенно, и стѣсняется не отмѣненнымъ и дѣйствующимъ, по настоящее время, положеніемъ о возможности выхода каждаго еврея изъ-подъ дѣйствія ограничительныхъ о его единовѣрцахъ узаконеній, лишь подъ условіемъ принятія христіанства; чѣмъ всему исключительному законодательству о евреяхъ придается смыслъ какъ-бы религіознаго ихъ гоненія въ Россіи, и притомъ, въ интересахъ не одной лишь Православной Церкви, но всѣхъ вообще, христіанскихъ вѣроисповѣданій, вслѣдствіе чего, религіозная цѣль, кромѣ ея, вѣковымъ опытомъ доказанной, безполезности, утрачиваетъ свой внутренній смыслъ и значеніе, сообразное съ понятіями объ отношеніяхъ русскаго государства къ господствующему въ немъ Греко-Восточному Каѳолическому исповѣданію.

Начало же такому неестественному порядку вещей, по отношенію къ евреямъ, положено мѣстными властями, временъ Екатерины II, и тогдашнимъ Сенатомъ, преимущественно, подъ вліяніемъ религіозныхъ идей, безусловное устраненіе, которыхъ, представлялось вопросомъ какъ-бы христіанскаго благочестія, для многихъ, имѣвшихъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, вліятельное значеніе въ сферѣ верховнаго управленія государства.

Такимъ образомъ, этою Великою Государынею, подъ конецъ ея царствованія, какъ-бы не вполнѣ сознательно, были допущены мѣры, на которыхъ настаивало правительство, и которыя, не оправдываясь въ сущности, ни ощущавшеюся потребностію въ огражденіи Православной Церкви отъ какой либо угрожавшей ей отъ евреевъ опасности, ни другими общими пользами и нуждами государства, послужили главнымъ источникомъ тѣхъ затрудненій, изъ которыхъ возникъ у насъ, такъ-называемый, «еврейскій вопросъ».

II.

(Періодъ отъ Императора Павла I до Императора Николая I, съ царствованія котораго начинается нынѣ дѣйствующее о евреяхъ законодательство).*

По кончинѣ Императрицы Екатерины II, гражданскій бытъ евреевъ, какъ поселившихся въ Россіи въ Ея царствованіе, такъ и жившихъ, издревле, въ мѣстахъ, присоединенныхъ отъ Польши, явился въ совершенно исключительномъ положеніи, на основаніи распоряженій и постановленій Правительства, изъ коихъ нѣкоторыя, въ формѣ Именныхъ указовъ, пріобрѣли силу и значеніе законодательныхъ актовъ, выражавшихъ какъ-бы волю самой Императрицы. Особенности гражданскаго быта евреевъ, вошедшихъ въ составъ общаго народонаселенія, выражались, рѣзкими чертами, въ *различіяхъ правъ*, установившихся, какъ путемъ ихъ ограниченій, такъ и вслѣдствіе дарованія еврейскимъ обществамъ нѣкоторыхъ льготъ и преимуществъ, изъ убѣжденія Правительства, что ими обусловливается свобода еврейскаго исповѣданія, сообразно съ закономъ вѣры, обычаями и правами евреевъ.

Эти ограниченія, съ одной стороны, льготы и преимущества съ другой, совмѣстно съ густотою еврейскаго населенія, во многихъ мѣстахъ, гдѣ оно было замкнуто Правительствомъ, служили главнѣйшими факторами общественной обособленности евреевъ, содѣйствовавшими, въ тоже время, могучимъ образомъ, ихъ племенной и религіозной сплоченности.

При восшествіи на престолъ Императора Павла I, установившіяся различія въ правахъ евреевъ представлялись, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ: 1) евреи не имѣли права повсемѣстнаго жительства въ Имперіи, которое было предоставлено имъ, исключительно, въ нѣкоторыхъ только, въ точности опредѣленныхъ, мѣстахъ, безъ права временныхъ отлучекъ изъ нихъ во внутреннія губерніи и столицы, даже въ порядкѣ, существовавшемъ для лицъ податнаго состоянія всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій; 2) по правамъ ихъ состоянія, они признавались, исключительно, городскими обывателями, съ правомъ приписки только въ мѣщанство и купечество, и не иначе, какъ въ составѣ ихъ обществъ, *отдѣльно* отъ прочихъ жителей; 3) торговлею, промыслами и ремеслами они имѣли право заниматься, и

ключительно, въ мѣстахъ, гдѣ имъ было дозволено постоянное жительство, съ правомъ для купцовъ, на основаніи Городоваго Положенія, свободнаго тамъ передвиженія и даже переселенія изъ города въ городъ и изъ одной губерніи въ другую; 4) земледѣліе и сельская промышленность, хотя и не были имъ воспрещены, но по неразрѣшенію имъ права записываться въ сельскія общества, ни образовывать изъ себя, въ то время, отдѣльныя сельскія общества, евреи, вообще, не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, тѣмъ болѣе, что они стѣснялись въ правѣ пріобрѣтенія земель въ собственность и правѣ землевладѣнія, а также въ наймѣ рабочихъ изъ христіанъ, на основаніи прежнихъ польскихъ статутовъ, которыхъ мѣстныя власти еще придерживались, хотя, большею частію, совершенно произвольно; 5) гражданская и военная служба были для нихъ совершенно закрыты, за исключеніемъ права службы, по выборамъ, въ городскихъ должностяхъ, которое было имъ дозволено на основаніи Городоваго же Положенія; 6) евреи не пользовались одинаковыми выгодами съ прочими подданными по платежу государственныхъ податей, которыя было положено взыскивать съ нихъ *вдвое* противъ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона различныхъ исповѣданій, съ предоставленіемъ имъ платежа этихъ податей, по общественнымъ между собою раскладкамъ, отдѣльно отъ прочихъ горожанъ, и 7) рекрутскую повинность они отбывали не натурою, а деньгами, для чего было положено взыскивать съ евреевъ, какъ купеческаго званія, такъ и мѣщанъ, по 500 рублей за каждаго рекрута.

Вникая-же ближе въ существо тогдашнихъ постановленій, относительно правъ состоянія евреевъ въ Россіи, нельзя не усмотрѣть, что эти права были въ весьма шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи.

Изъ указа Императрицы Екатерины II, 23 іюня 1794 года, лежавшаго, въ числѣ прочихъ, состоявшихся въ концѣ Ея царствованія постановленій, въ основаніи ограниченій правъ евреевъ, ясно видно, что право занятія мѣщанскими и купеческими промыслами, т. е. торговлею, городскою промышленностью и ремеслами, даже въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, даровано имъ, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, уже *условно*, т. е. въ смыслѣ какъ-бы *временной льготы*, за пользованіе которою было признано справедливымъ обложить ихъ двойною податью. По недоступности же, въ то время, для евреевъ, вообще, земледѣлія и сельской промышленности, мѣщанскіе и купеческіе промыслы въ городахъ должны были представлять, для

всей ихъ массы, единственныя средства къ жизни. Очевидно, поэтому, что самое право существованія ихъ въ Россіи, а слѣдовательно и жительства, даже въ мѣстахъ, гдѣ они имѣли древнюю осѣдлость, пріобрѣтало значеніе также какъ-бы *временной льготы*, право пользованія которою Правительство ставило въ зависимость, исключительно отъ личнаго своего усмотрѣнія.

Такое шаткое и нетвердое положеніе евреевъ, по правамъ ихъ жительства и существованія, въ предѣлахъ русскаго государства, даже въ мѣстностяхъ, гдѣ они имѣли древнюю осѣдлость, увеличивалось еще вслѣдствіе содержавшагося въ томъ же указѣ и дѣйствовавшаго, въ то время, постановленія, на основаніи котораго тѣмъ изъ евреевъ, которые не пожелали-бы подчиниться платежу двойныхъ податей, была предоставлена свобода выѣзда изъ Россіи не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты ими *трехлѣтней двойной подати*. Изъ этого слѣдуетъ, что Правительство, въ принципѣ, признавало изъ евреевъ, населявшихъ Россію, русскими подданными, могущими пользоваться правами гражданства, а слѣдовательно, и покровительствомъ законовъ, только тѣхъ, которые платили въ казну двойныя подати.

По тяжести-же такихъ податей, особенно въ виду платежа, кромѣ ихъ, еще денежной рекрутской повинности и разныхъ обязательныхъ общественныхъ сборовъ, на евреяхъ не замедлили, конечно, накопиться значительныя суммы казенныхъ и общественныхъ недоимокъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе не меньшей тяжести условія, подъ которымъ имъ было разрѣшено право выѣзда изъ Россіи, мало кто изъ нихъ имѣлъ возможность воспользоваться такимъ правомъ, тѣмъ болѣе, что со стороны сосѣднихъ державъ, имѣвшихъ, въ составѣ своего народонаселенія, то же не малое число евреевъ, не могло не встрѣчаться препятствій къ принятію ихъ въ свои владѣнія, особенно цѣлыми массами. Естественнымъ же послѣдствіемъ этого было весьма скорое образованіе въ Россіи массы евреевъ, невыселившихся добровольно изъ Россіи, которые, имѣя видъ неподчинившихся платежу двойныхъ податей, становились въ положеніе, какъ-бы *бѣглыхъ* или *бродячихъ чужеземцевъ*, лишенныхъ уже правъ русскаго подданства и покровительства законовъ. Прибѣгать высшему правительству къ прежнимъ мѣрамъ поголовныхъ ихъ высылокъ за границу не представлялось уже, въ то время возможнымъ, какъ по значительному ихъ числу и, на самомъ дѣлѣ, ихъ осѣдлому у насъ положенію, такъ и по политическимъ отношеніямъ

къ сосѣднимъ державамъ. Поэтому, большинство евреевъ у насъ, въ качествѣ какъ-бы бѣглыхъ или бродячихъ чужеземцевъ, подпало подъ расправу мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ властей, завися вполнѣ отъ ихъ личнаго произвола. Легко себѣ представить, какой широкій просторъ открывался этимъ, для всякаго рода злоупотребленій, со стороны тѣхъ властей, надъ личностію и имуществомъ евреевъ и какъ вредно это должно было дѣйствовать на нравственность, какъ должностныхъ лицъ, такъ и самихъ евреевъ, которымъ, для избѣжанія притѣсненій, не оставалось, конечно, другаго средства, какъ прибѣгать къ разнаго рода ухищреніямъ, для обхода законовъ разными путями. Въ этомъ отношеніи, положеніе евреевъ сдѣлалось у насъ, сравнительно, хуже, чѣмъ оно было въ періодъ времени, когда они не состояли еще въ русскомъ подданствѣ. Въ то время, они признавались у насъ людьми, заѣзжавшими къ намъ изъ чужихъ странъ, вслѣдствіе чего, они пользовались охраною законовъ, наравнѣ съ иностранными гостями, права которыхъ, какъ извѣстно, были у насъ въ большомъ уваженіи. Но теперь, евреи пріобрѣли значеніе своихъ людей, съ которыми можно было обращаться, какъ угодно, особенно съ тою ихъ массою, которая не была въ состояніи платить двойнаго оклада податей и, въ тоже время, оставить предѣлы государства. Такимъ образомъ, не смотря на то, что евреи, въ сущности, были у насъ не кочующимъ, но осѣдлымъ населеніемъ, взглядъ на нихъ, какъ на людей бѣглыхъ и бродячихъ инороднаго происхожденія, все болѣе и болѣе укоренялся, и впослѣдствіи, формально какъ-бы узаконенъ, ибо при кодификаціи нашихъ законовъ, въ царствованіе Императора Николая I, всѣ евреи вообще, отнесены у насъ къ состоянію инородцевъ, права жительства которыхъ, въ то же время, было признано правильнымъ и соотвѣтствующимъ точному смыслу законоположеній о нихъ, опредѣлить въ Уставѣ о паспортахъ и бѣглыхъ.

Спрашивается, что же оставалось евреямъ, при такихъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта, какъ не сосредоточиваться въ религіозныхъ созерцаніяхъ своего племени и искать нравственной и матеріальной поддержки среди себя самихъ, въ людяхъ, которые были заправилами ихъ обществъ и составляли ихъ кагалъ. Гнетъ, которому евреи подвергались со стороны своихъ собственныхъ обществъ и ихъ кагаловъ, былъ для нихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не менѣе тяжелъ, но по ихъ тѣсной съ ними, племенной и религіозной, связи, избѣжать его для евреевъ не было никакой возможности.

Правительство, не отдавая себѣ, конечно, яснаго отчета о настоящемъ положеніи вещей среди евреевъ и предполагая собственную ихъ потребность въ отдѣльныхъ обществахъ, съ отдѣльными для нихъ органами, въ лицѣ кагаловъ, не поколебалось, какъ уже извѣстно, тотчасъ-же, по присоединеніи къ Россіи польскихъ провинцій, даровать имъ прерогативу такой общественной организаціи, тѣмъ болѣе, что соединеніе ихъ въ одни общества съ христіанами представлялось, въ то время, несогласнымъ съ религіозными взглядами на евреевъ. Вслѣдствіе этого, само правительство способствовало образованію сказанныхъ обществъ и учрежденію ихъ кагальныхъ управленій, съ предоставленіемъ имъ широкихъ правъ, по управленію и завѣдыванію общественными дѣлами ихъ единовѣрцевъ.

Первое время, какъ уже объяснено въ 1 части этой записки, къ обязанностямъ уѣздныхъ и губернскихъ кагаловъ, независимо отъ завѣдыванія обрядами ихъ закона и дѣлами богослуженія, были отнесены многіе предметы чисто административнаго свойства, а именно: 1) приписка евреевъ, въ составѣ ихъ обществъ, къ городскимъ состояніямъ, 2) выдача имъ паспортовъ, 3) надзоръ за ихъ мѣстопребываніемъ и родомъ занятій и 4) платежъ государственныхъ податей, по ихъ общественнымъ между собою раскладкамъ.

Хотя съ изданіемъ Городоваго Положенія, общественныя дѣла евреевъ подчинены магистратамъ и ратушамъ, причемъ обязанности кагаловъ ограничены обрядами закона и дѣлами богослуженія, но это мало чѣмъ уменьшило ихъ значеніе и степень ихъ власти надъ ихъ единовѣрцами.

Каждое отдѣльное вѣроисповѣдываніе, какого-бы оно закона ни было, имѣетъ, какъ извѣстно, свои внѣшнія проявленія, въ рядѣ отдѣльныхъ учрежденій религіознаго характера. По отсутствію же, въ то время, точнаго разграниченія между предметами, касавшимися и не касавшимися законовъ еврейской вѣры, а также всякаго сознанія въ правительствѣ потребности, для общихъ интересовъ государства, въ какомъ либо попеченіи объ образованіи еврейскаго юношества, въ непосредственномъ вѣдомствѣ кагаловъ, какъ религіозно-общественныхъ органовъ еврейскаго народа остались, согласно съ ихъ собственными на то притязаніями, не только синагоги, но больницы, богадѣльни и другія общественныя и благотворительныя заведенія, погребальныя братства, кладбища, общественныя еврейскія бани, метрика, брачныя дѣла и даже еврейскія школы. Нужды и потребности еврейскаго вѣро-

исповѣданія, въ такой ихъ широтѣ, не могли не обнимать множество предметовъ общественнаго и даже государственнаго интереса, не касающихся, въ сущности, одной религіи.

Между тѣмъ, все это, не исключая, какъ сказано, образованія еврейскаго юношества, было предоставлено отдѣльному управленію и завѣдыванію самихъ еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ, которые распоряжались, какъ вышесказанными учрежденіями и всѣми дѣлами, до нихъ касавшимися, такъ и всякаго рода общественными сборами на нужды и потребности ихъ вѣроисповѣданія, вполнѣ почти самостоятельно, безъ вмѣшательства и контроля со стороны общихъ административныхъ властей. Къ числу такихъ общественныхъ еврейскихъ сборовъ, не смотря на свой, въ сущности, чисто гражданскій характеръ, былъ отнесенъ, между прочимъ, и такъ называемый сборъ въ коробку, или *коробочный сборъ*.

Этотъ сборъ имѣлъ и имѣетъ еще, нынѣ, въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ, прямое отношеніе къ экономическимъ условіямъ общественной жизни, не только евреевъ, но и прочихъ тамъ жителей. Поэтому, необходимо нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ, что бы составить себѣ о немъ сколь возможно ясное и правильнѣйшее понятіе.

Изъ записки объ этомъ сборѣ, имѣющейся въ 1 части «Матеріаловъ» бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ (стр. 7 и слѣд.), видно, что онъ учрежденъ среди евреевъ, въ половинѣ XVII столѣтія, еще при польскомъ правительствѣ, съ цѣлію уплаты предъявленныхъ къ еврейскимъ обществамъ долговъ, для возмѣщенія которыхъ они оказались несостоятельными. Долги эти были раздѣлены на четыре разряда: 1) эдукаціонно-фундушевой коммисіи, вѣдавшей дѣла народнаго просвѣщенія, 2) ліокаціонный—римско-католическому духовенству, не только Литовско-Польскому, но Прусскому и Австрійскому, 3) частнымъ духовнымъ лицамъ и 4) частнымъ свѣтскимъ лицамъ. Одни изъ этихъ долговъ были разсрочены уплатою на неопредѣленное время. другіе же оставлены за еврейскими обществами на вѣчныя времена, съ тѣмъ, что бы на нихъ уплачивались только проценты.

На основаніи же изданнаго, въ то время, Скарбовою Коммисіею, инструкторія, обложенію коробочнымъ сборомъ, по усмотрѣнію кагаловъ, могли подлежать слѣдующіе предметы: убой скота и рѣзь птицъ, продажа кошернаго и трефнаго мяса, продажа соли, крупы, пшеничная и ржаная мука, рыба, льняное и конопляное масло, смола, де-

готь, дрова, сѣно, выдѣланныя и невыдѣланныя кожи, листовой табакъ, зажигаемыя въ шабашные дни свѣчи и употребляемая евреями въ праздникъ «Пейсахъ» (пасхи) мука, бани, мѣста, кладбищами и школами занимаемыя, привозимые на рынокъ иногородными евреями съѣстные припасы, виноградное вино, пиво, портеръ, аракъ, французская водка, сиропъ, вареный и не вареный медъ, плоды, овощи, сельди, разнаго рода хлѣбъ, сало, анисъ, мыло, уксусъ, горчица, каждая выторгованная мѣстными и иногородными евреями сотня злотыхъ, каждый злотъ, выработанный ремесленникомъ, винокуромъ, извощикомъ, продаваемое на толкучемъ рынкѣ готовое платье, прогоняемый на ярмаркѣ крупный скотъ, райскія яблоки и пасхальные барашки, право казанса на рѣзь скота и птицъ, право лавочниковъ за мелочную продажу товаровъ, за наемъ домовъ, амбаровъ и лавокъ, доходы съ билліардовъ, право содержанія шинковъ и проч.

Изъ этого перечня предметовъ обложенія коробочнымъ сборомъ, видно, что онъ, въ сущности, былъ и есть, ни что иное, какъ косвенный налогъ на евреевъ, существовавшій прежде и существующій еще и теперь, независимо отъ установленныхъ для всѣхъ подданныхъ, въ томъ числѣ и для евреевъ, общихъ государственныхъ податей и повинностей.

Падая на жизненные предметы первой потребности, возвышая тѣмъ цѣны на нихъ, въ ущербъ интересовъ потребителей всѣхъ классовъ, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, находясь постоянно въ безконтрольномъ распоряженіи самихъ еврейскихъ обществъ и ихъ кагальныхъ управленій и, стѣсняя, съ самаго начала своего учрежденія, права евреевъ по ихъ занятіямъ мелочною торговлею и разнаго рода промыслами и ремеслами, помимо правительственныхъ ограниченій, какимъ подвергались эти же ихъ права, сперва въ Польшѣ, а потомъ и въ Россіи, коробочный сборъ являлся налогомъ, который ложился тяжелымъ бременемъ на евреевъ, особенно въ то время, когда они несли тягость по платежу двойныхъ, противъ другихъ подданныхъ, государственныхъ податей, отражаясь, самымъ неблагопріятнымъ образомъ, на экономическомъ бытѣ, не только ихъ самихъ, но и прочихъ жителей. Онъ оставался, въ этомъ видѣ, весьма продолжительное время и послѣ Екатерины II, такъ-какъ вопросы о немъ, въ правительственныхъ сферахъ, были возбуждены, впервые, лишь въ 1807 г., т. е. уже при Императорѣ Александрѣ I.

Безконтрольное распоряженіе и завѣдываніе коробочнымъ сборомъ

и его суммами кагальными управленіями еврейскихъ обществъ, отъ которыхъ зависѣли, не только способы его взиманія, но самое установленіе и размѣры его, въ томъ или другомъ центрѣ еврейскаго населенія, и столь же безконтрольное распоряженіе и завѣдываніе всѣми прочими общественными сборами, на общественныя нужды исповѣдыванія, придавали могучую силу вліянію кагаловъ и ихъ старѣйшинъ на своихъ единовѣрцевъ,—вліянію, направленіе котораго могло быть, конечно, не въ пользу ослабленія ихъ племенной и религіозной сплоченности.

Во главѣ кагальныхъ обществъ, располагавшихъ, такимъ образомъ, значительными денежными средствами, стояли, нерѣдко, своего рода фанатики изъ евреевъ, которые хотя и не обнаруживали склонностей къ прозелетизму и совращеніямъ изъ православной вѣры, но тѣмъ не менѣе, могли дѣйствовать вредно, для цѣли сліянія ихъ единовѣрцевъ съ прочимъ населеніемъ, поддерживая въ нихъ племенную и религіозную обособленность, чему не мало содѣйствовало, конечно, отсутствіе, среди евреевъ, общаго образованія и непринятіе еще тогда правительствомъ никакихъ мѣръ къ его распространенію въ еврейскихъ массахъ.

Пользуясь общимъ невѣжествомъ своихъ единовѣрцевъ и побуждаясь, большею частію, чувствомъ личной корысти, члены кагальнаго управленія старались объ одномъ—это держать ихъ въ полномъ своемъ повиновеніи, истощая, въ то же время, разными сборами ихъ матеріальныя средства, преимущественно, съ цѣлію собственнаго обогащенія [1]. Этотъ образъ дѣйствія ихъ и частыя ихъ злоупотребленія, по управленію и завѣдыванію суммами коробочнаго сбора и другими, явившаяся, вслѣдствіе того, дороговизна на жизненные предметы и естественный переходъ къ евреямъ, по причинѣ крайней густоты ихъ населенія, всей почти мелочной торговли, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, подкрѣпляли предвзятыя понятія о корыстныхъ свойствахъ и стремленіяхъ всей еврейской націи къ эксплоатаціи христіанскаго населенія, раздражая и вооружая противъ евреевъ, въ большинствѣ случаевъ, мѣстныхъ жителей и власти.

---

¹) Значеніе кагаловъ и ихъ полновластіе, въ то время, надъ евреями замѣчены еще Державинымъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ, командированнымъ, въ царствованіе Императора Павла I, въ Бѣлорусскій край, для изученія экономическаго положенія тамошнихъ крестьянъ („Арх. истор. и прак. свѣд. о Россіи." Калачева, за 1830 г. кн. 4).

Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ и правительственныхъ стѣсненій, истощавшихъ, до-нельзя, матеріальныя средства евреевъ, ихъ населеніе, съ году на годъ, дѣлалось бѣднѣе, вслѣдствіе чего, среди ихъ появился, вскорѣ, въ широкихъ размѣрахъ, пролетаріатъ, а вмѣстѣ и всѣ сопряженныя съ нимъ порочныя склонности къ разнаго рода ухищреніямъ, обманамъ, обмѣрамъ и обвѣсамъ, контрабандѣ и другимъ преступленіямъ и проступкамъ противъ частной собственности и казны. Этому способствовало и то обстоятельство, что по многолюдности евреевъ въ нѣкоторыхъ центрахъ ихъ постоянной осѣдлости, какъ людей, исключительно, торговаго и промышленнаго класса, конкурренціей среди нихъ, вслѣдствіе проявившагося преобладанія предложенія надъ спросомъ, отъ занятій законными промыслами, оттѣснялись, не только христіане, но масса и самихъ евреевъ, остававшихся, такимъ образомъ, безъ опредѣленныхъ средствъ къ своему существованію.

Все это было естественнымъ послѣдствіемъ порядка вещей, установленнаго или допущеннаго, въ отношеніи евреевъ, самимъ правительствомъ. Но мѣстныя и высшія власти того времени, подъ вліяніемъ застарѣлыхъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ нихъ, приписывали эти явленія, исключительно, ихъ племеннымъ свойствамъ и дурнымъ качествамъ ихъ вѣроученія, въ особенности же талмуду.

Ошибочность такихъ мнѣній и, вообще, пріобрѣтеніе талмудомъ совершенно инаго значенія въ кругу евреевъ, получившихъ общее образованіе, есть фактъ, который находитъ, нынѣ, полное подтвержденіе не только въ заграничныхъ евреяхъ, но и среди евреевъ у насъ, въ Россіи, о чемъ будетъ сказано ниже. Во времена же Екатерины II и послѣ того, когда образованіе еврейскаго юношества не входило еще у насъ въ кругъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, когда образованіе то, вслѣдствіе прерогативъ еврейскихъ обществъ, было предоставлено всецѣло ихъ кагальнымъ управленіямъ и когда оно не находило никакихъ поощреній со стороны служебной, нельзя удивляться, если евреи обучались, преимущественно, своему закону, по своему, т. е. съ примѣсью извращенныхъ толкованій талмуда, носившихъ отпечатокъ религіознаго настроенія, не вполнѣ пріязненнаго, быть можетъ, для страны, гдѣ естественнѣйшія ихъ права подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и ограниченіямъ.

Понятія о евреяхъ были, въ то время, столь своеобразны и исключительны, что подъ вліяніемъ ихъ явилось предположеніе о со-

вершенной ихъ негодности, будто, къ работамъ, требующимъ пособія физическихъ силъ, какъ то: земледѣлію, чернорабочимъ занятіямъ и военной службѣ, почему правительствомъ была установлена еще какъ бы особая для ихъ націи прерогатива, въ силу которой они были всѣ поголовно освобождены отъ отбыванія рекрутской повинности натурою, которая, какъ сказано выше, была замѣнена повинностію денежною.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ особенности же присвоеніе евреямъ, правительствомъ, значенія какъ бы бродячаго въ государствѣ инороднаго населенія, давало имъ вполнѣ законный поводъ смотрѣть на себя, какъ на народъ совершенно чуждый въ русской странѣ, отвергнутый и обществомъ и государствомъ, который не могъ доставлять ему истинныхъ сыновъ отечества, а слѣдовательно, и имѣть когда либо сліяніе въ правахъ и общественномъ своемъ бытѣ съ прочимъ народонаселеніемъ Россіи.

Между тѣмъ, при отсутствіи предвзятыхъ о нихъ понятій, правительство могло бы легко быть наведено на мысль, что по совершенной невозможности выселенія изъ Россіи массы осѣдлыхъ евреевъ, ни достиженія, путемъ принудительныхъ мѣръ, ихъ превращенія въ христіанъ, всего благоразумнѣе было бы, подобно тому, какъ это сдѣлано въ другихъ европейскихъ государствахъ, разъ на всегда примириться съ фактомъ ихъ постояннаго пребыванія въ государствѣ, какъ фактомъ неизбѣжнымъ, ничѣмъ неотразимымъ, зависящимъ не отъ воли народовъ, но отъ предопредѣленій высшихъ ихъ судебъ. Еслибъ правительство однажды остановилось на этой мысли и съ ея высоты окинуло бы взглядомъ общіе интересы нашей обширной страны, то, конечно, оно, не задаваясь болѣе такими цѣлями, какъ очищеніе отъ евреевъ русской территоріи, пресѣченіе торговой и промышленной, съ ихъ стороны, конкурренціи, или обращеніе путемъ репрессивныхъ мѣръ, всего ихъ населенія въ христіанскую вѣру, не стало-бы прибѣгать къ такимъ мѣрамъ стѣсненія, какія представляли собою двойныя подати и цѣлый рядъ ограниченій ихъ различныхъ правъ, личныхъ, имущественныхъ и по состоянію; но озаботилось бы, исключительно, о совершенно иномъ, болѣе согласномъ съ началами здравой политики, о полезномъ для государства употребленіи сосредоточивающихся въ евреяхъ экономическихъ силъ, посредствомъ устраненія препятствій къ возможно правильнѣйшему и равномѣрнѣйшему ихъ распредѣленію въ государствѣ, естественнымъ теченіемъ вещей. Этой экономической цѣли не

могло, конечно способствовать, замкнутое и сгущенное состояніе еврейскихъ массъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ Россіи. Уравненіе евреевъ съ прочими подданными, въ правѣ повсемѣстнаго жительства въ ней, съ предоставленіемъ свободнаго отправленія, повсемѣстно же, торговъ и промысловъ, могло-бы слѣдовательно, предупредить возникновеніе всѣхъ тѣхъ факторовъ, которые послужили, впослѣдствіи, и служатъ, еще нынѣ, существеннымъ препятствіемъ къ устраненію столь вредной для общихъ интересовъ государства гражданской, племенной и религіозной обособленности евреевъ.

Екатерина II, какъ мы видѣли, имѣла проблескъ этой мысли, но не могла устоять въ своей политикѣ, единственно, вслѣдствіе крайне тѣсныхъ взглядовъ на этотъ предметъ государственной администраціи.

Сбившись, однажды, съ надлежащаго пути и замкнувъ евреевъ въ извѣстной части Имперіи, съ присвоеніемъ ихъ гражданскому быту положенія, подрывавшаго всякую увѣренность въ нихъ, что они въ дѣйствительности русскіе подданные и что ихъ интересы тѣсно связаны съ интересами государства, правительство не рѣшалось уже, однако, отступать отъ началъ такой политики. Вслѣдствіе этого, оно и послѣ Екатерины II продолжало идти, въ отношеніи евреевъ, по пути исключительныхъ мѣръ, несостоятельность которыхъ могла усматриваться изъ одной уже затруднительности, какая ощущалась, относительно ихъ выбора и примѣненія. Не взирая на появленіе въ послѣдующія царствованія болѣе подробныхъ регламентацій, съ цѣлію предупрежденія замѣчавшихся колебаній и установленія болѣе твердыхъ основаній въ политикѣ, относительно евреевъ, принимавшіяся правительствомъ мѣры не измѣнялись, однако, въ своемъ характерѣ, заключаясь, по прежнему, то въ ограниченіяхъ, то въ расширеніяхъ ихъ правъ, и не содержа прямыхъ и рѣшительныхъ шаговъ къ какимъ либо кореннымъ въ нихъ преобразованіямъ. Причемъ, какъ это будетъ видно ниже, правительство задалось новою мыслію—предпосланіемъ такимъ преобразованіямъ нравственно-религіозной реформы евреевъ, въ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ и правахъ, полагая, что это можетъ быть достигнуто и безъ уравненія ихъ въ правахъ съ прочими подданными.

Посмотримъ на сколько польза такого образа дѣйствія оправдывалась на самомъ дѣлѣ.

При Императорѣ Павлѣ I, по кратковременности его царствованія не было издано никакихъ общихъ Положеній о евреяхъ, но были

принимаемы одни лишь частныя мѣры, которыя носятъ на себѣ довольно разнообразный характеръ.

Однѣ изъ нихъ имѣютъ характеръ умѣреннаго образа дѣйствій, съ проблескомъ нѣкоторой справедливости, относительно евреевъ, другія же, вытекая изъ взглядовъ на тѣхъ изъ нихъ, которые не платили исправно установленныхъ съ нихъ податей, какъ на людей бѣглыхъ и бродячихъ, отличаются крайнею суровостью.

Изъ двухъ указовъ того времени, одного Сенатскаго, воспослѣдовавшаго 3 декабря 1796 года, а другаго Именнаго, воспослѣдовавшаго 8 сентября 1797 года, видно, что мѣстными властями, въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ, были приняты нѣкоторыя мѣры, стѣснявшія ихъ право свободнаго переселенія, въ той чертѣ, изъ одной губерніи въ другую. Такъ, губернское начальство бывшей Новгородско-Сѣверской губерніи, усмотрѣвъ, что нѣкоторые евреи изъ купцовъ и мѣщанъ переселились въ нее на жительство изъ Могилевской губерніи, гдѣ они были первоначально приписаны, сдѣлало распоряженіе о высылкѣ ихъ туда обратно. Такое же распоряженіе сдѣлано другимъ губернскимъ начальствомъ, относительно евреевъ поселившихся изъ другихъ губерній въ Каменецъ-Подольскъ.

Но оба эти распоряженія, по жалобамъ евреевъ, были отмѣнены. Первое изъ нихъ было отмѣнено Сенатомъ, въ отношеніи евреевъ-купцовъ, на томъ основаніи, что въ законахъ не существовало для евреевъ никакихъ исключеній изъ общихъ правилъ Городоваго Положенія, дозволявшаго всѣмъ вообще людямъ купеческаго сословія свободно переселяться изъ одной губерніи въ другую; въ отношеніи же евреевъ-мѣщанъ—въ видѣ особаго для нихъ изъятія изъ существовавшаго, въ то время, общаго правила, воспрещавшаго подобныя переселенія мѣщанамъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, какъ записанныхъ въ подушный окладъ, причемъ, въ основаніе такого изъятія, Сенатомъ было принято то, что сказанные мѣщане переселились изъ Могилевской губерніи въ Новгородско-Сѣверскую, по увольнительнымъ свидѣтельствамъ, что они записаны въ ревизію уже на новыхъ мѣстахъ ихъ жительства и что высылкою ихъ оттуда могло-бы быть причинено имъ разореніе.

Второе распоряженіе—о высылкѣ евреевъ изъ Каменецъ-Подольска, отмѣнено лично Императоромъ Павломъ I, Именнымъ его указомъ, даннымъ Генералу отъ Инфантеріи Беклешову, слѣдующаго содержанія: По содержанію рапорта Вашего отъ 29 минувшаго Августа, въ ре-

«золюцію предлагаю, евреевъ изъ Каменецъ-Подольскаго не высылать, «а оставить на томъ основаніи, какъ они и въ другихъ городахъ сво- «бодное пребываніе имѣютъ» (П. С. З. т. XXIV №№ 17,605 и 18,015).

Но почти одновременно съ этими мѣрами, сдержаннаго и умѣреннаго направленія, были приняты, при Императорѣ Павлѣ I, нѣкоторыя другія мѣры, въ отношеніи евреевъ, весьма стѣснительнаго и суроваго характера.

Такъ, изъ воспослѣдовавшаго 29 декабря 1736 года Сенатскаго указа видно, что въ одинъ и тотъ же день съ состоявшимся, при Императрицѣ Екатеринѣ II, Именнымъ указомъ объ обложеніи евреевъ двойною податью, а именно 23 іюня 1794 года, состоялся такой же указъ, которымъ повелѣно, «въ пособіе необходимо нужнымъ госу- «дарственнымъ издержкамъ, съ купечества, въ гильдіи записаннаго, «собрать въ казну, единовременно, по объявленнымъ ими до сего по «совѣсти капиталамъ, по одному со ста». Но какъ двойной окладъ, которому были подвергнуты евреи касался лишь постоянно взимавшихся текущихъ платежей, то мѣстное начальство, вѣроятно, затруднилось взыскивать съ евреевъ купеческаго званія, въ двойномъ размѣрѣ, вышесказанный единовременный сборъ. Сенатъ, признавая самъ, что въ повелѣніи о немъ не содержалось исключительнаго отягощенія для евреевъ, примѣнилъ, однако, къ этому сбору, собственною властію, повелѣніе о взиманіи съ евреевъ двойнаго оклада податей и собственною властію распространилъ силу этого послѣдняго узаконенія, касавшагося собственно государственныхъ податей, на общественную повинность по платежу взимавшагося тогда сбора за содержаніе почтъ, а также на установленный первымъ изъ вышесказанныхъ повелѣній единовременный же сборъ съ каждаго изъ состоявшихъ въ купеческомъ званіи, за полученіе наслѣдства, при вступленіи во владѣніе имъ; тогда какъ по силѣ и тогдашнихъ государственныхъ постановленій, отягощеніе кого-бы то ни было государственными и общественными сборами могло зависѣть только отъ Высочайшей власти. Поступивъ такимъ образомъ, Сенатъ, въ вышесказанномъ указѣ своемъ 29 декабря 1796 года, истолковавъ силу существовавшихъ постановленій о податяхъ и сборахъ съ евреевъ, въ стѣснительномъ для нихъ смыслѣ, предписалъ единовременныя съ купеческихъ капиталовъ и получаемыхъ наслѣдствъ сборы собирать съ евреевъ, въ размѣрѣ 2%, и взимать съ нихъ положенныя для мѣщанъ подушныя подати, по 4 рубля съ каждой души, съ накладными по 4 копѣйки на рубль, а на содержаніе почтъ, вмѣсто

прежнихъ 12, по 24 коп. съ каждой души (П. С. З. т. XXIV, № 17,694). Мы увидимъ ниже, что этотъ образъ дѣйствія не былъ признанъ, впослѣдствіи, вполнѣ законнымъ и справедливымъ самимъ же Сенатомъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе вышеизъясненнаго чрезмѣрнаго отягощенія евреевъ податьми и сборами и невозможности успѣшнаго ихъ взысканія, со стороны мѣстнаго начальства, нужно полагать, встрѣчались значительныя затрудненія и допускались послабленія. Это можно заключать изъ того, что въ слѣдующемъ за тѣмъ 1797 году, правительствомъ, не желавшимъ, не взирая ни на что, отступать отъ мѣръ строгости въ отношеніи евреевъ, признано нужнымъ подтвердить, отъ лица Высочайшей власти, обязательность для нихъ платежа вдвое, въ сравненіи съ христіанами, всѣхъ существовавшихъ податей и сборовъ. Вслѣдствіе этого, 23 іюня 1797 года состоялся по этому предмету Именной указъ Императора Павла I, хотя въ немъ содержится только буквальное повтореніе повелѣнія о двойной съ евреевъ подати имѣющагося въ Именномъ указѣ Императрицы Екатерины II, 23 іюня 1794 г., безъ упоминанія новыхъ статей, какія обложены Сенатомъ двойнымъ же сборомъ, по своему собственному усмотрѣнію (П. С. З. т. XXIV, № 18,015). Строгость, съ какою Сенатъ признавалъ, въ то время, необходимымъ отягощать евреевъ двойными податьми и сборами, усматривается, между прочимъ, еще изъ слѣдующаго случая.

Жалованною городу Кіеву грамотою Царя Алексія Михаиловича 7162 г. (1654 г.), въ числѣ прочихъ правъ и привилегій, дарована тамошнимъ мѣщанамъ льгота, освобождавшая ихъ отъ военной службы, о чемъ въ грамотѣ, буквально, сказано такъ: «Кіевскіе мѣщане отъ «службы ратной уволены, и въ воинское время Кіевскимъ мѣщанамъ «въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать». Но какъ по силѣ Именнаго указа Императрицы Екатерины II, 3 мая 1783 г., всѣ вообще мѣщане были положены въ подушный окладъ, т. е. отнесены къ податнымъ состояніямъ, на которыхъ, тогда, лежала, исключительно, рекрутская повинность, то съ кіевскихъ мѣщанъ были взяты рекруты, при общемъ рекрутскомъ наборѣ, что побудило кіевскихъ горожанъ обратиться съ просьбою объ освобожденіи ихъ отъ этой повинности, на основаніи прежнихъ привилегій. Просьба эта была Сенатомъ уважена, вслѣдствіе чего, имъ предписано, въ 1796 г., указомъ «дабы «съ упоминаемыхъ Кіевскихъ мѣщанъ впредь рекрутъ собираемо не «было». Между тѣмъ, мѣстною Казенною Палатою, въ виду того, что

въ вышеприведенной грамотѣ Царя Алексія Михаиловича говорилось только о мѣщанахъ, но не о купцахъ, которые въ царствованіе Екатерины II были подвергнуты денежной рекрутской повинности, въ замѣнъ натуральной, затруднилась какъ поступить относительно купцовъ, а также кіевскихъ мѣщанъ еврейскаго закона и иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и разнаго званія людей, желавшихъ приписаться къ г. Кіеву. Вслѣдствіе этого Сенатъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ признавалъ справедливымъ освободить отъ рекрутской повинности, какъ натуральной, такъ и денежной, лишь кіевскихъ старожилъ, не распространяя этого на мѣщанъ еврейскаго закона, а также иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и другаго званія людей, безъ различія, въ отношеніи, жившихъ въ Кіевѣ, евреевъ, принадлежали ли они къ числу иногородныхъ людей, или-же, по своему давнему пребыванію тамъ, къ числу также его старожилъ. На докладѣ Сената положена Императоромъ Павломъ I слѣдующая резолюція: «Вслѣдствіе указа Нашего «въ 16 день 1797 года, коимъ возобновили и утвердили Мы прежнія «права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ, сбора съ куп-«цовъ складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекрутъ не чинить, съ того «числа, каковое оныхъ было въ 7162 году, когда жалованною Госу-«даремъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою отъ «службы ратной они уволены» (П. С. З. т. XXV, № 18,336). Хотя въ этомъ повелѣніи, о евреяхъ, прямымъ образомъ, ничего не сказано, но какъ оно было основано на грамотѣ Царя Алексія Михаиловича, при которомъ, какъ извѣстно, евреи не состояли въ русскомъ подданствѣ и не пользовались правами гражданства, то очевидно, что воспослѣдовавшій, согласно съ Высочайшею резолюціею, Именной 23 января 1798 года, по этому предмету, указъ, подъ заглавіемъ: «объ освобожденіи кіевскихъ купцовъ отъ рекрутскихъ складочныхъ денегъ, «а мѣщанъ отъ поставки рекрутъ натурою», былъ истолковываемъ въ смыслѣ ограничительномъ для евреевъ, изъ которыхъ живщіе въ г. Кіевѣ и къ нему причисленные продолжали, такимъ образомъ, нести тягость денежной рекрутской повинности, при платежѣ двойныхъ податей и сборовъ, что составляло, въ сущности, монопольное преимущество, въ пользу торговаго и промышленнаго класса кіевскихъ горожанъ христіанскихъ исповѣданій,—преимущества, которое не могло, конечно, имѣть благотворныхъ послѣдствій, для экономическихъ нуждъ и потребностей жителей г. Кіева. Именнымъ же указомъ, состоявшимся 1 мая 1800 года, повелѣно съ евреями, не платившими исправно двой-

ныя подати и не выѣхавшими добровольно изъ Россіи, по невозможности для нихъ заплатить трехгодичную двойную подать, не высылая заграницу, какъ это было предположено по особому постановленію о евреяхъ въ Курляндской губерніи, о которомъ говорится ниже, поступать какъ съ *бродягами иностранной націи*, т. е. ссылать на казенные рудокопные заводы, или другими словами, въ каторжныя работы, и притомъ безъ суда, въ административномъ порядкѣ.

Вышеупомянутое, предшествовавшее этому указу, постановленіе о евреяхъ въ Курляндской губерніи, образовавшейся изъ присоединенныхъ къ Россіи 18 Апрѣля 1795 г., при Императрицѣ Екатеринѣ II, княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и Пильтенскаго округа, представляетъ довольно характеристическія черты образа дѣйствія Сената, который къ тамошнимъ евреямъ отнесся нѣсколько снисходительнѣе и справедливѣе, чѣмъ какъ онъ относился, вообще, къ евреямъ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ Высочайше утвержденнаго, 11-го Марта 1799 года, доклада Сената, содержащаго это постановленіе (П. С. З. т. XXV, № 18889), видно, что поводомъ къ нему послужило представленіе курляндскаго гражданскаго губернатора Ламбздорфа о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ, въ этой губерніи, по рекрутскому набору съ евреевъ. Причины этихъ затрудненій, по объясненію губернатора, заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что при отбываніи тамошними евреями рекрутской повинности, не натурою, а деньгами, на общемъ положеніи съ прочими въ Россіи евреями, въ Курляндіи, не существовало еврейскихъ обществъ, къ которымъ евреи были бы приписаны, для надзора за правильнымъ поступленіемъ съ нихъ рекрутскихъ денегъ. Поэтому, за исключеніемъ записанныхъ въ купечество, всѣ прочіе евреи не имѣли опредѣленнаго мѣстопребыванія и, не обладая нигдѣ недвижимою собственностью, переходили изъ одного мѣста въ другое и даже въ другія губерніи, вслѣдствіе чего, сборъ съ нихъ рекрутскихъ денегъ не обезпечивался никакою круговою порукою, а переходъ ихъ съ мѣста на мѣсто не могло быть воспрещено, какъ «по мѣстному положенію губерніи, объяснялъ губернаторъ, такъ и по пронырству и привычкѣ уже къ тому сего народа».

По этому представленію, Сенатомъ были потребованы свѣдѣнія отъ Курляндскаго губернскаго правленія, которое донесло, что по древнимъ постановленіямъ въ Курляндіи о евреяхъ, они тамъ никогда не

были терпимы и не имѣли правъ гражданства, за исключеніемъ въ Пильшенскомъ округѣ и городѣ Газенпотѣ, что хотя они здѣсь и пользуются этими правами, но всегда признавались за «вкравшихся», почему ихъ нельзя и записывать ни въ какой родъ жизни, что при переписке, ихъ оказалось 4581 душа мужскаго пола, что всѣ они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ въ г. Митавѣ, живутъ бѣдно, не образуютъ обществъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, и что съ нихъ, кромѣ рекрутскихъ, никакихъ денегъ не взыскивается, за исключеніемъ тѣхъ, которые записаны въ гильдіи въ г. Газенпотѣ.

Сенатъ, съ своей стороны, нашелъ мнѣніе Курляндскаго губернскаго правленія, что евреи въ Курляндіи никогда, будто, законнымъ образомъ терпимы не были и признавались за «вкравшихся» туда, неправильнымъ и не соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей, потому что людей, живущихъ въ мѣстности болѣе 200 лѣтъ, вкравшимися считать нельзя, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ россійскихъ губерніяхъ евреямъ пребываніе не запрещается, почему предписалъ тому правленію представить свои соображенія объ устройствѣ тамъ евреевъ, какъ для пользы общей, такъ и для ихъ собственной, съ присовокупленіемъ свѣдѣнія, сколько съ нихъ поступило въ казну денегъ, со времени присоединенія Курляндіи къ Русской Державѣ.

На это губернское правленіе донесло, что изъ 4581 еврея, только 896 живутъ въ городахъ, прочіе же разсѣяны по мызамъ, что изъ городовъ выбыло болѣе 100 душъ, а изъ мызъ еще большее число, изъ чего правленіе заключало, что евреи не имѣютъ въ Курляндіи постояннаго жительства и что большая ихъ часть пришельцы изъ другихъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ симъ, отзываясь о евреяхъ въ Курляндіи, какъ людяхъ, имѣющихъ природное отвращеніе къ труду и по своей бѣдности, и нетрудолюбію, отягощающихъ мѣстное населеніе, правленіе, въ то же время, объяснило, что евреи существуютъ тамъ мелочною торговлею, продажею старыхъ вещей и «непозволеннымъ маклерствомъ», безъ объясненія, впрочемъ, какимъ же именно непозволеннымъ маклерствомъ; что живущіе изъ нихъ на мызахъ занимаются винокуреніемъ, содержаніемъ корчемъ, а нѣкоторые и ремеслами, что торгующіе изъ нихъ мелочными товарами на ярмаркахъ дѣлаютъ большой подрывъ купцамъ, платящимъ подати, что рекрутскія деньги, хотя и взысканы съ нихъ сполна, но не съ нихъ лично, а съ городовъ и помѣщиковъ, у которыхъ они оказались при переписи, а какъ

нѣтъ въ виду объ этомъ закона, то возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли взысканныя, такимъ образомъ, рекрутскія деньги оставить въ казнѣ или нѣтъ. Поэтому, правленіе полагало всѣхъ въ Курляндіи и Пильтенскомъ округѣ евреевъ, *имѣющихъ недвижимое имѣніе*, соединить въ одно общество, для круговой поруки за исправное отправленіе податей, съ приписскою ихъ, въ составѣ такого общества, къ г. Газенпоту, гдѣ они пользуются гражданскими правами; *въ другихъ же городахъ запретить имъ всякое гражданское ремесло*, съ высылкою изъ Курляндіи всѣхъ евреевъ, вышедшихъ туда изъ другихъ мѣстъ. Къ сему правленіе присовокупило свѣдѣніе, что со времени присоединенія Курляндіи къ Русской Державѣ, съ евреевъ, записанныхъ въ купечество въ Газенпотѣ и Якобштатѣ, поступило въ казну 10,094 р. 50 к., а рекрутскихъ денегъ, какъ съ самихъ евреевъ, такъ съ городовъ и помѣщиковъ 15,743 рубля.

Со времени присоединенія къ Россіи Княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго и Пильтенскаго округа не прошло, тогда, еще и четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ, какъ видно, въ доходъ русской казны, съ однихъ евреевъ, записанныхъ въ купечество, число которыхъ, по объясненію самаго мѣстнаго начальства, было незначительно, поступила сумма, въ количествѣ 10,094 р. Казна имѣла, слѣдовательно, тамъ значительную съ евреевъ прибыль, не считая даже рекрутскихъ денегъ, почему, нельзя было, справедливымъ образомъ, отрицать всякую для государства пользу отъ жившихъ тамъ евреевъ. Между тѣмъ, губернское правленіе, не взирая на это и на несомнѣнный фактъ ихъ древней, въ Курляндіи и Пильтенскомъ округѣ, осѣдлости, подъ вліяніемъ ли личныхъ своихъ взглядовъ или же интригъ, со стороны мелкаго мѣстнаго купечества, домогалось, ни болѣе, ни менѣе, какъ лишенія всѣхъ ихъ правъ жительства въ томъ краѣ, допуская исключеніе изъ этого только для ихъ ничтожнаго числа, а именно, для имѣвшихъ недвижимую собственность, изъ которыхъ оно предполагало образовать одно общество, возложивъ на него, за круговою порукою его членовъ, отвѣтственность за исправное отбываніе евреями государственныхъ податей и рекрутской денежной повинности.

Всѣ бумаги по этому дѣлу были переданы Сенатомъ на заключеніе состоявшей при немъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства [1]), которая, при-

[1]) Экспедиція эта учреждена при Императорѣ Павлѣ I въ 1797 г. Въ 1802 году, при учрежденіи Министерствъ, она, въ главныхъ своихъ частяхъ, подчинена Мини-

нявъ въ уваженіе, что евреи обитаютъ въ Курляндіи болѣе 200 лѣтъ, нашла, что ихъ можно оставить тамъ на жительствѣ, а для того, чтобы ихъ населеніе было обращено въ пользу казны и общества, полагала: 1) позволить имъ отправленіе мѣщанскихъ и купеческихъ промысловъ, записываясь въ городахъ, на основаніи Городоваго положенія; 2) подати собирать съ нихъ *вдвое* противъ купцовъ и мѣщанъ христіанскаго закона, на основаніи Именнаго указа 23 Іюня 1794 года; 3) живущимъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ велѣть явиться въ городъ, для записки въ общество; 4) разрѣшить городовымъ магистратамъ, Ратушѣ или другимъ гражданскимъ судамъ выдавать имъ годовые паспорты, по взысканіи съ нихъ, предварительно, податей за годъ; 5) полиціи предписать безпаспортныхъ евреевъ розыскивать и представлять къ суду; 6) помѣщикамъ, крестьянамъ и всѣмъ вообще жителямъ предписать безпаспортныхъ евреевъ не держать, но представлять земской полиціи; 7) въ отношеніи гражданскихъ должностей (вѣроятно въ городахъ), соображаться съ общими узаконеніями, не разбирая ни рода, ни званія, въ дѣлахъ же судебныхъ вѣдаться евреямъ въ Магистратахъ, Ратушахъ и другихъ по принадлежности судахъ; 9) разрѣшить евреямъ устройство синагогъ и покупку для нихъ мѣстъ, а также кладбищъ и боенъ и 10) согласно съ просьбою самихъ евреевъ, воспретить закрѣплять ихъ за кѣмъ либо, а потому взысканныя за нихъ съ помѣщиковъ рекрутскія деньги въ казну не обращать.

При этомъ, руководствуясь, относительно двойнаго оклада податей съ евреевъ, Именнымъ указомъ 23 Іюня 1794 года, и не отдавая себѣ отчета, что, въ то время, не могли уже практиковаться высылки ихъ за-границу, вышесказанная Экспедиція, въ числѣ изъясненныхъ мѣръ, предложила высылать заграницу тѣхъ евреевъ, которые, отказавшись отъ платежа двойныхъ податей и не будучи, въ то же время, въ состояніи уплатить трехгодичной подати, не выѣхали бы добровольно изъ Имперіи.

Эти мѣры, одобренныя Сенатомъ, на основаніи его всеподданнѣйшаго о нихъ доклада, утверждены Императоромъ Павломъ I, 11 Марта 1799 года. Но какъ изъ нихъ, высылка евреевъ заграницу не могла уже въ то время имѣть примѣненіе, то вышеприведеннымъ Именнымъ указомъ 1 Мая 1800 года, мѣра эта замѣнена административною

стерству Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1803 году, съ нѣкоторыми другими учрежденіями, вошла въ общій составъ управленія Департамента Внутреннихъ Дѣлъ, подъ названіемъ экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

ссылкою сказаныхъ евреевъ, въ работу на казенные рудокопные заводы.

Изъ вышесказаннаго постановленія о евреяхъ въ Курляндской губерніи усматривается, что они были подчинены тамъ одному и тому же положенію съ прочими евреями въ Россіи и что ихъ обществамъ дано тоже самое устройство, т. е. *кагальное*.

Между тѣмъ, чисто фискальныя даже цѣли, вызвавшія въ Курляндіи установленіе извѣстнаго порядка, для приписки евреевъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ, не могли, въ сущности, оправдывать этой послѣдней мѣры, такъ-какъ цѣли тѣ могли бы быть достигнуты и безъ учрежденія для евреевъ отдѣльныхъ отъ прочихъ горожанъ обществъ, съ отдѣльнымъ для такихъ обществъ управленіемъ. Конечно, трудно было требовать, чтобы органы мѣстной администраціи, того времени, могли имѣть иные взгляды на этотъ предметъ, чѣмъ высшее правительство, которое не смотрѣло на евреевъ иначе какъ на народъ, нуждавшійся въ своихъ особыхъ, какъ бы національныхъ, формахъ гражданской и общественной организаціи.

Но въ данномъ случаѣ, обращаетъ на себя вниманіе, въ особенности то, что правительствомъ, согласно съ заключеніемъ вышеупомянутой экспедиціи Государственнаго хозяйства и въ противоположность мнѣнія Курляндскаго губернскаго правленія, право евреевъ на спокойное и безпрепятственное существованіе въ Остзейскомъ краѣ, а слѣдовательно и ихъ права гражданства и жительства въ немъ, признаны на основаніи *факта ихъ древней тамъ осѣдлости*.

Если же борьба съ этимъ фактомъ не признавалась правительствомъ, въ принципѣ, ни справедливою, ни практически возможною, въ отношеніи горсти евреевъ, жившихъ въ Остзейскомъ краѣ, то нельзя было допустить возможныхъ и справедливыхъ основаній къ борьбѣ съ такимъ же фактомъ, по отношенію къ милліонному населенію евреевъ въ другихъ частяхъ государства, гдѣ они имѣютъ еще древнѣйшую осѣдлость. Поэтому, созданіе порядка вещей, въ силу котораго все ихъ населеніе въ Россіи должно было являться, какъ бы населеніемъ бродячимъ, лишеннымъ права постояннаго жительства въ Россіи, было, въ сущности, одною лишь юридическою фикціею, шедшею въ разрѣзъ съ дѣйствительностію и едва ли когда либо оправдывавшеюся практическими интересами государства, съ точки зрѣнія его торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ интересовъ, а также интересовъ религіозныхъ нашей Православной церкви.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I, законодательные и административные органы государственнаго управленія, какъ извѣстно, получили существенныя улучшенія, вслѣдствіе учрежденія, въ 1802 году, министерствъ и образованія, въ 1810 году, Государственнаго Совѣта.

Изъ Манифеста 12 Марта 1801 года о восшествіи на престолъ Императора Александра I видно, что мыслею Государя было управлять народомъ «по законамъ и сердцу» Екатерины II, а изъ Манифестовъ 6 Сентября 1802 года, объ учрежденіи Министерствъ, и 1 Января 1810 года, объ образованіи Государственнаго Совѣта, что главнѣйшею цѣлію этихъ высшихъ государственныхъ установленій было сообразное съ пространствомъ и величіемъ Имперіи объединеніе началъ и основаній, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, для направленія мѣръ, согласно съ общими интересами государства и народнаго въ немъ благосостоянія (П. С. З. XXVI, 19779, XXVII, 20406, XXXI, 24064).

Соотвѣтственно съ этимъ, правительственный кругозоръ долженъ былъ естественно расшириться и обнять собою мѣстные и общіе интересы государства, въ ихъ тѣсной и неразрывной между собою связи, а всѣ части государственнаго управленія, какъ сказано въ манифестахъ, получить большую «стройность, твердость и совершенство».

Такая реформа должна была, конечно, имѣть послѣдствіемъ установленіе болѣе правильныхъ точекъ зрѣнія на отношеніе многообразныхъ предметовъ внѣшней и внутренней политики государства къ общимъ его интересамъ и обнаружить недостатки во многихъ образахъ и формахъ его внутренняго строя, требовавшихъ, болѣе или менѣе, неотложныхъ исправленій и улучшеній.

Къ числу такихъ недостатковъ, ощутившихся на первыхъ же порахъ, относилась, между прочимъ, и неудовлетворительность гражданскаго положенія евреевъ, составлявшихъ, по ихъ числу, со времени присоединенія польскихъ провинцій, существенную часть общаго у насъ народонаселенія, особенно въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости.

По поводу дошедшихъ, въ то время, до высшаго правительства, жалобъ на приписывавшіяся евреямъ злоупотребленія и безпорядки въ сказанныхъ мѣстностяхъ, ко вреду земледѣлія и промышленности, даннымъ Сенату 9 Ноября 1802 г. Именнымъ указомъ было Высочайше повелѣно о составленіи особаго Комитета, для разсмотрѣнія

дѣлъ, къ этому предмету относящихся, и избранія средствъ къ исправленію положенія евреевъ.

Этому Комитету, составленному, подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Министромъ Юстиціи, извѣстнаго нашего поэта Державина, изъ трехъ членовъ: Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Чарторыйскаго и графа Северинъ-Потоцкаго, предлежало, поэтому раскрыть настоящія причины неблагопріятныхъ явленій среди еврейскаго населенія, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, и изыскать дѣйствительнѣйшіе и надежнѣйшіе способы и средства къ ихъ устраненію.

Вслѣдствіе этого, Комитетомъ этимъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій, поднесенъ въ 1804 г., т. е. до образованія еще Государственнаго Совѣта, а слѣдовательно, еще въ прежнемъ порядкѣ верховнаго управленія, на Высочайшее воззрѣніе выработанный Комитетомъ проектъ Положенія о евреяхъ, который 9 Декабря 1804 года удостоился Высочайшаго утвержденія и тогда же, при Именномъ указѣ, препровожденъ въ Правительствующій Сенатъ, для приведенія въ точное исполненіе содержащихся въ немъ распоряженій и постановленій.

Въ этомъ Именномъ указѣ объяснено, между прочимъ, что начала, принятыя Комитетомъ, весьма справедливы и что всѣ статьи Положенія признаются сообразными, «сколько умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ евреевъ, столько и основанными на пользахъ «коренныхъ обывателей тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется» (П. С. З. XXXVIII 21547).

Изъ этой оцѣнки внутренняго достоинства Положенія, появившагося въ третій годъ царствованія Императора Александра I, видно, что она принадлежитъ самому же правительству и основана, исключительно, на соображеніяхъ одной лишь мѣстной пользы, ожидавшейся отъ Положенія въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ евреямъ было дозволено постоянное мѣстопребываніе. Но какъ мѣстные интересы государства, сами по себѣ, имѣютъ тѣсную и неразрывную связь съ его интересами общими, то вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ положеніе 1804 г. о евреяхъ соотвѣтствовало тѣмъ и другимъ, въ ихъ взаимной между собою связи, можетъ быть выясненъ лишь путемъ ближайшаго и всесторонняго разсмотрѣнія, какъ существа содержащихся въ немъ мѣръ и постановленій, такъ и послѣдствій, какія они имѣли для нравственнаго и матеріальнаго блага государства и его народонаселенія.

Съ этою цѣлію, необходимо, предварительно, ознакомиться, въ глав-

ныхъ чертахъ, съ содержаніемъ этихъ постановленій, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ самомъ Положеніи.

Положеніе это состоитъ изъ шести отдѣловъ и содержитъ 54 отдѣльныхъ статьи.

Первый отдѣлъ, подъ рубрикою: *«о просвѣщеніи»*, касается правъ евреевъ по части народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи, на первый взглядъ, тогдашнимъ правительствомъ сдѣланы какъ бы серьезные шаги по пути коренныхъ преобразованій въ правахъ евреевъ, на основаніи началъ ихъ равенства съ прочими подданными. Евреямъ открытъ, формально: доступъ къ обученію ихъ дѣтей во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ, а также въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, съ правомъ награжденія въ университетахъ учеными степенями, наравнѣ съ прочими подданными (ст. 1, 4 и 5); причемъ, воспрещено отвращать учащихся евреевъ отъ ихъ религіи, ни принуждать ихъ учиться тому, что ей противно или съ нею несогласно (ст. 2), въ чемъ выражается между прочимъ примѣненіе какъ бы правительствомъ началъ полной терпимости къ ихъ вѣрѣ. Нежелающимъ изъ евреевъ обучать своихъ дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, разрѣшено обучать ихъ въ особыхъ еврейскихъ школахъ, подъ условіемъ, чтобы онѣ были учреждаемы на ихъ собственный счетъ и чтобы въ нихъ преподавался одинъ изъ языковъ: русскій, польскій или нѣмецкій (ст. 6), изъ чего видно, что знаніе русскаго языка, для еврея не было сдѣлано обязательнымъ, какъ бы въ предположеніи, что еврей никогда не можетъ сдѣлаться настоящимъ русскимъ, или иначе говоря, обрусѣть, и что все его племя въ Россіи должно навсегда остаться отдѣленнымъ отъ прочаго народонаселенія государства. Исходя изъ этой точки зрѣнія и въ предположеніи, что ихъ польско-нѣмецкій жаргонъ есть, въ дѣйствительности, еврейскій языкъ,—языкъ ихъ націи,—евреямъ разрѣшено продолжать его употребленіе, за исключеніемъ, въ бухгалтерскихъ книгахъ и вообще въ купеческихъ всякаго рода тетрадяхъ и запискахъ, а также въ публичныхъ актахъ, которые, для ихъ дѣйствительности въ судахъ, должны были, начиная съ 1 Января 1807 г., излагаться евреями, исключительно, на одномъ изъ вышесказанныхъ языковъ: русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ (ст. 7 и 8). Знаніе одного изъ этихъ языковъ было поставлено также необходимымъ условіемъ для права избранія въ члены магистрата, а съ 1812 года, въ члены кагала или раввины (ст. 9 и 10). Свобода выбора одного изъ

этихъ языковъ, безъ содѣланія знанія русскаго языка обязательнымъ, ясно указываетъ на мысль правительства, что евреямъ какъ бы никогда не было суждено сдѣлаться природными русскими гражданами и выйти изъ предѣловъ возсоединенныхъ съ Россіею краевъ и областей. Вмѣстѣ съ этимъ, въ отдѣлѣ о *просвѣщеніи* евреевъ, обращено еще особое вниманіе на ихъ *одежду*, въ смыслѣ необходимости оставленія за евреями права на нее, какъ на одну изъ принадлежностей ихъ націи. Вслѣдствіе этого, въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, ихъ дѣтямъ было разрѣшено носить еврейское платье, въ прочихъ же учебныхъ заведеніяхъ, «для единообразія и благопристойности»—нѣмецкое или польское, за исключеніемъ С.-Петербургской Академіи Художествъ, гдѣ они должны были носить одно только нѣмецкое платье, какъ равно «въ губерніяхъ россійскихъ, гдѣ имъ жить позволено», въ случаѣ ихъ избранія тамъ въ члены магистрата, въ губерніяхъ же, собственно отъ Польши присоединенныхъ, евреямъ и въ этой должности разрѣшено носить, кромѣ нѣмецкаго или русскаго, также польское, (ст. 3, 4 и 9), изъ каковыхъ постановленій выводится прямое заключеніе, что правительство допуская ношеніе евреями ихъ національной одежды, признавало ее, въ тоже время, не вполнѣ благопристойною или приличною; допуская же, по платью евреевъ, нѣкоторое различіе между губерніями, отъ Польши присоединенными, и прочими частями Имперіи, и даже другими губерніями въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, правительство какъ-бы разумѣло, что они только тамъ, какъ у себя дома, а что въ другихъ мѣстахъ государства они только чужеземные люди, не имѣющіе полнаго права на домашній очагъ. Относительно порядка учрежденія и завѣдыванія еврейскими школами, въ положеніи не содержится никакихъ другихъ постановленій, кромѣ того, что такія школы должны быть учреждаемы на счетъ самихъ евреевъ, съ которыхъ постановлено установить, на этотъ предметъ, по усмотрѣнію правительства, особую подать, т. е. новый денежный сборъ, помимо тѣхъ, которые уже существовали, отягощая до крайности все еврейское населеніе, безъ подчиненія, въ тоже время, сказанныхъ школъ и, вообще, образованія еврейскаго юношества какому либо надзору или контролю, со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ этомъ отношеніи, оставленъ прежній порядокъ, т. е. что еврейскія школы должны были, по прежнему, состоять въ вѣдѣніи еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ и что евреямъ, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, была предоставлена, слѣдовательно, какъ и прежде,

широкая прерогатива отдѣльнаго управленія и завѣдыванія этою частію, безъ вмѣшательства со стороны правительства и безъ всякихъ, притомъ, обязательныхъ требованій, относительно знанія русскаго языка.

Во второмъ отдѣлѣ Положенія подъ рубрикою: «*О разныхъ состояніяхъ и промыслахъ евреевъ и преимуществахъ*», всѣ евреи раздѣлены на четыре слѣдующіе класса или разряда: А, *земледѣльцевъ*, Б, *фабрикантовъ*, В, *купцовъ* и Г, *мѣщанъ*. Каждому изъ этихъ классовъ присвоены особыя права, въ видѣ преимуществъ, съ цѣлію поощренія евреевъ къ занятіямъ, свойственнымъ ихъ классу. Такимъ образомъ, подъ рубрикою: А, *преимущества землевладѣльцевъ*», подтверждено существовавшее, въ то время, общее о евреяхъ постановленіе, что они принадлежатъ къ лицамъ свободнаго состоянія, которые ни за кѣмъ укрѣпляемы быть не могутъ (ст. 12). За симъ, съ цѣлію поощренія евреевъ всѣхъ четырехъ вышеозначенныхъ классовъ къ земледѣлію, предоставлены имъ, подъ тою-же рубрикою слѣдующія права: 1) право пріобрѣтенія незаселенныхъ земель и владѣніе ими, на правѣ полной собственности, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ была уже прежде дозволена постоянная осѣдлость, а именно въ губерніяхъ Литовскихъ (Виленской и Гродненской), Бѣлорусскихъ (Витебской и Могилевской), Малороссійскихъ (Черниговской и Полтавской), Кіевской, Минской, Волынской, Подольской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, такъ еще въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской; непоименованіе, въ числѣ этихъ мѣстностей, губерній Остзейскаго края доказываетъ, что Положеніе его не касалось и что тамъ продолжали дѣйствовать постановленія о евреяхъ, содержавшіяся въ указѣ Сената 14 Марта 1799, воспослѣдовавшемъ по Высочайше утвержденному докладу его Императоромъ Павломъ I; 2) право обработки вышесказанныхъ земель, посредствомъ наемныхъ рабочихъ безъ различія вѣроисповѣданій, на основаніи условій и контрактовъ непосредственно съ самими рабочими; 3) право пивной продажи, для тѣхъ, которые водворились бы на пріобрѣтенной землѣ особымъ поселкомъ, въ числѣ не менѣе 30 домовъ или семействъ наемныхъ работниковъ, если только въ той мѣстности, по общему положенію губерніи, продажа пива въ прочихъ селеніяхъ не была воспрещена; 4) право найма у помѣщиковъ земли въ арендное содержаніе, по формальнымъ съ ними условіямъ, которыя должны были, сказано въ Положеніи, сохраняться свято и ненарушимо; причемъ, евреямъ, которые поселились-бы на

такихъ земляхъ особыми поселками, предоставлено, кромѣ того, пяти-лѣтняя льгота отъ платежа всѣхъ вообще казенныхъ податей; 5) для евреевъ, которые не были бы въ состояніи ни пріобрѣсти на собственныя средства земель, ни нанять ихъ у помѣщиковъ, право безвозмезднаго поселенія на казенныхъ земляхъ, во всѣхъ поименованныхъ выше губерніяхъ, за исключеніемъ губерній Бѣлорусскихъ, Малороссійскихъ и Кіевской, для каковой цѣли, въ тѣхъ губерніяхъ предназначено отвести изъ казенныхъ земель 30 т. десятинъ, причемъ, воспрещены всякіе виды насильственнаго принужденія ихъ къ переселенію на эти земли, но тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно туда переселились-бы, предоставлена десятилѣтняя льгота отъ платежа податей, за исключеніемъ земскихъ сборовъ; равнымъ образомъ такимъ евреямъ предоставлялось право полученія на обзаведеніе заимообразныхъ ссудъ, на основаніи тогдашнихъ правилъ о ссудахъ иностраннымъ колонистамъ, что явно свидѣтельствовало, что правительство продолжало смотрѣть на евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ и пользовавшихся правами русскаго гражданства, какъ на людей, не утратившихъ значенія чужеземныхъ жителей; 6) для тѣхъ евреевъ, которые занялись бы хлѣбопашествомъ, было предоставлено право пользованія одинаковыми съ прочими подданными выгодами, по платежу государственныхъ податей, т. е. другими словами, преимущество, предъ прочими евреями, платить въ казну не двойную, а обыкновенную подать (ст. 13—19). Подъ рубрикою Б *«Преимущества фабрикантовъ и ремесленниковъ»*, всѣмъ вообще евреямъ предоставлено право заниматься фабричною промышленностію и заводить фабрики на всемъ пространствѣ, гдѣ имъ жить позволено, на томъ же основаніи и съ тою же свободою, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ (ст. 20). При чемъ, для евреевъ, которые завели-бы суконныя, полотняныя, кожевенныя и другія такого-же рода фабрики, установлены слѣдующія поощренія: 1) въ каждой изъ присоединенныхъ отъ Польши губерній постановлено учредить особый капиталъ, въ 20 т. руб., съ правомъ для тѣхъ евреевъ пользоваться изъ него денежными ссудами, которые должны были выдаваться, по усмотрѣнію начальниковъ губерній и по испрошеніи на то, каждый разъ, разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; евреямъ-же, которые пожелали-бы завести нужнѣйшія и полезнѣйшія фабрики, предоставлено выдавать такія ссуды, безъ залоговъ, за поручительствомъ только другихъ благонадежныхъ евреевъ; 2) всѣ же вообще евреи, которые, сказано въ Положеніи, «въ фабричныхъ работахъ обращаться

будутъ», освобождались отъ платежа въ казну двойныхъ податей и уравнивались, въ этомъ отношеніи, съ прочими подданными, тотчасъ по собраніи о нихъ точныхъ свѣдѣній, и 3) всѣмъ евреямъ предоставлено право заводить фабрики и на помѣщичьихъ земляхъ, по добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, которымъ обѣщаны тоже, въ этихъ случаяхъ, поощренія, безъ означенія, впрочемъ, какія именно (ст. 21—23). Вмѣстѣ съ этимъ, всѣмъ ремесленникамъ изъ евреевъ позволено заниматься ремеслами, законами не воспрещенными, въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, съ воспрещеніемъ ремесленнымъ или цеховымъ управамъ дѣлать имъ какія либо въ томъ препятствія. Причемъ, всѣмъ такимъ ремесленникамъ дозволено свободно записываться въ цехи, если только это не было противно привилегіямъ, особенно нѣкоторымъ городамъ присвоеннымъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что Положеніемъ какъ бы возобновлялась, для тамошнихъ городовъ, сила древнихъ польскихъ привилегій, между прочимъ, въ отношеніи ограниченія права свободнаго проживательства евреевъ въ городской чертѣ; въ видахъ же поощренія евреевъ къ ремесламъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые ими занимались, освобождались, на однихъ основаніяхъ съ фабрикантами, отъ платежа двойныхъ податей; въ случаѣ же недостатка для нихъ въ работахъ, въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, имъ дозволено, съ разрѣшенія Начальника губерніи и Министра Внутреннихъ Дѣлъ, переселяться, «для основанія съ выгодою своей промышленности», въ губерніи менѣе населенныя, а именно, въ Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, Астраханскую и Казанскую, съ предоставленіемъ имъ для этого нужныхъ способовъ, а какъ Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губерніи принадлежали къ числу тѣхъ, гдѣ евреямъ и безъ того было позволено имѣть постоянную осѣдлость, то поименованіе этихъ губерній, въ настоящемъ случаѣ, даетъ право заключать, что ремесленная дѣятельность евреевъ, въ строгомъ смыслѣ, была ограничена Положеніемъ только губерніями, присоединенными отъ Польши (ст. 23—25). Подъ рубрикою В и Г. «*Преимущества купечества и мѣщанства*», евреямъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, дозволена всякаго рода торговля, внѣшняя и внутренняя, на точномъ основаніи Городоваго положенія и послѣдующихъ узаконеній, включая сюда всякаго рода промыслы и мелочную продажу, а также винную, какъ оптомъ, такъ и въ розницу, съ ограниченіями, относительно винной торговли, постановленными

ниже въ III отдѣлѣ Положенія (ст. 40). При семъ, фабрикантамъ, ремесленникамъ, художникамъ и купцамъ изъ евреевъ, «по дѣламъ ихъ коммерческимъ, для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства», разрѣшено временно пріѣзжать въ внутреннія губерніи и даже столицы, но не иначе, какъ по паспортамъ отъ Губернаторовъ, которымъ вмѣнено въ обязанность о такихъ евреяхъ представлять *ежемѣсячныя вѣдомости* Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Пріѣздъ ихъ туда обусловленъ строго ношеніемъ нѣмецкаго платья, при появленіи же ихъ тамъ въ своей одеждѣ, они не могли быть терпимы и полиція была обязана немедленно высылать ихъ оттуда. Къ этому присовокуплено общее для всѣхъ евреевъ поощреніе, что когда они «въ земледѣліи, мануфактурахъ и купечествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, правительство приметъ тогда мѣры уравнять ихъ подати со всѣми другими подданными» (ст. 27—29).

Въ третьемъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «*О обязанностяхъ евреевъ по вышеозначеннымъ ихъ состояніямъ*, постановлены слѣдующія общія правила: 1) что никто изъ евреевъ терпимъ въ Россіи быть не можетъ, если не будетъ приписанъ къ одному изъ установленныхъ для нихъ состояній и что съ каждымъ изъ евреевъ, кто не предъявитъ письменнаго въ томъ вида, закономъ установленнаго, будетъ поступаемо, какъ съ бродягами, по всей строгости законовъ; срокъ для приписки евреевъ къ тѣмъ состояніямъ положенъ двухлѣтній, со дня изданія Положенія; для сего предписано произвести имъ перепись въ мѣстахъ, гдѣ имъ позволено постоянное жительство (ст. 30 и 31); 2) для лучшаго устройства ихъ гражданскаго состоянія, удобнѣйшаго огражденія ихъ имущества и разбора ихъ тяжебныхъ дѣлъ, вмѣнено имъ въ обязанность принять извѣстную наслѣдственную свою фамилію, или прозваніе, которое съ того времени и должно быть сохраняемо во всѣхъ актахъ и записяхъ, безъ всякой перемѣны, съ присовокупленіемъ имени, даннаго по ихъ вѣрѣ, или при рожденіи (ст. 32); 3) переходъ изъ одного податнаго состоянія въ другое дозволенъ имъ съ вѣдома мѣстнаго начальства и на основаніи общихъ узаконеній (ст. 33); 4) жительство въ деревняхъ и селахъ и содержаніе тамъ арендъ, шинковъ, кабаковъ, постоялыхъ дворовъ и продажа вина, а также содержаніе шинковъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ заведеній на большихъ дорогахъ, кому они ни принадлежали бы, частнымъ лицамъ или обществамъ, строго воспрещено, въ губер-

ніяхъ Астраханской, Кавказской, Малороссійскихъ и Новороссійскихъ съ 1 Января 1807 года, а въ прочихъ — съ 1 Января 1808 года, по истеченіи каковыхъ сроковъ, всѣ контракты и условія на продажу вина признаются недѣйствительными, а долги поселянъ и другаго рода людей въ шинкахъ, содержимыхъ евреями, ничтожными, почему евреи лишались и права взысканія по нимъ (ст. 34, 37 и 38); 5) за нарушеніе этихъ правилъ, по истеченіи означенныхъ сроковъ, установлены строгія взысканія, какъ для евреевъ, такъ и для помѣщиковъ, арендныхъ поссесоровъ и даже мѣстныхъ губернскихъ и полицейскихъ властей, заключавшіяся въ слѣдующемъ: помѣщики, дозволившіе еврею содержать какую либо аренду, кабакъ, шинокъ или другое заведеніе, для продажи вина, по доносу о томъ и изслѣдованію Нижняго Земскаго Суда, должны были, по приговору Повѣтоваго или Уѣзднаго Суда, подвергаться денежнымъ штрафамъ, въ пользу Приказовъ Общественнаго призрѣнія и доносителя, по поламъ, въ первый разъ, по пяти рублей съ каждаго дома въ деревнѣ, во второй разъ, вдвое, а въ третій, разъ имѣніе помѣщика должно было подвергнуться опекѣ, срокомъ на 10 лѣтъ; арендные же поссесоры лишались вовсе права управлять имѣніемъ и объявлялись неспособными къ тому во всѣхъ вѣдомостяхъ; евреи, уличенные въ продажѣ вина, подвергались денежнымъ штрафамъ, въ первый разъ 100 р., во второй—200 р., а въ третій—ссылались въ Сибирь на поселеніе; при несостоятельности еврея къ уплатѣ денежнаго штрафа, съ нимъ поступалось какъ съ несостоятельнымъ должникомъ; въ казенныхъ селеніяхъ, за недонесеніе о подобныхъ нарушеніяхъ подвергались взысканіямъ Исправники, за первые два раза, такому же денежному штрафу, какъ и евреи, а за третій разъ—отрѣшенію отъ занимаемаго мѣста, съ лишеніемъ права поступать впредь въ какія либо должности; за злоупотребленіе казенныхъ палатъ, сказанному штрафу подвергались Вице-Губернаторы и члены палатъ; въ старостинскихъ же или арендныхъ имѣніяхъ, штрафу подвергались владѣльцы, и за третій разъ, староства отъ нихъ отбирались (ст. 35, 36 и 39); 6) «при семъ строгомъ и необходимомъ, сказано въ Положеніи, воспрещеніи евреямъ продажи вина и всякихъ контрактовъ, къ тому относящихся, въ селахъ и деревняхъ», имъ было дозволено заниматься этимъ промысломъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, на основаніи общихъ объ этой части положеній; право продажи вина и заключенія, по этому предмету, контрактовъ было дозволено евреямъ и въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ, но при этомъ,

подъ страхомъ вышеозначенныхъ штрафовъ и взысканій, строго воспрещено присвоивать селамъ и деревнямъ права мѣстечекъ или же учреждать новыя мѣстечки, безъ вѣдома высшаго начальства; вообще же это правило о мѣстечкахъ ограничено губерніями, отъ Польши присоединенными, 7) отпускъ въ городахъ и мѣстечкахъ вина поселянамъ въ долгъ строго воспрещенъ, подъ опасеніемъ, для евреевъ, что долги эти будутъ признаны ничтожными и не подлежащими удовлетворенію, а для чиновниковъ и мѣстъ, которыми были бы допущены вчинанія и принятіе исковъ по нимъ, что они сами подвергнутся суду и взысканіямъ (ст. 40 и 41).

Въ четвертомъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: «*о гражданскомъ устройствѣ евреевъ*», постановлены слѣдующія общія правила объ ихъ правахъ состоянія въ государствѣ: 1) что всѣ евреи, въ Россіи обитающіе, вновь поселяющіеся, или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ со всѣми другими россійскими подданными, изъ чего ясно усматривается, что евреи, состоящіе въ русскомъ подданствѣ, какъ бы отождествлялись правительствомъ, по правамъ состоянія, съ евреями чужеземными, 2) что евреи, вообще, свои или иностранные, отличившіеся знаніями или важными государству заслугами, будутъ соразмѣрно тому отличаемы и награждаемы, 3) что собственность и личность ихъ признаются закономъ неприкосновенными, почему никто не имѣетъ права присвоивать ихъ собственность, располагать ихъ трудомъ, а тѣмъ менѣе укрѣплять ихъ за собою лично; равнымъ образомъ, никто не имѣетъ права притѣснять и безпокоить ихъ въ отправленіи вѣры и общей гражданской жизни, ни словомъ, ни дѣломъ, почему жалобы ихъ на всякаго рода обиды должны приниматься и подлежать удовлетворенію, по всей строгости законовъ, для всѣхъ подданныхъ Россіи установленныхъ; при чемъ повторено, что всѣ законные и дозволенные контракты ихъ съ помѣщиками должны быть сохраняемы свято и ненарушимо, изъ чего прямо слѣдуетъ, что всѣ изъясненныя права, дарованы евреямъ, состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ, не въ силу дѣйствовавшихъ, тогда, общихъ о правахъ всѣхъ другихъ подданныхъ законовъ, но въ видѣ какъ бы особыхъ льготъ или преимуществъ, въ одинаковомъ смыслѣ и одинаковой мѣрѣ съ евреями иностранныхъ державъ, 4) что при переходѣ съ одного мѣста на другое, евреи должны представлять въ земскіе суды свидѣтельства отъ помѣщиковъ, что ими выполнены

всѣ обязанности въ отношеніи ихъ, а также свидѣтельства ихъ кагаловъ объ уплатѣ всѣхъ подлежащихъ податей, по каковымъ свидѣтельствамъ судами тѣми выдавались переселявшимся евреямъ паспорты до того мѣста, куда они переселялись; безпаспортныхъ же полиціи вмѣнено въ обязанность отсылать въ *степныя* мѣста, которыя, сказано въ Положеніи, въ свое время назначены будутъ, изъ чего видно, что евреи, по правамъ ихъ жительства и передвиженія въ мѣстахъ ихъ осѣдлости и занятій торговлею и промыслами, а также по платежу податей, были поставлены въ тѣсную зависимость отъ ихъ кагаловъ и общихъ полицейскихъ властей, 5) что дѣла евреевъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, по контрактамъ съ ихъ владѣльцами, подсудны земской полиціи, чѣмъ евреи, съ одной стороны, по дѣламъ этого рода, лишались какъ бы права судебной защиты, а съ другой— ставились закономъ, и въ этомъ отношеніи, въ зависимость отъ личнаго произвола полицейскихъ властей и даже самихъ владѣльцевъ, имѣвшихъ въ тѣхъ властяхъ большую конечно поддержку, чѣмъ евреи, находившіеся вообще въ крайне бѣдномъ состояніи [1]), 6) что въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ, евреи состоятъ въ вѣдомствѣ городскихъ полицій, и «особенно сказано, въ положеніи, городничаго и магистрата», 7) что по дѣламъ тяжебнымъ, вексельнымъ и уголовнымъ, они подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, почему право суда надъ евреями воспрещено помѣщикамъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, причемъ евреямъ разрѣшено разбираться и третейскимъ судомъ, на общемъ основаніи, 8) что въ городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, они могутъ избирать одного раввина и нѣсколькихъ членовъ кагала, или такъ называвшихся «кагальныхъ», которые вступаютъ въ должность, не иначе, какъ по утвержденіи ихъ въ ней Губернскимъ Правленіемъ, съ тѣмъ, чтобы они избирались только на три года, по прошествіи которыхъ тѣже лица могутъ, впрочемъ, опять, быть избранными въ сказанныя долж-

---

[1]) Какъ быстро развился среди евреевъ пролетаріатъ, послѣ отягощенія ихъ двойною податью и другихъ ограничительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, видно между прочимъ, изъ того обстоятельства, что въ извѣстной запискѣ Державина объ экономическомъ положеніи Бѣлоруссіи, которую онъ обозрѣвалъ въ началѣ царствованія Императора Павла I, констатированъ уже фактъ общей бѣдности евреевъ и ихъ загнаннаго положенія. По этому предмету, въ запискѣ сказано, что евреи находятся „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть бо́льшая часть“ (Арх. ист. и пр. св. о Рос. Калечева за 1830 г., кн. 4).

ности; равнымъ образомъ, дозволяется евреямъ выбирать раввиновъ и кагальныхъ и въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ, причемъ воспрещено помѣщикамъ устанавливать какіе либо сборы за должность раввиновъ (ст. 42—50), изъ каковыхъ постановленій усматривается, что кагалы были признаны оффиціальными органами мѣстной административной власти надъ евреями и что при этомъ беззащитность евреевъ простиралась до того, что владѣльцы, въ имѣніяхъ которыхъ они проживали, имѣли возможность облагать ихъ произвольными денежными сборами, даже за право свободнаго исповѣданія религіи, по закону и обрядамъ своей вѣры.

Въ пятомъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: *«о должности раввиновъ»*, кругъ обязанностей этихъ лицъ ограниченъ надзоромъ за обрядами вѣры и разрѣшеніемъ споровъ, касающихся религіи; причемъ въ рѣшеніяхъ имъ не позволено употреблять другихъ способовъ, кромѣ увѣщанія и убѣжденія, а также другихъ наказаній, кромѣ обличеній и выговоровъ не публично, а внутри синагогъ; наложеніе же публичныхъ наказаній, какъ-то: пеней, запрещенія употребленія пасхальнаго брашна и мяса (кошеръ), особенно же проклинаній и изверженій, строго воспрещено; за употребленіе такихъ мѣръ, раввины и «другіе духовные начальники» евреевъ, кромѣ взысканія убытковъ, какіе могли бы произойти отъ заклинаній, подвергались денежнымъ взысканіямъ, въ пользу приказовъ общественнаго призрѣнія, въ первый разъ, въ размѣрѣ 50 рублей, во второй—100 руб., а въ третій разъ подвергались ссылкѣ въ Сибирь, на поселеніе,—клятвы же и запрещенія ихъ должны были быть признаваемы неимѣющими никакого дѣйствія. Раввинамъ, какъ занимающимъ должность почетную, а не дохода, воспрещено налагать на ихъ единовѣрцевъ какіе либо поборы и требовать себѣ возмездія, но вмѣнено имъ въ обязанность довольствоваться жалованьемъ, какое будетъ опредѣлено имъ обществомъ. При возникновеніи среди евреевъ раздѣленія сектъ, если расколъ такой дойдетъ до того, что одинъ толкъ не пожелаетъ съ другими быть въ одной синагогѣ, то дозволялось одному изъ нихъ построить свою отдѣльную синагогу, съ правомъ выбора и особаго раввина, но при этомъ объяснено, что, во всякомъ городѣ, кагалъ долженъ быть одинъ (ст. 51—53). Изъ содержащихся въ Положеніи ограниченій власти раввиновъ видно, какое сильное вліяніе старѣйшины еврейскіе могли имѣть, въ то время, на своихъ единовѣрцевъ, особенно при крайне невѣжественномъ тогда состояніи ихъ массъ.

Въ шестомъ и послѣднемъ отдѣлѣ Положенія, подъ рубрикою: *о должности кагаловъ*, опредѣлены обязанности этихъ учрежденій, постановленіемъ, что они должны заключаться: 1) въ наблюденіи чтобы казенные сборы, пока они пребудутъ въ томъ положеніи, въ какомъ они тогда существовали, поступали исправно и бездоимочно; 2) въ распоряженіи ввѣряемыми кагаламъ обществами суммами, съ тѣмъ, чтобы кагалы давали отчетъ въ ихъ употребленіи обществамъ и представляли такой же отчетъ, на русскомъ или польскомъ языкѣ, въ городахъ—городничимъ, въ казенныхъ селеніяхъ—исправникамъ, а въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ—помѣщикамъ, и строго соблюдали согласность этихъ отчетовъ съ отчетами, даваемыми обществу, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, отвѣтственности, не только личной, но и имущественной (ст. 54), изъ чего видно значеніе, какимъ кагалы пользовались среди евреевъ, въ прежнее время и какое имъ присвоивалось самимъ правительствомъ, признавшимъ необходимымъ, при изданіи Положенія, принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, съ цѣлію предупрежденія встрѣчавшихся, со стороны кагаловъ, злоупотребленій, по завѣдыванію и распоряженію общественными суммами евреевъ.

Вникая ближе въ Положеніе 1804 г. и содержащіяся въ немъ постановленія, нельзя не усмотрѣть, что они носятъ на себѣ отпечатокъ той же *исключительности*, по отношенію къ евреямъ, какою правительство, вопреки законодательнымъ о нихъ предначертаніямъ Императрицы Екатерины II, руководствовалось, съ самаго начала вступленія евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей возсоединенной съ Россіею Бѣлоруссіи. Комитетъ, составлявшій Положеніе, дѣйствовалъ, какъ уже сказано выше, подъ предсѣдательствомъ бывшаго тогда Министромъ Юстиціи Державина, который имѣлъ случай лично ознакомиться съ положеніемъ евреевъ въ Бѣлоруссіи, вслѣдствіе своей командировки туда, въ началѣ царствованія Императора Павла I. Бытъ евреевъ, въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, не могъ не быть хорошо извѣстнымъ и для двухъ другихъ членовъ Комитета: Князя Чарторыйскаго и Графа Северина Потоцкаго, какъ польскихъ магнатовъ. Не взирая на это, нельзя сказать, чтобы самъ Державинъ и прочіе члены Комитета были вполнѣ чужды господствовавшимъ, въ то время, общимъ предубѣжденіямъ противъ евреевъ и чтобы они въ составленныхъ себѣ, по личнымъ впечатлѣніямъ, понятіяхъ о евреяхъ вполнѣ различали слѣдствія отъ самихъ причинъ. Обнаруживавшіяся. впослѣдствіи, въ царствованіе же Императора Александра I, какъ мы увидимъ

ниже, безуспѣшность и безполезность многихъ изъ содержащихся въ Положеніи мѣръ, весьма строгаго характера, могутъ служить доказательствомъ этому. Оставленіе Положеніемъ въ силѣ прежнихъ мѣръ репрессивнаго свойства и принятіе новыхъ даютъ право заключать, что многія явленія, объяснявшіяся, въ дѣйствительности, естественнымъ положеніемъ вещей, относились членами Комитета, по прежнему, преимущественно, къ племеннымъ свойствамъ евреевъ и предполагавшемуся въ нихъ, по ихъ вѣрованіямъ, враждебному настроенію къ окружавшему ихъ населенію христіанъ. Съ этой точки зрѣнія, замѣчавшійся фактъ преобладанія евреевъ въ мѣстной торговлѣ и конкурренція, съ ихъ стороны, объяснялись, какъ и прежде, захватомъ ими торговли въ свои руки, съ преднамѣренной цѣлію оттѣсненія отъ нея христіанъ и ихъ эксплоатаціи; родъ занятій евреевъ, преимущественно посредническаго характера—естественнымъ отвращеніемъ ихъ отъ воздѣлыванія земли и вообще отъ всякаго труда, требовавшаго приложенія физическихъ силъ; развившееся въ Бѣлоруссіи среди простаго класса людей пьянство—близкими соотношеніями евреевъ съ людьми сельскихъ состояній, вслѣдствіе проживательства евреевъ въ селахъ и деревняхъ и содержанія ими тамъ арендъ, корчемъ и шинковъ, и т. п.

Поэтому, составители Положенія, въ виду ихъ прямой задачи—изысканія способовъ и средствъ къ ограждепію кореннаго населенія отъ злоупотребленій со стороны евреевъ, не озаботились вникнуть ближе въ соотвѣтственность или несоотвѣтственность, съ мѣстными и общими интересами государства, правоваго въ немъ положенія евреевъ, оставивъ, безъ всякаго обсужденія, допущенную правительствомъ исключительность по отношенію къ нимъ, совпадавшую, какъ нужно полагать, съ собственными на евреевъ взглядами членовъ Комитета, какъ на народъ чужеземный и не принадлежащій къ числу коренныхъ обывателей страны. Поэтому, въ составителяхъ Положенія явилась мысль, не нарушая формально свободы еврейскаго вѣроисповѣданія и его прерогативы существованія въ государствѣ, въ лицѣ отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ, съ правомъ ихъ кагальной организаціи, и не лишая евреевъ возможности пользоваться даже внѣшними признаками отдѣльной національности, по языку и одеждѣ, принять рѣшительныя и, по мнѣнію тѣхъ лицъ, вполнѣ цѣлесообразныя мѣры къ возможно скорѣйшему очищенію отъ евреевъ селъ и деревень, а слѣдовательно, къ сосредоточенію ихъ массъ, исключительно, въ городахъ губерній, гдѣ имъ было дозволено жить, съ одновременнымъ привлеченіемъ евреевъ

къ общему образованію и направленіемъ ихъ дѣятельности къ земледѣлію и фабричному производству, путемъ разнаго рода поощреній, которыя, по ихъ взгляду, могли расположить евреевъ, какъ къ просвѣщенію себя, такъ и къ болѣе производительному роду занятій. Средствомъ для достиженія первой изъ вышесказанныхъ цѣлей, — очищенія отъ евреевъ селъ и деревень — Комитетомъ было избрано принудительное ихъ выселеніе оттуда въ города, съ назначеніемъ для этого извѣстнаго срока; при чемъ, для побужденія мѣстныхъ властей и самихъ помѣщиковъ къ строгому приведенію этой мѣры въ исполненіе, безъ всякихъ послабленій, а евреевъ — къ неуклонному подчиненію себя сей, Комитетомъ признано полезнымъ и справедливымъ установить мѣры взысканій, заключавшіяся, по отношенію къ мѣстнымъ властямъ, въ денежныхъ штрафахъ и отрѣшеніяхъ отъ должностей, а по отношенію къ помѣщикамъ и самимъ евреямъ, кромѣ штрафовъ, въ лишеніяхъ выгодъ, сопряженныхъ съ неприкосновенностью правъ частной собственности и личной свободы, въ видѣ учрежденія опекъ надъ владѣльцами населенныхъ имѣній, уничтоженія обязательной силы контрактовъ и договоровъ, вывода евреевъ изъ ихъ жилищъ, ихъ ссылки въ Сибирь на поселеніе, и т. п. Что касается второй цѣли—привлеченія евреевъ къ общему образованію, а относительно рода занятій, къ земледѣлію и фабричному производству, Комитетомъ признано возможнымъ ея достиженіе путемъ поощрительныхъ мѣръ, такихъ, какъ открытіе для евреевъ общихъ учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и даже нѣкоторыхъ высшихъ, внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости, съ правомъ полученія, въ этихъ послѣднихъ, ученыхъ степеней, а по отношенію къ тѣмъ евреямъ, которые пожелали бы заняться земледѣліемъ и фабричнымъ производствомъ, посредствомъ мѣръ поощренія такого рода, какъ денежныя пособія, надѣленіе казенными землями и дарованіе сказаннымъ евреямъ, въ видѣ исключительныхъ льготъ, особыхъ отъ прочихъ ихъ единовѣрцевъ правъ и преимуществъ, по правамъ жительства въ Россіи и выгодамъ въ отбываніи государственныхъ податей и повинностей.

Причины, почему такія мѣры, по видимому, поощрительнаго характера не имѣли и не могли имѣть успѣха, будетъ видно изъ данныхъ, которыя приводятся ниже. Здѣсь же необходимо, предварительно, обратить вниманіе, на условія, въ какихъ всѣ вообще евреи въ Россіи, по своимъ правамъ состоянія, остались и послѣ изданія, въ 1804 году, Положенія о нихъ.

По точному смыслу всѣхъ приведенныхъ выше и содержащихся въ Положеніи постановленій, установленными въ нихъ льготами и преимуществами, расширявшими, съ извѣстной степени, гражданскія права евреевъ, могли воспользоваться лишь тѣ изъ нихъ, которые стали бы помѣщать своихъ дѣтей въ существовавшія тогда общія учебныя заведенія, окончили бы въ нихъ курсъ, или обратились бы къ земледѣлію и фабричному производству, или, наконецъ, которые по дѣламъ коммерческимъ, «для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства въ ремеслахъ и фабрикахъ», были бы допущены къ временному пріѣзду въ внутреннія губерніи Россіи и столицы. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что права состоянія общей массы евреевъ, такими расширеніями правъ, въ сущности, ни въ чемъ не измѣнились и что, слѣдовательно, правовое положеніе евреевъ въ государствѣ осталось, на самомъ дѣлѣ, въ прежнемъ видѣ.

Оно являлось, съ тѣмъ же характеромъ различій въ правахъ, который присвоивался этимъ различіямъ, съ одной стороны, ограниченіями въ правахъ, а съ другой – прерогативою существованія евреевъ въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ, имѣвшихъ свою особую организацію, которая, въ общественномъ отношеніи, разъединяла ихъ съ прочими подданными.

Хотя въ постановленіяхъ Положенія замѣчалась какъ бы особая заботливость, относительно формальнаго обезпеченія за евреями свободы вѣроисповѣданія, но если принять въ соображеніе, что возможность для нихъ совершеннаго выхода изъ подъ дѣйствія исключительныхъ о нихъ узаконеній обусловливалась, по прежнему, принятіемъ ими христіанской вѣры, относительно чего, какъ мы увидимъ ниже, правительствомъ принимались и особыя поощрительныя мѣры, то нельзя не прійти къ заключенію, что въ основаніи исключительнаго положенія, въ какое были поставлены евреи, продолжала лежать скрытая мысль ихъ побужденія, невыгодами такого положенія, къ измѣненію закона своей вѣры.

Одновременно съ этимъ скрытымъ поводомъ дѣйствія, остался въ силѣ другой, созерцательнаго же характера, поводъ дѣйствія, обнаруживавшійся болѣе явственнымъ образомъ, вслѣдствіи его выраженія, тогда, въ самихъ правительственныхъ мотивахъ—это взглядъ на евреевъ, какъ на особую націю, для членовъ которой Россія не есть и не можетъ быть отечествомъ. Этотъ взглядъ, въ смыслѣ внесеннаго въ правительственную сферу мотива, усматривается осязательнымъ образомъ,

какъ изъ 42 ст. Положенія, въ которой, при объясненіи о правѣ евреевъ на покровительство русскихъ законовъ, не сдѣлано никакого различія между евреями чужестранными и обитающими въ Россіи, въ качествѣ ея подданныхъ, такъ и изъ тѣхъ постановленій этого же Положенія, въ которыхъ замѣчается особая правительственная заботливость о сохраненіи за евреями, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, правъ на усвоенные ими языкъ и одежду, въ предположеніи, что они составляютъ необходимые аттрибуты ихъ національнаго быта [1]). Равнымъ образомъ, сказанный взглядъ усматривается и изъ встрѣчающагося въ государственныхъ актахъ и оффиціальныхъ бумагахъ, того времени, формальнаго наименованія живущихъ въ Россіи евреевъ «особымъ народомъ», въ смыслѣ такого, который къ числу коренныхъ обывателей не принадлежитъ. Это видно, между прочимъ, и изъ Именнаго Указа 9 декабря 1804 г., при которомъ вышесказанное Положеніе препровождено въ Сенатъ, для его распубликованія и приведенія въ исполненіе (П. С. З. т. XXVIII, № 21547). Наконецъ, явственный признакъ взгляда на евреевъ, какъ на особый народъ, имѣется еще въ спеціальномъ учрежденіи, въ 1817 году, посредствующихъ между нимъ и правительствомъ органовъ, по дѣламъ, не только религіознымъ, но и гражданскимъ, въ лицѣ «Еврейскихъ Депутатовъ», утверждавшихся въ ихъ званіи Высочайшею властію (П. С. З. т. XXXIV, № 27106, § 5, В, и § 151).

Укоренившійся у насъ, въ правительственной сферѣ, обычай не присвоивать евреямъ значенія коренныхъ обывателей страны, невзирая на древнюю ихъ осѣдлость въ мѣстахъ и областяхъ, составляющихъ съ прочими частями государства нашу единую и нераздѣльную Русь, поддерживается вѣрованіями, совпадающими съ вѣрованіями о себѣ и самихъ евреевъ, что всѣ они, какъ выходцы изъ Палестины, должны, рано или поздно, возвратиться туда, что тамъ же, въ Палестинѣ, рано или поздно, должно возстановиться ихъ царство, и что, поэтому, въ русской странѣ, какъ и другихъ христіанскихъ, они суть

---

[1]) Въ средніе времена имѣлись примѣры, что отъ евреевъ требовалось ношеніе особой одежды, вслѣдствіе чего этотъ обычай могъ и укорениться среди евреевъ. Что касается усвоеннаго ими нарѣчія, представляющаго смѣсь еврейскихъ словъ, съ нѣмецкими и польскими, то оно не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ еврейскимъ языкомъ, обратившимся въ мертвый и доступный, нынѣ, лишь ученымъ, занимающимся еврейскою литературою.

только пришельцы, имѣющіе лишь временное, здѣсь или тамъ, пребываніе, хотя оно и продолжается уже многіе вѣка.

Понятія и взгляды этого рода, какъ чисто духовнаго содержанія, казалось бы, не должны были имѣть значеніе государственныхъ мотивовъ къ принятію того или другаго образа дѣйствія, относительно евреевъ, особенно со времени признанія ихъ подданными государства. Предлогомъ къ этому менѣе всего могло служить предположеніе, что евреи, по ихъ вѣрованіямъ, сами не желаютъ признавать себя гражданами страны; такъ-какъ религіозный взглядъ на себя иновѣрной народности, вошедшей въ составъ общаго народонаселенія и не принадлежащей къ числу *степныхъ* или *кочующихъ*, не можетъ служить основаніемъ къ изъятію ея изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ, согласно съ предполагающимися собственными ея понятіями и взглядами на себя. Придавать подобнымъ взглядамъ и понятіямъ какое либо значеніе въ гражданской области—это значитъ упускать изъ вида, что хотя между созерцательными взглядами народныхъ вѣрованій и внѣшними проявленіями жизни могутъ быть нѣкоторыя соотношенія, но что вліяніе первыхъ на вторыя всегда имѣютъ, однако, свои границы. Пища, кровъ, одежда и достиженіе извѣстнаго, для удовлетворенія такихъ потребностей, матеріальнаго достатка низводятъ каждаго, весьма быстро, изъ области созерцаній въ область земныхъ фактовъ и ставятъ его съ ними лицомъ къ лицу, особенно человѣка, преданнаго своему дѣлу и интересу, каковымъ является почти каждый еврей. Это соображеніе, а также опытъ иностранныхъ державъ, гдѣ среди евреевъ, уравненныхъ въ правахъ съ прочими подданными, не замѣчается никакихъ стремленій къ общественной отчужденности среди прочаго населенія, даютъ право заключать, что правительственныя убѣжденія о необходимости общественнаго разъединенія евреевъ съ прочими подданными, вслѣдствіе исключительныхъ взглядовъ евреевъ на себя, религіозно-политическаго характера, не имѣли прежде, не имѣютъ и теперь никакого практическаго значенія. Между тѣмъ, стремленіе, въ правительственной сферѣ, къ возведенію такого рода понятій и взглядовъ на степень государственныхъ мотивовъ, не только въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но и въ настоящее даже время, есть фактъ, который подтверждается множествомъ данныхъ, содержащихся въ «Матеріалахъ» бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ [1]).

---

[1]) Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особое вниманіе записка одного изъ

Но если введеніе въ законодательную область вышесказанныхъ созерцательныхъ воззрѣній на евреевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, какъ на чужеземный народъ, не находитъ достаточныхъ основаній, то едва ли, съ другой стороны, было бы справедливымъ ставить въ укоръ евреямъ, если среди нихъ, до воспослѣдованія, въ царствованіе Императора Николая Павловича, нѣсколько болѣе существенныхъ преобразованій въ ихъ гражданскомъ бытѣ, проявлялось нѣкоторое, быть можетъ, упорство, относительно исключительныхъ взглядовъ на себя. Явленіе это находило естественную поддержку въ порядкѣ, какому они были тогда подчинены.

Законодательнымъ актомъ 1804 года, общее положеніе евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, было скорѣе ухудшено, чѣмъ улучшено.

Хотя въ 42 ст. Положенія о нихъ было объяснено, что евреи, въ Россіи обитающіе, вновь поселяющіеся, или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ, наравнѣ съ другими подданными, но самый смыслъ этого постановленія и его характеръ исключительной льготы, ясно указываетъ, что правительство, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ взглядовъ, присвоивало имъ, по прежнему, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, значеніе какихъ-то иноземныхъ людей, къ коренному населенію какъ бы не принадлежащихъ, за которыми не признавалось, слѣдовательно, никакихъ природныхъ правъ вполнѣ натурализованнаго класса гражданъ. Это подтверждается и тѣмъ, что всѣ предоставленныя имъ Положеніемъ права, не смотря на ихъ тѣсный объемъ и принадлежность многихъ изъ нихъ къ числу естественнѣйшихъ для каждаго гражданина, дарованы имъ, равнымъ образомъ, не иначе, какъ въ видѣ исключительныхъ какъ бы льготъ, названныхъ въ самомъ Положеніи «преимуществами». Люди же, которые, живя въ государствѣ, могли существовать въ немъ, образовывать себя и отыскивать себѣ средства къ пропитанію, не на основаніи общихъ о томъ

Членовъ Коммисіи, подъ заглавіемъ: „По вопросу объ отношеніяхъ правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ". Въ этой запискѣ, хотя и содержатся весьма правильные выводы и заключенія, относительно принципа невмѣшательства, со стороны правительства, въ религіозныя дѣла евреевъ, но вмѣстѣ проводится идея о невозможности подчиненія евреевъ дѣйствію общихъ законовъ, между прочимъ, именно по поводу ихъ религіозно-политическихъ взглядовъ на себя.

узаконеній, а по особымъ правамъ, дарованныхъ имъ въ смыслѣ исключительныхъ какихъ-то льготъ и преимуществъ, съ которыми сопряжено, въ то же время, понятіе какъ бы объ ихъ временности или срочности, не могли, очевидно, и признавать себя природными или коренными обывателями страны. Къ тому же, прежнія узаконенія, ставившія всѣхъ, вообще, евреевъ, которые не были въ состояніи платить въ казну двойнаго оклада податей, въ положеніе бродячихъ чужеземцевъ, вновь изданнымъ Положеніемъ, прямымъ образомъ, отмѣнены не были, а потому оставались въ полной ихъ силѣ, со всѣми невыгодными для евреевъ послѣдствіями, относительно ихъ спокойнаго существованія въ государствѣ. Къ усугубленію какъ бы всей тяжести такого положенія евреевъ, законъ 1804 года, какъ это видно изъ 48 его статьи, подчинилъ всѣхъ ихъ, вообще, непосредственной власти городской полиціи и тогдашнихъ городничихъ, открывъ, такимъ образомъ, мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ еще больший, сравнительно съ прежнимъ временемъ, просторъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ надъ личностію и имуществомъ каждаго еврея. При этомъ, всѣхъ безпаспортныхъ евреевъ, какъ это видно изъ предыдущей 46 ст. Положенія, было предоставлено полиціи отсылать административнымъ порядкомъ, по своему усмотрѣнію, въ *степныя* мѣста, которыя имѣли быть для того назначенными. Наконецъ, содержавшіяся въ Положеніи постановленія о мѣрахъ принудительнаго выселенія евреевъ изъ ихъ жилищъ въ деревняхъ и селахъ уничтожали, въ самомъ основаніи, силу и дѣйствительность содержавшихся въ 42 и 43 ст. Положенія постановленій о неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ.

Изъ этихъ условій гражданскаго быта евреевъ, достаточно усматривается, въ какомъ тяжкомъ и удрученномъ положеніи они должны были находиться въ началѣ настоящаго столѣтія.

Хотя же права ихъ Положеніемъ 1804 года нѣсколько какъ-бы расширены, дарованіемъ имъ права образованія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, права награжденія ихъ учеными степенями, права пріобрѣтенія въ собственность земель и поселенія на казенныхъ земляхъ, для занятія земледѣліемъ, какъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и внѣ оной (въ губерніи Астраханской и тогдашней Кавказской), права освобожденія всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ заниматься земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, фабричною промышленностію и ремеслами, отъ платежа двойныхъ податей,

права пользованія нѣкоторыми изъ ихъ фабрикантовъ денежными ссудами и права, въ извѣстныхъ случаяхъ, временнаго пріѣзда для ихъ купцовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, въ внутреннія губерніи и столицы; но всѣ эти права, дарованныя евреямъ въ видѣ поощрительныхъ льготъ, къ образованію и полезнымъ занятіямъ, остались, бóльшею частію, безъ пользы для нихъ и для государства; причемъ многія изъ такихъ льготъ не носили, въ сущности, справедливаго характера, такъ-какъ, для предположенія, что они, дѣйствительно представляютъ для евреевъ, расширеніе ихъ гражданскихъ правъ необходимо было предположить, что, по дарованіи евреямъ, при вступленіи ихъ въ русское подданство, правъ гражданства, соотвѣтствующія тѣмъ льготамъ права были подвергнуты, за симъ, ограниченіямъ, на основаніи законодательныхъ о томъ постановленій Высочайшей власти, чего, по появленіи ограничительныхъ даже узаконеній о правахъ жительства евреевъ въ Россіи, не было, однако, на самомъ дѣлѣ, по отношенію, напримѣръ, къ ихъ праву, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, обученія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, праву пріобрѣтенія земель, праву занятія на нихъ земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, праву фабричнаго производства, праву найма рабочихъ людей, безъ различія вѣроисповѣданій, и т. п. Причиною же безуспѣшности вышесказанныхъ поощрительныхъ мѣръ, прежде всего, была крайняя нищета всѣхъ почти евреевъ. Отягощенные платежемъ двойныхъ податей, отправленіемъ рекрутской повинности, исключительно, денежнымъ образомъ, произвольными сборами, устанавливавшимися ихъ кагалами на нужды вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ, въ особенности, упомянутымъ выше коробочнымъ сборомъ, евреи находились, кромѣ того, въ весьма тяжкихъ обязательныхъ отношеніяхъ съ крупными и мелкими чиншевыми владѣльцами, преимущественно, изъ польской шляхты, которая, какъ видно изъ Высочайше утвержденнаго 30 іюня 1808 года доклада Министра Внутреннихъ Дѣлъ (Графа Кочубея), въ свою очередь, находилась въ разоренномъ состояніи *) и старалась, поэтому, вымогать послѣднее отъ евреевъ, которые, на земляхъ шляхты, какъ видно, составляли для нея какъ-бы экономическую статью дохода. Это допускалось мѣстными властями и самимъ правительствомъ не на основа-

*) Въ докладѣ этомъ сказано, между прочимъ, „сей классъ людей (чиншевая шляхта) весьма многочисленъ. Всѣ почти они въ такой бѣдности, что знатная часть ихъ живутъ отъ одного, можно сказать, подаянія“.....

ніи постановленій русскаго законодательства, но въ смыслѣ какъ-бы обычнаго права, установившагося на основаніи прежнихъ польскихъ статутовъ. Всѣ чиншевые владѣльцы, еще до возсоединенія польскихъ провинцій съ Россіею, имѣли право, въ принадлежавшихъ имъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ еврейское населеніе, преимущественно, было сосредоточено, облагать евреевъ, въ свою пользу, разными сборами, подобными коробочному. Такъ, чиншевому сбору, въ чертѣ частныхъ владѣній, подвергались: право питейной продажи, дома, лавки и склады, убой скота, каждая нагруженная товаромъ лошадь, вступавшая въ черту города или мѣстечка, заводы, мельницы и другія промышленныя заведенія, каждая штука скота, приводимая на продажу и т. п. Въ однихъ юго-западныхъ частяхъ пространства, находившагося подъ владычествомъ Польши, насчитывалось чиншевыхъ городскихъ поселеній около 350; поэтому, можно себѣ представить, говоритъ Журавскій въ своемъ статистическомъ описаніи Кіевской губерніи, какъ великъ былъ, вообще, сборъ съ евреевъ всего Западнаго края въ пользу чиншевыхъ владѣльцевъ. Въ одномъ Бердичевѣ сборъ этотъ приносилъ доходу чиншевому владѣльцу до 70,000 р. въ годъ. Обычное право чиншевыхъ сборовъ съ евреевъ не было, въ то время, отмѣнено, въ законодательномъ порядкѣ; при изданіи же Положенія 1804 г. о евреяхъ, какъ это видно изъ 50 его ст., оно ограничено, въ смыслѣ законодательнаго воспрещенія, лишь по отношенію къ сбору за право «раввинства».

Изъясненныя обстоятельства не могли, конечно, не повлечь за собою развитія среди евреевъ крайняго изнуренія, нищеты и пролетаріата, съ самаго почти начала принятія ихъ въ русское подданство, что подтверждается, между прочимъ, удостовѣреніемъ факта нахожденія евреевъ къ этомъ положеніи Державинымъ, обозрѣвавшимъ бѣлорусскій край, какъ сказано выше, въ началѣ царствованія Императора Павла I.

Поддержаніе среди евреевъ нищеты и пролетаріата, съ экономической и финансовой точки зрѣнія, не могло, казалось, быть полезнымъ, ни для государства, ни для мѣстностей, гдѣ евреи имѣли постоянную осѣдлость, и не могло, поэтому, представлять вѣрное и надежное средство къ направленію сосредоточивавшихся въ евреяхъ торговыхъ и промышленныхъ силъ, съ выгодою для общихъ и мѣстныхъ интересовъ государства.

Но правительство, какъ бы не отдавая себѣ яснаго объ этомъ отчета, продолжало дѣйствовать не къ устраненію, а къ сохраненію всѣми мѣрами этого положенія евреевъ, столь же тяжкаго и бѣдствен-

наго для нихъ, какъ и для мѣстнаго населенія, и едва ли представлявшаго какую либо пользу для повсемѣстнаго благосостоянія въ государствѣ, для котораго, по началамъ здравой политики, не можетъ, конечно, быть расчета имѣть въ составѣ своего народонаселенія милліонную массу людей, съ организаціей, ее деморализующею и истощающею, въ матеріальномъ отношеніи.

Между тѣмъ, всѣ усилія правительства были направлены какъ бы именно къ этому.

При сказанной бѣдности евреевъ, бѣднѣйшіе изъ нихъ, по своей скученности въ городахъ и мѣстечкахъ, стали, естественно, искать себѣ средствъ къ пропитанію въ деревняхъ и селахъ.

Помѣщики, преимущественно изъ польской шляхты, не имѣя возможности съ успѣхомъ лично заниматься своимъ хозяйствомъ и другихъ способовъ къ увеличенію доходности своихъ имѣній, какъ посредствомъ винокуренія и отдачи въ арендное содержаніе своихъ земель, винокуренныхъ заводовъ, корчемъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, съ правомъ продажи въ нихъ питей, воспользовались такими евреями, какъ людьми вообще смышлеными и оборотливыми. Это значительно облегчало, относительно средствъ къ жизни, въ городахъ какъ евреевъ, такъ и горожанъ другихъ исповѣданій, освобождая эти центры отъ вреднаго, въ экономическомъ отношеніи, избытка въ нихъ торговой и промышленной конкурренціи. Сначала, когда русскимъ правительствомъ не было воспрещено евреямъ пребываніе въ деревняхъ и селахъ, то при сказанныхъ условіяхъ, евреи, хотя и бѣдно, но все-таки кое-какъ могли еще существовать.

Между тѣмъ, вышеупомянутый Комитетъ, начертавшій Положеніе 1804 года, приписывая причину развитія въ простомъ народѣ пьянства, исключительно, евреямъ, призналъ необходимымъ постановить мѣру принудительнаго выселенія евреевъ, съ помощію мѣстныхъ властей, изъ деревень и селъ въ города и мѣстечки, безъ указанія, въ то же время, денежныхъ средствъ, для приведенія такой мѣры въ дѣйствіе, но съ строгими требованіями, относительно этого, и назначеніемъ для выселенія евреевъ извѣстнаго срока, а именно, для губерній: Астраханской, Кавказской, малороссійскихъ и новороссійскихъ трехлѣтняго, а для прочихъ губерній — четырехлѣтняго, со дня изданія Положенія. Принятіе такой крутой мѣры, до крайности стѣснительной, какъ для евреевъ, такъ и для владѣльцевъ имѣній, не только, какъ мы увидимъ ниже, безъ всякой существенной пользы, но

отношенію къ цѣли искорененія въ простомъ народѣ пьянства, но съ нѣкоторымъ даже вредомъ, для общихъ успѣховъ тамъ земледѣлія и сельской промышленности, нельзя не отнести къ неудовлетворительному изученію Комитетомъ настоящаго положенія вещей въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, а быть можетъ и къ чувствамъ даже личной неприязни, кромѣ евреевъ, и къ владѣльцамъ населенныхъ имѣній и земельной собственности, изъ мелкаго польскаго дворянства или шляхты.

Всѣмъ членамъ, образовавшимъ Комитетъ, и изъ нихъ въ особенности такимъ польскимъ магнатамъ, какими были князь Чарторыйскій и графъ Потоцкій, хорошо было извѣстно, что предложенная ими мѣра принудительнаго выселенія евреевъ изъ помѣщичьихъ селъ и деревень, падая тяжелымъ гнетомъ на все вообще еврейское населеніе, въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, должно было, въ то же время, нанести сильный ударъ хозяйствамъ польской шляхты, къ общему разстройству экономическаго благосостоянія тамъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и самихъ крестьянъ. Имъ хорошо было также извѣстно, что евреи и помѣщики не пожелаютъ добровольно подчиниться этой мѣрѣ и станутъ прибѣгать къ разнымъ противозаконнымъ дѣйствіямъ, съ цѣлію склоненія на свою сторону мѣстныхъ властей къ разнаго рода послабленіямъ. Это доказывается и строгостью взысканій, постановленныхъ въ положеніи, какъ для евреевъ, такъ и для помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, и заключавшихся въ тяжелыхъ денежныхъ штрафахъ и другихъ мѣрахъ наказанія, такого рода, какъ взятіе имѣній въ опеку, устраненіе арендныхъ поссесоровъ отъ управленія имѣніемъ, отрѣшеніе служащихъ отъ должности, съ воспрещеніемъ впредь имъ права поступленія на службу и ссылка даже евреевъ въ Сибирь на поселеніе.

Такимъ образомъ, съ изданіемъ положенія 1804 г. о евреяхъ, не только имъ, но и значительному числу городовъ и мѣстечекъ, куда они должны были быть выселены, угрожали, въ близкомъ будущемъ, общее раззореніе и пролетаріатъ.

Спрашивается, могъ ли подобный образъ дѣйствія быть вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ и водворенію, вообще, въ краѣ тишины, спокойствія и благосостоянія?

Между тѣмъ, лица, составлявшія положеніе 1804 года, одни съ упущеніемъ изъ вида экономическихъ и политическихъ интересовъ государства, другія не безъ предначѣренія причинить вредъ польской шляхтѣ, успѣли убѣдить правительство въ мысли, что начала, ими принятыя,

слѣдуетъ признать, какъ сказано въ Именномъ указѣ 9 декабря того же года, «весьма справедливыми», а всѣ статьи положенія «сообраз-«ными сколько умѣренности и попеченію объ истинномъ благѣ евреевъ, «столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей тѣхъ «губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется» [1]).

Чрезмѣрный, въ то время, экономическій вредъ мѣры поголовнаго выселенія евреевъ въ города и мѣстечки, изъ деревень и селъ, гдѣ они издавна основали свое жительство, и самая неудобоисполнимость ея были очевидны, для лицъ, бывшихъ близко знакомыми съ краемъ. Но высшее правительство, увѣренное ими, что все это устроится само собою, къ общему благу, твердо настаивало на приведеніи 34 ст. Положенія къ точному исполненію.

По мѣрѣ приближенія назначеннаго для этого срока, положеніе не только евреевъ и владѣльцевъ имѣній, но и самой мѣстной администраціи, становилось, часъ отъ часу, все болѣе и болѣе затруднительнымъ и тяжелымъ.

Сами евреи и владѣльцы имѣній не имѣли ни способовъ, ни, весьма понятно, желанія къ осуществленію сказаннаго переселенія въ такихъ громадныхъ размѣрахъ. Поэтому, для строгаго выполненія этой мѣры къ назначенному сроку, предвидѣлась скорая надобность въ содѣйствіи властей, безъ всякихъ снисхожденій къ просьбамъ евреевъ и ихъ семействъ.

Въ виду насилій, какими выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень необходимо должно было сопровождаться, съ имущественными для нихъ потерями, къ вознагражденію которыхъ правительствомъ не было указано источниковъ и средствъ, а также крайней сомнительности въ пользѣ такой мѣры, не только для городовъ и мѣстечекъ, но и для самихъ селеній, при неудобствахъ, какія она, въ то же время, представляла, по случаю тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, побудили мѣст-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что все Положеніе 1804 г. о евреяхъ, въ составленіи котораго принимали участіе два польскихъ магната, по искусной въ немъ, вводящей въ заблужденіе, замаскировкѣ, рубриками „о правахъ и преимуществахъ“ евреевъ, постановленій и мѣръ, отъ которыхъ, не только нельзя было ожидать пользы, но которыя должны были причинить существенный вредъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ живой примѣръ извѣстной тактики ученія іезуитскихъ орденовъ, говоря о которыхъ, въ своемъ Наказѣ генераламъ Коховскому и Кречетникову, Императрица Екатерина II повелѣла: „наипаче недреманно смотрѣть за ними, яко за коварнѣйшими изъ всѣхъ прочихъ латинскихъ орденовъ“. Крайняя неудовлетворительность этого Положенія сознана, нѣсколько позднѣе, какъ мы увидимъ ниже, и самимъ правительствомъ.

ныя губернскія начальства войти съ ходатайствами, если не объ отмѣнѣ ея, то, по крайней мѣрѣ, объ ея отсрочкѣ на болѣе продолжительное время. Съ такими же ходатайствовами обратились и нѣкоторыя еврейскія общества.

Вслѣдствіе этого, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о собраніи въ губерніяхъ, гдѣ евреямъ жить дозволено, депутатовъ, какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны помѣщиковъ, для истребованія отъ нихъ объясненій о способахъ приведенія, сколь возможно успѣшнѣе, Положенія о евреяхъ въ точное исполненіе.

Въ объясненіяхъ тѣхъ депутатовъ, представленныхъ на Высочайшее воззрѣніе Военнымъ Губернаторомъ Каменецъ-Подольска Эссеномъ, было изложено, что помѣщики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи имѣютъ жительство, бывъ заняты, въ то время, по случаю войны, отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію жившихъ у нихъ евреевъ, въ назначенный срокъ, и что сами евреи, по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ и по крайней бѣдности большей ихъ части, при платежѣ ими двойныхъ податей, возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе жизненные предметы, а также вслѣдствіе отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, не могли принять достаточныхъ мѣръ къ пріисканію земель, къ заведенію фабрикъ и къ переселенію изъ селъ и деревень. Почему, сказанные депутаты и, согласно съ ихъ мнѣніемъ, мѣстныя начальства, какъ и прежде, ходатайствовали объ отсрочкѣ переселенія евреевъ на нѣсколько лѣтъ и о совершенной даже отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Положенія 1804 года.

По поводу этого, 19 октября 1807 г. воспослѣдовалъ, на имя Военнаго Губернатора Эссена, другой именной указъ, въ которомъ сказано, что хотя «обстоятельства, съ войною сопряженныя, могли дѣйствительно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ затруднить и пріостановить переселеніе евреевъ въ теченіи срока, въ Положеніи предположенномъ, но затрудненія сіи могутъ быть на будущее время отвращены мѣрами постепенности и удобнѣйшаго въ переселеніи распорядка, безъ отмѣны общаго Положенія, коего дѣйствіе, для *благосостоянія обывателей тѣхъ губерній и для собственнаго благоустройства «еврейскаго народа»*, признано необходимымъ.

На этомъ основаніи, этимъ же Именнымъ указомъ, переселеніе евреевъ отсрочено на три года, начиная съ 1 января 1808 года и установленъ особый распорядокъ, съ тѣмъ, что бы согласно съ нимъ,

переселеніе евреевъ было произведено безъ малѣйшаго отлагательства и послабленія. Распорядокъ заключался въ томъ, чтобы подъ особымъ надзоромъ и попеченіемъ военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, ежегодно, въ теченіи трехъ лѣтъ, переселялась въ города третья часть евреевъ, живущихъ въ деревняхъ и селахъ, такъ, чтобы, по истеченіи трехъ лѣтъ, никого изъ нихъ тамъ не оставалось. Распредѣленіе евреевъ на партіи, для ежегоднаго ихъ выселенія, должно было производиться лично начальниками губерній, съ помощію губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ, по переписи евреевъ, предполагавшейся уже оконченною, на основаніи 30 и 31 ст. Положенія, съ тѣмъ, чтобы предназначеніе партій евреевъ къ выселенію было изготовляемо въ теченіи двухъ первыхъ мѣсяцевъ наступающаго года, а списки евреевъ, каждой изъ такихъ партій, сообщаемы, въ исходѣ февраля, Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ порядкѣ назначенія партій было предписано, чтобы къ выселенію прежде всего назначались евреи, имѣющіе въ городахъ и мѣстечкахъ свои дома, за тѣмъ евреи, въ мѣстахъ, гдѣ они содержали наибольшее число шинковъ и корчемъ, такъ, чтобы ежегодно третья ихъ часть освобождалась отъ нихъ, а по истеченіи трехъ лѣтъ и всѣ они были освобождены отъ евреевъ; въ имѣніяхъ же, гдѣ содержалась евреемъ одна корчма, было предоставлено выводить его оттуда на второй или на третій годъ срока, по усмотрѣнію мѣстнаго начальства; если же въ имѣніи было нѣсколько корчемъ и шинковъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, то предписано наблюдать, чтобы изъ нихъ всѣ евреи выселялись разомъ, въ предупрежденіе подрыва въ торговлѣ однимъ помѣщикамъ передъ другими. Съ начала 1808 года было запрещено этимъ послѣднимъ принимать къ себѣ вновь евреевъ или возвращать уже высланныхъ, но разрѣшено корчмы и шинки отдавать въ содержаніе другимъ лицамъ, изъ чего можно заключить, что въ то время, за польскими помѣщиками какъ бы не признавалось на ихъ корчмы и шинки права полной собственности, съ которымъ нераздѣльно право свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ. Кромѣ всего сказаннаго, помѣщикамъ и мѣстному начальству, подъ страхомъ штрафовъ и взысканій, опредѣленныхъ 38 и послѣдующими статьями Положенія, было строго вмѣнено въ обязанность, чтобы назначенные къ переселенію евреи, въ срочный годъ, ни подъ какимъ уже видомъ, въ селахъ и деревняхъ, откуда выселялись, терпимы не были. Для того же, чтобы открыть и обнадежить еще болѣе способы къ переселенію евреевъ, повелѣно

учредить, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, особые комитеты, которымъ вмѣнено въ обязанность принимать всѣ мѣры, чтобы переселеніе это производилось безъ малѣйшаго послабленія и остановки. Въ дожность членовъ комитета было повелѣно назначать лицъ изъ дворянъ, особое довѣріе заслуживающихъ и не иначе, какъ съ утвержденія Высочайшей власти. Гражданскимъ губернаторамъ предписано о партіяхъ евреевъ, назначенныхъ къ переселенію, вносить въ тѣ комитеты списки, съ приложеніемъ особыхъ списковъ о тѣхъ евреяхъ, которые, по ихъ бѣдности, не были бы въ состояніи своими средствами размѣститься по городамъ и мѣстечкамъ. Въ видахъ ближайшаго облегченія способовъ переселенія, Комитеты были обязаны предлагать *кагаламъ дѣлать денежныя складки*, для пособія переселенцамъ, поощрять помѣщиковъ, чтобы они, руководствуясь правилами Положенія, основывали на своихъ земляхъ колоніи изъ евреевъ и заводили фабрики, входить съ представленіями о пособіяхъ, какія отъ правительства нужны будутъ, поощрять также и евреевъ, имѣющихъ капиталы, къ учрежденію фабрикъ, наконецъ, представлять заблаговременно объ отводѣ казенныхъ земель, въ губерніяхъ новороссійскихъ, Астраханской и Кавказской, и о запмообразныхъ для этого ссудахъ евреямъ, для которыхъ не нашлось бы удобнаго помѣщенія въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, на основаніи 17 ст. Положенія, всѣ прочія постановленія котораго повелѣно строго соблюдать, безъ всякаго послабленія (П. С. З. т. XXIX. № 22,651).

Такая сложная операція, по переселенію евреевъ, затруднялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что переписи евреямъ, на основаніи Положенія о нихъ, какъ видно изъ Сенатскаго указа 24 февраля 1808 г., въ то время, не было еще произведено, такъ точно, какъ не было установлено надлежащаго еще порядка, относительно видовъ евреевъ, съ точнымъ обозначеніемъ въ нихъ ихъ званія, фамиліи и имени (П. С. З. т. XXX, № 22,837).

Въ тотъ самый годъ, когда, по вышеизложенному распорядку, должно было начаться выселеніе евреевъ, воспослѣдовала мѣра, которая угрожала евреямъ неменьшею опасностью для ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, съ цѣлію умноженія и усиленія въ Западномъ краѣ выдѣлки суконъ, потребныхъ для снабженія арміи и войска, объяснилъ, между прочимъ, что по недостатку средствъ, и у правительства и у евреевъ, вслѣдствіе господствующей среди ихъ

общей нищеты, для осуществленія предписанныхъ мѣръ къ ихъ переселенію, изъ деревень и селъ, въ города и мѣстечки, а также въ виду затрудненій, какія встрѣчаются на фабрикахъ, гдѣ выдѣлываются простыя солдатскія сукна, въ пріисканіи достаточнаго числа рабочихъ, было бы весьма полезнымъ обратить туда евреевъ, предназначенныхъ къ переселенію, съ припискою ихъ къ фабрикамъ, въ родѣ крѣпостныхъ людей, гдѣ они, по мнѣнію Министра, нашли бы для себя тотчасъ же жилища и вѣрное пропитаніе; въ случаѣ же неизъявленія ими на то добровольнаго желанія, *побудить ихъ къ тому*, *черезъ мѣстное начальство*, т. е., другими словами, водворять ихъ на фабрикахъ насильственнымъ образомъ, не принимая даже въ расчетъ согласія или несогласія на то самихъ владѣльцевъ фабрикъ. Точно такимъ же образомъ, онъ, Министръ, предполагалъ распорядиться и съ чиншевою польскою шляхтою, въ виду тоже крайней ея бѣдности. Изъ вѣдомости же, представленной имъ при своемъ докладѣ о суконныхъ фабрикахъ, существовавшихъ, въ то время, въ губерніяхъ: Волынской, Литовско-Гродненской, Минской, Подольской, Витебской и Кіевской, усматривалось, что во всѣхъ этихъ губерніяхъ такихъ фабрикъ было числомъ всего 26, изъ которыхъ 7 принадлежали евреямъ.

Для умноженія числа такихъ фабрикъ въ Россіи, Министръ предполагалъ учредить ихъ, посредствомъ евреевъ же, въ губерніяхъ малороссійскихъ, новороссійскихъ, Астраханской и Кавказской, съ выдачею имъ для того денежныхъ пособій; причемъ въ всеподданѣйшемъ докладѣ не было приведено соображеній, будетъ ли, по условіямъ сбыта сукна, учрежденіе тамъ сказанныхъ фабрикъ представлять какія либо выгоды для учредителей, которые воспользовались бы заимообразною ссудою денежнаго пособія. Вмѣстѣ съ симъ, предполагалось также, для выработки суровья и снабженія имъ суконныхъ фабрикъ, учредить центральныя правительственныя фабрики, одну въ Черниговской, а другую въ Пензенской губерніи, съ употребленіемъ на нихъ въ работы тоже приписныхъ евреевъ. Наконецъ, для облегченія и поощренія развитія суконнаго производства, предлагалось разрѣшить купцамъ, фабрикантамъ и всѣмъ вообще желавшимъ заводить суконныя фабрики право покупки крестьянъ, съ припискою ихъ также къ фабрикамъ, на извѣстное число лѣтъ, и съ нѣкоторыми для такихъ крестьянъ льготами, относительно рекрутской повинности. Докладъ этотъ Высочайше утвержденъ, во всѣхъ его частяхъ, 30 Іюня 1808 г. (П. С. З. XXX, № 23132).

Такимъ образомъ, мѣры, предложенныя въ этомъ докладѣ и правительствомъ принятыя, заключались, ни болѣе, ни менѣе, какъ въ закрѣпощеніи, для пользы фабричнаго производства, части еврейскаго населенія, и въ распространеніи, съ этою же цѣлію, правъ крѣпостнаго владѣнія людьми на состоянія, которыя не принадлежали къ числу привилегированныхъ, тогда-какъ рабство и крѣпостное право начали, и въ то время, являться, въ понятіяхъ, формами, неудовлетворявшими уже чувствамъ справедливости и потребностямъ времени.

Имѣли ли предложенныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ мѣры успѣхъ, на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ—неизвѣстно; но вскорѣ послѣ этого, а именно 23 Декабря того же 1808 г., другимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, княземъ Куракинымъ, всеподданнѣйше поднесена Государю особая записка, въ которой была изложена сущность всѣхъ донесеній мѣстныхъ начальствъ о затрудненіяхъ, какія встрѣчались по приведенію въ исполненіе установленной Положеніемъ о евреяхъ мѣры ихъ выселенія изъ селъ и деревень. Въ запискѣ этой, по поводу причинъ, препятствовавшихъ приведенію въ дѣйствіе 34 ст. Положенія о евреяхъ, сказано, между прочимъ, слѣдующее: «многія мѣстечки относятся къ городскимъ поселеніямъ лишь по имени и переселенные туда евреи не могли бы найти рѣшительно никакихъ средствъ къ жизни, по отсутствію въ нихъ промысловъ. Казенныхъ фабрикъ нѣтъ, частныхъ тоже очень мало. Казенныхъ земель, для поселенія на нихъ евреевъ, крайне недостаточно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ послѣдніе живутъ: въ Гродненской губерніи, напримѣръ, есть всего 200 десятинъ казенной земли, а въ первый же годъ, тамъ изъявили желаніе заняться земледѣліемъ нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ. Вообще, выселеніе это потребовало бы значительныхъ расходовъ и не можетъ быть произведено скоро, чему препятствуетъ сильная дороговизна во многихъ мѣстахъ и платежъ евреями двойныхъ податей, чрезмѣрно обременяющій ихъ». (Оршанскій. Русское законодательство. Спб. 1877 г., стр. 278—279).

Это и было причиною, что черезъ шесть дней послѣ доклада княземъ Куракинымъ вышесказанной записки, а именно 29 Декабря 1808 г., состоялся Именной указъ, данный Литовскому Военному Губернатору, объ остановленіи дѣйствія, какъ 34 ст. положенія о евреяхъ, такъ и вышеприведеннаго Именнаго указа 19 Октября 1807 г. о порядкѣ приведенія ея въ исполненіе, вслѣдствіе чего, евреи впредь до дальнѣйшихъ о нихъ распоряженій, оставлены на ихъ жительствахъ, по прежнему (П. С. З. т. XXX № 23424).

Между тѣмъ, черезъ семнадцать дней послѣ этого, а именно 5 Января 1809 года, Именнымъ же указомъ, даннымъ на имя Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Попова, Высочайше повелѣно, вновь, о пріостановленіи переселенія евреевъ и объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ Попова, Комитета для изысканія мѣръ, посредствомъ которыхъ это переселеніе могло бы быть приведено въ дѣйствіе, съ назначеніемъ въ этотъ Комитетъ членами: Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Алексѣева, Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Козодавлева, Тайнаго Совѣтника, Сенатора графа Потоцкаго и Статскаго Совѣтника Дружинина.

Въ вышесказанномъ Именномъ указѣ, въ объясненіе мотивовъ этой мѣры, сказано между прочимъ, что со стороны губернскихъ начальствъ встрѣтились новыя препятствія къ выселенію евреевъ изъ селъ, деревень, постоялыхъ дворовъ и шинковъ, представляющія не только затрудненія, но и самую *невозможность* этой мѣры, что во вниманіе къ тому стѣсненію, какому по донесеніямъ губернскихъ начальствъ «*народъ сей*» неминуемо долженъ подвергнуться, признается за *благо* дѣйствіе 34 ст. положенія о евреяхъ, равно какъ и указа 19 Октября о постепенности ихъ переселенія, пріостановить впредь до новыхъ распоряженій, что намѣренія правительства заключаются въ томъ, чтобы всѣ, вообще, препятствія и затрудненія, встрѣтившіяся къ переселенію евреевъ, были въ совокупности разсмотрѣны, съ цѣлію принятія положительныхъ, въ этомъ отношеніи мѣръ, на основаніи окончательныхъ, по этому предмету, соображеній, что невозможность осуществленія сказанной мѣры, по мнѣнію Правительства, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка денежныхъ къ тому средствъ, такъ-какъ сами евреи, по ихъ нищетѣ, не имѣютъ способовъ, по оставленіи настоящихъ ихъ жилищъ, устроиться и обзавестись необходимымъ въ новыхъ состояніяхъ, которыя они должны избрать, а «правительство, равнымъ образомъ, не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ», что, поэтому, предлежитъ изыскать мѣры, посредствомъ которыхъ, евреи, будучи устранены отъ единственнаго ихъ промысла, въ то время, въ селахъ и деревняхъ—продажи вина, по постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы отыскивать себѣ пропитаніе работою (П. С. З. т. XXX, № 23,435).

Этимъ, для вышесказаннаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Попова, была начертана краткая программа дѣйствія, изъ которой усматривается, что мѣра переселе-

нія евреевъ, въ принципѣ, продолжала признаваться правительствомъ полезною въ государственномъ отношеніи, и что общій на этотъ предметъ взглядъ заключался въ томъ, что евреи, занимаясь по деревнямъ и селамъ, исключительно, продажею вина, живутъ тамъ только для развитія въ народѣ пьянства, безъ всякаго производительнаго труда. Изъ этого можно заключить, что правительствомъ какъ бы игнорировалось то обстоятельство, что евреи, кромѣ продажи питей, содержали тамъ въ арендѣ винокуренные заводы, земли и множество другихъ хозяйственныхъ построекъ, а слѣдовательно имѣли хозяйственный кругъ дѣятельности, которая сопряжена съ трудами, не лишенными производительнаго характера.

Вышесказанный Комитетъ, посвятивъ три года, для разработки данныхъ, относящихся къ этому предмету, представилъ 17 февраля 1812 г. обширную о немъ записку.

Въ этой запискѣ, ея составители, отрѣшившись, на этотъ разъ, отъ исключительныхъ взглядовъ на евреевъ, внесли, впервые, въ правительственную сферу практическій элементъ по вопросу о евреяхъ, и, подвергнувъ всестороннему, безпристрастному, обсужденію вопросъ объ ихъ выселеніи изъ селъ и деревень, въ связи съ дѣйствительными условіями жизни, въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, представили данныя, изъ которыхъ ясно усматривалась вся непрактичность и безполезность сказанной мѣры для мѣстныхъ и общихъ интересовъ государства, не говоря уже о ея негуманности, вообще. Въ соображеніяхъ Комитета, вполнѣ выяснены взаимныя отношенія владѣльцевъ имѣній и евреевъ, положеніе тѣхъ и другихъ въ краѣ и настоящія причины развитія среди простаго народа пьянства, искорененіе котораго служило главнымъ предлогомъ, для принятія правительствомъ мѣръ, которыя предписывались 34 ст. Положенія 1804 г. Изъ фактовъ, Комитетомъ представленныхъ, обнаруживалось, что причиною пьянства были не столько евреи, сколько то обстоятельство, что винокуреніе, составляя, издавна, привилегію помѣщиковъ и необходимую принадлежность ихъ хозяйствъ, являлось главнымъ и самымъ вѣрнымъ источникомъ ихъ доходовъ. Съ удаленіемъ евреевъ отъ содержанія корчемъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, по мнѣнію Комитета, продавцами вина, въ качествѣ цѣловальниковъ, сдѣлались бы крестьяне, послѣдствіемъ чего было бы уменьшеніе не пьянства, но только числа земледѣльцевъ. Крестьянинъ, имѣвшій, въ то время, возможность продавать свой хлѣбъ еврею на мѣстѣ, долженъ былъ бы,

тогда отправляться для этого въ городъ, дѣлать лишнія на это затраты, а вырученныя деньги могъ бы, точно такимъ же образомъ, какъ и прежде, пропивать у евреевъ въ городѣ, или у своихъ же крестьянъ въ деревнѣ. Еврей, торговавшій, въ корчмахъ, шинкахъ и постоялыхъ дворахъ, не однимъ виномъ, но и черным товаромъ, какъ-то: солью, желѣзомъ и т. п., давалъ возможность крестьянину запасаться всѣмъ этимъ на мѣстѣ; при удаленіи же евреевъ изъ селъ и деревень, такая мелочная торговля или совсѣмъ въ деревняхъ и селахъ извелась бы или же попала бы въ неумѣлыя руки крестьянъ, въ ущербъ земледѣлія и ихъ собственныхъ выгодъ, такъ-какъ имъ пришлось бы, для закупки сказанныхъ предметовъ ѣздить въ городъ и обращаться тамъ за этимъ тоже къ евреямъ. Это имѣло бы, конечно, вліяніе на значительное вздорожаніе предметовъ первой потребности для нихъ, особенно въ виду меньшей ихъ оборотливости въ дѣлахъ, какую имѣютъ евреи. Бѣдность крестьянъ въ Бѣлоруссіи, по мнѣнію Комитета, происходила, равнымъ образомъ, не отъ евреевъ, въ подтвержденіе чего, Комитетъ привелъ то обстоятельство, что въ Юго-Западномъ краѣ, хотя есть тоже значительное число евреевъ, но это нисколько не препятствуетъ крестьянамъ находиться въ несравненно лучшемъ положеніи. Пока бѣлорусскіе помѣщики будутъ поставлены въ необходимость придерживаться своей системы хозяйства, покровительствующей пьянству, зло это, по мнѣнію Комитета, возростало бы совершенно независимо отъ того, кто будетъ шинкаремъ — еврей или крестьянинъ. Въ доказательство этого, Комитетомъ приведены, въ примѣръ, губерніи: Петербургская, Лифляндская и Эстляндская, гдѣ евреевъ совсѣмъ нѣтъ, а между тѣмъ пьянство тамъ очень велико. Поэтому, по мнѣнію Комитета, на ослабленіе пьянства могли бы подѣйствовать лишь измѣненія тѣхъ условій, въ какихъ, вообще, находилась тамъ торговля виномъ,—условій, дѣлающихъ эту торговлю самою выгодною статьею дохода въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а это зависитъ преимущественно, отъ самаго правительства. Устраненіе же евреевъ отъ нея имѣло бы только послѣдствіемъ замѣну ихъ крестьянами, которые, для извлеченія наивозможно большаго дохода отъ этого промысла, были бы поставлены въ необходимость дѣлать тоже, что и евреи. При этомъ, Комитетомъ приведены еще данныя, которыя подтверждали тотъ фактъ, что евреи, при всей ихъ способности и привычкѣ къ торговлѣ виномъ, никогда не обогащались ею, но только кое-какъ перебивались этимъ средствомъ. Обратить всѣхъ евреевъ въ

купцовъ и ремесленниковъ, съ ограниченіемъ ихъ дѣятельности одними городами и мѣстечками въ губерніяхъ, гдѣ они имѣютъ постоянное жительство, по мнѣнію Комитета, равнымъ образомъ, было бы невозможнымъ, по той простой причинѣ, что тамъ нѣтъ запроса на такую массу торговаго и ремесленнаго труда. Поэтому, Комитетъ пришелъ къ заключенію, что невозможность переселенія евреевъ въ города зависитъ не отъ ихъ упорства и не отъ послабленія начальства, но отъ естественнаго положенія вещей, въ тѣхъ губерніяхъ, почему Комитетъ полагалъ необходимымъ совсѣмъ отмѣнить 34 ст. Положенія о евреяхъ (Оршанскій. Русское законодательство о евреяхъ) [1].

Изъ приведенныхъ Комитетомъ данныхъ ясно усматривалось, что мѣра выселенія евреевъ, изъ селъ и деревень, въ города и мѣстечки, гдѣ тогда уже численность евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, по отношенію къ общему тамъ населенію, было столь же значительно, какъ и теперь, составляла мѣру, равносильную какъ бы обреченію ихъ массы на голодную смерть. Въ виду этого, правительство признало болѣе полезнымъ пріостановиться съ сказанною мѣрою и на ней болѣе не настаивать. Хотя, вслѣдствіе этого, до 1823 года, т. е. до самого почти конца царствованія Императора Александра I, не встрѣчалось уже попытокъ къ выселенію евреевъ изъ селъ и деревень; но 34 ст. Положенія, въ законодательномъ порядкѣ, отмѣнена не была и продолжала, поэтому, до изданія, въ 1835 году, новаго Положенія о евреяхъ, имѣть силу и значеніе дѣйствующаго закона.

Такимъ образомъ, возможность постояннаго его, тогда, примѣненія, вися надъ головами евреевъ, какъ мечъ Дамокла, подрывала, въ принципѣ, ко вреду главнымъ основамъ общаго благосостоянія, коренныя узаконенія о правѣ частной собственности и силѣ договоровъ, основанныхъ на свободномъ соглашеніи сторонъ, не только по отношенію къ евреямъ, но и другимъ подданнымъ.

Это повлекло за собою явныя отступленія отъ началъ гражданскаго правосудія со стороны и высшихъ правительственныхъ органовъ. Живой примѣръ этого представляетъ, между прочимъ, Сенатскій указъ 21 декабря 1805 года, объ уничтоженіи контрактовъ, заключенныхъ съ евреями на отданныя имъ въ содержаніе казенныя оброчныя статьи.

---

[1]) Достойно замѣчанія, что въ настоящее время, т. е. спустя 70 лѣтъ послѣ заключеній вышесказаннаго Комитета, въ этомъ же смыслѣ высказались многія изъ бывшихъ губернскихъ, по еврейскому вопросу, коммисій, по поводу предполагавшихся такихъ же выселеній евреевъ изъ селъ и деревень.

Изъ указа этого видно, что многія изъ казенныхъ оброчныхъ статей, въ Черниговской губерніи, предоставленныхъ мірскимъ обществамъ въ пользованіе на казенныхъ земляхъ, съ правомъ отдачи ихъ въ содержаніе посторонним лицамъ, такія, какъ рыбныя ловли, ярмарочныя мѣста и мельницы, были отданы тѣми обществами, еще до изданія Положенія о евреяхъ, въ содержаніе этимъ послѣднимъ, по формальнымъ съ ними контрактамъ; причемъ, изъ мельницъ, многія были предоставлены имъ, по этимъ контрактамъ, на выстройку. Сроки большей части такихъ контрактовъ продолжались далѣе срока винныхъ откуповъ, совпадавшаго, въ то время, съ срокомъ, опредѣленнымъ 34 ст. того Положенія, для выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, въ малороссійскихъ губерніяхъ, т. е. съ 1 числомъ января 1807 г. Постановленія, содержавшіяся въ 37 и 38 ст. того же Положенія, о прекращеніи обязательной силы контрактовъ и договоровъ съ евреями, къ данному случаю не могли, въ сущности, имѣть никакого примѣненія, такъ-какъ въ нихъ разумѣлись лишь контракты и долговыя обязательства, по предмету продажи вина, съ которой вышесказанныя оброчныя статьи не имѣли ничего общаго, потому-что оні отдавались въ содержаніе совершенно отдѣльно отъ виннаго откупа, т. е. безъ права продажи вина, которая на рыбныхъ ловляхъ, ярмарочныхъ мѣстахъ и мельницахъ не могла имѣть и мѣста. По этой же причинѣ, къ содержанію этихъ оброчныхъ статей не могли имѣть примѣненія правила и по питейному откупу. Не взирая на это, Казенная Палата вошла съ представленіемъ въ Министерство Финансовъ, въ которомъ, не объясняя никакихъ злоупотребленій со стороны евреевъ, относительно тайной или явной ими продажи вина, при ихъ занятіяхъ по содержанію тѣхъ оброчныхъ статей, находила, что контракты, по ихъ содержанію, слѣдовало бы уничтожить, «примѣняясь» къ контрактамъ съ казною по виннымъ откупамъ, въ которыхъ было включено условіе о правѣ казны расчитываться съ откупщикомъ, во всякое время, безъ его на то согласія. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, Палата сослалась еще на то обстоятельство, что отдача изъясненныхъ оброчныхъ статей въ содержаніе именовалась въ законѣ и распоряженіяхъ правительства тоже откупомъ. По поводу этого, тогдашній Товарищъ Министра Финансовъ Гурьевъ входилъ съ представленіемъ въ Сенатъ, въ которомъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Палаты, что изъ сказанныхъ контрактовъ мірскихъ обществъ, съ евреями, тѣ, которые продолжаются далѣе срока, опредѣленнаго для высылки евреевъ изъ селъ

и деревень, въ Малороссійскихъ губерніяхъ, т. е. далѣе 1 января 1807 года, не могутъ оставаться въ силѣ и подлежатъ уничтоженію, затруднился, только, относительно мельницъ, которыя были отданы евреямъ на выстройку, такъ-какъ на этотъ предметъ ими могли быть сдѣланы денежныя затраты, а слѣдовательно, при уничтоженіи силы контрактовъ, они могли бы понести убытки. Справедливость требовала, конечно, въ виду яснаго нарушенія предполагавшеюся Казенною Палатою мѣрою коренныхъ узаконеній о частной собственности и силѣ договоровъ, не допускать подобной мѣры, какъ несправедливой и сопряженной съ явными убытками, не только для евреевъ, но и для мірскихъ обществъ, что было бы вполнѣ согласно и съ точнымъ смысломъ 37 и 38 ст. Положенія 1804 года, или, по крайней мѣрѣ, повергнуть это обстоятельство на Высочайшее воззрѣніе. Но Сенатъ, потому только, что дѣло шло о евреяхъ, предпочелъ отступить отъ общихъ началъ гражданскаго правосудія и согласиться съ доводами Казенной Палаты, разъяснивъ указомъ, путемъ истолкованій, что всѣ вообще ихъ контракты, какъ съ казною, такъ и съ крестьянскими обществами, съ наступленіемъ 1807 года, силы имѣть уже не могутъ, не установивъ, при этомъ, никакого порядка, относительно вознагражденія потерпѣвшихъ за понесенные убытки (П. С. З. XXVIII, № 21967).

Изъ всего вышесказаннаго видно, что законъ 1804 года, не-улучшивъ, ни въ чемъ, гражданскаго положенія евреевъ, ставилъ ихъ въ полную зависимость отъ произвола судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ властей, черезъ что лишалъ ихъ, въ сущности, даже того покровительства законовъ, которое имъ обѣщано 42 ст. того закона, въ числѣ евреевъ, «по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающихъ».

Съ другой стороны, вслѣдствіе принятаго правительствомъ общаго взгляда на нихъ, какъ на народъ пришлый, чужеземный, съ которымъ оно не можетъ имѣть дѣла иначе, какъ въ лицѣ ихъ отдѣльныхъ обществъ, прерогатива ихъ самоуправленія, Положеніемъ 1804 г., не только не ограничена, но, нѣкоторымъ образомъ, даже расширена, присвоеніемъ ихъ кагаламъ, силою закона, административной надъ ихъ единовѣрцами власти, по многимъ предметамъ общественнаго и даже государственнаго порядка.

Изъ 54 ст. Положенія о евреяхъ видно, что еврейскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ кагаловъ, предоставлено, въ отличіе отъ прочихъ подданныхъ, отдѣльное податное управленіе, съ правомъ завѣ-

дыванія и распоряженія всѣми общественными сборами и особою по нимъ отчетностію. При этомъ, за еврейскими обществами и ихъ кагалами оставлены всѣ права по управленію и завѣдыванію дѣлами ихъ вѣры, къ предметамъ которыхъ относились и еврейскія школы.

Такимъ образомъ, къ кругу правъ и обязанностей кагаловъ, уѣздныхъ и губернскихъ, относились слѣдующіе предметы: еврейская метрика, ревизскія сказки, участіе въ производствѣ переписей, паспорты и виды, выдаваемые евреямъ, общественныя раскладки, для взиманія государственныхъ податей и сборовъ, рекрутская повинность, продолжавшаяся отбываться ими денежнымъ образомъ, общественные сборы, въ томъ числѣ и коробочный, всѣ учрежденія ихъ вѣры, общественное призрѣніе дряхлыхъ и убогихъ евреевъ и безпріютныхъ ихъ дѣтей, благотворительныя заведенія и, можно сказать, народное образованіе среди ихъ единовѣрцевъ, такъ-какъ оно ограничивалось, въ то время, одними еврейскими школами, состоявшими, по прежнему, въ исключительномъ вѣдѣніи кагаловъ, безъ всякаго контроля со стороны правительства.

Административное значеніе кагаловъ усиливалось еще и самыми отношеніями къ нимъ правительственной власти. Такъ, изъ приведеннаго выше Именнаго указа 19 Октября 1807 г. видно, напримѣръ, что Правительство относилось къ нимъ, какъ самостоятельнымъ органамъ еврейскаго общественнаго управленія, по дѣламъ, касавшимся выселенія евреевъ изъ селъ и деревень. Изъ другаго Сенатскаго указа, воспослѣдовавшаго 28 февраля 1819 года, усматривается, что по встрѣтившемуся вопросу о мѣрахъ общественнаго призрѣнія, вслѣдствіе отказа нѣкоторыхъ кагаловъ въ Подольской губерніи отъ причисленія къ своимъ обществамъ многихъ старыхъ, дряхлыхъ и убогихъ евреевъ обоего пола, а также безпріютныхъ дѣтей разнаго возраста, было истребовано заключеніе тамошняго губернскаго кагала, которое принято Сенатомъ въ основаніе его опредѣленія, состоявшагося по этому дѣлу (П. С. З. т. XXXVI, № 27700).

Такое значеніе кагаловъ дало даже поводъ къ возбужденію вопроса о томъ, не слѣдуетъ ли ихъ, нѣкоторымъ образомъ, уравнять съ органами правительственной власти, чрезъ освобожденіе ихъ отъ платежа вѣсовыхъ денегъ, за пересылку пакетовъ въ присутственныя мѣста. Хотя Сенатомъ, до котораго доходило дѣло, по подобному вопросу, онъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. отказомъ кагаламъ въ освобожденіи ихъ отъ платежа тѣхъ денегъ; но изъ указа Сената,

состоявшагося, по этому предмету, 20 января 1807 года, видно, что этимъ учрежденіямъ, по взглядамъ на нихъ правительства, было присвоено значеніе *отдѣльныхъ въ государствѣ сословныхъ органовъ еврейскаго народа*, что составляло для этого послѣдняго очевидное преимущество или прерогативу предъ подданными всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, такъ-какъ ни для одного изъ сословій, по различію законовъ вѣры, подобнаго органа не существовало (П. С. З. т. XXIX, № 22432).

Вслѣдствіе этой прерогативы и другихъ, присвоивавшихся еврейскимъ обществамъ и ихъ кагаламъ, широкихъ правъ по управленію, независимо отъ религіозныхъ дѣлъ, еще многими другими дѣлами, касающимися лица и имущества ихъ единовѣрцевъ, самовластію кагаловъ не было почти предѣловъ. Это было замѣчено, какъ уже сказано выше еще Державинымъ, но, нужно полагать, судя по содержащимся въ положеніи 1804 г. постановленіямъ, безъ достаточнаго себѣ, какъ имъ, такъ и прочими членами составившаго это Положеніе Комитета, объясненія, что главная причина сказаннаго самовластія скрывается въ присвоенной евреямъ вѣроисповѣдной и вмѣстѣ какъ бы національной прерогативѣ существованія въ государствѣ, въ видѣ отдѣльно устроенныхъ еврейскихъ обществъ.

Подчиненность евреевъ ихъ кагаламъ, какъ религіозно-административнымъ органамъ своихъ обществъ, при такихъ условіяхъ, была почти рабскою, и этому содѣйствовала преимущественно тѣсная зависимость, въ какую они были поставлены отъ ихъ власти самимъ закономъ, по платежу податей, денежной рекрутской повинности и множества различныхъ общественныхъ сборовъ, въ томъ числѣ и коробочнаго, по отношенію къ которымъ, кагалы, на основаніи Положенія о евреяхъ, не имѣли никакого другаго надъ собою контроля, кромѣ контроля: въ городахъ —городничихъ, въ казенныхъ селеніяхъ—исправниковъ, а въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ—помѣщиковъ.

Хотя по поводу возникшаго по Гродненской губерніи одного частнаго дѣла, коробочный сборъ, указанными Сенатомъ правилами, былъ приведенъ въ нѣкоторый порядокъ, но лишь по вышесказанной губерніи; въ прочихъ же мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ, сборъ этотъ оставался въ прежнемъ видѣ, завися вполнѣ отъ кагаловъ (Матер. Ком. по устр. быта евреевъ, ч. I).

Униженное, деградированное положеніе, какое евреи занимали въ составѣ общаго народонаселенія, по установившимся на нихъ, съ са-

маго начала, взглядамъ правительства, и ни въ чемъ коренными образомъ не измѣнившимся, и впослѣдствіи, тѣсная ихъ зависимость отъ произвола, съ одной стороны, ихъ кагальныхъ управленій, а съ другой—мѣстныхъ полицейскихъ властей, и чрезмѣрное, въ тоже время, отягощеніе ихъ государственными и общественными сборами не могли, конечно, повести ни къ чему иному, какъ къ матеріальному ихъ истощенію и общему упадку ихъ нравовъ. Такимъ образомъ, вся масса еврейскаго населенія приводилась въ нищету и деморализировалась, путемъ исключительныхъ мѣръ, самимъ правительствомъ, деморализируя собою, въ тоже время, мѣстныя власти и, отчасти, самихъ жителей, съ которыми вся эта масса приходила въ ежедневныя столкновенія. Очевидно, поэтому, что съ одной этой уже стороны, положеніе евреевъ въ государствѣ представлялось совершенно несогласованнымъ, закономъ 1804 года, съ его нравственными и матеріальными интересами,

При такомъ порядкѣ вещей, отъ евреевъ не зависѣвшемъ, замѣчавшаяся въ нихъ, издавна, склонность, подъ вліяніемъ подобныхъ условій, къ племенной и религіозной сосредоточенности, не могла, конечно, ослабнуть, но по естественнымъ законамъ о взаимномъ противодѣйствіи силъ, должна была получить еще большую энергію, къ поддержанію въ нихъ которой, содѣйствовало не мало воспрещеніе, подъ страхомъ строгихъ наказаній, брачныхъ съ ними союзовъ христіанъ всѣхъ вообще вѣроисповѣданій.

Одни эти доводы достаточно, кажется, убѣждаютъ, что приписывать причину религіозно-племенной сосредоточенности у насъ евреевъ, съ непріязненными, быть можетъ, оттѣнками къ странѣ и окружавшему ихъ христіанскому населенію, а также общаго упадка нравовъ евреевъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, особенно въ районахъ, граничащихъ съ сосѣдними державами, исключительно, самимъ евреямъ и ихъ религіозно-созерцательнымъ взглядамъ на себя, значило бы, изъ тѣхъ или другихъ своихъ личныхъ видовъ, закрывать глаза себѣ и другимъ, съ цѣлью упорнаго преслѣдованія тенденціозныхъ о нихъ взглядовъ и понятій. Не нужно быть защитникомъ евреевъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, что съ государственной точки зрѣнія, организація истощающая, принижающая и деморализующая многочисленный классъ людей, неустранимыхъ изъ состава общаго народонаселенія и имѣющихъ для государства значеніе платящихъ подати единицъ, не можетъ быть терпима. Какъ ни смотрѣть на евреевъ, но нельзя, однако, отвергать того несомнѣннаго факта, что они люди, имѣющіе, какъ и

всѣ, свои личныя и семейныя привязанности, свои печали и радости, свои нужды и потребности,—люди, которые подобно всѣмъ, одарены свойствами ума и сердца, направленіе которыхъ, въ дурную или хорошую сторону, зависѣло и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ народнаго воспитанія и условій гражданскаго быта, среди которыхъ они живутъ. Но при томъ общественномъ положеніи, въ какомъ находились, въ то время, евреи, каждый изъ нихъ, можно сказать, съ колыбели усвоивалъ себѣ понятія о непріязненныхъ къ нему и его единовѣрцамъ отношеніяхъ закона и властей страны, въ которой ему пришлось родиться, приходилось и умирать. Подростая, онъ видѣлъ и начиналъ понимать всю удручающую тягость жизненныхъ условій, въ какія, вмѣстѣ съ прочими своими единовѣрцами, онъ былъ поставленъ законами государства и его администраціей, единственно потому, что онъ еврей. Онъ съ самаго ранняго возраста могъ вполнѣ сознавать свою и ихъ зависимость отъ личнаго произвола городничаго и другихъ полицейскихъ чиновъ, безпрестанно нарушавшихъ священныя права ихъ домашняго очага, безцеремоннымъ вторженіемъ въ ихъ дома и семейства, являясь тамъ то друзьями, то врагами, смотря по ихъ денежнымъ средствамъ къ откупу отъ разныхъ законныхъ и незаконныхъ ихъ требованій и притязаній къ нимъ. Возмужавъ, каждый еврей ощущалъ и испытывалъ, на самомъ себѣ, всю нравственную и матеріальную невыгоду различій въ его правахъ отъ прочихъ гражданъ. Въ то время, какъ эти послѣдніе свободно пользовались всѣми прирожденными человѣку правами, онъ чувствовалъ себя связаннымъ на всѣхъ поприщахъ своей частной и общественной дѣятельности. Для прочихъ людей, такихъ же податныхъ состояній, какъ и онъ самъ, былъ открытъ закономъ, въ извѣстномъ порядкѣ, свободный доступъ къ избранію мѣста жительства и рода занятій на всемъ пространствѣ государства и во всѣхъ сферахъ ихъ гражданской и политической жизни, съ возможностію для каждаго изъ нихъ выбытія даже изъ податнаго состоянія; для него, еврея, въ противоположность этому, гражданская и политическая его дѣятельность была ограничена исключительно правами податнаго состоянія, въ которомъ, съ прочими своими единовѣрцами, онъ былъ замкнутъ какъ бы на вѣчныя времена, подобно тому, какъ, по отношенію къ правамъ жительства, онъ былъ замкнутъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ предѣлахъ извѣстной мѣстности государства. На торговую и промышленную конкурренцію съ его стороны, при такомъ даже тѣсномъ кругѣ

его занятій, смотрѣлось какъ на эксплоатацію мѣстныхъ жителей, какъ на злоупотребленіе, почти какъ на преступленіе противъ частныхъ правъ гражданъ и самаго государства. Онъ чувствовалъ, что отъ него требовалось, въ сущности, то, чего не требовалось и не могло требоваться ни отъ кого изъ торговыхъ и промышленныхъ людей, а именно, чтобы, во избѣжаніе подрыва имъ, онъ свой трудъ, свой товаръ, свое издѣліе цѣнилъ сравнительно дороже, чтобы онъ добровольно отказывался, слѣдовательно, отъ выгодъ конкурренціи по ихъ сбыту, чѣмъ, для интересовъ торговыхъ и промышленныхъ классовъ, христіанскихъ и даже нехристіанскихъ вѣроисповѣданій, приносились какъ бы въ жертву, неизвѣстно зачѣмъ и почему, интересы самаго многочисленнаго класса людей—класса потребителей. Возмужавшій еврейскій юноша вполнѣ понималъ также, что хотя, съ одной стороны, правительство поощряетъ его къ земледѣлію и хлѣбопашеству, но, съ другой стороны, оно ставитъ этотъ родъ занятій въ условія, которыя дѣлаютъ ихъ для него почти недоступными, вслѣдствіе стѣсненія, въ то же время, свободы его дѣятельности по избранію выгодныхъ для того мѣстностей и по сбыту сельскихъ произведеній. Онъ не могъ не отдавать себѣ отчета, что все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ одной и той же причины—отъ того, что низшія и высшія власти смотрятъ на все его населеніе, какъ на совершенно особый въ государствѣ народъ, имѣющій какъ бы временное въ немъ пребываніе, даже въ мѣстахъ, гдѣ оно освящено, такъ сказать, вѣками,—на народъ, слѣдовательно, совершенно чуждый странѣ и при томъ отверженный, отдѣльныя личности котораго, потому только, что они евреи, недостойны пользоваться одинаковыми съ прочими подданными законами, ни въ отношеніи ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, ни въ отношеніи свободы труда, ни въ отношеніи даже примѣненія къ нимъ общественною властію точныхъ началъ гражданскаго правосудія и справедливости. Наконецъ, на его воззрѣніе о непріязненныхъ къ нему и всему его населенію отношеніяхъ закона и власти, не могли не подѣйствовать пагубно и появившіяся мѣропріятія правительства, носившія на себѣ характеръ средневѣковыхъ гоненій и насилій, заключаясь въ лишеніи ихъ издавна основаннаго ими для себя крова въ деревняхъ и селахъ, безъ обеспеченія, въ тоже время, такого же для нихъ крова и средствъ къ жизни въ городахъ и мѣстечкахъ, въ чемъ каждый изъ евреевъ имѣлъ, конечно, право видѣть, какъ бы предначертаніе правительства къ обреченію значительной массы его

единовѣрцевъ, почти что сразу, на безпомощное положеніе, безъ всякихъ признаковъ попеченія о дальнѣйшей ихъ участи.

При тяготѣвшемъ надъ евреями общемъ гнетѣ ихъ исключительнаго положенія, соединеннаго съ подобными мѣрами насилія, можно сказать, что они всѣ, почти, находились, въ то время, въ страждущемъ положеніи, подвергаясь произвольнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ, со стороны мѣстныхъ властей, какъ въ деревняхъ и селахъ, такъ и въ городахъ и мѣстечкахъ.

Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что мѣры, какія стали приниматься противъ еврев, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, относительно евреевъ, были своего рода *воспитательною* для нихъ *школою*, которая, по ея духу и направленію, никакъ не могла содѣйствовать ослабленію племенной и религіозной ихъ сосредоточенности, ни обнаруживать благопріятнаго вліянія на распространеніе среди ихъ добрыхъ и хорошихъ нравовъ. Не слѣдуетъ, упускать изъ вида, что, при этомъ, неблагопріятное вліяніе на нравы евреевъ необходимо обраруживали еще два обстоятельства, правительствомъ достаточно не принимавшихся, въ то время, во вниманіе: 1) невѣжественное состояніе общей массы евреевъ, хотя общее образованіе въ принципѣ, было признано для нихъ необходимымъ и 2) появленіе среди еврев массы людей, остававшихся безъ опредѣленныхъ занятій, вслѣдствіе избытка торговой и промышленной конкурренціи, незамедлившаго проявиться въ многолюдныхъ центрахъ еврейскаго населенія. Чѣмъ болѣе, при такихъ условіяхъ, принималось мѣръ къ стѣсненію правъ евреевъ и разнаго рода насиліямъ надъ ними, тѣмъ большую склонность обнаруживали они къ отчужденности отъ прочаго населенія, тѣмъ строже держались они своихъ вѣрованій и внѣшнихъ формъ своего закона, ей содѣйствовавшихъ. Это было столь же естественно, какъ естественна тѣсная и неразрывная связь между причиною и ея слѣдствіемъ.

Между тѣмъ, не взирая на всю очевидность этого, причина отчужденнаго состоянія евреевъ приписывалась, въ то время, исключительно ихъ Талмуду и черпавшемуся ими оттуда нравоученію.

Поэтому, въ правительствѣ проявилась склонность къ отклоненію евреевъ отъ Талмуда, тогда-какъ цѣль эта, на самомъ дѣлѣ, путемъ правительственныхъ мѣръ, была недостижима и не вызывалась къ тому же, и дѣйствительною въ ней потребностью, потому-что не въ Талмудѣ, исключительно, скрывалась причина нежелавшихся среди евреевъ явленій.

Выше было уже замѣчено, что передъ свѣтомъ общаго образованія, извращенныя толкованія Талмуда исчезаютъ какъ туманъ передъ лучами солнца, и что самыя вѣрованія евреевъ въ Талмудъ, какъ священную книгу своего народа, значительно ослабѣваютъ. Это явленіе подтверждается, въ наше время, несомнѣнными доказательствами. Подъ вліяніемъ просвѣщенія, въ Западныхъ державахъ, появилась среди евреевъ религіозная реформа, вслѣдствіе которой масса евреевъ отпала отъ еврейской ортодоксіи, слѣпо державшейся Талмуда и древнихъ обрядовъ еврейской вѣры. Эта реформа весьма сходственна съ отпаденіемъ нѣмецкаго протестантизма отъ ортодоксіи римско-католическаго вѣроисповѣданія. Нынѣ, въ кругу евреевъ, принадлежащихъ, тамъ, къ ихъ религіозной партіи, извѣстной подъ названіемъ партіи евреевъ—прогрессистовъ или новой еврейской школы (Neue Schule [1]), Талмудъ не имѣетъ инаго значенія, какъ религіозно-историческаго памятника о прошлыхъ судьбахъ еврейскаго народа,—памятника, изученію котораго предаются въ томъ кругѣ лишь немногіе изъ ихъ ученыхъ, по части древне-еврейской литературы и семитическихъ наукъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о положеніи евреевъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, видно, что, еще въ то время, правительствомъ проведено рѣзкое различіе въ правахъ между евреями, слѣдующими Талмуду, и Караимами, ему не слѣдующими, изъ чего можно заключить, что начиная съ того царствованія, въ Правительствѣ составилось уже нѣкоторое невыгодное понятіе о Талмудѣ, какъ о такомъ источникѣ, въ которомъ содержатся вредные элементы для общественныхъ нравовъ евреевъ, препятствующіе какъ бы ихъ уравненію въ правахъ съ прочими подданными.

---

[1]) Въ 1850-хъ годахъ появилась и крайняя партія этой школы, основателемъ или двигателемъ которой, признается весьма просвѣщенный и общеуважаемый въ Германіи еврей Гольдгеймъ. Подъ вліяніемъ общаго просвѣщенія, среди евреевъ, совершается нѣчто въ родѣ сближенія еврейскаго вѣроученія съ христіанскими исповѣданіями, такъ называемыхъ, свободныхъ толковъ или сектъ. Каждая изъ сказанныхъ еврейскихъ партій имѣетъ свои отдѣльныя религіозныя учрежденія и синагоги, изъ которыхъ, въ нѣкоторыхъ, богомоленіе происходитъ не по субботамъ, а по *воскреснымъ* днямъ, для избѣжанія всякихъ отличій отъ прочихъ жителей и помѣшательствъ въ отправленіяхъ общественной съ ними жизни. Ближайшія свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ въ религіозномъ бытѣ заграничныхъ евреевъ имѣются, между прочимъ, въ запискѣ командированнаго, въ 1858 году, за границу, чиновника Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, о которой упоминается во 2 ч. „Матеріаловъ“ бывшей Коммиссіи по устройству быта евреевъ.

Но при всемъ неблагопріятнымъ взглядѣ Правительства на Талмудъ, вслѣдствіе малой, въ то время, степени участія перваго въ народномъ образованіи евреевъ, взглядъ этотъ не имѣлъ тогда иныхъ послѣдствій, кромѣ укорененія въ правительственной сферѣ скрытаго религіознаго мотива къ стѣсненію и ограниченію гражданскихъ правъ евреевъ. Относительно Талмуда, какъ и другихъ еврейскихъ книгъ религіознаго содержанія, не было принимаемо, въ то время, никакихъ особенно строгихъ мѣръ. Напротивъ, изъ Именнаго указа Императрицы Екатерины II, 22 іюня 1790 года, видно, что хотя евреямъ и былъ воспрещенъ привозъ, изъ Польши, духовныхъ еврейскихъ книгъ, но что этимъ же указомъ разрѣшено, «по знатному числу въ Бѣлоруссіи еврейскаго народа», учредить для нихъ особую типографію. На основаніи же Именнаго указа 5 октября 1797 г. и Высочайше утвержденнаго 11 декабря того же года доклада Сената, воспослѣдовавшихъ въ царствованіе Императора Павла I, въ Рижскую цензуру были опредѣлены два еврея, для разсмотрѣнія ввозимыхъ въ Россію книгъ на еврейскомъ языкѣ, съ назначеніемъ имъ опредѣленнаго содержанія (П. С. З. т. XXIII № 16,877 и т. XXIV № 18,186 и 18,265).

При Императорѣ Александрѣ I, евреи, сравнительно, какъ выше объяснено, пользовались еще большею свободою, относительно обученія законамъ ихъ вѣры, по ихъ религіознымъ источникамъ. Талмудъ представлялъ, поэтому, въ то время, обширное поле для упражненій въ немъ евреевъ и ихъ вѣроучителей.

Въ виду этого, не лишне, теперь же, предпослать нѣкоторыя данныя и соображенія, по поводу взглядовъ на Талмудъ и его отношеній къ религіозно-общественному быту евреевъ,—взглядовъ, вызвавшихъ въ царствованіе Императора Николая I, болѣе дѣятельныя мѣры къ общему образованію подданныхъ еврейскаго исповѣданія.

Возникшее однажды, со времени Екатерины II, предубѣжденіе противъ Талмуда, оно, какъ и всякое другое, основанное на свѣдѣніяхъ, достаточно не провѣренныхъ, съ теченіемъ времени, окрѣпло, укоренилось въ понятіяхъ и стало служить однимъ изъ мотивовъ правительственнаго образа дѣйствія, относительно его послѣдователей, къ которымъ, за исключеніемъ караимовъ, принадлежало все вообще ихъ населеніе, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи.

Для многихъ, не усвоившихъ себѣ настоящихъ причинъ явленій, относящихся къ этому предмету, Талмудъ, по прежнимъ о немъ понятіямъ, отчасти, и настоящимъ, составляетъ такой источникъ религіоз-

наго ученія, который вызываетъ потребность въ строгихъ мѣрахъ, къ воспрепятствованію свободнаго обращенія его среди евреевъ. Съ точки зрѣнія такихъ лицъ, пока Талмудъ не будетъ изъятъ изъ ихъ обращенія, путемъ принудительныхъ мѣръ, или пока евреи добровольно не отрѣшатся отъ своего взгляда на него, какъ на священный источникъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, не можетъ быть и рѣчи объ окончательномъ уравненіи ихъ въ правахъ съ прочими подданными [1]).

Но подобный взглядъ едва-ли имѣетъ, въ сущности, какія либо справедливыя основанія.

Чтобы отдать себѣ объ этомъ вполнѣ ясный отчетъ, необходимо вникнуть, нѣсколько ближе, что такое Талмудъ.

Въ выше упомянутой оффиціальной запискѣ, имѣющейся въ «Матеріалахъ» бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ, о Талмудѣ даны, между прочимъ, слѣдующія объясненія: 1) что онъ состоитъ изъ двухъ частей: Мишны, составленной въ 180 году по Р. Х., и Гемарры — въ концѣ пятаго вѣка, 2) что Мишна составляетъ комментарій къ Ветхому Завѣту, а Гемарра — къ Мишнѣ, но что съ V же вѣка, Талмудъ имѣлъ и дальнѣйшія комментаріи со стороны раввиновъ, пользовавшихся у евреевъ авторитетомъ и 3) что отношенія евреевъ къ неевреямъ, по талмудическому ученію, представляютъ слѣдующія главныя черты: а) враждебное отношеніе ко всѣмъ другимъ народностямъ, въ особенности же къ *христіанамъ*, б) уклоненіе отъ соблюденія законовъ страны и отъ исполненія общихъ прочимъ гражданамъ

---

[1]) Мнѣніе, высказанное въ этомъ смыслѣ, имѣется, между прочимъ въ вышеупомянутой запискѣ, одного изъ Членовъ бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ, носящей заглавіе „доклада по вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ“. По взгляду составителя ея, все еврейское вѣроученіе, основанное на Талмудѣ, по своимъ противообщественнымъ и противогосударственнымъ началамъ, могло-бы быть подведено даже, сказано въ запискѣ: „подъ рубрику упоминаемыхъ въ Уложеніи о Наказаніяхъ сектъ, враждебныхъ христіанству и православію“. Но, въ этомъ отношеніи составитель записки впадаетъ какъ-бы въ логическое противорѣчіе съ самимъ собою; такъ-какъ, въ этой же запискѣ, имъ сознается въ одномъ мѣстѣ, что „фоліанты Талмуда, наросташіе вѣками, заключаютъ въ себѣ иногда нравственныя предписанія“, а въ другомъ мѣстѣ, что существующія въ Россіи двѣ религіозныя партіи евреевъ: *хассидовъ и миснагдовъ*, подъ вышесказанную рубрику сектъ подводить нельзя и не слѣдуетъ; тогда какъ обѣ этѣ партіи, будучи у насъ единственными и обнимая собою, слѣдовательно, все еврейское населеніе, держится одинаково строго еврейскаго правовѣрія, основаннаго на Талмудѣ, составляя, въ этомъ отношеніи, только части одного цѣлаго и различаясь между собою лишь по способу истолкованія духовнаго смысла содержащагося въ Талмудѣ текста, а также по своимъ духовнымъ взглядамъ на его происхожденіе.

обязанностей и г) преслѣдованіе евреями, въ ихъ соприкосновеніяхъ съ нееврейскимъ міромъ, исключительно, *вещественныхъ выгодъ*, какъ людьми, не связанными съ христіанами солидарностію, ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ интересовъ.

По новѣйшимъ же свѣдѣніямъ о Талмудѣ, имѣющимся, между прочимъ, въ сочиненіи [1]) нашего заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго университета Д. А. Хвольсона [2]), вышеупомянутая «Мишна» есть собраніе еврейскихъ религіозныхъ законовъ, составленное въ Іерусалимѣ во II вѣкѣ по Р. Х. Талмудомъ же именуется сборникъ, образовавшійся окончательно въ V столѣтіи по Р. Х., въ Вавилоніи, изъ поясненій и толкованій на Мишну, происходившихъ, равнымъ образомъ, въ Вавилоніи, гдѣ, въ то время, сказано въ томъ сочиненіи, «было весьма мало христіанъ, и даже эти немногіе были, преимущественно, *несторіане*, *монофизиты*, *аріане* и т. п. «еретики, изгнанные изъ Византійской имперіи. Составители Талмуда «имѣли, поэтому, мало случаевъ знакомиться съ христіанствомъ и «христіанами, и такъ-какъ послѣдніе, притомъ, жили въ Персіи, какъ «секта угнетенная, то евреи вовсе не обращали на нихъ вниманія». Вслѣдствіе этого, говоритъ г. Хвольсонъ, «въ Талмудѣ, какъ и «Мишнѣ, не встрѣчается ни одного закона, положенія или правила, «которое было бы вызвано прямо христіанствомъ». Кромѣ Вавилонскаго Талмуда, есть еще, по его же объясненію Талмудъ Іеру-

[1]) „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. С.-Петербургъ 1880 г

[2]) Заслуженный профессоръ Д. А. Хвольсонъ, исповѣдующій христіанскую вѣру занимаетъ уже долгіе года двѣ каѳедры: одну въ С.-Петербургскомъ Университетѣ—еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго языковъ и литературы, а другую, въ С.-Петербургской Духовной Академіи — еврейскаго языка и библейской археологіи. Пользуясь по своимъ ученымъ работамъ, европейскою извѣстностію, г. Хвольсонъ состоитъ, вмѣстѣ, членомъ—корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, въ дипломѣ которой, выданномъ ему на это званіе, сказано: Virum doctissimum rerum Semitaricum indigatorem sagacissimum (мужу ученѣйшему изслѣдователю, остроумнѣйшему, по части семитическихъ наукъ). О глубокихъ его знаніяхъ, по этой части, имѣется самый лестный отзывъ одной изъ звѣздъ въ области науки—члена Французской Академіи Катрмэра (Quatremerè). Заслуживъ общее довѣріе среди и высшаго нашего духовенства, г. Хвольсонъ удостоился диплома, за подписью Высокопреосвященнаго Митрополита Исидора и всѣхъ членовъ Совѣта Духовной Академіи, на званіе ея члена, при чемъ въ дипломѣ объяснено, что званіе это предоставляется ему, „въ уваженіе неутомимыхъ трудовъ и высокихъ ученыхъ заслугъ, въ области еврейской филологіи и библейскихъ и вообще семитическихъ древностей“. Поэтому, изслѣдованія г. Хвольсона о Талмудѣ не могутъ не заслуживать полнаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что по основательному, въ настоящее время знакомству многихъ лицъ изъ нашего высшаго духовенства съ еврейскимъ языкомъ и его литературою, всѣ эти изслѣдованія могутъ быть строго провѣрены.

салимскій, составленный въ концѣ IV столѣтія по Р. X., въ Палестинѣ, и содержащій то же нѣчто въ родѣ комментарій на Мишну. Но этотъ Талмудъ не пользуется у евреевъ такимъ авторитетомъ, какъ Талмудъ Вавилонскій, и даже весьма мало распространенъ между ними, такъ-что онъ имѣлъ, по настоящее время, всего 5 или 6 изданій, тогда какъ число, болѣе или менѣе, полныхъ изданій Талмуда Вавилонскаго доходитъ до 63. По отношенію къ обязательной силѣ содержащихся въ Талмудѣ религіозныхъ правилъ, слѣдуетъ, по имѣющемуся въ сказанномъ сочиненіи объясненію, различать въ немъ «галаху» «отъ «агады». «Первая—«галаха»,—сказано тамъ, занимается религіоз-«ными постановленіями и обрядами еврейскими, и евреи считаютъ «извлеченные изъ галахическихъ преній результаты обязательными «для себя. Вторая же—«агада»—имѣетъ экзегетически—легендарный и «назидательный характеръ, и заключающіяся въ ней изреченія и мнѣ-«нія считаются большею частію еврейскихъ авторитетовъ необяза-«тельными. Въ самомъ Талмудѣ можно найти мѣста, гдѣ важные «раввинскіе авторитеты высказывались объ агадѣ пренебрежительно. Въ «этой агадѣ, объясняется далѣе въ сочиненіи, находятся, въ самомъ дѣлѣ, «возвышенныя философскія воззрѣнія рядомъ съ дѣтскими и нелѣпыми «мнѣніями и легендами. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что многое «изъ того, что находится въ агадѣ, встрѣчается также у нѣкоторыхъ «древнихъ отцовъ церкви, какъ, напримѣръ, у *Іустина мученика*, «*Ефрема Сирина*, *Іеронима* и др., которыхъ толкованіе Ветхаго «Завѣта имѣетъ большое сходство съ агадическимъ толкованіемъ». Относительно сущности тѣхъ содержащихся въ Талмудѣ обязательныхъ, для евреевъ, постановленій древнихъ раввиновъ, которыя касаются иновѣрцевъ, Г. Хвольсонъ объясняетъ, что этими постановленіями признается, «что только израильтяне, какъ потомки Авраама, Исаака, и «Іакова, съ которыми Богъ вступилъ въ Завѣтъ, обязаны исполнять «законъ Моисея, а всѣ прочіе народы, напротивъ, обязаны соблюдать «только семь заповѣдей Ноевыхъ, а именно: 1) не служить идоламъ, «2) не хулить Бога, 3) не убивать, 4) не грабить и не красть, 5) не «совершать блудодѣянія или насилія, 6) не вкушать куска мяса, или «члена, оторваннаго отъ живаго животнаго и 7) жить въ законно-«справедливомъ состояніи, т. е. имѣть судей и судилища, наказывать «преступленія (какъ-то: воровство, грабежъ и смертоубійство), по мѣст-«нымъ законамъ, и проч...... тѣ иновѣрцы, которые соблюдали упо-«мянутыя семь заповѣдей Ноевыхъ, назывались *гере-тошабъ* (т. е.

«прозелиты воротъ), черезъ принятіе этихъ заповѣдей пріобрѣтали пра-
«во жительства въ Палестинѣ и должны быть, по раввинскимъ зако-
«намъ, во всѣхъ отношеніяхъ поставлены на ряду съ евреями». . .
. . . Уже во многихъ мѣстахъ Талмуда высказывается, что *нынѣш-
«ніе* (т. е. V вѣка) *народы не суть идолопоклонники*». Затѣмъ, не отвергая, что въ Талмудѣ есть мѣста, которыя, будучи взяты отрывочно, могутъ давать поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ, Г. Хвольсонъ, въ доказательство, что коренное еврейское вѣроученіе основано на началахъ общественной нравственности, особенно по дѣламъ торговымъ и денежнымъ, между прочимъ, и при сношеніяхъ съ христіанами, приводитъ въ вышесказанномъ своемъ сочиненіи множество цитатъ изъ разъясненій и положеній самыхъ авторитетныхъ раввиновъ, жившихъ въ послѣ-талмудическое время, въ европейскихъ странахъ, среди христіанъ. За симъ, въ противоположность мнѣнію, высказанному въ вышеупомянутой оффиціальной запискѣ, приходитъ къ слѣдующимъ, общимъ выводамъ, относительно Талмуда: 1) «что древнѣйшая рав-
«винская литература почти вовсе не знаетъ настоящаго христіанства,
«2) что происхожденіе, распространеніе и развитіе Талмуда, большая
«часть ученія котораго такъ сильно вліяла и отчасти вліяетъ еще и
«теперь на религіозную жизнь евреевъ, имѣли мѣсто въ *нехристіан-
«скихъ* земляхъ, 3) что евреи, соотвѣтственно талмудическому ученію,
«обязаны смотрѣть на христіанъ, какъ на своихъ братьевъ, и испол-
«нять, относительно ихъ, всѣ требованія гуманности, 4) что вели-
«чайшіе еврейскіе авторитеты всѣхъ временъ и странъ положительно
«объявили, что христіане не могутъ быть сравниваемы съ идолопо-
«клонниками, 5) что вслѣдствіе этого, различныя постановленія древ-
«нѣйшихъ раввиновъ, относительно язычниковъ не имѣютъ силы въ
«христіанскихъ земляхъ, 6) что многіе раввины не знали, какъ пре-
«вознести благочестіе, добродѣтели и ученость христіанъ, 7) что не-
«терпимость къ другимъ религіямъ и иновѣрцамъ совершенно не въ
«духѣ раввинизма, и наконецъ 8) что противныя сказанному . . . .
«увѣренія враговъ евреевъ обязаны своимъ происхожденіемъ, частію
«недоразумѣніямъ, частію злонамѣренной враждѣ къ евреямъ» (стр. 59 и другія).

При такихъ условіяхъ содержанія Талмуда и его связи съ религіозными преданіями евреевъ, ихъ вѣрованія въ него не могутъ быть поставлены имъ въ вину, а тѣмъ менѣе служить поводомъ къ ограниченіямъ ихъ гражданскихъ правъ. Для правительства можетъ быть

важнымъ только то, что этотъ религіозно-историческій памятникъ, существовавшій въ прежнія времена еврейской націи, по разнохарактерности содержащихся въ немъ правилъ жизни и правоученій, выработавшихся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ времени и мѣста, въ особенности же по его многотомности и языку, требующему спеціальныхъ знаній, представлялъ прежде, представляетъ и теперь, весьма мало удобствъ для народнаго его изученія, среди евреевъ, тѣмъ болѣе, что, теперь, мало кто изъ нихъ основательно знакомъ съ древнееврейскимъ языкомъ и его литературою. Вслѣдствіе этого, съ того времени, какъ еврейская нація утратила свою самобытность, а евреи разсѣялись по разнымъ странамъ свѣта, и стали жить среди иновѣрныхъ для нихъ народностей, въ томъ числѣ, среди христіанъ, Талмудъ сдѣлался доступнымъ общей массѣ евреевъ не иначе, какъ только при посредствѣ ихъ раввиновъ или еврейскихъ учителей, не имѣющихъ этого званія, но пріобрѣвшихъ у евреевъ, подъ именемъ меламдовъ, право на домашнее и школьное обученіе еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры. Малая доступность Талмуда, для общей массы евреевъ, не только не отрицается, но вполнѣ признается въ объясненіяхъ о немъ, имѣющихся и въ вышеупомянутой оффиціальной запискѣ, гдѣ, относительно этого сказано, что «кодексъ еврейскаго вѣроученія представляетъ такую массу текста, и столь же «разновременныхъ, сколь разнорѣчивыхъ предписаній, которую могутъ «усвоить лишь весьма немногіе еврейскіе ученые». Но чѣмъ таинственнѣе Талмудъ для народной массы евреевъ, тѣмъ, конечно, фанатичнѣе и упорнѣе ихъ вѣрованія въ него, какъ священную книгу своей вѣры, тѣмъ сильнѣе и вліяніе на массу еврейской черни еврейскихъ учителей. Изъятіе Талмуда изъ обращенія среди евреевъ немыслимо, по неудобоисполнимости такой мѣры; ограниченіе же ихъ правъ изъ за Талмуда не политично, такъ,—какъ это повело бы только къ усиленію фанатической преданности ему евреевъ, подобно тому, напримѣръ, какъ прежнія преслѣдованія нашихъ раскольниковъ нисколько не ослабляли упорства въ ихъ вѣрованіяхъ древнимъ церковнымъ книгамъ и двуперстному кресту. Отсюда слѣдуетъ, что желаемое ослабленіе вѣрованій евреевъ въ Талмудъ можетъ быть достигнуто только путемъ образованія, какъ еврейскихъ массъ, такъ въ особенности еврейскихъ вѣроучителей, что равнымъ образомъ не отрицается въ той же оффиціальной запискѣ, ибо въ ней, между прочимъ сказано, что «степень упорности этого настроенія,—т. е. настроенія въ евреяхъ, осно-

вашего на предполагающихся въ Талмудѣ противообщественныхъ и противугосударственныхъ началахъ,—«зависитъ, конечно, отъ условій мѣста и времени».

Понятно, какой широкій просторъ, для превратныхъ толкованій Талмуда, долженъ былъ существовать въ то время, когда правительство не вмѣшивалось почти въ общее образованіе евреевъ, когда еврейскія школы были въ непосредственномъ завѣдываніи кагаловъ и когда еврейскіе вѣроучители были сами, большею частію, весьма невѣжественны и фанатичны, по своему религіозному настроенію. Они, въ большинствѣ случаевъ, могли ограничиваться и, по всей вѣроятности, ограничивались толкованіями содержащихся въ Талмудѣ и неправильно ими усвоенныхъ афоризмовъ и изреченій и, такимъ образомъ, имѣли возможность проводить въ массу своихъ единовѣрцевъ, совершенно произвольные взгляды на религіозно-нравственныя правила еврейскаго вѣроученія.

Толкованіе же отрывочныхъ мѣстъ, имѣющихся въ религіозныхъ книгахъ различныхъ народовъ, при обыкновенной неудовлетворительности самой редакціи ихъ текста, представляли всегда весьма скользкій путь, на которомъ выводъ о смыслѣ того или другаго изреченія или афоризма зависѣли, преимущественно, отъ степени развитости истолкователя, его субъективныхъ воззрѣній и направленія его мыслей,—направленія, которое у людей мало образованныхъ бываетъ, обыкновенно, не столько просвѣщенно-религіознымъ, сколько суевѣрнымъ и даже изувѣрнымъ.

Кому неизвѣстно, что въ такой священной даже книгѣ, какъ наше Евангеліе, имѣются мѣста, текстъ которыхъ, будучи взятъ отдѣльно и истолкованъ буквально, безъ внутренней связи съ истинными началами христіанскаго ученія, служилъ поводомъ къ появленію въ народѣ весьма вредныхъ толковъ, сектъ и ересей, живой примѣръ которыхъ представляетъ намъ такая, напримѣръ, секта, какъ скопцы? Поэтому, неудивительно, что и объемистый Талмудъ, въ рукахъ невѣжественныхъ его истолкователей, могъ также легко быть средствомъ къ сѣянію вредныхъ въ его послѣдователяхъ сѣмянъ.

Изъ этаго само собою слѣдуетъ, что не въ Талмудѣ нужно искать главную причину нежелаемыхъ явленій въ правахъ и обычаяхъ евреевъ, признающихся препятствіями къ ихъ сліянію въ правахъ съ прочими подданными; но въ невѣжественномъ состояніи евреевъ и ихъ вѣроучителей. Къ этому-же заключенію пришли, въ настоящее время,

и весьма многія изъ бывшихъ губернскихъ, по еврейскому вопросу, коммисій, безпристрастно отнесшихся къ евреямъ. Такъ, въ принятомъ, напримѣръ, Ковенскою коммисіею мнѣніи одного изъ ея членовъ, весьма вѣрно обрисовано настоящее значеніе Талмуда, а потому не лишне привести изъ этого мнѣнія то мѣсто, которое касается этого предмета.

«Несправедливы, сказано въ этомъ мнѣніи, и ошибочны сужденія «христіанъ о Талмудѣ, будто бы онъ внушаетъ его послѣдователямъ «нетерпимость и даже полную ненависть къ христіанамъ! И на сколько «мнѣ извѣстно, Талмудъ вездѣ, гдѣ онъ касается нравственныхъ указаній своимъ послѣдователямъ, внушаетъ имъ человѣколюбіе и кротость. Но при всемъ томъ, есть такія изреченія въ Талмудѣ, которыя неопытнымъ наставникомъ могутъ быть истолкованы превратно — «прямо во вредъ христіанству, что большею частію и бываетъ въ тайныхъ хедерахъ (негласныхъ еврейскихъ школахъ). Такъ, напримѣръ, «Талмудъ строжайше, подъ херимомъ (проклятіемъ — нашею анафемою), «заповѣдаетъ его послѣдователямъ, то есть евреямъ, постоянное, не «ослабное братолюбіе ко всѣмъ вѣрующимъ во *Единаго*, Истиннаго «Бога, не исключая, конечно, изъ числа этихъ вѣрующихъ и всѣхъ «послѣдователей христіанской вѣры, признавая невѣрующими — язычниковъ, то есть идолопоклонниковъ. Между тѣмъ, меламдъ (еврейскій вѣроучитель), усматривая въ указаніяхъ Талмуда братолюбіе «къ вѣрующимъ въ Единаго Бога и причисляя христіанъ къ вѣрующимъ въ трехъ боговъ, внушаетъ такое нелѣпое свое воззрѣніе на «христіанъ и еврейскимъ дѣтямъ, своимъ ученикамъ, слѣпо ему вѣрящимъ, и, такимъ образомъ, внушаетъ имъ, съ дѣтства, полную ненависть къ христіанамъ, съ которою онъ выростаетъ, мужаетъ и «проходитъ свое жизненное поприще. Если присоединить къ этому «многіе предразсудки и суевѣрія, которыхъ строго евреи придерживаются, какъ напримѣръ, относительно пищи христіанской, христіанской посуды и т. п., [1]) тоже внушаемыхъ тѣми же хедерами и меламдами, то я полагаю, говоритъ составитель мнѣнія, что будетъ

[1]) Причина, почему евреи, держащіеся своей ортодоксіи не ѣдятъ пищи христіанъ и неупотребляютъ ихъ посуды, не есть вовсе ненависть къ нимъ, но этотъ обычай объясняется тѣмъ, что пища христіанъ не приготовляется сообразно съ религіозными предписаніями евреевъ и что въ посудѣ могла содержаться такая пища. Такому же обычаю слѣдуютъ и многіе изъ христіанъ, строго держащіеся постовъ, такъ-какъ они, какъ извѣстно, тоже избѣгаютъ, въ постные дни употребленіе посуды, съ скоромною пищею, даже между собою.

«весьма ясно, гдѣ и въ чемъ корень зла, изъ котраго исходятъ враж-
«дебныя отношенія между христіанами и евреями.

Въ царствованіе Александра I, неправильныя толкованія Талмуда, ко вреду нравственнаго воспитанія евреевъ, находили весьма благопріятную почву въ условіяхъ, въ какія ихъ общее образованіе было поставлено самимъ правительствомъ.

Хотя положеніемъ 1804 года евреямъ и было предоставлено право свободнаго обученія дѣтей въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая высшихъ, гдѣ они могли, награждаться и учеными степенями, наравнѣ съ прочими подданными; но мѣры эти не имѣли и не могли имѣть, однако, желаемаго успѣха.

Ограниченное, въ то время, число народныхъ школъ, само собою, закрывало евреямъ доступъ въ нихъ, а слѣдовательно, и доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія. Но и помимо этого, въ евреяхъ не могло проявиться стремленія къ образованію въ нихъ, по той причинѣ, что, одновременно съ правомъ обученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, имъ не было предоставлено никакихъ поощреній, какъ въ отношеніи государственной службы, такъ и вообще, по правамъ состоянія. Гражданская и военная служба была, въ то время, безусловно для нихъ закрыта, даже для тѣхъ изъ нихъ, которые въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ получили бы ученыя степени. Кромѣ городской службы, евреи ни къ какой другой службѣ не допускались, вслѣдствіе чего, по окончаніи курса наукъ, они должны были возвращаться въ мѣста своей осѣдлости, безъ всякихъ улучшеній въ своемъ общественномъ положеніи. Наконецъ, самымъ главнымъ и существеннымъ препятствіемъ къ образованію евреевъ, въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, служила выше сказанная общая среди нихъ нищета, лишавшая ихъ всякой возможности, сверхъ сборовъ, взимавшихся съ нихъ ихъ кагалами, на еврейскія, гласныя и негласныя, школы, входить еще въ какія либо другія денежныя затраты на свое образованіе, особенно при платежѣ обществу многихъ другихъ сборовъ, а государству двойныхъ податей и денежной рекрутской повинности.

Эти обстоятельства и предоставленное евреямъ, Положеніемъ о нихъ, право свободнаго выбора между общими учебными заведеніями и своими, еврейскими, имѣли, естественно, своимъ послѣдствіемъ то, что они остались исключительно при этихъ послѣднихъ.

Еврейскія же школы и способы обученія въ нихъ были, по прежнему, предоставлены правительствомъ всецѣло собственной автономіи

еврейскихъ обществъ и ихъ кагаловъ, безъ всякаго контроля со стороны вѣдомства народнаго просвѣщенія. Хотя же въ царствованіе Императора Александра I, общества тѣ, не только, въ религіозномъ, но и гражданскомъ отношеніи, были уже подчинены, сперва, Главному Управленію Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій (П. С. З. т. XXXIV, № 26624); а затѣмъ Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (П. С. З. т. XXXIV № 27106, §§ 5, 7, 18, 19 и 151); но не взирая на это, кромѣ мѣръ содержавшихся въ Положеніи 1804 года, правительствомъ ничего другаго не было предпринято къ успѣшному распространенію, среди евреевъ, общаго образованія.

Признавая его, въ принципѣ, необходимымъ и для евреевъ, правительство, тѣмъ не менѣе, не озаботилось учрежденіемъ какого либо контроля надъ еврейскими школами. Безконтрольное же ихъ положеніе, при условіи необязательности даже, для евреевъ, изученія въ нихъ русскаго языка, не могло конечно обнаруживать благопріятнаго вліянія на нравственное и общественное развитіе еврейской массы. Она продолжала, поэтому, подъ вліяніемъ грубаго фанатизма кагальныхъ вожаковъ, коснѣть въ крайнемъ невѣжествѣ, съ настроеніемъ, имѣвшимъ оттѣнки вышеупомянутой непріязненной племенной и религіозной въ ней сосредоточенности.

Легко себѣ представить, какія, при такихъ условіяхъ, открывались удобства для истолкователей талмуда, для ихъ хедеровъ, талмудторовъ, меламдовъ, цадиковъ, раввиновъ и фанатическихъ представителей кагаловъ, къ распространенію въ еврейскомъ населеніи ложныхъ нравственныхъ началъ, взглядовъ и понятій и пользоваться ими, для поддержанія въ евреяхъ племенной и религіозной обособленности. Гоненія, воздвигавшіяся на нихъ, въ видѣ насильственныхъ выселеній и переселеній, служили, конечно, какъ нельзя лучше, видамъ и цѣлямъ ихъ невѣжественныхъ руководителей.

Въ городахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ правительство стремилось сосредоточить всѣ торговыя и промышленныя силы евреевъ, развивались, среди ихъ, разные нравственные и матеріальные недуги.

Вслѣдствіе этого, всѣ поощрительныя мѣры, принимавшіяся правительствомъ, въ виду извѣстныхъ уже намъ «преимуществъ» еврейскаго народа, къ развитію въ евреяхъ земледѣлія, торговли, фабричной и ремесленной промышленности и «особливыхъ искусствъ», остались, весьма понятно, безъ всякаго успѣха. Существеннымъ препятствіемъ къ этому служили еще различные виды стѣсненій и ограниченіе сво-

боды ихъ труда, при отсутствіи которой не могло быть и свободы его выбора, сообразно съ его пользою, по времени и мѣсту. Съ ослабленіемъ же или уничтоженіемъ, въ дѣлѣ производительнаго труда, главнаго его двигателя—интереса, такой трудъ, весьма понятно, могъ мало кого привлекать къ себѣ изъ евреевъ, даже при условіи денежныхъ и матеріальныхъ имъ пособій, со стороны правительства. Стѣсненіе свободы труда и ограниченіе, для евреевъ, его сферы представляло множество затрудненій къ избранію ими вполнѣ законныхъ средствъ къ своему существованію, что, при ихъ бѣдности и невѣжественномъ состояніи, въ большинствѣ случаевъ, могло легко мирить каждаго еврея съ моралью, извращавшеюся столь же невѣжественными ихъ вѣроучителями. Отсюда, естественно, произошло распространеніе среди евреевъ склонности къ занятіямъ, несопряженнымъ съ производительнымъ трудомъ и заключавшимся, большею частію, въ личныхъ услугахъ и посреднической дѣятельности, такихъ, какъ мелочная торговля, мелкіе займы денегъ, факторство и т. п., которые сопровождались продажею товара дурнаго качества, обмѣрами, обвѣсами и обманами всякаго рода. Въ этомъ, именно, скрывалась главная причина избранія евреями и преступнаго рода дѣятельности, такого, какъ контрабанда, практиковавшаяся ими въ пограничныхъ губерніяхъ, поддѣлка фальшивой монеты, продажа поддѣльныхъ издѣлій и всякаго рода другія ремесла и занятія, къ которымъ они прибѣгали, большею частію, изъ крайней нужды.

Изъ этого видно, что если въ евреяхъ и обнаруживалось неблагопріятное направленіе ихъ экономической и общественной ихъ дѣятельности, то причина этого заключалась, конечно, не столько въ Талмудѣ, сколько въ внѣшнихъ условіяхъ ихъ гражданскаго быта,— въ той школѣ жизни, которую они проходили, при разнаго рода стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ ихъ правъ и свободы труда,—стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ, въ которыхъ, въ то-же время, выражалось пренебреженіе къ нимъ, какъ народу чужеземному и отверженному.

Но какъ ни пагубно дѣйствовала такая школа на нравы евреевъ, какъ ни тяжко было ихъ положеніе въ государствѣ, въ нихъ проявлялись, однако, черты жизни, которыя, при отсутствіи предвзятыхъ понятій, при болѣе внимательномъ отношеніи къ этой части народонаселенія, могли бы убѣдить правительство, что и въ ней присутствуютъ элементы, благопріятные для развитія въ евреяхъ, не только добрыхъ и хорошихъ нравовъ, но и чувствъ патріотизма, облагораживающихъ и возвышающихъ духъ человѣка и образъ его мыслей.

Это весьма осязательно подтверждается тѣмъ фактомъ, что нѣтъ ни одного государственнаго акта, на основаніи котораго можно было бы обвинить евреевъ, чтобы они въ трудныя, для государства и правительства, минуты, во время бывшихъ въ началѣ этого столѣтія войнъ, не исключая и отечественной войны 1812 года, обнаруживали склонность къ измѣнѣ Россіи и предательскимъ, въ отношеніи ея, дѣйствіямъ, которыя выражались бы въ формѣ лазутничества и шпіонства, или перехода на сторону непріятеля. Напротивъ, есть данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что въ ту самую минуту, когда противъ евреевъ принимались правительствомъ столь тяжкія для нихъ мѣры, какъ выселеніе цѣлыхъ ихъ массъ изъ ихъ жилищъ, въ селахъ и деревняхъ, когда они, при платежѣ двойныхъ государственныхъ податей, были чрезмѣрно отягощены и другими временными и необычайными, по случаю войны, повинностями, они не навлекали на себя никакихъ со стороны мѣстныхъ властей нареканій, вслѣдствіе измѣнническаго, съ ихъ стороны, образа дѣйствія. Это видно, между прочимъ, и изъ приведеннаго выше Именнаго указа 19 Октября 1807 года, въ которомъ подробно изложены обстоятельства, касавшіяся затрудненій, встрѣченныхъ, по случаю войны, къ сказанному ихъ выселенію, но безъ малѣйшихъ, въ тоже время, намековъ, чтобы, въ числѣ такихъ затрудненій, были случаи, которые доказывали бы ихъ политическую неблагонадежность. Нѣтъ слѣдовъ какой либо измѣны евреями русскому правительству въ трудныя времена нашей отечественной войны. Напротивъ, есть свидѣтельства полнѣйшей ихъ тогда намъ преданности. Это подтверждается правдивыми разсказами извѣстнаго намъ партизана-писателя Давыдова, который въ своихъ сочиненіяхъ, между прочимъ, говоритъ, что «духъ польскихъ жителей Гродно былъ для насъ весьма неблагопріятенъ, напротивъ, всѣ вообще евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить непріятелю, въ качествѣ лазутчиковъ, а весьма часто сообщали намъ важнѣйшія свѣдѣнія о немъ» (Сочиненія Давыдова т. 1, стр. 128). Въ «Дневникѣ свитскаго офицера за 1813 годъ говорится о евреяхъ, между прочимъ, слѣдующее: «Пришли мы въ Роски (на прусской границѣ), жиды приняли насъ съ большою радостію; пришли въ Краснополь, жиды вышли съ ковчегомъ на встрѣчу Императору и были намъ очень рады; пріѣхали въ Коло, жиды устроили великолѣпный балдахинъ для Императора и многіе поѣхали къ нему навстрѣчу въ богатыхъ одеждахъ» (Русскій Арх. 1869 г., стр. 222,

226) [1]. Еслибъ евреи, какъ полагаютъ предубѣжденныя противъ нихъ лица, были склонны, по закону своей вѣры, не признавать страны, въ которой они живутъ, своимъ отечествомъ, то въ теченіи, болѣе, чѣмъ столѣтняго, пребыванія подъ владычествомъ Россіи, при неоднократныхъ случаяхъ политическихъ усложненій, вслѣдствіе войнъ и укрощенія польскихъ мятежей, евреи могли бы легко быть уличены въ своей политической неблагонадежности. Между тѣмъ, и въ государственныхъ актахъ, новѣйшаго времени, имѣются доказательства лишь въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Такъ, напримѣръ, во время польскаго мятежа, бывшаго въ царствованіе Императора Николая I, могли бы обнаружится среди евреевъ случаи измѣны. Ничего подобнаго, однако, не случилось, а напротивъ, изъ воспослѣдовавшаго, 7 Февраля 1831 года, Высочайшаго повелѣнія, объ отсрочкѣ, на три года, выселенія евреевъ изъ г. Кіева, видно, что однимъ изъ поводовъ къ испрошенію тогдашнимъ Шефомъ корпуса Жандармовъ, Графомъ Бенкендорфомъ, этого повелѣнія послужилъ сообщенный Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, по соглашенію съ Генералъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Саксномъ, отзывъ, что евреи, въ виду бывшихъ въ то время политическихъ затрудненій, по усмиренію Польши, оказываются не вредными, но полезными дѣятелями (П. С. З. т. VI, № 4332).

Укоренившіеся противъ евреевъ предразсудки и предубѣжденія, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, были, однако, еще весьма сильны, не взирая на явные признаки присутствія въ нихъ элементовъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы быть обращены на общую пользу государства.

Чувства нерасположенія къ евреямъ, нужно замѣтить, замѣчались, преимущественно, въ высшихъ слояхъ общества, не приходившихъ въ бытовыя отношенія съ евреями, и гдѣ, вслѣдствіе этого, продолжали преобладать еще религіозно-созерцательные на нихъ взгляды. Что же касается простаго народа и кружковъ мѣстныхъ владѣльцевъ, прихо-

---

[1] Нельзя не замѣтить, что названіе евреевъ, въ вышесказанномъ дневникѣ свитскаго офицера, „жидами“, одновременно съ изображеніемъ ихъ дѣйствій, какъ достойныхъ всякаго уваженія, свидѣтельствуетъ, что подмѣченныя свитскимъ офицеромъ въ евреяхъ патріотическія чувства служили для него предметомъ, какъ-бы удивленія и что къ евреямъ относились тогда, въ высшемъ обществѣ, изъ за ихъ племени и вѣры, еще съ большимъ пренебреженіемъ, напоминавшемъ то время, когда Мавра Егоровна Шувалова, пріѣхавъ въ г. Нѣжинъ, писала къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ,—„жидовъ множество, и видѣла ихъ собакъ“. (Арх. Кн. Воронцова, т. I, стр. 84).

дившихъ въ бытовыя, жизненныя, отношенія съ евреями, то тамъ взгляды на нихъ были совершенно иные: евреи являлись въ понятіяхъ людьми, болѣе или менѣе, полезными и каждый простолюдинъ, изъ христіанъ, входилъ охотно съ ними въ сношеніе, какъ съ равными себѣ, всегда отличая хорошаго еврея отъ дурнаго. Объ удовлетворительныхъ, въ то время, отношеніяхъ простаго класса людей къ евреямъ, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, можно заключать, между прочимъ, изъ того, что при всей численности тамъ евреевъ и угнетенномъ ихъ положеніи, открывавшимъ широкій просторъ къ самоуправствамъ надъ ними, не замѣчалось, однако, въ селахъ и деревняхъ, не только никакихъ непріязненныхъ движеній противъ евреевъ, которыя могли бы наводить на мысль о существованіи въ народѣ *религіозной* или *расовой* вражды къ нимъ, но нѣтъ слѣдовъ, чтобы тогда, со стороны лицъ сельскихъ состояній, были какія либо жалобы на евреевъ, которыя послужили бы поводомъ къ репрессивнымъ противъ нихъ мѣрамъ, помимо собственной инниціативы мѣстныхъ властей, сообразно съ взглядами, какіе имѣло на евреевъ само Правительство.

Не взирая на все это, гражданское положеніе евреевъ въ Россіи нисколько не измѣнилось, однако, и по прекращеніи отечественной войны, когда въ Европѣ водворились миръ и тишина.

Положеніе 1804 года о евреяхъ, съ 34 его статьею, продолжало оставаться во всей его силѣ и служить источникомъ къ исключительнымъ, по отношенію къ нимъ, мѣрамъ, самаго разнообразнаго характера и свойства, все болѣе и болѣе усложнявшихъ дѣлами о евреяхъ, какъ законодательство, такъ равно судебные и исполнительные органы государственной власти.

Принципіально, правительство не примирилось съ мыслію о неустранимости евреевъ изъ состава общаго народонаселенія, такъ-какъ не видно, чтобы въ прежнемъ постановленіи, содержавшемся въ Именномъ указѣ 23 Іюня 1794 года и имѣвшемъ смыслъ побужденія евреевъ, платежомъ двойныхъ податей, къ эмиграціи изъ Россіи, послѣдовало какое либо измѣненіе. Правительство продолжало, слѣдовательно, смотрѣть на всѣхъ вообще евреевъ, живущихъ въ Россіи и состоящихъ въ ея подданствѣ, какъ на людей иноземныхъ, чуждыхъ коренному населенію, для которыхъ Россія не есть и не должна была быть отечествомъ.

Такое противорѣчіе принципа съ фактомъ, въ дѣлахъ, касающихся

евреевъ, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ отсутствіе всякой системы въ образѣ дѣйствій, по отношенію къ нимъ, и крайнюю сбивчивость и непослѣдовательность въ принимавшихся, относительно ихъ, мѣрахъ. Правильной исходной точки отправленія, вовсе не замѣчалось. Все дѣлалось, какъ бы ощупью, въ потемкахъ, преимущественно, съ цѣлію поддержанія, во что бы то ни стало, Положенія 1804 года, и содержавшихся въ немъ постановленій, носившихъ на себѣ характеръ репрессій и административно-полицейскихъ мѣръ.

Ближайшее разсмотрѣніе дальнѣйшаго образа дѣйствій правительства, по отношенію къ евреямъ, вполнѣ убѣждаетъ въ этомъ.

По разнохарактерности принимавшихся, относительно евреевъ мѣръ, и зависимости, какъ ихъ, такъ и мотивовъ, на которыхъ онѣ были основаны, не столько отъ твердо установившихся началъ и основаній, сколько отъ личныхъ взглядовъ высшихъ должностныхъ лицъ и коллегіальныхъ установленій, отъ которыхъ онѣ исходили или испрашивались у Высочайшей власти, всякая попытка къ подведенію ихъ подъ общія начала, была бы трудомъ тщетнымъ. Каждая отдѣльная мѣра вытекала, попеременно, то изъ начала равноправности евреевъ, а слѣдовательно, изъ начала терпимости къ нимъ и идеи, что они такіе же граждане, какъ и всѣ другіе подданные, то изъ начала исключительности, по отношенію къ евреямъ, а слѣдовательно, изъ идей и основаній, совершенно противоположныхъ. Все зависѣло отъ момента принятія мѣры и личнаго усмотрѣнія органовъ правительственной власти.

Поэтому, для возможно точнаго и вѣрнаго изображенія характера сказанныхъ мѣръ, всего удобнѣе излагать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, слѣдуя за временемъ ихъ появленія, и допуская отступленія отъ этого порядка лишь въ случаяхъ, когда извѣстная группировка мѣръ представлялась бы возможною, по однородности ихъ предмета и основаній. Вся совокупность изложенныхъ, въ этомъ видѣ, мѣръ и постановленій дастъ и возможно точное и вѣрное понятіе о томъ образѣ дѣйствій Правительства, въ отношеніи евреевъ, который предшествовалъ царствованію Императора Николая I [1]).

---

[1]) Необходимо замѣтить, что въ настоящемъ трудѣ, въ числѣ узаконеній и мѣръ, исходившихъ отъ Высочайшей власти, хотя приводятся и Сенатскія постановленія и распоряженія; но только тѣ, которыя помѣщены въ Полномъ Собраніи Законовъ и которымъ присвоено, слѣдовательно, по дѣламъ, касающимся евреевъ, значеніе руководящихъ и какъ-бы сила самаго закона.

Всѣ послѣдовавшія, за изданіемъ Положенія 1804 г., мѣры о евреяхъ касались не столько общаго ихъ положенія въ государствѣ, сколько отдѣльныхъ предметовъ ихъ гражданскаго и общественнаго быта.

Такъ, вслѣдъ за изложенными уже выше мѣрами, заключавшимися, преимущественно, въ попыткахъ къ приведенію въ дѣйствіе 34 ст. Положенія, былъ возбужденъ, по инициативѣ бѣлорусскаго военнаго губернатора Михельсона, вопросъ о существовавшемъ двойномъ денежномъ сборѣ съ евреевъ на содержаніе почтъ.

Изъ предыдущаго извѣстно, что евреи еще, при Императрицѣ Екатеринѣ II, начиная съ 1794 г., были подвергнуты платежу двойныхъ государственныхъ податей и что въ 1796 году, при Императорѣ Павлѣ I, такой двойной ихъ платежъ распространенъ Сенатомъ на евреевъ и по сбору на содержаніе почтъ, находившихся въ завѣдываніи казны.

Черезъ годъ послѣ этого, на основаніи Высочайшаго указа, состоявшагося 19 Января 1797 года, слѣдовательно, еще при Императорѣ Павлѣ I, сборъ этотъ изъятъ изъ казеннаго вѣдомства и отнесенъ къ общественнымъ повинностямъ, съ возложеніемъ обязанностей, по завѣдыванію имъ, на губернскія правленія, совмѣстно съ дворянскими предводителями или маршалами.

Вслѣдствіе этого, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, было составлено ими особое положеніе о почтовомъ сборѣ, на основаніи котораго было постановлено взимать его, сообразно съ существовавшимъ, прежде, почтовымъ сборомъ, а именно, съ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ христіанскаго закона, по 12 коп., а съ евреевъ—по 24 коп. съ души, т. е., по прежнему, *вдвое*.

Положеніе это, первоначально, было утверждено и Сенатомъ, по 3-му Департаменту; но вслѣдствіе представленія вышесказаннаго губернатора Михельсона объ отяготительности для евреевъ двойнаго платежа денежной общественной повинности на содержаніе почтъ, Сенатъ, по тому же Департаменту, принявъ во вниманіе, что въ Высочайшемъ указѣ 19 Января 1797 г., на основаніи котораго почтовый сборъ отнесенъ къ общественнымъ повинностямъ, не сказано, чтобы евреи были обязаны платить его въ двойномъ количествѣ противъ христіанъ, и что повинность эта возложена на всѣхъ, вообще, обывателей одинаково, *безъ всякаго различія состояній и закона вѣры,* опредѣленіемъ, состоявшимся 11 Февраля 1804 года, призналъ справедливымъ освободить евреевъ отъ такой двойной тягости, вслѣдствіе

чего, предписалъ указомъ могилевскому губернскому правленію, «чтобы впредь двойной сборъ съ евреевъ на содержаніе почтъ отнюдь производимъ не былъ и излишне отъ нихъ взятое имъ возвратить», о чемъ могилевскимъ губернскимъ правленіемъ, по распоряженію бѣлорусскаго военнаго губернатора, для единообразнаго исполненія, было сообщено и витебскому губернскому правленію.

Спустя годъ послѣ этого, а именно 10 Февраля 1805 года, Министромъ Юстиціи Лопухинымъ было предложено на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, по 1-му Департаменту, куда переданы тогда дѣла этого рода, сообщенныя Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ представленія губернскихъ маршаловъ обѣихъ бѣлорусскихъ губерній: Витебской—Графа Борха и Могилевской—Графа Толстого, въ которыхъ они изъясняли разныя затрудненія, какія встрѣчались къ отмѣнѣ съ евреевъ взимавшагося съ нихъ двойнаго сбора на содержаніе почтъ, особенно же къ возврату евреямъ, согласно съ распоряженіемъ Сената, излишне уплаченнаго ими по этому сбору, такъ-какъ это могло бы быть приведено въ исполненіе не иначе, какъ посредствомъ новаго налога на помѣщиковъ; почему, вышепоименованные маршалы ходатайствовали объ оставленіи въ силѣ прежняго положенія о нихъ дворянскихъ маршаловъ, утвержденнаго, первоначально, и Правительствующимъ Сенатомъ. Но Сенатъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе и нашелъ, что нѣтъ никакихъ законныхъ основаній устанавливать *какое либо различіе между евреями и другими подданными, равныхъ съ ними состояній*, по отправленію общественныхъ повинностей, въ томъ числѣ и по платежу сбора на содержаніе почтъ, почему, на основаніи этихъ соображеній и принимая во вниманіе, что состоявшееся 11 Февраля 1804 года опредѣленіе Сената, которымъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ отмѣненъ вышесказанный двойной сборъ съ евреевъ, оставался въ силѣ, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о распространеніи этого Сенатскаго распоряженія и на прочія губерніи, гдѣ евреи имѣютъ постоянное жительство, съ тѣмъ, чтобы они, вообще, кромѣ государственныхъ податей, всѣ прочія общественныя повинности *несли наравнѣ со всѣми другими обывателями*. Что касается возврата евреямъ сказаннаго сбора за прежнее время, то относительно этого, въ виду изъясненныхъ маршалами затрудненій, Сенатъ полагалъ евреямъ въ такомъ возвратѣ отказать, ограничившись освобожденіемъ ихъ только отъ уплаты накопившихся на нихъ недоимокъ, по платежу сказаннаго сбора въ двойномъ количествѣ; для сложенія

же со счетовъ этихъ недоимокъ, какъ равно и всѣхъ другихъ неправильно сдѣланныхъ уѣздными предводителями дворянства или маршалами начетовъ на евреяхъ, по ихъ денежнымъ общественнымъ повинностямъ, Сенатъ призналъ нужнымъ немедленно назначить особыхъ отъ дворянскихъ обществъ чиновниковъ, подъ наблюденіемъ начальниковъ губерній. Этотъ докладъ Сената 30-го Мая 1805 года удостоился, во всѣхъ его частяхъ, Высочайшаго утвержденія (П. С. З. т. XXVIII № 21766).

Такимъ образомъ, воспослѣдовало *уравненіе евреевъ въ общественныхъ денежныхъ повинностяхъ* съ прочими подданными, по государственныя подати, въ отличіе отъ нихъ, они продолжали платить по прежнему въ двойномъ количествѣ. Хотя въ этомъ случаѣ, Сенатъ, какъ видно, руководствовался справедливымъ началомъ равенства евреевъ съ прочими подданными, но не безъ нѣкотораго, однако, отступленія отъ началъ строгаго правосудія, такъ-какъ признавъ, съ одной стороны, взимавшійся съ евреевъ въ двойномъ количествѣ сборъ на общественную повинность, по содержанію почтъ, неправильнымъ и незаконнымъ, Сенатъ призналъ, въ то-же время, возможнымъ оставить ихъ безъ вознагражденія за убытки, понесенные ими вслѣдствіе неправильнаго отягощенія ихъ мѣстными властями излишними денежными сборами на почтовую повинность. Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1810 году, встрѣтилось другое обстоятельство, по которому высшимъ правительствомъ были приняты въ основаніе взгляды, какъ бы уже чуждые общимъ, относительно евреевъ, предразсудкамъ и предубѣжденіямъ.

Обстоятельство это слѣдующее.

Кіевскій городской магистратъ и повѣренный его, ратсгеръ Тернавскій, вошли въ Сенатъ съ ходатайствами о переселеніи живущихъ въ г. Кіевѣ евреевъ въ другіе города и о воспрещеніи имъ, впредь, тамъ селиться, какъ для сохраненія прежнихъ польскихъ привилегій, которыми было воспрещено евреямъ записываться, жить и торговать въ г. Кіевѣ, такъ и для прекращенія происходящихъ отъ нихъ безпорядковъ и многочисленныхъ тяжбъ и ссоръ.

Это ходатайство было препровождено Сенатомъ на разсмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который входилъ, по этому поводу, съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Въ этомъ докладѣ, на воззрѣніе Государя, были повергнуты слѣдующія данныя и соображенія: 1) что въ г. Кіевѣ состояло, въ то время, евреевъ 452 души; 2) что они на-

чали селиться въ немъ не самовольно, а на основаніи воспослѣдовавшаго въ 1794 году общаго на то для евреевъ разрѣшенія (указъ Императрицы Екатерины II 23 Іюня 1794 г.); 3) что по Высочайшему повелѣнію, объявленному, въ 1801 г., Генералъ-Прокуроромъ Обольяниновымъ Кіевскому Военному Губернатору, запрещено переселять евреевъ изъ г. Кіева и что граматою, данною этому городу, въ томъ же году, подтверждены именно тѣ права и преимущества, которыя безъ отмѣны существуютъ и сообразны, поэтому, съ общими постановленіями и законами; 4) что терпимость евреевъ въ г. Кіевѣ, съ законнаго на то дозволенія, продолжается уже болѣе 15 лѣтъ, и выселеніе ихъ оттуда было бы сопряжено съ чрезвычайнымъ для нихъ раззореніемъ, 5) что по самому положенію о нихъ 1804 года, для ихъ жительства назначены, преимущественно, города, а не села и деревни, гдѣ они не столько могутъ быть полезны, и, наконецъ, 6) что если происходятъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ какіе либо безпорядки, вообще, по ихъ жительству и промысламъ, то они должны быть прекращаемы бдительностію начальства и дѣйствіемъ законовъ. Въ виду этихъ соображеній, Государю угодно было повелѣть оставить евреевъ, въ г. Кіевѣ, въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, о чемъ и состоялся объявленный Сенату, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Именной указъ 22 Января 1810 года (П. С. З. т. XXXI, № 24098).

Изъ мотивовъ, лежащихъ въ основаніи этой мѣры, усматривается, что, въ данный моментъ, Правительство взглянуло на евреевъ какъ бы на природныхъ подданныхъ русскаго государства и признало за ними право осѣдлости въ г. Кіевѣ, по факту ихъ продолжительнаго пребыванія въ немъ. Но взглядъ этотъ, удовлетворявшій требованіямъ законности и правосудія, былъ только мгновеннымъ проблескомъ, не обезпечивавшимъ за евреями ихъ гражданскихъ правъ и не измѣнявшимъ ихъ общаго положенія въ государствѣ. Поэтому, принятыя, въ данномъ случаѣ, основанія не могли и имѣть послѣдствіемъ прочное установленіе въ законодательной области какого либо руководящаго, въ этомъ отношеніи, начала, ни предупредить, слѣдовательно, чрезмѣрное развитіе тѣхъ исключительныхъ о евреяхъ узаконеній, которыя, постепенно размножаясь, разсѣяны, нынѣ, по всѣмъ томамъ Свода Законовъ и достигли такого числа и обширности, что составляемые изъ нихъ отдѣльные сборники, сами по себѣ, образуютъ объемистыя печатныя изданія.

При всемъ томъ, изъясненная мѣра, какъ содержащая отказъ кіев-

скому магистрату въ его ходатайствѣ о выселеніи евреевъ изъ Кіева, свидѣтельствуетъ: 1) что Государь Александръ I, какъ и всѣ вообще наши Государи, не былъ лично склоненъ вносить въ политическую сферу, религіозные поводы дѣйствія, даже по такимъ вопросамъ, какимъ могъ представляться возбужденный вопросъ о правѣ водворенія евреевъ въ г. Кіевѣ, и что управляя своимъ народомъ, какъ было сказано въ Его Манифестѣ о восшествіи на престолъ, «по законамъ и сердцу» своей Августѣйшей Бабки, Императрицы Екатерины II, Государь лично не отвергалъ началъ полной терпимости къ евреямъ и ихъ уравненія въ правахъ съ прочими подданными, каждый разъ, когда объ этомъ повергалось па Высочайшее Его воззрѣніе; 2) что въ извѣстный моментъ, личныя воззрѣнія и самаго Правительства какъ бы освобождались отъ давленія общихъ противъ евреевъ предразсудковъ и предубѣжденій и что въ сказанномъ случаѣ, не подчинившись имъ, Правительство сознало всю несправедливость ходатайства вышесказаннаго магистрата, вполнѣ постигнувъ, что оно было вызвано, преимущественно, интригою мѣстнаго купечества, домогавшагося устраненія, тѣмъ или другимъ способомъ, конкурренціи со стороны евреевъ, для пользы конечно своей, но ни сколько не для пользы всѣхъ прочихъ жителей Кіева, и что обвиненіе евреевъ купечествомъ и магистратомъ, по поводу такой конкурренціи, въ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ не имѣло справедливыхъ основаній и иного значенія, какъ не вполнѣ разборчиваго средства къ достиженію ими личныхъ своихъ цѣлей.

Но затѣмъ, остается все-таки несомнѣннымъ, что Правительство, и въ этомъ случаѣ, недостаточно уяснило себѣ корень зла и настоящія его причины. Это видно изъ того, что при принятіи сказанной мѣры, имъ не отдано себѣ вполнѣ яснаго отчета о слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) что если обвиненіе евреевъ кіевскимъ купечествомъ и тамошнимъ магистратомъ въ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, по поводу претерпѣвавшейся отъ нихъ торговой конкурренціи, являлось, въ сущности, обвиненіемъ несправедливымъ, то самый фактъ чрезмѣрнаго отягощенія торговыхъ классовъ такою конкурренціею могъ быть не лишенъ справедливыхъ основаній, такъ-какъ фактъ этотъ могъ дѣйствительно существовать и имѣть свою причину, помимо какихъ либо злоупотребленій и безпорядковъ со стороны евреевъ, въ обстоятельствахъ отъ нихъ совершенно независѣвшихъ, а именно въ ограниченіи ихъ правъ жительства и проистекавшей отъ этого ихъ

чрезмѣрной численности въ составѣ мѣстнаго городскаго купеческаго класса, что могло быть и въ г. Кіевѣ; 2) что подобное явленіе, со всѣми его послѣдствіями, могло имѣть мѣсто и въ другихъ городахъ, которыми ограничено жительство евреевъ и, смотря по ихъ числу тамъ, отразиться еще отяготительнѣе для мѣстнаго купечества, съ вредомъ даже и для класса потребителей, и 3) что такимъ образомъ ходатайства, къ какимъ прибѣгли купечество и магистратъ г. Кіева, относительно выселенія оттуда евреевъ, указывали на существовавшую, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, жизненную потребность въ возбужденіи законодательнаго вопроса о томъ, на сколько допущенное правительствомъ сгущеніе тамъ еврейскихъ массъ, путемъ ограниченія правъ жительства евреевъ въ Россіи, можетъ представляться полезнымъ для государства, съ точки зрѣнія его торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ интересовъ.

Все это правительствомъ было какъ-бы упущено изъ виду, вслѣдствіе чего, распоряженіе его, относительно евреевъ въ г. Кіевѣ, не вышло изъ предѣловъ частной о нихъ мѣры, и не послужило инпціативою къ возбужденію, въ законодательной сферѣ, какого либо общаго вопроса о правѣ повсемѣстнаго жительства евреевъ въ Россіи.

Вслѣдствіе этого, Правительство, по прежнему, продолжало ограничиваться, въ отношеніи евреевъ и ихъ населенія, одними частными мѣрами, касавшимися отдѣльныхъ предметовъ ихъ гражданскаго быта, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, и часто носившими на себѣ отпечатокъ не только исключительности, но и несообразности съ общимъ порядкомъ вещей, что, естественно, влекло за собою его усложненіе, невыгодное въ законодательномъ и административномъ отношеніи. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣръ отличались даже и ихъ практическою неудобопримѣнимостью.

Ближайшимъ, въ то время, примѣромъ этому могло служить, между прочимъ, появившееся въ 1811 году узаконеніе о ревизской переписи евреевъ.

По инпціативѣ гродненскаго губернатора опиравшагося на прежнія постановленія о порядкѣ отправленія евреями повинности по платежу государственныхъ податей, былъ возбужденъ, въ законодательномъ порядкѣ, весьма своеобразный, по тогдашнему же времени, вопросъ о томъ: слѣдуетъ-ли въ литовскихъ губерніяхъ, т. е. Виленской и Гродненской, подвергать ревизской переписи только евреевъ мужескаго пола или же также и женскаго? Ревизская подушная перепись податныхъ сос-

ловій, какъ извѣстно, имѣла финансовую цѣль приведенія въ возможно точную извѣстность общаго числа платящихъ подати душевыхъ единицъ, которыми, въ товремя, какъ и въ позднѣйшее, по общепринятому тогда порядку, являлись одни души мужескаго пола. Поэтому, казалось, что со стороны Государственнаго Совѣта можно было ожидать скорѣе отрицательнаго, чѣмъ утвердительнаго разрѣшенія вопроса о душахъ евреевъ женскаго пола, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ касался не всѣхъ ихъ, а только обитавшихъ въ литовскихъ губерніяхъ и что къ отягощенію этихъ евреевъ платежемъ государственныхъ податей, въ размѣрѣ значительнѣйшемъ въ сравненіи съ прочими евреями, не представлялось никакихъ прямыхъ и справедливыхъ основаній. Тѣмъ не менѣе, Государственный Совѣтъ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 21 августа 1811 года, постановилъ: «произвесть ревизскую перепись обитающимъ въ сихъ губерніяхъ (литовскихъ) евреямъ обоего пола душамъ», мотивируя это лишь тѣмъ, что установленная еще при Императрицѣ Екатеринѣ II «поголовная подать съ *еврейскаго народа* въ обѣихъ означенныхъ губерніяхъ, происходитъ съ мужеска и женска пола, и оная Высочайшимъ Манифестомъ 18 мая сего года не отмѣняется». (П. С. З. т. XXXI, № 24,751).

Допущенный, такимъ образомъ, совершенно иной образъ исчисленія податныхъ душевыхъ единицъ въ еврейскомъ населеніи, сравнительно съ общепринятымъ порядкомъ, и притомъ въ отношеніи только литовскихъ евреевъ, устанавливалъ, въ тоже время, необъяснимое никакими справедливыми основаніями какое-то неравенство правъ и между евреями, вслѣдствіе котораго одна ихъ часть, въ сравненіи съ другою, должна была нести значительнѣйшую тягость по платежу государственныхъ податей. Въ сущности, такія мѣры не оправдывались и исторически, приведеннымъ къ тому Государственнымъ Совѣтомъ мотивомъ, такъ-какъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, какъ извѣстно, установленная, первоначально, поголовная подать съ евреевъ была отмѣнена, за силою Именнаго указа Императрицы 3 мая 1783 года, въ которомъ буквально было сказано: «евреи, въ бѣлорусскихъ губерніяхъ пребывающіе, долженствуютъ обложены быть податьми по состоянію, въ какое они запишутся, *безъ различія закона и народа* (П. С. З. т. XXI, № 15,724). Хотя же засимъ извѣстнымъ Именнымъ указомъ Екатерины II, 23 іюня 1794 г., евреи обложены двойнымъ окладомъ податей, но при этомъ не было установлено, однако, какого либо исключительнаго порядка, относительно самихъ спо-

собовъ взиманія ихъ съ евреевъ, почему, справедливо говоря, и не было никакого повода, на основаніи законодательства Императрицы Екатерины II, присвоивать въ литовскихъ губерніяхъ лицамъ женскаго пола изъ евреевъ значеніе платящихъ единицъ и, на этомъ основаніи, подвергать ихъ ревизской переписи, вмѣстѣ съ лицами мужескаго пола. Распространеніе платежа государственныхъ податей на евреевъ обоего пола даетъ, вообще, право заключать, что при платежѣ ими этихъ податей въ двойномъ количествѣ, они несли, на самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ прочими податными состояніями, не двойную, а четверную тягость, если допустить, что среди евреевъ число женскаго населенія не превышало, а равнялось только числу мужескаго. Изъ этого видно, что все вообще населеніе евреевъ находилось въ условіяхъ столь тяжкихъ, что среди ихъ ничего нельзя было ожидать, кромѣ развитія нищеты и невѣжества и сопряженныхъ съ ними порочныхъ склонностей, къ явному вреду для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ самого государства.

Неудивительно, если, при такой принятой, въ отношеніи евреевъ, системѣ податей, встрѣчались между ними частыя нарушенія строгихъ воспрещеній о пропискѣ ревизскихъ душъ, посредствомъ ихъ сокрытія или утайки, такъ-какъ прибѣгать къ этому средству евреи вынуждались естественнымъ чувствомъ самосохраненія, для спасенія, иной разъ, себя и своихъ семействъ отъ нищеты и совершеннаго раззоренія. Поэтому, какъ мы увидимъ ниже, само Правительство сознавало потребность въ допущеніи для евреевъ облегченій, относительно строгихъ мѣръ взысканій, какія были установлены за утайку и прописку ревизскихъ душъ.

Въ числѣ мѣръ, принимавшихся правительствомъ относительно евреевъ, встрѣчались и такія, которыя имѣли своимъ предметомъ вопросы, представлявшія крайнія затрудненія, для ихъ разрѣшенія съ надлежащею справедливостію.

Такъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ появленіемъ закона о ревизской переписи евреевъ, былъ возбужденъ въ правительственной сферѣ вопросъ о способѣ отправленія рекрутской повинности евреями, принявшими христіанство. По малому числу такихъ прозелитовъ, вопросъ этотъ не могъ, конечно, представлять особой для государства важности, но тѣмъ не менѣе онъ подлежалъ разрѣшенію, и разрѣшенію, болѣе или менѣе, правильному.

Въ то время, какъ извѣстно, всѣ вообще евреи, вслѣдствіе суще-

ствовавшаго предубѣжденія о годности ихъ къ военной службѣ [1]), пользовались свободою отъ отбыванія рекрутской повинности натурою. Собственно говоря, это было одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій для гражданскаго быта евреевъ въ Россіи, такъ-какъ въ основаніи этого условія лежало отрицаніе за евреями права считать Россію своимъ отечествомъ. Но, во всякомъ случаѣ, по тяжести условій, въ какихъ находилась тогда натуральная рекрутская повинность, какъ по продолжительному сроку ея отбыванія, такъ и по суровости мѣръ, какими поддерживалась военная дисциплина, нельзя не признать, что освобожденіе отъ нея составляло такую льготу, которая дорого цѣнилась всѣми, вообще, людьми податныхъ состояній, въ томъ числѣ, по всей вѣроятности, и евреями. Извѣстно, какое значительное число лицъ простаго званія прибѣгало къ членовредительству, для того только, чтобы избавиться какъ нибудь отъ участи рекрута. Само Правительство признавало положеніе рекрута на столько тяжкимъ, что сдачу въ рекруты причисляло къ числу карательныхъ мѣръ, налагавшихся по суду или въ административномъ порядкѣ. Поэтому, евреи, поголовно освобожденные отъ такой повинности, имѣли, въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, весьма значительное преимущество передъ другими подданными податныхъ сословій, христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій.

Въ виду этого, возбужденный тогда вопросъ о томъ, какъ надлежало поступить съ евреями, принявшими христіанскую вѣру: изъять ли ихъ отъ рекрутской повинности, или подчинить ихъ ей, наравнѣ съ прочими подданными христіанскихъ исповѣданій,—не могъ не представлять нѣкоторыхъ существенныхъ затрудненій. Актъ принятія евреемъ Св. крещенія требовалъ, по понятіямъ, конечно, не кары, а награды. Между тѣмъ, лишеніе евреевъ, принявшихъ христіанство, преимущества, какимъ они пользовались, относительно рекрутской повинности, будучи евреями, представляло бы собою не награду, но несомнѣнно кару, которая въ глазахъ обратившагося еврея была бы несправедливостію и могла бы скорѣе его отвратить отъ христіанства, чѣмъ привлечь къ нему. Къ тому же, привлеченіе такого еврея къ

[1]) Этому, конечно, взгляду слѣдуетъ приписать встрѣчавшіяся, въ то время, строгія воспрещенія относительно допущенія евреевъ къ жительству въ укрѣпленныхъ крѣпостями городахъ, такъ, напримѣръ, въ Динабургѣ и Бобруйскѣ (П. С. З. т. XI, приложеніе къ т. XXXII, п. а). Быть можетъ, что причиною этого было и ни на чемъ не основанное предубѣжденіе, относительно политической неблагонадежности евреевъ.

рекрутской повинности не представлялось оснований и по той естественной причинѣ, что коль скоро существовало уже, вообще, понятіе о физической и нравственной неспособности евреевъ къ военной службѣ, то нельзя было допустить мысли, чтобы выкрестившійся сегодня еврей, въ силу одного этого факта, могъ завтра, и даже впослѣдствіи, превратиться въ человѣка физически годнаго къ военной службѣ. Слѣдовательно, освобожденіе евреевъ, принявшихъ христіанство, отъ отправленія рекрутской повинности натурою, съ одной стороны, оправдывалось поощрительными цѣлями. Но съ другой стороны, безусловное освобожденіе его отъ рекрутской повинности представлялось тоже не вполнѣ удобнымъ, такъ-какъ уравнявшись съ прочими подданными, по закону вѣры, онъ, въ тоже время, выдѣлялся бы отъ нихъ такимъ преимуществомъ въ правахъ, которое вселяло бы къ нему чувства неприязни, со стороны новыхъ его единовѣрцевъ, и которое лишало бы его возможности имѣть съ ними единеніе духа и желаемое согласіе. При такихъ условіяхъ, вопросъ объ избраніи мѣры, по этому предмету, которымъ задалось правительство, составлялъ для него задачу, разрѣшеніе которой не могло не представлять затрудненій и потребовало, по всей вѣроятности, для возможно правильнѣйшаго выхода изъ нихъ, не мало труда и времени. Но вопросъ этотъ былъ, наконецъ, разрѣшенъ тѣмъ, что евреи, принявшіе христіанство, хотя и должны, несомнѣнно, подлежать освобожденію отъ отправленія рекрутской повинности натурою, но только лично, что же касается до ихъ потомства, то «дѣти, рожденные отъ принявшихъ уже христіанскую вѣру, обязаны будутъ нести сію повинность наравнѣ съ христіанскими обществами, къ коимъ они причислены будутъ», о чемъ 21 Апрѣля 1811 года и состоялся Именной указъ подъ заглавіемъ: «Объ освобожденіи евреевъ, принявшихъ Св. крещеніе, отъ рекрутскаго набора натурою». (П. С. З. т. XXXI № 24599).

Въ этомъ же 1811 году, разрѣшенъ вопросъ и объ одномъ экономическомъ предметѣ, касавшемся евреевъ, исповѣдовавшихъ свою вѣру, а именно вопросъ объ ихъ правѣ торговать новымъ платьемъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости.

При существованіи различныхъ стѣсненій и ограниченій торговыхъ и промышленныхъ правъ евреевъ, какъ по всей Имперіи, такъ и въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, при чрезмѣрныхъ отягощеніяхъ ихъ государственными денежными повинностями и другими сборами, при той сильной торговой и промышленной конкурренціи, какую приходилось евре-

ямъ выдерживать среди себя самихъ, вслѣдствіе ихъ численности въ городахъ, гдѣ они жили, средства къ жизни евреевъ, вообще, не могли быть иными, какъ весьма скудными. Вслѣдствіе этого, торговля готовымъ платьемъ, старымъ и новымъ, ихъ собственнаго издѣлія или привознымъ, составляла весьма существенное подспорье для ихъ существованія.

Между тѣмъ, еще въ 1805 г., по случаю свирѣпствовавшей въ Малагѣ, слѣдовательно, въ весьма отдаленномъ отъ Россіи мѣстѣ, какой-то прилипчивой болѣзни, евреямъ была безусловно воспрещена торговля платьемъ, какъ старымъ, такъ и новымъ, тогда-какъ, въ тоже время, торговля этимъ послѣднимъ платьемъ не была воспрещена подданнымъ другихъ исповѣданій, не исключая армянъ, грековъ, татаръ и проч. Воспрещеніе евреямъ, по сказанному поводу, торговли старымъ платьемъ, какъ мѣра тогда общая, распространявшаяся на всѣхъ вообще торговцевъ, можетъ быть объяснена гигіеническими цѣлями; но безусловное, одновременно, воспрещеніе имъ торговли новымъ платьемъ, даже сшитымъ изъ русскаго сукна, не привезеннаго извнѣ, представлялось такою стѣснительною для нихъ мѣрою, которая должна была лишить значительное ихъ число одного изъ насущнѣйшихъ средствъ къ жизни и не могло ничѣмъ объясняться, какъ только, отчасти, существовавшими предубѣжденіями правительства противъ нихъ, отчасти же интригою мѣстнаго купечества другихъ исповѣданій, непреминувшаго воспользоваться удобнымъ для него случаемъ, для устраненія, по торговлѣ платьемъ, конкурренціи со стороны евреевъ, съ цѣлію извлеченія для себя съ этой торговой статьи наивозможно большихъ выгодъ, не принимая, конечно, въ расчетъ, что отъ этого должны были, болѣе или менѣе, пострадать интересы всѣхъ прочихъ жителей, изъ числа потребителей сказаннаго платья. Уясненіе себѣ, впослѣдствіи, высшимъ Правительствомъ всей несправедливости и вредности сказанной мѣры, въ экономическомъ отношеніи, и было причиною ея отмѣны, на основаніи состоявшагося по этому предмету, 26 октября 1811 г., особаго Именнаго указа (П. С. З. т. XXXI, № 24,833).

Отсутствіе твердыхъ началъ и основаній по дѣламъ, касавшимся евреевъ и вліяніе на нихъ, въ правительственной сферѣ, личныхъ взглядовъ и воззрѣній, безпрестанно измѣнявшихся съ перемѣною личностей, а иной разъ, и въ нихъ самихъ, обнаруживалось на каждомъ шагу.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ, видно, какъ справедливо от-

несся Сенатъ, въ 1805 году, въ тогдашнемъ коллегіальномъ его составѣ, какъ по 3-му, такъ и по 1-му его Департаменту, къ вопросу о порядкѣ отправленія евреями общественныхъ повинностей. Чрезъ девять лѣтъ послѣ этого, а именно, въ 1814 году, въ взглядахъ и образѣ дѣйствія того же Сената, но при иномъ, конечно, личномъ его составѣ замѣчается уже совершенно иное направленіе. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго дѣла.

Повѣренные отъ купеческаго сословія въ г. Полоцкѣ, всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, а слѣдовательно и еврейскаго, въ виду городоваго положенія, разрѣшавшаго мѣщанамъ, незаписаннымъ въ гильдіи, имѣть лавки въ своихъ домахъ, для торга въ нихъ только овощами, плодами и предметами собственнаго рукодѣлія, обратились къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ жалобою, въ которой объяснили, что ихъ довѣрители, т. е. купцы г. Полоцка, съ давнихъ временъ, претерпѣваютъ подрывъ въ ихъ торговлѣ отъ тамошнихъ мѣщанъ, вслѣдствіе частыхъ нарушеній ими вышеозначеннаго постановленія, и что мѣстное начальство, въ предупрежденіе этого, ограничивается только отобраніемъ отъ нихъ подписокъ, которыя ни къ чему не ведутъ. Хотя въ жалобѣ этой и было объяснено, что нарушителями городоваго положенія, большею частію, бываютъ мѣщане изъ евреевъ, но прямаго обвиненія въ этомъ, исключительно ихъ однихъ, въ жалобѣ, однако, не содержалось и къ предположенію о такомъ обвиненіи не было и повода, потому-что, какъ сказано, выше она была принесена, въ числѣ прочихъ купцовъ, и евреями. Одновременно съ этою жалобою, поступила къ тому же Министру другая подобная жалоба отъ лица виленскаго купечества, по однихъ христіанскихъ уже исповѣданій, и конечно, исключительно, на евреевъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Козодавлевъ, вошелъ по этимъ жалобамъ съ рапортомъ въ Сенатъ, въ которомъ хотя и указалъ, что вышесказанныя нарушенія встрѣчаются, большею частію, въ губерніяхъ, где «низкій классъ евреевъ поселенъ во множествѣ», но, въ тоже время, не ходатайствовалъ о принятіи какой либо исключительной мѣры въ отношеніи евреевъ, а просилъ только Сенатъ о подтвержденіи, кому слѣдуетъ, о наблюденіи «дабы торговля непремѣнно производима была *всѣми вообще классами торговыми*, сообразно тому, какъ въ городовомъ положеніи и Высочайшемъ Манифестѣ 1807 года узаконено».

Изъ обстоятельствъ дѣла ясно усматривалось, что нарушителями

торговыхъ правилъ являлись не одни евреи, но мѣщане и другихъ исповѣданій, что въ г. Полоцкѣ на евреевъ, изъ мѣщанъ, жаловались ихъ же единовѣрцы купеческаго сословія, что потребность въ какихъ либо мѣрахъ противъ сказанныхъ нарушеній вызывалась, слѣдовательно, интересами столько же христіанскаго, сколько и еврейскаго купечества, и что, наконецъ, если нарушителями являлись большею частію мѣщане изъ евреевъ, то причина этого легко объяснялась ихъ многочисленностію, въ составѣ мѣщанскаго сословія вышесказанныхъ городовъ.

Поэтому, по существу дѣла и взгляду самого Министра Внутреннихъ Дѣлъ, не представлялось никакихъ прямыхъ и справедливыхъ основаній къ обвиненію въ сказанныхъ безпорядкахъ однихъ только евреевъ, а слѣдовательно, и поводовъ къ принятію, въ отношеніи ихъ, въ данномъ случаѣ, какой либо исключительной мѣры. Но Сенатъ, не взирая на это, вышелъ изъ предѣловъ ходатайства Министра Внутреннихъ Дѣлъ и призналъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе о строгомъ выполненіи мѣщанами торговыхъ постановленій, въ смыслѣ исключительной мѣры, относительно однихъ только евреевъ, вслѣдствіе чего, 17 августа 1814 года, появился помѣщенный въ Полномъ Собраніи законовъ указъ его «о пресѣченіи злоупотребленій въ производимой мѣщанами, изъ евреевреевъ, торговлѣ» (П. С. З. т. XXXII, № 25639).

Обстоятельство это, могущее, на первый взглядъ, показаться не важнымъ, изобиловало, однако, вредными послѣдствіями, для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства. Разрѣшивъ вышесказанное дѣло о нарушеніи мѣщанами торговыхъ постановленій несогласно, ни съ его обстоятельствами, ни съ ходатайствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и обвинивъ въ злоупотребленіяхъ однихъ только евревъ, вопреки строгихъ началъ правосудія, Сенатъ тѣмъ самымъ, съ одной стороны, выставилъ, совершенно произвольно, всѣхъ вообще евреевъ въ такомъ видѣ, который поддерживалъ, въ правительствѣ, низшихъ властяхъ и самомъ народѣ, общіе о нихъ предубѣжденія и предразсудки, а съ другой стороны, водворялъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, среди горожанъ, такой порядокъ, который давалъ мѣстнымъ властямъ поводы, во первыхъ, къ несправедливымъ потворствамъ и послабленіямъ, въ отношеніи нарушителей торговыхъ постановленій изъ христіанскихъ классовъ населенія, а во вторыхъ, къ произвольнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи евреевъ, вселялъ въ классахъ христіанскаго населенія сознаніе какого-то превосходства надъ евреями, равныхъ съ

ными состояній, поддерживая, такимъ образомъ, неприязненныя между христіанами и евреями отношенія, служившія къ развитію между ними ссоръ и распрей, ослаблялъ въ тѣхъ и другихъ, а также въ самихъ властяхъ, чувства законности и уваженія къ распоряженіямъ высшаго правительства и способствовалъ, слѣдовательно, къ общей деморализаціи, и жителей и администраціи. Отъ этого не могли не пострадать и матеріальные интересы государства, такъ-какъ еврейское населеніе, по своей численности, представляло уже, и тогда весьма существенный элементъ его торговыхъ и промышленныхъ силъ.

Между тѣмъ, по стеченію обстоятельствъ, именно въ то время, когда Сенатомъ была принята мѣра, въ столь неблагопріятномъ смыслѣ для евреевъ и понятій объ ихъ гражданскихъ качествахъ, въ Государственномъ Совѣтѣ шли жаркія пренія, по поводу возбужденнаго, Сенатомъ же, законодательнаго вопроса о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ которыхъ они, до того времени, къ такимъ показаніямъ не допускались, на основаніи прежнихъ польскихъ постановленій, остававшихся въ этомъ отношеніи, какъ видно, фактически въ силѣ. Но нужно полагать, что личные взгляды на евреевъ тогдашнихъ членовъ Государственнаго Совѣта, этого высшаго органа законодательной власти, значительно уже различались отъ взглядовъ сенаторовъ, принимавшихъ участіе въ разрѣшеніи вышепомянутаго дѣла о нарушеніи мѣщанами Городоваго Положенія; такъ-какъ, не взирая на тѣсную связь вопроса о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, съ вопросомъ, неблагопріятно разрѣшеннымъ Сенатомъ, для понятій объ ихъ гражданской доброкачественности, Собраніемъ Государственнаго Совѣта, большинствомъ одиннадцати голосовъ противъ двухъ, принадлежавшихъ членамъ, отстаивавшимъ, въ данномъ случаѣ, обязательную силу польскаго статутнаго права, было постановлено мнѣніе, въ утвердительномъ смыслѣ, т. е., о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ. Государю угодно было согласиться съ мнѣніемъ большинства, вслѣдствіе чего, 21 Августа 1814 года оно и удостоилось Высочайшаго утвержденія (П. С. З. т. XXXII, № 25649).

Такимъ образомъ, въ одно и тоже время, появились, въ отношеніи евреевъ, двѣ правительственныя мѣры, съ совершенно противоположнымъ направленіемъ, такъ-какъ одною изъ нихъ гражданская доброкачественность евреевъ какъ-бы отвергалась, другою же она, напро-

тивъ, признавалась, и притомъ настолько, что правительство не поколебалось присвоить акту вышесказанныхъ свидѣтельскихъ показаній евреевъ значеніе и силу судебнаго доказательства,— не взирая на то, что при существовавшей тогда системѣ формальныхъ уликъ и доказательствъ, прежнихъ процессуальныхъ порядковъ, отъ присяжнаго на судѣ показанія двухъ свидѣтелей, изъ евреевъ, могла зависѣть участь личныхъ и имущественныхъ правъ христіанина.

Нѣтъ сомнѣнія, что законъ о допущеніи евреевъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, по дѣламъ христіанъ, представлялъ собою торжество началъ здравой политики надъ однимъ изъ вѣковыхъ предубѣжденій противъ лицъ еврейскаго исповѣданія, возникшихъ среди христіанъ, въ средніе времена, и укоренившихся, впослѣдствіи, на весьма благопріятной для нихъ почвѣ польскаго ультрамонтизма, соединеннаго съ іезуитскимъ ученіемъ послѣдователей Лойолы, которые, какъ извѣстно, стремились, вообще, къ достиженію своихъ религіозно-политическихъ цѣлей, не разбирая средствъ и пользуясь всякаго рода предубѣжденіями невѣжественнаго народа.

Но нельзя, однако, не замѣтить, что при томъ деградированномъ положеніи, въ какомъ евреи находились, вообще, вслѣдствіе существовавшихъ ограниченій въ ихъ правахъ,—ограниченій, изъ которыхъ многія, по своему характеру, принадлежали къ числу тѣхъ, которыя, по отношенію къ другимъ подданнымъ, принимались только въ видѣ карательныхъ мѣръ и налагались на отдѣльныя личности по суду, за болѣе или менѣе важные проступки и преступленія,—мѣра допущенія евреевъ къ вышесказаннымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, носила на себѣ отпечатокъ той непослѣдовательности, которая, въ практическомъ отношеніи, приноситъ, обыкновенно, болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Нельзя оспаривать общеизвѣстный фактъ, что убѣжденіе въ совершенной правдивости свидѣтельскаго показанія, на судѣ, извѣстнаго лица поддерживается, вообще, понятіемъ о немъ, какъ о человѣкѣ, проникнутомъ сознаніемъ своего долга и чувствомъ собственнаго достоинства. Между тѣмъ, очевидно, что въ виду общаго положенія евреевъ, отнесенныхъ къ весьма низкому классу людей, непользовавшихся одинаковыми правами съ прочими гражданами, даже равныхъ съ ними состояній, ни судьи, ни стороны, ни публика, до которой, по отсутствію, въ то время, гласнаго судопроизводства, доходили извѣстія о процессахъ только по слухамъ, не могли имѣть твердаго и непоколебимаго убѣжденія о достаточныхъ гражданскихъ ка-

чествахъ еврея, являвшагося въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, а слѣдовательно, и относиться съ полнымъ довѣріемъ къ его показанію. Едва ли и самъ еврей, призванный къ свидѣтельскому показанію, при своемъ угнетенномъ и деградированномъ положеніи, могъ быть, въ дѣйствительности, проникнутъ сознаніемъ своего гражданскаго долга и чувствомъ собственнаго достоинства. Правда, что, въ то время, почти тоже самое можно было бы сказать о всѣхъ, вообще, лицахъ податныхъ состояній, такъ-какъ они также не пользовались полными правами гражданства и находились, въ болѣе или менѣе, приниженномъ положеніи, особенно, если принять во вниманіе, что ихъ чувство собственнаго достоинства подавлялось еще и тѣлесными наказаніями, которымъ они подвергались, не только по суду, но и по произволу властей и лицъ высшихъ состояній. Но все же ихъ положеніе, какъ людей, за которыми признавались природныя права гражданства, было несравненно выше, чѣмъ положеніе евреевъ, которые считались не своими, а какъ будто чужими людьми, и такой взглядъ освящался воззрѣніями на нихъ и самого правительства, отрицавшаго за ними, въ то же время, право, и съ своей стороны, не признавать себя открыто русскими подданными. При такой неестественной обстановкѣ общаго положенія евреевъ, не могло, конечно, установиться, въ правительствѣ и народѣ чувство общаго довѣрія къ свидѣтельскимъ ихъ показаніямъ; тѣмъ болѣе, что безпрестанно носились слухи, часто съ умысломъ распространяемые, о случаяхъ ихъ ложнаго подъ присягою показанія.

Вслѣдствіе этого, въ гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, стала встрѣчаться та несообразность, что судьи, сами недовѣрявшіе свидѣтельскимъ показаніямъ евреевъ, должны были, однако, по процессуальнымъ законамъ того времени о формальныхъ уликахъ, руководствоваться ихъ показаніями и основывать на нихъ свои рѣшенія, вопреки внутреннему своему убѣжденію. Это естественно содѣйствовало къ поддержанію общихъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ и поселять въ властяхъ и народѣ чувства непріязни и даже раздраженія. Такимъ образомъ, мало по малу, укоренилось и особое предубѣжденіе противъ свидѣтельскихъ показаній евреевъ и, въ этомъ отношеніи, средневѣковая форма, въ какую облекалась еще тогда еврейская присяга, сопровождавшаяся разнаго рода обрядами, застращивающаго свойства, какъ то: надѣваніемъ на присягавшаго смертной рубахи (кителя), его разуваніемъ, зажженіемъ свѣчей, трубленіемъ въ рогъ и т. п., не ограждало евреевъ отъ составившагося общаго

недовѣрія къ ихъ свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ, тѣмъ болѣе, что они обвинялись еще, при этомъ, въ разнаго рода ухищреніяхъ, съ цѣлію содѣланія для нихъ присяги необязательною, и что обвиненія эти служили даже поводомъ къ принятію правительствомъ особыхъ противъ этого мѣръ.

Поэтому, можно сказать, что дѣйствія польскаго правительства, въ этомъ отношеніи, представляли несравненно большую послѣдовательность. Устранивъ вовсе евреевъ отъ свидѣтельскихъ показаній, по дѣламъ христіанъ, оно тѣмъ самымъ устранило и возможность какихъ либо нареканій на нихъ, по поводу ихъ свидѣтельскихъ показаній, вслѣдствіе чего, существовало и меньше поводовъ къ раздражительному состоянію народа противъ еврейскаго населенія, —состоянію, которое, при общемъ фанатизмѣ польскихъ католиковъ, могло-бы имѣть послѣдствіемъ частые взрывы всѣхъ ужасовъ средневѣковаго времени.

Конечно, при своемъ владычествѣ, не допускавшемъ открытой невѣротерпимости къ евреямъ, какая существовала въ Польшѣ, гдѣ преобладалъ римско-католическій элементъ, русское правительство имѣло возможность дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, рѣшительнѣе и смѣлѣе, относительно мѣръ къ отмѣнѣ прежнихъ польскихъ постановленій, на основаніи которыхъ вошло и у насъ въ обычай не допускать евреевъ къ свидѣтельствамъ, по дѣламъ христіанъ. Но при всемъ томъ, нельзя не сказать, что съ одной стороны, признаніе, по отношенію къ этому религіозно-гражданскому акту, полноправности, а слѣдовательно и гражданской доброкачественности евреевъ, а съ другой стороны, отрицаніе въ евреяхъ этого же нравственнаго условія, для возможности дарованія имъ полноправности, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, устанавливали такой порядокъ вещей, который, по своимъ внутреннимъ противорѣчіямъ, не могъ имѣть удовлетворительныхъ послѣдствій, въ практическомъ отношеніи.

Шествуя, и послѣ того, по пути стѣсненій и, ограниченій правъ евреевъ, правительство отказывало имъ нерѣдко, въ ходатайствахъ, удовлетвореніе которыхъ могло бы служить къ облегченію ихъ участи, единственно, подъ предлогомъ ихъ неравнаго состоянія съ прочими подданными, т. е. подъ предлогомъ существованія условій, измѣненіе которыхъ зависѣло отъ самого же правительства.

Подтвержденіемъ этого служатъ, между прочимъ, тѣ основанія, по которымъ, въ 1815 году, воспослѣдовалъ отказъ евреямъ, изъ мѣ-

щанъ, въ ихъ ходатайствѣ о разрѣшеніи имъ производить торговлю по временнымъ свидѣтельствамъ, установленнымъ, въ то время, для крестьянъ.

Выше было уже объяснено, почему поощрительныя мѣры, къ земледѣлію и фабричному производству, содержавшіяся въ положеніи о евреяхъ 1804 года, не имѣли вслѣдъ за его изданіемъ желаемаго успѣха. Что не въ евреяхъ заключалась причина этого,—это доказывается приведенными уже выше всеподданѣйшимъ докладомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ князя Куракина и запискою Комитета. состоявшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова, изъ коихъ усматривается, между прочимъ, тотъ фактъ, что по обнародованіи того положенія, въ одной Гродненской губерніи нѣсколько сотъ еврейскихъ семействъ заявили желаніе перейти въ земледѣльческое состояніе, но что это не могло быть осуществлено, по недостатку, съ одной стороны, въ Гродненской губерніи, казенныхъ земель, а съ другой, способовъ и средствъ, какъ у правительства, такъ и у самихъ евреевъ, къ выселенію ихъ въ другія, болѣе или менѣе, отдаленныя губерніи, въ которыхъ были предназначены для этого казенныя земли. Изъ этого видно, что и въ прежнихъ поколѣніяхъ евреевъ, существовавшихъ въ то время, когда, по невѣжественному состоянію ихъ массъ, талмудическое ученіе ихъ раввиновъ могло обнаруживать неблагопріятное на нихъ вліяніе, не замѣчалось, однако, религіозныхъ предубѣжденій противъ воздѣлыванія земли и природнаго отвращенія къ этому роду занятій. Одно это обстоятельство достаточно убѣждаетъ въ несправедливости постоянно возводившагося прежде на евреевъ и взводимаго, отчасти, еще и теперь на нихъ обвиненія, что между ними никогда не обнаруживалось у насъ движенія въ пользу земледѣлія и хлѣбопашества и что въ евреяхъ и ихъ Талмудѣ скрывается, будто, исключительно, причина, почему тогдашнія и позднѣйшія поощрительныя къ сельской промышленности мѣры остались мертвою буквою закона. Ниже мы возвратимся къ этому предмету, съ цѣлью подробнѣйшаго его разъясненія. Здѣсь же укажемъ только на тотъ фактъ, что вслѣдствіе, препятствій, встрѣтившихся, тогда, къ переходу евреевъ въ земледѣльческое состояніе, вся масса евреевъ осталась въ городскихъ состояніяхъ, переполняя города своимъ многолюдствомъ, не взирая на которое, было предположено выселить туда, какъ извѣстно, и тѣхъ евреевъ, которые занимались разными промыслами въ деревняхъ и селахъ. Большинство же евреевъ

въ городахъ принадлежало къ мѣщанскому состоянію, такъ-какъ по общей ихъ нищетѣ, записываться въ купеческія гильдіи, даже 3-го разряда, они не имѣли средствъ, а тѣмъ болѣе пускаться въ фабричныя предпріятія и затрачивать на это капиталы. Хотя же, въ видахъ ихъ поощренія къ фабричному производству, были установлены, положеніемъ 1804 г., также денежныя пособія отъ правительства, но пособія эти были обставлены такими формальностями, что пользованіе ими было сопряжено, для евреевъ, съ большими затрудненіями, не представляя для нихъ никакого расчета.

Вслѣдствіе этого, все населеніе евреевъ въ городахъ осталось, большею частію, при своихъ мѣщанскихъ промыслахъ, къ числу которыхъ принадлежали и ремесленныя занятія. Содержаніе въ городахъ лавокъ, на основаніи Городоваго положенія, какъ объяснено выше, было дозволено, вообще, изъ мѣщанъ, только домовладѣльцамъ, въ своихъ собственныхъ домахъ, и то съ тѣмъ лишь, чтобы они торговали въ нихъ, исключительно, издѣліями собственнаго произведенія, или плодами и овощами. Изъ приведеннаго выше указа Сената 17 Августа 1814 г., видно съ какою строгостію правительство, въ предупрежденіе подрыва платившимъ гильдейскія пошлины купцамъ, требовало соблюденія этого общаго для мѣщанъ правила, особенно отъ евреевъ. По чрезмѣрной же скученности евреевъ въ городахъ и ихъ многолюдству тамъ, предложеніе, по предметамъ мѣщанскихъ промысловъ, очевидно, должно было, до крайности, превышать спросъ на нихъ, вслѣдствіе чего промыслы эти доставляли евреямъ весьма скудныя и даже, можно сказать, ничтожныя средства къ существованію, особенно если припомнить тѣ тяжкіе налоги, которымъ всѣ, вообще, евреи были, тогда, подвержены.

При такихъ условіяхъ, разрѣшеніе евреямъ, изъ мѣщанъ, производить торговлю, по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, составило бы, конечно, весьма существенное для тѣхъ мѣщанъ подспорье, которое могло бы облегчить ихъ участь, не безъ пользы и для казны. Это и было, конечно, причиною, почему еврейскія мѣщанскія общества рѣшились обратиться къ правительству, съ ходатайствомъ объ этомъ.

Между тѣмъ, вопросъ, возбужденный по этому предмету, тогдашнимъ Департаментомъ Внѣшней Торговли и разсмотрѣнный, за тѣмъ, въ общемъ присутствіи Департамента разныхъ податей и сборовъ и въ Совѣтѣ Министерства Финансовъ, разрѣшенъ, какъ этимъ Мини-

стерством, такъ и Сенатомъ, въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. безусловнымъ отказомъ евреямъ въ такомъ ихъ ходатайствѣ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) что «въ Именномъ Высо-«чайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 9 день «Декабря 1804 года, постановлено причиною изданія приономъ «*особливаго*» для евреевъ положенія то, чтобъ отвратить злоупотребле-«нія и безпорядки, происходившіе во вредъ земледѣлію и промыш-«ленности обывателей въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи обитаютъ; на ка-«ковый случай означенное положеніе и статьи онаго признаны сооб-«разными сколько *умѣренности и попеченію о истинномъ благѣ ев-«реевъ*, столько и основанными на пользахъ коренныхъ обывателей «тѣхъ губерній, гдѣ людямъ симъ жить дозволяется; 2) что, поэтому, «евреи въ ихъ правахъ и обязанностяхъ, въ отношеніи не только къ «промысламъ, но и самому мѣсту производства оныхъ, или житель-«ства, должны быть ограничены предѣлами того положенія, собственно «для нихъ изданнаго, доколѣ не послѣдуетъ впредь для нихъ лично «другое установленіе или не будутъ имъ присвоены всѣ права корен-«ныхъ обывателей; 3) что въ «правилахъ, Высочайшимъ Манифестомъ «Февраля 11 и Именнымъ указомъ Декабря 29-го 1812 года, предна-«чертанныхъ, для торгующихъ крестьянъ (помѣщичьихъ, казенныхъ «и удѣльныхъ), о евреяхъ ни словомъ не упомянуто, а разумѣются «только крестьяне изъ коренныхъ обывателей»; 4) что за силою 11, 13, 17, 20, 23, 26 и 27 ст. положенія о евреяхъ, никто изъ нихъ не можетъ участвовать въ повсемѣстной торговлѣ наравнѣ съ торгующими крестьянами; 5) что евреи, пользуясь свободою приписываться въ другія состоянія, не выполняя натурою рекрутской повинности и не находясь во владѣніи помѣщиковъ, не имѣютъ *затрудненій къ переходу въ купечество*, вслѣдствіе чего, было бы не свойственно и даже излишне присоединеніе къ ихъ промысламъ торговли по временнымъ свидѣтельствамъ, установленнымъ для крестьянъ, которые къ переходу въ купечество могли бы встрѣтить затрудненіе: помѣщичьи—въ недозволеніи ихъ владѣльцами, а казенные и удѣльные—ихъ обществами и начальствами, или въ лежащей на семействахъ ихъ рекрутской очереди; 6) что хотя въ ст. 29 положенія о евреяхъ и упоминается объ ихъ уравненіи съ прочими подданными, но эта статья относится не къ промысламъ ихъ, а къ податямъ, т. е. другими словами, къ частнымъ для нихъ облегченіямъ, но не къ общимъ правамъ ихъ состоянія, которыя, по такому взгляду, какъ бы никогда не могли

подлежать уравненію съ такими же правами прочихъ подданныхъ; 7) что статья эта, во всемъ ея пространствѣ, выражаетъ цѣль «особо изданныхъ для земледѣльцевъ изъ евреевъ правилъ и преимуществъ, изъясненныхъ въ 12—14 ст. того-же положенія», каковая цѣль есть та, чтобы ихъ побудить къ постоянному занятію промыслами, по состоянію, ими избранному; 8) что предоставленіе имъ, при ихъ особенныхъ преимуществахъ, пользоваться и правами торгующихъ крестьянъ, хотя бы съ ограниченіемъ губерній, для нихъ опредѣленныхъ, было бы несоотвѣтственно этой цѣли, и значило бы тоже, что подать имъ поводъ къ уклоненію отъ земледѣлія, или позволить ежегодно перемѣнять ихъ промыслы, скитаться изъ одной страны въ другую, безъ постояннаго направленія, во вредъ собственному ихъ благосостоянію, при чемъ, неминуемо, могли бы возникнуть злоупотребленія, для прекращенія коихъ издано положеніе о евреяхъ, и наконецъ, 9) что «самое наименованіе ихъ въ семъ положеніи земледѣльцами, а не крестьянами, равно и *особливый образъ устройства*, отдаляетъ уже ихъ отъ сего послѣдняго класса».

Всѣ эти доводы были приняты въ уваженіе и Сенатомъ, вслѣдствіе чего, 15 Октября 1815 года, воспослѣдовалъ его указъ «о нераспространеніи на евреевъ изданнаго для торгующихъ крестьянъ Высочайшаго положенія 11 Февраля и указа 29 Декабря 1812 года» (П. С. З. т. XXXIII, № 25965).

Изъ приведенныхъ мотивовъ, послѣдній и шестой служатъ явнымъ доказательствомъ, что по взгляду Министерства Финансовъ и Сената, ходатайство евреевъ о производствѣ торговли по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, не могло бы заслуживать уваженія и въ томъ случаѣ, еслибъ оно исходило отъ тѣхъ изъ нихъ, которые перешли бы въ земледѣльческое состояніе, и это на томъ основаніи, что евреи составляютъ въ государствѣ *особый классъ, съ совершенно отдѣльнымъ отъ прочаго населенія устройствомъ.* Мысль объ особомъ положеніи евреевъ и ихъ особыхъ преимуществахъ, какъ такихъ, которыя не требуютъ дальнѣйшихъ обсужденій, лежитъ въ основаніи и всѣхъ прочихъ приведенныхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ отвергнуто вышесказанное ходатайство еврейскихъ мѣщанскихъ обществъ.

Нѣтъ слова, что съ формальной стороны, согласное съ заключеніемъ Министерства Финансовъ постановленіе Сената было, болѣе или менѣе, правильнымъ и соотвѣтственнымъ съ существовавшими о евреяхъ узаконеніями.

Но если принять во вниманіе: 1, что по учрежденію Министерствъ, въ числѣ ихъ, Министерству Финансовъ, какъ и Сенату, принадлежало и тогда право иниціативы по дѣламъ, требовавшимъ законодательнаго вопроса, и даже, въ случахъ особой важности, право непосредственнаго испрошенія по нимъ, отъ Высочайшей власти, необходимыхъ мѣръ, коль скоро отъ нихъ могъ зависѣть казенный интересъ, съ существенными облегченіями для многолюднаго класса населенія, какое представляли евреи; 2) что расширеніе круга торговой и промышленной дѣятельности евреевъ, если не въ испрашивавшемся ими видѣ, то въ какомъ либо другомъ, по общей среди ихъ нищетѣ и сопряженнымъ съ нею вреднымъ для казны и государства послѣдствіемъ, составлялъ, и въ то время, вопросъ первостепенной важности для экономическихъ и финансовыхъ интересовъ страны; 4) что разрѣшеніе его, въ данномъ случаѣ, лишь съ формальной стороны, не имѣло инаго значенія, какъ отказа въ справедливомъ обсужденіи, съ одной стороны, дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей многолюдной части общаго народонаселенія, а съ другой и интересовъ самаго государства, тѣсно связанныхъ съ экономическимъ благосостояніемъ всего въ немъ народонаселенія, и 5) что изъ примѣровъ прежняго времени, ясно усматривалось, какъ милостиво Императоръ Александръ I относился къ своимъ подданымъ, даже изъ евреевъ, каждый разъ, когда на Высочайшее Его воззрѣніе повергались достаточные къ тому поводы; — то нельзя не усомниться, чтобы допущенный, въ данномъ случаѣ, Министерствомъ Финансовъ и Сенатомъ образъ дѣйствія вполнѣ соотвѣтствовалъ лежавшимъ на нихъ обязанностямъ, по выполненію воли Государя и удовлетворенію требованіямъ государственной пользы. Формальный отказъ евреямъ, въ сказанномъ видѣ, въ вышеупомянутомъ ихъ ходатайствѣ, доказываетъ лишь, что лицами, принимавшими участіе въ обсужденіи этой мѣры, какъ въ Министерствѣ Финансовъ, такъ и въ Сенатѣ, руководила какъ бы слѣдующая общая всѣмъ имъ мысль: такъ-какъ рѣчь идетъ о евреяхъ, то предпочтительнѣе оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся, какой бы ни происходилъ отъ этого вредъ, для нихъ и для государства, чѣмъ утруждать Высочайшую власть законодательнымъ вопросомъ о какихъ либо коренныхъ измѣненіяхъ въ правахъ лицъ еврейскаго исповѣданія, признанныхъ для страны и коренныхъ въ немъ обывателей народомъ совершенно чуждымъ.

Нельзя также не замѣтить, что въ данномъ случаѣ, правитель-

ствомъ какъ бы, формально, признано, что положеніе 1804 г. о евреяхъ имѣетъ, исключительно, *административно-полицейскую цѣль*, т. е. клонящуюся къ упорядоченію отношеній евреевъ къ мѣстному населенію, не столько путемъ органическихъ мѣръ, основанныхъ на понятіяхъ о равенствѣ всѣхъ подданныхъ, сколько путемъ репрессій и подчиненія евреевъ строгой дисциплинѣ административныхъ и полицейскихъ властей, для воздержанія людей еврейскаго исповѣданія отъ предполагавшихся, съ ихъ стороны, злоупотребленій и безпорядковъ какъ бы свойственныхъ ихъ племени и религіи.

Изъ этого видно, какъ низко стояли, тогда, евреи въ воззрѣніяхъ многихъ лицъ высшихъ административныхъ вѣдомствъ и принадлежавшихъ къ коллегіальному составу Сената, которыя, въ сказанномъ случаѣ, приняли въ основаніе взгляды и соображенія, совершенно, по ихъ существу, противуположныя тѣмъ, какими незадолго, передъ симъ, руководствовались члены Государственнаго Совѣта, въ августовскомъ его составѣ 1814 года, при признаніи въ евреяхъ достаточной гражданской доброкачественности, для ихъ полноправности, по выполненію религіозно-гражданскаго акта свидѣтельскаго показанія, на судѣ, по дѣламъ христіанъ.

Вскорѣ послѣ отказа еврейскимъ мѣщанскимъ обществамъ въ удовлетвореніи ихъ ходатайства, относительно производства торговли по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, появилась мѣра, напоминавшая содержавшуюся въ Сенатскомъ указѣ 17 Октября 1776 года, воспослѣдовавшемъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II, которымъ, безъ Ея вѣдома и вопреки Ея законодательнымъ предначертаніямъ, была проведена, впервые, рѣзкая черта различія между подданными еврейскаго происхожденія, принявшими христіанскую вѣру, и тѣми, которые оставались въ своемъ законѣ, съ цѣлію, путемъ стѣсненія и ограниченія гражданскихъ правъ этихъ послѣднихъ, побудить ихъ къ скорѣйшему переходу въ христіанство. Появившаяся вновь мѣра, не измѣняя, въ принципѣ, этого положенія, присоединяла къ нему мысль организаціи поощрительнаго установленія, заключавшагося въ образованіи изъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, отдѣльнаго въ государствѣ общества, съ предоставленіемъ его членамъ, въ видѣ исключительныхъ льготъ и привилегій, правъ и даже преимуществъ, въ сравненіи не только съ евреями, но, отчасти, и съ подданными христіанскихъ исповѣданій. Эта мѣра содержалась въ Именномъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 25 Марта

1817 года, распубликованномъ имъ подъ заглавіемъ: «Объ учрежденіи Комитета для всѣхъ обращающихся въ христіанство евреевъ и о дарованіи имъ правъ и выгодъ, съ отведеніемъ къ поселенію земель *въ южныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ,* подъ наименованіемъ онаго *«Обществомъ израильскихъ христіанъ»*. (П. С. З. т. XXXIV № 26752). Потребность въ учрежденіи особаго попечительства надъ евреями, принявшими христіанство, въ лицѣ особаго установленія, объяснялась, въ указѣ, тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ какомъ, обыкновенно, находятся новообращенные евреи, которые, съ одной стороны, претерпѣваютъ отъ своихъ, а съ другой, не находятъ, вскорѣ, между христіанами, какъ своими новыми братьями, готоваго пристанища. Такому попечительству присвоено наименованіе «Комитета опекунства израильскихъ христіанъ», а всѣ вообще евреи, воспріявшіе христіанскую вѣру, соединены въ одно общество, подъ названіемъ, «Общества израильскихъ христіанъ». Всѣ дѣла этого Общества, за исключеніемъ уголовныхъ и тяжебныхъ, подчинены вышеозначенному Комитету, которому предоставлено право обо всемъ, касающемся того Общества, доводить до Высочайшаго свѣдѣнія, чрезъ Главноуправлявшаго Духовными Дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій, такъ-какъ ему, на основаніи § 240 общаго учрежденія Министерствъ 25 Іюня 1811 года, а также Именнаго указа 18 Января 1817 года, были подчинены тогда дѣла всѣхъ вообще еврейскихъ обществъ, не только въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи (П. С. З. т. XXXIV, № 26624). Къ сказанному указу были приложены и особыя правила о правахъ и устройствѣ Общества израильскихъ христіанъ. На основаніи этихъ правилъ Обществу были предоставлены слѣдующія права: 1) право полученія отъ Правительства безденежныхъ отводовъ земель, въ вѣчное и потомственное владѣніе, для усадьбы и домашняго хозяйства, съ тѣмъ, чтобы земли эти состояли въ ихъ общественномъ владѣніи, безъ права, впрочемъ, ихъ залога или отчужденія въ постороннія руки, 2) право поселенія на этихъ земляхъ, на свой собственный счетъ, и право заводить на нихъ всякаго рода селенія, мѣстечки и даже города, съ правомъ жить вмѣстѣ или отдѣльно, лишь бы такіе жители не выходили изъ связи съ обществомъ израильскихъ христіанъ, 3) право пользованія полною свободою вѣроисповѣданія, *къ какому бы христіанскому закону члены общества ни принадлежали*, съ изъятіемъ ихъ изъ подъ вѣдомства мѣстныхъ властей и подчиненіемъ одному только вышесказанному Комитету и Высочайшей власти,

4) право имѣть свое особое мѣстное управленіе, въ лицѣ особаго правленія, которому присвоивалась своя печать и обязанности, по снабженію членовъ общества паспортами и видами и разбору всѣхъ дѣлъ, по несогласіямъ и спорамъ между ними, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ и тяжебныхъ о недвижимыхъ имуществахъ, наслѣдствахъ и т. п.; сказанному правленію предоставлялось также имѣть въ селеніяхъ собственную полицію, 5) полныя права гражданства, не только въ своихъ мѣстахъ осѣдлости, но и во всемъ государствѣ, съ освобожденіемъ навсегда отъ всякаго рода службы и тягостей, вслѣдствіе чего, членамъ общества предоставлялось заниматься свободно внѣшнею и внутреннею торговлею, всякаго рода ремеслами, художествами и промыслами, имѣть дома и лавки, заводить и содержать фабрики, мануфактуры и заводы, не записываясь ни въ гильдіи, ни въ цехи, но платя только пошлины по тарифу, за привозные товары изъ-за границы; при чемъ, постороннимъ людямъ и самой казнѣ воспрещалось заводить на земляхъ израильскихъ христіанъ корчмы, питейные дома и другія подобнаго рода строенія, 6) право пользованія, съ потомствомъ, свободою отъ всякаго рода службы, гражданской и военной; причемъ, членамъ общества не воспрещалось, однако, поступать въ нее по собственному желанію; вмѣстѣ съ симъ, они освобождались отъ всякаго рода земскихъ повинностей, какъ то: постойной, квартирной, подводной, почтовой и т. п., съ льготою и отъ платежа государственныхъ податей, срокомъ на 20 лѣтъ, по прошествіи которыхъ они должны были платить «ту самую подать, какую прочіе природные россійскіе подданные, по разнымъ состояніямъ, платятъ, т. е. купцы, проценты съ объявляемаго ими капитала, а ремесленники и мастеровые—мѣщанскую подать», 7) выѣзжать изъ Россіи во всякое время, по желанію, но съ тѣмъ, чтобы каждый заплатилъ, предварительно, всѣ свои долги и внесъ въ казну трехгодичную подать, съ показаннаго ихъ начальствомъ капитала, по совѣсти. Иностраннымъ евреямъ, принявшимъ христіанство, было разрѣшено, этимъ же указомъ, вступать въ члены общества израильскихъ христіанъ, съ правомъ пользованія всѣми предоставленными имъ правами, не исключая и обратнаго выѣзда изъ Россіи, подъ вышесказанными условіями. Комитету опекунства надъ членами общества было вмѣнено въ обязанность составить подробнѣйшее положеніе о мѣстномъ управленіи общества и всемѣрно пещись о пользахъ, благоустройствѣ и благосостояніи его, а также объ образованіи и воспитаніи въ немъ юношества, въ правилахъ христіанства.

Изъ этого видно, что правительство имѣло намѣреніе образовать изъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, какъ бы отдѣльное, привилегированное въ государствѣ, сословіе, съ присвоеніемъ лицамъ, къ нему принадлежащимъ, правъ и преимуществъ, по ихъ объему, несравненно обширнѣйшихъ, въ сравненіи даже съ тѣми, какими пользовались лица свободныхъ состояній всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, не исключая православнаго.

Очевидно, что здѣсь преслѣдовалась религіозная цѣль и она, отчасти, могла бы быть понятною, еслибъ такое своеобразное учрежденіе имѣло предметомъ однихъ евреевъ, принявшихъ *православное исповѣданіе*. Но въ виду того, что вышесказанныя права и преимущества распространялись, въ одинаковой мѣрѣ, на евреевъ, которые приняли бы христіанство, по законамъ другихъ исповѣданій, то цѣль эта, съ государственной точки зрѣнія, дѣлалась не вполнѣ удобопонятною, такъ какъ забота и попеченіе объ интересахъ христіанскихъ исповѣданій, чуждыхъ Греко-Восточной православной вѣрѣ, не могли входить въ кругъ обязанностей русскаго правительства, призваннаго, какъ извѣстно и какъ объяснено уже выше, къ защитѣ и оборонѣ лишь одного православнаго закона. Поэтому, остается совершенно не разъяснимымъ, чьи именно религіозные интересы преслѣдовались учрежденіемъ общества израильскихъ христіанъ, но во всякомъ случаѣ, можно, кажется, безошибочно сказать, что не православной церкви, такъ-какъ евреи, обратившіеся въ иновѣрныя христіанскія исповѣданія, и притомъ, не столько по внутреннему убѣжденію, сколько по расчетамъ матеріальныхъ выгодъ, не могли, конечно, представлять для нея, а слѣдовательно, и для русскаго государства, желаемыхъ прозелитовъ. Распространеніе же широкихъ правъ и преимуществъ вышесказаннаго общества на евреевъ чужеземныхъ, съ предоставленіемъ имъ права, не вступая въ русское подданство, возвращаться обратно въ свои страны, представляло мѣру, которая, въ политическомъ отношеніи, могла быть, въ нѣкоторой степени, даже вредною, такъ-какъ это могло привлекать въ Россію лицъ еврейскаго происхожденія, разныхъ христіанскихъ исповѣданій, изъ числа также свободныхъ толковъ или сектъ, которые могли распространять въ народѣ вѣрованія, взгляды и воззрѣнія, несогласныя съ религіозно-политическими интересами государства. Въ этомъ отношеніи, дѣйствія правительства представлялись нѣсколько цѣлесообразнѣе, въ то даже время, когда евреи, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ подвергались изгнаніямъ

изъ Россіи, ибо, одновременно съ этимъ, дѣлалось распоряженіе, чтобы тѣ изъ нихъ, которые, пожелавъ остаться въ Россіи, окрестились бы въ православную вѣру, отнюдь не были уже выпускаемы изъ государства, какъ это видно изъ Именнаго указа Императрицы Елисаветы Петровны, 2 декабря 1742 года, въ которомъ было, между прочимъ, сказано: «и впредь оныхъ (жидовъ) ни подъ какимъ видомъ въ нашу «Имперію ни для чего не впускать; развѣ кто изъ нихъ захочетъ «быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, каковыхъ крестя «въ нашей Имперіи, жить имъ позволить, только вонъ ихъ изъ Госу-«дарства уже не выпускать». (П. С. З. т. XI, № 8673).

Вслѣдствіе этого, нельзя не прійти къ заключенію, что заботы и попеченія объ устройствѣ участи какой либо горсти евреевъ *разнородныхъ христіанскихъ исповѣданій*, и предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ гражданскому благосостоянію и развитію, среди нихъ, образованія, въ то время, какъ многолюдное населеніе остальныхъ евреевъ было лишено этихъ способовъ и обречено коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ, представлялъ такой образъ дѣйствія, который едва ли могъ оправдываться дѣйствительною въ немъ пользою для церкви и государства.

Между тѣмъ, проведеніе вновь правительствомъ рѣзкой черты различія въ правахъ между евреями—христіанами и евреями, остававшимися вѣрными своему исповѣданію, выдвигая, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, религіозныя цѣли правительства, присвоивало всѣмъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ ихъ правъ смыслъ религіознаго ихъ гоненія и нарушенія свободы ихъ совѣсти, въ дѣлѣ религіи. Мы увидимъ ниже, что правиламъ общества израильскихъ христіанъ присвоивалось правительствомъ руководящее значеніе въ его образѣ дѣйствія, по дѣламъ, касавшимся гражданскихъ правъ евреевъ. Это налагало на все многочисленное ихъ у насъ населеніе еще большую печать отверженія, какъ въ понятіяхъ народа и властей, такъ и въ глазахъ самихъ евреевъ, которые, вслѣдствіе этого, пріобрѣтали какъ бы новый законный поводъ къ развитію среди себя неблагопріятныхъ, для цѣли ихъ сліянія съ кореннымъ населеніемъ, религіозно-политическихъ взглядовъ на себя, какъ на народъ, для котораго Россія не есть отечество, въ совершенную противоположность взглядамъ и понятіямъ, которыя стали укореняться среди евреевъ, уже въ то время, въ иностранныхъ державахъ, особенно тѣхъ, гдѣ евреямъ были предоставлены полныя права гражданства, какъ то: во Франціи, Бельгіи, Голландіи

Англіи и даже Пруссіи, гдѣ они, по закону 11 марта 1812 года, были уравнены въ правахъ съ прочими подданными, отправляли уже воинскую повинность натурою и считали свою страну на столько своимъ природнымъ отечествомъ, что, при тогдашнихъ войнахъ, принимали участіе въ его защитѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и своими подвигами обращали на себя вниманіе военнаго начальства *).

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что несогласность и даже, въ большинствѣ случаевъ, совершенное противорѣчіе изъясненнаго образа дѣйствія правительства, съ экономическими и финансовыми интересами страны, и были, именно, главною причиною тѣхъ постоянныхъ колебаній, какія замѣчались въ принимавшихся, относительно евреевъ, исключительныхъ мѣрахъ.

Примѣромъ этого можетъ служить, между прочимъ, тогдашняя нерѣшительность правительства въ его образѣ дѣйствія, по отношенію къ правиламъ о евреяхъ по винокуренію и продажѣ питей, въ мѣстахъ, внѣ ихъ осѣдлости, т. е. въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Нѣсколько дней спустя послѣ указа о израильскихъ христіанахъ, а именно 2 апрѣля 1817 года, изданъ питейный уставъ для 29-ти Великороссійскихъ губерній, гдѣ въ примѣчаніяхъ къ § 162, было постановлено, что во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ, на кои распространяется сила устава о питейномъ сборѣ, евреи не должны быть допускаемы, ни къ винокуренію, ни къ дѣланію водокъ и варенію пива и меда, ни къ продажѣ означенныхъ напитковъ, въ мѣстахъ, для того установленныхъ (П. С. З. т. XXXIV, № 26764).

—

[1]) Государственный канцлеръ Пруссіи князь Гарденбергъ писалъ къ прусскому посланнику въ Гамбургѣ, между прочимъ, слѣдующее: „обстоятельства послѣдней войны (1812 г.) противъ Франціи недавно доказали, что они (евреи) выказали свою преданность государству, принявшему ихъ въ число своихъ сыновъ. Юноши изъ евреевъ были товарищами по оружію ихъ согражданъ изъ христіанъ, и мы имѣемъ, и среди ихъ, примѣры геройскаго мужества и самоотверженія, въ минуты военной опасности; прочіе изъ ихъ населенія, въ томъ числѣ и женщины, отличались разнаго рода самопожертвованіями, наравнѣ съ христіанами". (Allegemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste II sect. II—N 27 Theil, стр. 297.—Закономъ 11 марта 1812 года евреи, въ Пруссіи, были подвергнуты конскрипціи только по земскому ополченію, а закономъ 3 сентября 1814 года, они подчинены тамъ и общей рекрутской повинности натурою (Die früheren und gegenw. Verhaelt. der Iuden des Preussichen Staates. L. f. Rönne u. Heinrich Simon. 1843, стр. 51—53, 264). Въ Австріи, евреи еще ранѣе уравнены въ правахъ съ прочими подданными и подчинены натуральной рекрутской повинности, а именно, при Импер. Іосифѣ II, закономъ 13 мая 1781 г. (Encycl., стр. 279; Rönne u. Simon, стр. 21).

Между тѣмъ, черезъ два года послѣ этого, а именно 6 мая и 4 ноября 1819 года, состоялись два Высочайше утвержденныя положенія Комитета Министровъ, которыми, въ противорѣчіе съ этимъ общимъ постановленіемъ, въ виду разныхъ практическихъ соображеній, было признано возможнымъ и полезнымъ дарованіе евреямъ нѣкоторыхъ тамъ правъ, по винокуренію и выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ.

Такъ, первымъ изъ этихъ положеній Комитета Министровъ, по просьбѣ самихъ русскихъ помѣщиковъ, въ Великороссійскихъ губерніяхъ, и на основаніи отзывовъ многихъ вице-губернаторовъ, которымъ была подчинена тогда въ губерніяхъ винная часть, а также въ виду мнѣнія, высказаннаго, по этому предмету, извѣстнымъ Сперанскимъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Пензѣ, евреямъ, согласно съ заключеніемъ и самого Министра Финансовъ, разрѣшено право занятія винокуреніемъ, въ качествѣ мастеровъ, въ вышеозначенныхъ губерніяхъ, а слѣдовательно, внѣ черты ихъ постоянной осѣдлости.

Другимъ же изъ вышесказанныхъ положеній Комитета Министровъ, по просьбѣ еврея Левина и согласно съ представленіемъ по ней Министра Финансовъ, разрѣшено, вообще, допустить евреевъ къ выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ въ Великороссійскихъ же губерніяхъ (П. С. З. т. XXXVI №№ 27,794 и 27,963).

Такимъ образомъ, почти вслѣдъ за изданіемъ вышесказаннаго питейнаго устава, состоялись двѣ правительственныя мѣры, противорѣчившія содержавшемуся въ немъ общему, въ этомъ отношеніи, постановленію о евреяхъ и шедшія въ совершенный разрѣзъ съ постановленіями содержавшимися въ самомъ положеніи 1804 года.

Хотя же Министерство Финансовъ, для приданія легальнаго вида своимъ заключеніямъ, по вопросамъ о допущеніи евреевъ къ винокуренію и выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ, сослалось на 28 ст. того Положенія, въ которой сказано, что фабриканты, ремесленники, художники и купцы изъ евреевъ, «по дѣламъ коммерческимъ, а также для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства», могутъ временно пріѣзжать во внутреннія губерніи; но истолкованіе этого постановленія, въ пользу вышесказанныхъ мѣръ, составляло, въ сущности, ничто иное, какъ обходъ строгихъ воспрещеній, содержавшихся въ ст. 34 и слѣдующихъ постановленіяхъ Положенія, относительно занятія евреями винною частію въ деревняхъ и селахъ, такъ-какъ изъ ихъ смысла никакъ нельзя было сдѣлать правильнаго и вполнѣ точнаго вывода, чтобы подъ понятіе о коммерческихъ дѣлахъ, худо-

жествахъ и «особливомъ» искуствѣ, могло быть подведено мастерство въ винокуреніи и выдѣлкѣ хлѣбныхъ водокъ и чтобы на этомъ основаніи могло быть допущено исключеніе, относительно занятія ими, евреями, въ селеніяхъ, не только великорусскихъ губерній, но и въ тѣхъ, гдѣ они имѣли постоянную осѣдлость. Истолкованіе, въ сказанныхъ случаяхъ, постановленія Положенія въ пользу евреевъ, было, слѣдовательно, натяжкою, свидѣтельствовавшею объ ощущавшемся противорѣчіи ограничительныхъ мѣръ относительно евреевъ съ практическими интересами государства.

При другихъ обстоятельствахъ и иныхъ лицахъ, взгляды на этотъ предметъ могли бы быть совершенно иные, почему могло бы быть совершенно инымъ и истолкованіе смысла постановленія о коммерческихъ дѣлахъ, художествахъ и «особливомъ» искуствѣ евреевъ, какъ законныхъ основаній къ расширенію ихъ правъ по питейной части. Принятое Комитетомъ Министровъ, въ данныхъ случаяхъ, истолкованіе того постановленія, въ смыслѣ Министерства Финансовъ, обусловливалось личными взглядами тогдашнихъ членовъ Комитета и доказываетъ, въ какой степени правительство само стѣсняло себя неестественнымъ положеніемъ евреевъ и лежавшими въ его основаніи скрытыми религіозными цѣлями и другими побужденіями, основанными на предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ, относительно лицъ еврейскаго закона.

Измѣнчивость взглядовъ правительства на евреевъ, въ отношеніи ихъ права занятій по питейной части, и даже жительства, усматривается еще, между прочимъ, довольно характеристически изъ состоявшихся, нѣсколько позднѣе, двухъ отдѣльныхъ его распоряженій по содержанію евреями питейныхъ домовъ (кабаковъ), въ малороссійскихъ губерніяхъ.

Оба эти распоряженія заключаются въ Высочайше утвержденныхъ Положеніяхъ Комитета Министровъ 29 Ноября 1821 и 13 Мая 1822 г. (П. С. З. т. XXXVII, № 28821 и т. XXXVIII, № 29036).

Изъ перваго Положенія Комитета Министровъ видно, что Военный Губернаторъ Черниговской губерніи, имѣвшій, вѣроятно, свои личныя воззрѣнія на евреевъ, вошелъ съ представленіемъ, въ которомъ изобразилъ ихъ, съ своей точки зрѣнія, людьми положительно вредными для коренныхъ обывателей, такъ-какъ, по его объясненію, всѣ вообще евреи по виннымъ откупамъ и торговлѣ питіями являются «перекупщиками» и «содержатъ въ тяжкомъ порабощеніи крестьянъ и ка-

заковъ». Этого было достаточно, для тогдашнихъ высшихъ властей, чтобы взглянуть на евреевъ такимъ же точно образомъ и принять, по Черниговской губерніи, самыя строгія, относительно ихъ, мѣры, не входя въ обсужденіе, что именно разумѣлось губернаторомъ подъ «перекупщиками» и порабощеніемъ евреями крестьянъ и казаковъ, и не отдавъ себѣ достаточнаго отчета, что то и другое могло быть только естественнымъ дѣйствіемъ торговой и промышленной конкурренціи, прекращеніе которой со стороны евреевъ, посредствомъ устраненія ихъ отъ участія въ винныхъ откупахъ и содержанія питейныхъ домовъ, могло быть весьма убыточнымъ, какъ для казны, такъ и для самихъ крестьянъ, ибо конкурренція та могла легко перейти тогда въ руки другихъ такихъ же перекупщиковъ, изъ казаковъ или другихъ людей, которые держали бы крестьянъ, быть можетъ, еще въ большемъ порабощеніи, съ меньшею пользою для казны.

Такимъ образомъ, съ этихъ сторонъ, представленіе Военнаго Губернатора осталось безъ всякаго обсужденія, какъ въ Министерствѣ Финансовъ, такъ и въ Комитетѣ Министровъ, который, руководствуясь, преимущественно, одними личными взглядами губернатора и общими предубѣжденіями противъ евреевъ, призналъ нужнымъ испросить Высочайшее повелѣніе къ принятію по Черниговской губерніи слѣдующихъ мѣръ: 1) составить евреямъ по всѣмъ повѣтамъ списки, съ показаніемъ въ нихъ: «гдѣ кто» изъ евреевъ «и по какой причинѣ имѣетъ жительство»; 2) оставить на ономъ только тѣхъ, кои окажутся живущими въ деревняхъ, по предмету казенной винной продажи, законнымъ образомъ, по указу 14 Марта 1811 года, за ними состоящей, или по другимъ актамъ, законами дозволенными, ограничивъ число ихъ однимъ семействомъ на каждый питейный домъ, значащійся въ откупѣ по вѣдомостямъ Казенной Палаты; 3) «всѣхъ прочихъ» евреевъ, «подъ какимъ бы предлогомъ они не водворялись въ казенныхъ селеніяхъ, яко учинившихъ то въ противность Высочайше конфирмованнаго о евреяхъ положенія и *существенно для обывателей вредныхъ*, выслать безъ замедленія въ тѣ города и мѣстечки, гдѣ кто изъ нихъ состоитъ записаннымъ по ревизіи», и 4) по окончаніи «откупа на текущее четырехлѣтіе, отдачу имъ въ содержаніе кабаковъ и *пребываніе въ Черниговской губерніи вовсе воспретить*».

Изъ этого усматривается, что личный взглядъ Черниговскаго Военнаго Губернатора, въ данномъ случаѣ, былъ встрѣченъ въ правительственной сферѣ съ такимъ сочувствіемъ, что лица, облеченныя, въ

то время, высшею правительственною властію, не поколебались испросить для всей Черниговской губерніи какъ бы особую льготу, въ ея огражденіе отъ пребыванія въ ней евреевъ, т. е. такую мѣру, какой домогалось, въ 1810 году, въ отношеніи г. Кіева, мѣстное тамъ купечество и магистратъ, но которая, по докладу Государю тогдашнимъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, своихъ личныхъ соображеній по этому предмету, не удостоилась, однако, Высочайшаго утвержденія.

Но видно, что вскорѣ самимъ правительствомъ была усмотрѣна несообразность мѣры, принятой по Черниговской губерніи, въ отношеніи евреевъ, такъ-какъ другимъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 13 Мая 1822 года, хотя тѣ же мѣры распространены и на Полтавскую губернію, но съ разъясненіемъ, что евреямъ дозволяется имѣть жительство въ обѣихъ этихъ губерніяхъ и пользоваться правомъ питейной продажи въ городахъ и мѣстечкахъ, на точномъ основаніи изданнаго о нихъ Положенія.

При тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, какія принимались, вообще, въ въ отношеніи евреевъ, и тяжести податей и налоговъ, какіе они несли, положеніе ихъ, какъ уже сказано выше, не могло быть инымъ, какъ весьма бѣдственнымъ, о чемъ правительству было вполнѣ извѣстно, по свѣдѣніямъ, которыя доводились до него мѣстными губернскими начальствами.

Не взирая на это, евреи и ихъ кагалы подвергались самымъ строгимъ мѣрамъ взысканія за неисправный платежъ податей и особенно за прописку ревизскихъ душъ. Мѣры эти заключались, не только въ тяжкихъ денежныхъ пеняхъ и штрафахъ, но во взятіи подъ стражу и заключеніяхъ даже въ тюрьму, какъ неисправныхъ плательщиковъ, такъ и членовъ кагала, на которомъ, по принятому тогда порядку, лежала отвѣтственность за неисправный взносъ евреями податей [1]).

---

[1]) Въ Пруссіи, первоначально, существовали тоже еврейскія общества, съ отдѣльнымъ гражданскимъ устройствомъ и денежною отвѣтственностью за своихъ единовѣрцевъ, по платежу податей и даже за ущербы и убытки, ими причинявшіеся; но существованіе такихъ обществъ признано вреднымъ, и при Королѣ Вильгельмѣ II, прекращено на основаніи закона 18 Іюля 1801 г. Съ тѣхъ поръ, существуютъ тамъ одни лишь религіозныя общины евреевъ, безъ всякихъ административныхъ или политическихъ оттѣнковъ. (Allg. Encyclop. der Wissenschaf. u. Künst., 2 от. H –№, стр. 94).

Въ 1817 году, правительствомъ признано, однако, нужнымъ войти въ положеніе евреевъ и допустить для нихъ нѣкоторыя, въ этомъ отношеніи, облегченія.

Потребность въ такой мѣрѣ была повергнута даже на Высочайшее воззрѣніе, почему Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 19 Апрѣля того года, «объ учиненіи повѣрки прописныхъ евреевъ, по всѣмъ тѣмъ губерніямъ, гдѣ имъ жить дозволено», хотя и вмѣнено кагаламъ въ строгую обязанность къ 1 Іюля 1818 года привести въ извѣстность все количество сказанныхъ евреевъ, съ тѣмъ, чтобы за тѣмъ не оставалось въ Россіи ни одного такого еврея, а для болѣе надежныхъ изслѣдованій о прописныхъ душахъ евреевъ предписано командировать особыхъ чиновниковъ отъ Министерства Финансовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, во вниманіе къ *бѣдному состоянію всѣхъ вообще евреевъ*, дарована еврейскимъ обществамъ льгота отъ платежа за прописныя души, о которыхъ было бы заявлено до 1-го Іюля 1818 года, какъ недоимокъ за прежнее время, такъ и пени и штрафовъ за каждую такую душу, установленныхъ Манифестомъ о 7 ревизіи, въ размѣрахъ: первая 500 руб., а вторые— двойнаго оклада подати. Одновременно съ этимъ повелѣно, равнымъ образомъ, освободить изъ-подъ стражи и тюремнаго заключенія всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые до того были подвергнуты этимъ мѣрамъ взысканія, подобно тому, какъ еще прежде были освобождены отъ нихъ члены кагаловъ въ г. Кіевѣ. По истеченіи же вышеозначеннаго срока, т. е. послѣ 1 Іюля 1818 года, тѣмъ же Именнымъ указомъ, было повелѣно подвергать евреевъ пенямъ и штрафамъ, на основаніи Манифеста о 7 ревизіи, безъ всякихъ послабленій.

Исключенія, въ этомъ отношеніи, не было сдѣлано никакого для прописныхъ душъ даже изъ числа евреевъ старыхъ, дряхлыхъ, находящихся въ крайнемъ убожествѣ и дѣтей разнаго возраста, не только мужескаго, но и женскаго пола, не взирая на заявленіе ходатайства объ этомъ, еще въ 1808 году, со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Графа Кочубея (П. С. З. т. XXX, № 22837 и т. XXXIV, № 26805).

Вслѣдствіе этого, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, встрѣчались, иной разъ, достойныя сожалѣнія случаи. Такъ, напримѣръ, въ 1819 г., въ Подольскую Казенную Палату, не смотря на то, что подача ревизскихъ сказокъ лежала на обязанности кагаловъ, явилась многочисленная толпа евреевъ обоего пола, по своей дряхлости и убогости,

а также дѣтскому возрасту, поразившихъ начальство. На вопросъ, почему они лично подаютъ сказки, а не черезъ ихъ кагалы, послѣдовалъ отвѣтъ, что они не имѣютъ никакого пристанища, по отказу со стороны кагаловъ въ припискѣ ихъ къ своимъ обществамъ.

Дѣло объ этомъ доходило до Сената, который, согласно съ мнѣніемъ Министровъ Финансовъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, а также съ истребованнымъ, предварительно, заключеніемъ подольскаго губернскаго кагала *), нашелъ справедливымъ и соотвѣтствующимъ правиламъ уравнительной раскладки податей, причислить «старыхъ, дряхлыхъ и въ крайнемъ убожествѣ находящихся «евреевъ къ тѣмъ обществамъ, къ коимъ кто изъ нихъ окажется по «родству принадлежащимъ, а не имѣющихъ родственниковъ» распредѣлить «по всѣмъ кагаламъ Подольской губерніи, по соразмѣрности числа душъ», о чемъ и состоялся, 28-го Февраля 1819 года, указъ Сената, но какъ видно изъ него, безъ освобожденія обществъ отъ платежа за души тѣхъ евреевъ, какъ текущихъ платежей, такъ и недоимокъ, а также отъ пеней и штрафовъ за пропускъ срока (1 Іюля 1818 года), для подачи ревизскихъ сказокъ (П. С. З. т. XXXVI, № 27700).

Что касается до количества обнаруженныхъ, въ то время, самими кагалами приписныхъ душъ евреевъ, которые, на основаніи Именнаго указа 19 Апрѣля 1817 года, при заявленіи о нихъ, въ установленный срокъ, имѣли право воспользоваться дарованною этимъ указомъ льготою отъ платежа недоимокъ, пени и штрафовъ, то оно представлялось въ числѣ 135,000 душъ. Это видно изъ состоявшагося, 24 Іюня 1819 года, Высочайше утвержденнаго Положенія Комитета Министровъ, которымъ, согласно съ заключеніемъ Министра Финансовъ, въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о приписныхъ еврейскихъ душахъ, въ виду того обстоятельства, что командированіе особыхъ чиновниковъ въ мѣста осѣдлости евреевъ, обнимавшихъ 15 губерній, потребовался бы значительный расходъ, предписано руководствоваться установленнымъ для этого общимъ порядкомъ, т. е. возложить производство такихъ изслѣдованій на обязанности военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, съ тѣмъ однако, чтобы вмѣстѣ съ ихъ чиновниками участвовали въ

*) Изъ этого, между прочимъ, видно, какое широкое значеніе было присвоено, въ то время, еврейскимъ кагаламъ въ административномъ отношеніи.

этомъ дѣлѣ уѣздные стряпчіе, подъ руководствомъ губернскихъ, что, конечно, въ сравненіи съ вышесказаннымъ общимъ порядкомъ, составляло, по отношеніи къ евреямъ, мѣру исключительной строгости (П. С. З. т. XXXVI № 27,853, а). Весьма понятно, что въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, евреи ничѣмъ не были ограждены отъ произвола тѣхъ чиновниковъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, которымъ и здѣсь открывался широкій просторъ къ разнаго рода произвольнымъ дѣйствіямъ надъ личностью и имуществомъ евреевъ, не щадившихъ, конечно, своихъ послѣднихъ средствъ, для пріобрѣтенія возможности къ утайкѣ своихъ душъ, чтобы этимъ способомъ достигать нѣкоторыхъ хотя облегченій отъ тяжести по платежу лежавшихъ на нихъ податей.

Не смотря на такое, по истинѣ, бѣдственное, тогда, положеніе общей массы евреевъ, правительство не обнаруживало, однако, особыхъ заботъ къ облегченію ихъ участи, а напротивъ, какъ бы изыскивало предлоги къ возможно большему удрученію ихъ податьми, при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ. Такъ, при возникшемъ въ Сенатѣ вопросѣ, какое число слѣдуетъ считать послѣднимъ срокомъ, установленнымъ Именнымъ указомъ 19 Апрѣля 1817 г., для подачи евреями заявленій о своихъ неприписныхъ душахъ: 30 ли Іюня или 1 Іюля 1818 года, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу 30 Іюня; вслѣдствіе чего, заявленія, поданныя на другой день, т. е. 1-го Іюля, было постановлено признавать просроченными, а всѣ души, заявленія о которыхъ были помѣчены этимъ числомъ—не имѣющими уже права на льготу отъ недоимокъ, пеней и штрафовъ, о чемъ и состоялся 16 Февраля 1822 года особый указъ Сената (П. С. З. т. XXXVIII № 28931).

Это не повело, конечно, ни къ какимъ полезнымъ практическимъ послѣдствіямъ для казны, такъ-какъ въ результатѣ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія недоимокъ на евреяхъ и ихъ обществахъ, приходилось, большею частію, слагать ихъ со счетовъ, по ихъ совершенной безнадежности.

Быстрое возрастаніе на евреяхъ недоимокъ и конечный результатъ этого вины, между прочимъ, изъ обстоятельствъ, встрѣтившихся въ Подольской губерніи и вызвавшихъ Высочайшую мѣру. Обстоятельства эти слѣдующія.

Начальникъ Подольской губерніи въ 1825 году, доводя до свѣдѣнія Министра Финансовъ о крайне стѣснительномъ положеніи евре-

евъ въ подвѣдомственной ему губерніи, сообщилъ, между прочимъ, что вслѣдствіе дарованныхъ еврейскимъ обществамъ, на основаніи Именнаго указа 19 Апрѣля 1817 года, льготъ отъ взысканій за утайку прописныхъ душъ, о которыхъ было бы сдѣлано заявленіе къ 1 Іюля 1818 года, число евреевъ, показанныхъ тамъ въ послѣднемъ изъ двухъ означенныхъ годовъ по ревизскимъ сказкамъ, въ количествѣ 17816 душъ, возрасло до 66015 душъ. Вслѣдствіе же зачисленія въ податной окладъ вновь объявленныхъ евреевъ, частію съ двойными, частію же съ одинакими податями [1]), смотря по времени подачи о нихъ сказокъ, количество числившихся на нихъ недоимокъ, внезапно вдругъ умножилось и достигло цифры, простиравшейся до 1.618,745 руб., къ платежу которыхъ, вмѣстѣ съ накоплявшимися непрерывно текущими податями, не смотря на шестилѣтнюю разсрочку такихъ платежей, предоставленную, съ 1820 года, ревизовавшимъ губернію сенаторомъ, еврейскія общества оказываются несостоятельными. Къ этому присоединилось еще то неблагопріятное обстоятельство, что между ними явилось много нищихъ, старыхъ и калѣкъ, которые, опасаясь лично взысканій за прописку своихъ душъ и бродяжничество, подали о себѣ и своихъ семействахъ дополнительныя сказки, въ числѣ 5838 душъ, и хотя, на основаніи вышеупомянутаго указа Сената, состоявшагося 28 Февраля 1819 года, они и были распредѣлены по различнымъ еврейскимъ обществамъ, но тѣмъ не менѣе на нихъ начислено недоимки, въ количествѣ до 350,506 руб. Между тѣмъ, въ числѣ ихъ оказалось много такихъ, которые, еще до воспрещенія заграничнымъ евреямъ водворяться въ Россіи [2]), перешли въ Подольскую губернію изъ Австріи и не имѣя, большею частію, ни какой собственности, привыкли къ праздной и непостоянной жизни. Почему, кагалы ходатайствовали, одни, объ освобожденіи ихъ отъ

---

[1]) Одинаковая подать разумѣлась та, которую евреи платили въ двойномъ размѣрѣ противъ христіанъ; слѣдовательно, двойная штрафная подать, для прописныхъ еврейскихъ душъ, представлялась въ *четверномъ* размѣрѣ, въ сравненіи съ податьми, какими были обложены непрописныя души изъ числа лицъ податнаго состоянія всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій.

[2]) По Высочайше утвержденному 15 Марта 1824 г. положенію Комитета Министровъ (П. С. З. т. XXXIX, № 30004). Но еврейскія общества и ихъ кагалы считали своихъ единовѣрцевъ, переселившихся въ Россію до того, изъ Австріи и другихъ державъ, не смотря на ихъ продолжительное уже пребываніе у насъ, не своими, а чужестранными, изъ нежеланія приписывать ихъ къ своимъ обществамъ, отвѣчавшихъ тогда за исправный взносъ податей. Обстоятельство это не говоритъ, кажется, въ пользу предполагающейся племенной и религіозной сплоченности всѣхъ евреевъ между собою.

отвѣтственности въ податяхъ и недоимкахъ за людей, приписанныхъ къ ихъ обществамъ, безъ ихъ на то согласія; другіе же—о разсрочкѣ, по крайней мѣрѣ, и постепенномъ взысканіи недоимокъ, безъ пени и штрафовъ, такъ-какъ они, кагалы, не признаютъ себя виновными въ несвоевременной подачѣ тѣми евреями ревизскихъ о себѣ сказокъ. При этомъ, начальникомъ губерніи было заявлено, что всѣ, вообще, еврейскія общества находятся въ *весьма бѣдномъ положеніи*, и особенно во владѣльческихъ мѣстечкахъ, гдѣ они обложены еще другими сборами *), и что изъ числа приписанныхъ къ кагаламъ евреевъ, большая ихъ часть, будучи совершенно разорена, по случаю бывшихъ пожаровъ, разошлась по неизвѣстнымъ мѣстамъ, откуда евреи эти въ свои общества болѣе не являлись. Вслѣдствіе этого, начальникъ губерніи ходатайствовалъ о слѣдующихъ мѣрахъ: 1) о сложеніи съ еврейскихъ обществъ начисленныхъ на нихъ Казенною Палатою двойныхъ податей за приписанныхъ къ нимъ, съ недоимкою, «прописныхъ стороннихъ евреевъ»; 2) о разсрочкѣ одинакихъ за нихъ податей, по крайней мѣрѣ, на три года, безъ взысканія пени и 3) о разрѣшеніи губернскому начальству, для обезпеченія взноса за сказанныхъ евреевъ недоимки и податей, причислять ихъ, по усмотрѣнію начальства, къ состоятельнѣйшимъ изъ еврейскихъ обществъ Подольской губерніи.

Комитетъ Министровъ, согласно съ заключеніемъ Министра Финансовъ, принявъ во вниманіе, что въ числѣ приписанныхъ къ еврейскимъ обществамъ людей, могли дѣйствительно находиться такіе евреи, которые вышли изъ Австріи, для избѣжанія отправлявшейся ими тамъ натурою рекрутской повинности, принялъ изъ мѣръ, предложенныхъ Губернаторомъ, безъ измѣненія, только освобожденіе вышесказанныхъ обществъ отъ платежа за прописныхъ стороннихъ евреевъ двойныхъ податей; на отсрочку же недоимки не согласился, хотя и призналъ возможнымъ освободить общества отъ платежа по ней пени; причисленіе

---

*) Изъ Именного указа 18 Января 1806 г., воспослѣдовавшаго по докладу Министра Финансовъ, объ обращеніи пріобрѣтеннаго покупкою отъ Графа Потоцкаго, въ Подольской губерніи, г. Могилева, на Днѣстрѣ, видно, напримѣръ, что въ этомъ городѣ числилось христіанскаго закона, изъ грековъ, сербовъ и валаховъ, купцовъ 69, мѣщанъ 512 душъ, а изъ евреевъ: купцовъ 29, а мѣщанъ 1114 душъ. Всѣ они платили владѣльцу чиншъ, съ тою разницею, что греки, сербы и валахи платили его, по добровольнымъ соглашеніямъ съ владѣльцемъ, а евреи—*обязательно*, кромѣ того, они платили еще подать съ винограднаго вина и водки.

вышесказанныхъ евреевъ къ состоятельнѣйшимъ обществамъ нашелъ неудобнымъ, такъ-какъ такое распоряженіе могло открыть поводъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ и что вообще оно не содержитъ въ себѣ «справедливой мѣры уравненія», почему считалъ «совмѣстнѣе оставить въ неприкосновенной силѣ вышеупомянутый указъ Сената 28 Февраля 1819 года», а какъ изъ дѣла усматривалось, что многіе евреи, по Подольской губерніи, находятся въ неизвѣстныхъ и безгласныхъ отлучкахъ, то Комитетъ призналъ нужнымъ подтвердить Губернскому начальству, чтобы «самовольно отлучившіеся евреи отнюдь не были освобождаемы отъ установленныхъ для бродягъ и безпаспортныхъ взысканій», о чемъ и состоялось 11 Апрѣля 1825 года Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ (П. С. З. т. XL, № 30,318).

Изъ этого видно, что правительство, по поводу вышесказаннаго представленія начальника Подольской губерніи, столь ясно обрисовавшаго бѣдственное положеніе всѣхъ вообщее вреевъ, сосредоточило, преимущественно, свое вниманіе на *административно-полицейскихъ мѣрахъ* противъ самовольно отлучившихся евреевъ, число которыхъ было ничтожно, въ сравненіи съ общимъ ихъ населеніемъ, не только въ Россіи, но и въ Подольской губерніи, а также на облегчительныхъ мѣрахъ, касавшихся столь же ничтожной части недоимокъ по платежу обществами податей, за прописныхъ евреевъ «стороннихъ», т. е. тѣхъ, которые, по предположенію Комитета, вышли изъ Австріи, для уклоненія отъ отправленія тамъ отъ рекрутской повинности натурою, и личности которыхъ, во всякомъ случаѣ, представлялось затруднительнымъ привести въ точную поименную извѣстность, не обративъ, и въ данномъ случаѣ, никакого вниманія на общее положеніе евреевъ, какъ въ Подольской губерніи, такъ и въ прочихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Между тѣмъ, мѣры, принятыя ревизовавшимъ Сенаторомъ, на которыя ссылался Губернаторъ, а также общая цифра недоимокъ (1.618,745 р.), накопившихся на еврейскихъ обществахъ, по одной Подольской губерніи, ясно указывали на присутствіе, въ одномъ изъ многочисленныхъ классовъ мѣстнаго тамъ населенія, сильныхъ элементовъ къ развитію нищеты и пролетаріата, столь вредныхъ для интереса казеннаго и, вообще, для нравственаго и матеріальнаго благосостоянія государства, что, само собою, указывало на потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ исключительнаго законодательства о евреяхъ, жившихъ въ Россіи и состоявшихъ въ ея подданствѣ.

Оставляя, такимъ образомъ, постоянно, въ сторонѣ вопросы объ

общихъ мѣрахъ къ улучшенію гражданскаго быта евреевъ, столь настоятельно вызывавшихся, съ точки зрѣнія *общей государственной пользы*, правительство продолжало дѣйствовать, въ отношеніи евреевъ, въ духѣ исключительныхъ и своеобразныхъ мѣръ, имѣвшихъ скрытыя религіозныя цѣли и лишенныхъ достаточныхъ практическихъ основаній.

Въ этомъ отношеніи, сравнительно, представлялись болѣе удовлетворительными постановленія о евреяхъ, содержавшіяся въ проектѣ устава образованія присоединенной къ Россіи, по Вѣнскому трактату, Бессарабской области, составленному Генералъ-Лейтенантомъ Бахметевымъ и удостоившемуся 29 Апрѣля 1818 года Высочайшаго утвержденія.

Хотя, на основаніи этого проекта, все народонаселеніе Бессарабской области, согласно съ мѣстнымъ положеніемъ вещей, было раздѣлено на девять различныхъ состояній, а именно: 1) духовенство, 2) дворянство, 3) бояриношей, 4) мозыловъ, 5) руптушей, 6) купцовъ и мѣщанъ, 7) царанъ или поселянъ и земледѣльцевъ, 8) цыганъ и 9) евреевъ, но по отношенію къ этимъ послѣднимъ, начала ихъ уравненія въ правахъ съ жителями, равныхъ съ ними состояній, получили, съ самаго начала, значительнѣйшее примѣненіе, чѣмъ въ Бѣлоруссіи, при присоединеніи ея къ Россіи, изъ чего можно заключать, что Генералъ-Лейтенантомъ Бахметевымъ, которому было ввѣрено управленіе тѣмъ краемъ, справедливость и практичность сказанныхъ началъ были легче постигнуты и усвоены, чѣмъ первоначальными правителями Бѣлорусскаго края. Вслѣдствіе этого, на основаніи составленныхъ Генераломъ Бахметевымъ постановленій, евреи тотчасъ же были распредѣлены между сословіями купцовъ, мѣщанъ и земледѣльцевъ и уравнены съ ними въ правахъ состоянія, безъ различія происхожденія и законовъ вѣры [1]), при чемъ за евреями сохранены преимущества, какія, еще прежде, были дарованы имъ, Молдавскими Господарями, хотя изъ вышеупомянутаго Устава не усматривается, въ чемъ именно эти преимущества заключались. Такимъ образомъ, евреи, съ самаго начала, получили въ Бессарабской области полныя права гражданства, по отношенію къ праву жительства, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ

---

[1]) Въ принятомъ правительствомъ проектѣ Генерала Бехметева, относительно этого, буквально сказано: „Евреи раздѣлены быть имѣютъ промежду сословія купцовъ, мѣщанъ и земледѣльцевъ, сообразно способамъ къ производству занятій, свойственныхъ Упомянутымъ званіямъ“.

и повсемѣстному тамъ занятію всѣми отраслями и видами торговой и промышленной дѣятельности, которыя были доступны прочимъ жителямъ свободныхъ состояній. О томъ, могли ли тамошніе евреи водворяться въ прочихъ мѣстахъ Имперіи или имѣть временный туда пріѣздъ по торговымъ или другимъ дѣламъ, въ вышесказанномъ Уставѣ ничего не сказано, изъ чего можно заключать, что по его проекту, воспрещенія, въ этомъ отношеніи, не предполагалось, по крайней мѣрѣ, относительно мѣстъ постоянной осѣдлости евреевъ въ Россіи. Но въ виду общаго положенія въ ней евреевъ, Генералъ Бахметевъ не могъ не подвергнуть права евреевъ и нѣкоторымъ ограниченіямъ, а именно относительно владѣнія, на крѣпостномъ правѣ, людьми христіанскихъ вѣроисповѣданій и, вообще населенными имѣніями, что въ Бессарабской области было дозволено лицамъ всѣхъ поименованныхъ выше состояній, за исключеніемъ цыганъ, а также относительно свободнаго вступленія въ военную и гражданскую службу и пріобрѣтенія заслугами въ ней чины и прочія достоинства. Равнымъ образомъ, ограниченіямъ подверглись права евреевъ и по содержанію населенныхъ имѣній въ временномъ пользованіи и пріобрѣтенію, вообще, земель въ собственность, за исключеніемъ пустопорожнихъ земель казеннаго вѣдомства. Всѣ же прочія права гражданства были предоставлены евреямъ, въ Бессарабской области, въ равной мѣрѣ, съ прочими жителями. Вслѣдствіе этого, на основаніи Устава объ образованіи Бессарабской области, евреямъ, кромѣ правъ повсемѣстнаго въ ней жительства, какъ въ городахъ, такъ и селеніяхъ, свободной въ нихъ торговли и и занятія всѣми видами народной промышленности, предоставлены еще содержаніе въ временномъ пользованіи (арендѣ) казенныхъ и частныхъ городовъ, мѣстечекъ, селеній, хуторовъ и пустопорожнихъ земель, мельницъ, винокурень, пивоварень и прочихъ подобныхъ заведеній, а на пріобрѣтенныхъ въ собственность отъ казеннаго вѣдомства земляхъ, работы, по земледѣлію и хлѣбопашеству, а также на фабрикахъ, евреямъ было разрѣшено производить, посредствомъ найма всякаго рода свободныхъ людей, безъ различія закона вѣры (П. С. З. т. XXXV № 27,357).

Одновременно съ принятіемъ правительствомъ, въ отношеніи евреевъ Бессарабской области, мѣръ, основанныхъ, болѣе или менѣе, на началахъ равенства въ правахъ гражданства съ прочими классами населенія, права евреевъ въ другихъ мѣстностяхъ ихъ постоянной осѣдлости въ Россіи продолжали подвергаться ограниченіямъ, коснув-

шимся, между прочимъ, и одного изъ существеннѣйшихъ условій экономическаго быта, для всѣхъ вообще жителей, какъ еврейскаго, такъ и христіанскихъ исповѣданій, а именно *права свободнаго заключенія договоровъ по личному найму.*

Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что по существовавшему тогда порядку, несостоятельныя лица податныхъ состояній отдавались, за долги, въ выслугу кредиторамъ, хотя-бы эти послѣдніе принадлежали къ податному же состоянію. Вслѣдствіе этого, встрѣчались случаи, что люди, изъ числа христіанъ, попадали въ выслугу, за долги, и къ евреямъ.

Хотя это было довольно грубою формою удовлетворенія долговыхъ обязательствъ, которою одни лица подчинялись, на извѣстное время, власти другихъ, по принужденію, т. е. несоотвѣтственно съ понятіями о свободѣ личныхъ отношеній между людьми; по ограниченіямъ личной свободы, за долги, съ заключеніемъ въ долговыя тюремныя заключенія, подвергались, еще не такъ давно, лица и высшихъ состояній, не только у насъ, но и въ заграничныхъ государствахъ. «Клиши» въ Парижѣ и такія же долговыя отдѣленія въ тюрьмахъ другихъ странъ извѣстны достаточно. Поэтому, отдача рабочаго человѣка, изъ простаго званія, за долги, въ выслугу его кредитору, хотя и имѣла видъ его закрѣпощенія, на нѣкоторое время, за этимъ послѣднимъ, по сравнительно съ личнымъ задержаніемъ и заключеніемъ въ долговыя отдѣленія, въ то время, весьма неудовлетворительно у насъ устроенныя, представляла, по отношенію къ простолюдину, болѣе мягкій и цѣлесообразный способъ удовлетворенія лежавшихъ на немъ долговыхъ претензій. Кредиторы, изъ евреевъ, пользовались имъ, наравнѣ съ кредиторами всѣхъ другихъ состояній, и поводовъ къ обвиненію евреевъ въ частыхъ случаяхъ употребленія ими этого во зло, путемъ жестокаго какого либо обращенія съ людьми, находившихся у нихъ на выслугѣ, въ виду не имѣлось. Не было жалобъ, чтобы евреи съ такими должниками, во время ихъ нахожденія у нихъ въ услуженіи, обращались безчеловѣчно, употребляли бывшіе тогда въ ходу побои или какія либо другаго рода истязанія къ изнуренію ихъ силъ. Это и не могло быть въ видахъ расчетливыхъ, вообще, евреевъ, которые дорожили такими людьми, какъ полезною для нихъ рабочею силою. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно то, что причиною возникшаго въ 1818 году, въ Сенатѣ, вопроса, по предмету отдачи должниковъ, изъ христіанъ, на выслугу ихъ кредиторамъ, изъ евреевъ, не было жа-

лобы со стороны кого либо изъ находившихся въ такихъ выслугахъ рабочихъ людей. Это можно заключить изъ самаго Сенатскаго указа, воспослѣдовавшаго, по поводу сказаннаго вопроса, 22 Апрѣля 1818 года. Изъ указа этого видно, что Сенатомъ, на основаніи его опредѣленія, состоявшагося въ общемъ собраніи С.-Петербургскихъ его Департаментовъ, постановлено, чтобы «при отдачѣ христіанъ за долги въ выслугу евреямъ, послѣдніе, хотя должны употреблять ихъ къ дозволительнымъ только по Статуту занятіямъ; но по Конституціи 1690 г., евреи христіанъ въ услугахъ имѣть не должны, да и самой господствующей религіи сіе противно, то отнынѣ впредь христіанъ евреямъ ни по какому случаю въ выслугу за долги не отдавать и не допускать» (П. С. З. т. XXXV, № 27352).

Причиною этой мѣры, какъ видно, былъ выставленъ чисто одинъ лишь религіозный мотивъ, почерпнутый изъ прежнихъ польскихъ постановленій и примѣненный къ данному случаю, въ смыслѣ какъ бы огражденія христіанской вѣры, всѣхъ вообще, вѣроисповѣданій отъ посягательствъ на нее со стороны евреевъ.

Хотя, въ данномъ случаѣ, воспрещеніе, прямымъ образомъ, касалось лишь отдачи христіанъ евреямъ, въ выслугу, за долги, т. е. нахожденія у нихъ христіанъ въ услуженіи, *по принужденію*; но объясненіемъ Сената, что господствующей религіи противно, чтобы вообще христіане были въ услугахъ у евреевъ, устанавливалось, въ принципѣ, воспрещеніе личнаго найма евреями христіанъ и по *добровольнымъ* съ ними соглашеніямъ, на что, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, наложена санкція самаго закона. Между тѣмъ, приведенный къ тому, Сенатомъ, религіозный мотивъ могъ бы имѣть болѣе или менѣе справедливое основаніе, еслибъ изъ Сенатскаго указа усматривалось, въ то же время, что побудительною причиною къ такому стѣсненію евреевъ, сравнительно, съ другими торговыми и промышленными людьми, послужили, или случаи частыхъ совращеній евреями христіанъ въ свою вѣру или ихъ безчеловѣчнаго, изъ за вѣры, обращенія съ ними. Но ни тотъ, ни другой поводъ, въ указѣ томъ, однако, не указанъ.

Доказательствомъ, что самъ Сенатъ, при постановленіи вышесказанной ограничительной мѣры, не чуствовалъ себя на вполнѣ легальной почвѣ, можетъ служить то, что для подкрѣпленія своего распоряженія, онъ не могъ подыскать другихъ законныхъ основаній, кромѣ древнихъ польскихъ постановленій, утратившихъ свою силу при дѣй-

ствіи законовъ русскихъ. Ссылка, сдѣланная Сенатомъ, сперва на литовскій статутъ, а потомъ на древнюю польскую конституцію 1690 года, сама собою свидѣтельствуетъ, что онъ руководствовался, въ данномъ случаѣ, исключительно, представленіями мѣстнаго начальства, которыя легко могли быть вызваны меркантильными интригами со стороны торговыхъ и промышленныхъ классовъ христіанскихъ исповѣданій, интересы которыхъ, очевидно, выигрывали, при установленіи такого ограниченія въ правахъ евреевъ, которое лишало ихъ возможности удовлетворять свои денежныя претензіи въ общемъ порядкѣ съ прочими жителями, или пользоваться одинаковыми съ ними выгодами по личнымъ наймамъ людей, для производства необходимыхъ для себя работъ, посредствомъ ихъ труда.

Очевидно, поэтому, что такая исключительная мѣра, въ отношеніи евреевъ, устанавливала, въ тоже время, для торговыхъ и промышленныхъ классовъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, даже нехристіанскихъ, какъ бы монопольное преимущество пользоваться, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, вольнонаемнымъ трудомъ свободныхъ людей, ко вреду, какъ для этихъ послѣднихъ, такъ и вообще, для класса потребителей, а слѣдовательно, для интересовъ всего мѣстнаго тамъ населенія.

Такимъ образомъ, выставленный Сенатомъ, при принятіи вышесказанной мѣры, религіозный мотивъ былъ, въ сущности, только флагомъ, которымъ прикрывались администраціей, безъ всякаго участія со стороны законодательной власти, узкія стремленія мѣстнаго меркантилизма и другія побужденія, противорѣчавшія практическимъ пользамъ и интересамъ самаго государства, по ихъ тѣсной связи съ интересами мѣстными.

Воспретивъ произвольно, въ административномъ порядкѣ, нахожденіе христіанъ въ услуженіи у евреевъ, даже по добровольнымъ между ними соглашеніямъ, Сенатъ какъ бы не замѣчалъ, что онъ, въ тоже время, столь же произвольно устанавливаетъ ограниченіе въ правахъ, для подданныхъ и христіанскихъ исповѣданій, такъ-какъ эта мѣра лишала, также ихъ, права свободно располагать своимъ личнымъ трудомъ, вопреки существовавшимъ, и въ то время, законамъ о личныхъ правахъ всѣхъ, вообще, людей свободныхъ состояній, т. е. не принадлежавшихъ къ состоянію крѣпостному. Съ момента появленія указа Сената 22 Апрѣля 1818 года, люди тѣ какъ бы лишались уже права входить съ евреями въ добровольныя соглашенія, по предмету

личнаго найма, и заключать съ ними объ этомъ словесные или письменные договоры и условія, какъ бы они выгодны для нихъ не представлялись. Между тѣмъ, множество простаго званія людей, находившихся въ городахъ юго-западнаго края не въ меньшей нищетѣ, какъ и евреи, могли бы имѣть, и по всей вѣроятности имѣли, отъ録 наймовъ себя къ нимъ, весьма существенное подспорье къ средствамъ жизни, особенно при наймѣ въ услуженіе къ болѣе или менѣе зажиточнымъ евреямъ, изъ числа торговыхъ и промышленныхъ людей или ремесленниковъ.

Ограничительная мѣра, о которой идетъ рѣчь, представлялась тѣмъ стѣснительнѣе, что, имѣя своимъ оффиціальнымъ мотивомъ религіозный поводъ, она должна была, въ одинаковой мѣрѣ, распространяться и на право христіанъ нанимать къ себѣ въ услуженіе кого либо изъ евреевъ. Это должно было быть естественнымъ послѣдствіемъ той мѣры, потому что если для христіанской вѣры, по взгляду Сената, былъ противенъ наемъ евреями христіанъ, то не менѣе противенъ ей долженъ былъ быть и наемъ христіанами евреевъ. Очевидно, поэтому, что сказанная мѣра представлялась, въ результатѣ, крайне стѣснительною столько же для евреевъ, сколько и для самихъ христіанъ.

Не взирая на это, продолжая дѣйствовать въ этомъ самомъ духѣ и направленіи, Сенатъ изъ неприязненныхъ побужденій къ живущей въ Россіи, по его предположенію, *еврейской націи*, коснулся также свободы договорныхъ соглашеній съ ея членами и лицъ привилегированныхъ состояній, а именно помѣщиковъ, владѣвшихъ населенными имѣніями, по предмету отдачи ими этихъ имѣній въ арендное содержаніе евреямъ, съ явною цѣлію причиненія преимущественнаго вреда этимъ послѣднимъ. Это видно изъ обстоятельствъ, содержащихся въ его указѣ, воспослѣдовавшемъ 27 Марта 1819 года, подъ заглавіемъ «о прекращеніи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ работъ и услугъ, отправляемыхъ крестьянами и дворовыми людьми для евреевъ». Обстоятельства эти были слѣдующія:

Въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, хозяйство владѣльцевъ населенныхъ имѣній, какъ уже извѣстно изъ приведеннаго выше всеподданѣйшаго доклада особаго комитета для изысканія мѣръ къ выселенію евреевъ изъ деревень и селъ, было основано, главнымъ образомъ, на винокуреніи. По неумѣнію же, вообще, самими помѣщиками вести это дѣло и извлекать изъ своихъ имѣній достаточные доходы, даже съ помощію крѣпостныхъ крестьянъ, большая часть

владѣльцевъ прибѣгала къ отдачѣ винокуренія и другихъ хозяйственныхъ статей въ арендное содержаніе болѣе способнымъ къ тому евреямъ. Пользуясь этимъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ достигли извѣстнаго достатка, позволявшаго имъ кредитовать своихъ владѣльцевъ деньгами. Вслѣдствіе этого, не малое число помѣщиковъ, признавая превосходство, въ этомъ отношеніи, евреевъ, охотно предоставляло имъ въ арендное содержаніе свои населенныя имѣнія, въ цѣлости, съ правомъ, конечно, пользоваться въ нихъ работами крѣпостныхъ людей. До начала нынѣшняго столѣтія, особыхъ препятствій къ этому, со стороны правительства, не дѣлалось, хотя при самомъ поступленіи Бѣлоруссіи подъ владычество Россіи, первоначальный правитель того края, графъ Чернышевъ, какъ мы видѣли, имѣлъ уже мысль ограничить право владѣльцевъ, по отдачѣ своихъ населенныхъ имѣній въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ, безъ прямаго указанія, впрочемъ, на евреевъ (П. С. З. т. XIX, № 13865, док. пунк.). Начиная же съ царствованія Императора Александра I, Сенатъ, основываясь, какъ сказано въ вышеупомянутомъ его указѣ 27 Марта 1819 года, на польскихъ «конституціяхъ 1496 и 1775 годовъ», воспрещавшихъ евреямъ владѣніе и распоряженіе деревнями и помѣщичьими крестьянами, призналъ нужнымъ указами своими, воспослѣдовавшими 11 Декабря 1800 г., 15 Іюня 1801 г. и 13 Декабря 1812 года, подтвердить, по этому предмету, силу тѣхъ конституцій и строго предписать мѣстнымъ губернскимъ властямъ, чтобы «евреи деревнями и помѣщичь-«ими крестьянами ни подъ какимъ названіемъ и именованіемъ отнюдь «не владѣли, не распоряжали», подъ опасеніемъ, для земской полиціи и самаго губернскаго начальства, строгаго взысканія. Объ этомъ было подтверждено Сенатомъ 20 Февраля 1813 года. Но какъ, при вышесказанныхъ условіяхъ хозяйства владѣльцевъ населенныхъ имѣній, они безъ евреевъ обойтись не могли, тѣмъ болѣе, что состояли въ денежныхъ съ ними отношеніяхъ, вслѣдствіе частыхъ денежныхъ затратъ евреями на ихъ же имѣнія и получавшихся отъ нихъ лично денежныхъ ссудъ; то тѣми и другими, совмѣстно, былъ придуманъ особый видъ арендпаго содержанія населенныхъ имѣній, состоявшій въ томъ, что на основаніи особыхъ договоровъ, подъ названіемъ *крсценцій*, заключавшихся не только, домашнимъ порядкомъ, но и формально, въ судахъ, помѣщики запродавали евреямъ, жившимъ, преимущественно, въ ихъ же имѣніяхъ, будущій въ нихъ урожай, съ правомъ для такихъ евреевъ скосить и убрать, въ свою пользу, хлѣбъ и сѣно,

посредствомъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые были обязаны вымолотить хлѣбъ, свезти его къ винокурнямъ, находившимся въ содержаніи тѣхъ же евреевъ, и имѣть присмотръ за волами, поставленными тамъ на кормъ; при чемъ, помѣщики, обыкновенно, обязывались давать, вообще, такимъ евреямъ рабочихъ, пѣшихъ и конныхъ, съ подводами.

Договоры этого рода вызывались расчетами обоюдной пользы помѣщиковъ и евреевъ, изъ которыхъ первые находили изъясненный способъ пользованія своими имѣніями болѣе для себя выгоднымъ, чѣмъ извлеченіе изъ нихъ доходовъ непосредственно или черезъ управляющихъ, на свой собственный счетъ, особенно при частой своей нуждѣ въ деньгахъ, а евреи, ссудившіе ими помѣщиковъ, находили въ такихъ договорахъ, болѣе или менѣе, вѣрный способъ къ обеспеченію возникавшихъ изъ такихъ ссудъ денежныхъ своихъ претензій къ помѣщикамъ, имѣя въ виду получить и извѣстные барыши при хорошихъ урожаяхъ, почему охотно пособляли помѣщикамъ деньгами и совѣтами для произведенія разнаго рода улучшеній въ имѣніяхъ, по различнымъ статьямъ сельскаго хозяйства, особенно по части земледѣлія и скотоводства. При общемъ положеніи, въ какомъ находились тогда и евреи и помѣщики и тѣсной связи ихъ благосостоянія съ благосостояніемъ всего мѣстнаго населенія, такого рода взаимныя между ними дѣла и отношенія не могли, съ экономической точки зрѣнія, быть безусловно вредными, не представляя, въ сущности, ничего и противузаконнаго; такъ-какъ въ силу сказанныхъ договоровъ, евреи приступали къ распоряженію сельскими работами въ имѣніяхъ лишь со времени жатвы, собственно для того, чтобы правильно и безъ убытковъ для себя воспользоваться принадлежавшимъ имъ урожаемъ извѣстнаго года; распоряженія же такія не составляли, въ дѣйствительности, того владѣнія населенными имѣніями и крѣпостными въ нихъ крестьянами, какое соединяется вообще съ понятіемъ о нахожденіи недвижимаго имѣнія, населеннаго или ненаселеннаго, въ арендномъ содержаніи посторонняго лица, съ отчужденіемъ въ его пользу, владѣльцемъ, права владѣнія и пользованія имѣніемъ по срочному акту, и какое, собственно, и разумѣлось въ вышесказанныхъ, основанныхъ на польскихъ конституціяхъ, воспрещеніяхъ Сената, относительно отдачи евреямъ въ содержаніе населенныхъ имѣній, какъ людямъ податныхъ состояній, не пользовавшимся правами привилегированныхъ сословій. Поэтому, въ строго юридическомъ смыслѣ, договорами о

кресценціяхъ такія воспрещенія правительства ни въ чемъ не нарушались, ни помѣщиками, ни евреями. Что касается самихъ крестьянъ, то при существовавшемъ тогда обязательномъ ихъ трудѣ, для нихъ, въ сущности, было, вообще, безразлично выполнять свои работы для помѣщика или для еврея, по тѣмъ или другимъ между ними обоюднымъ соглашеніямъ. Быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ, это было даже облегченіемъ для крестьянъ, такъ-какъ помѣщики того времени, особенно изъ польской шляхты, отличались, вообще, какъ извѣстно, не вполнѣ гуманнымъ обращеніемъ съ своими крѣпостными людьми, какого евреи, по расчету собственныхъ выгодъ, имѣть не могли. Во всякомъ случаѣ, фактъ какого либо угнетенія ими людей, занимавшихся временно у нихъ работами, какъ явленіе общее, не былъ констатированъ, а потому нельзя сказать, съ полною достовѣрностью, что воспрещенія евреямъ, какъ первоначальныя, такъ и послѣдующія, содержать населенныя имѣнія, въ томъ или другомъ видѣ, въ арендномъ содержаніи, были вызваны, со стороны правительства, исключительно соболѣзнованіемъ къ крѣпостнымъ людямъ, отъ которыхъ непосредственно не поступало и никакихъ жалобъ на евреевъ, по поводу договоровъ о кресценціяхъ.

Между тѣмъ, еще въ 1816 г., губернское начальство Литовско-Гродненской губерніи, имѣвшее, какъ и всѣ вообще подобныя начальства въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, своеобразныя понятія о евреяхъ, какъ о людяхъ чужеземныхъ и, потому только что они евреи, недостойныхъ пользоваться одинаковыми правами съ подданными христіанскихъ исповѣданій,—понятія, находившія столь сильную поддержку и въ правительственныхъ на нихъ взглядахъ,—усмотрѣло въ договорахъ о кресценціяхъ нарушеніе евреями имѣвшихся, по этому предмету, правительственныхъ распоряженій, а также умышленную утайку ими казенныхъ доходовъ, вслѣдствіе частаго совершенія тѣхъ договоровъ домашнимъ порядкомъ, безъ ихъ оплаты пошлинами и гербовымъ сборомъ, вслѣдствіе чего, признало это злоупотребленіемъ, обвинивъ въ немъ, исключительно, однихъ евреевъ, и, въ этомъ видѣ, довело обо всемъ сказанномъ до свѣдѣнія Сената.

Сенатъ, не войдя въ ближайшія обсужденія справедливости или несправедливости взведенія на евреевъ такого обвиненія, поспѣшилъ, въ томъ же году, строго предписать указомъ, чтобы «всѣ владѣемыя «евреями подъ названіемъ кресценцій помѣщичьи имѣнія, заключающія «въ себѣ крестьянъ, были отъ евреевъ отобраны и возвращены на-

*

«стоящимъ ихъ помѣщикамъ, и всякія отправляемыя крестьянами и «дворовыми людьми, подъ какимъ бы то ни было названіемъ и предлогомъ, для евреевъ сельскія работы и услуги, непремѣнно были прекращены, возложивъ на будущее время имѣть Губернскому начальству, «за подобными по упомянутому предмету злоупотребленіями, строжайшее наблюденіе; помѣщикамъ же и евреямъ во взаимныхъ по владѣнію «имѣніями, подъ видомъ кресценціи, расчетахъ ихъ, развѣдаться особо».

Такая мѣра не могла, конечно, не быть до крайности разорительною для евреевъ, которые не видѣли другаго способа къ выручкѣ своихъ денегъ, затраченныхъ на денежныя ссуды помѣщикамъ и улучшеніе хозяйства въ ихъ имѣніяхъ, какъ посредствомъ тяжбъ, которыя при тогдашней силѣ привилегированныхъ классовъ, не вполнѣ безпристрастныхъ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ и дѣйствіяхъ полицейскихъ властей, были почти для нихъ немыслимы.

Изъ этого видно, что вышесказанное постановленіе Сената, какъ и прежнія его воспрещенія, относительно отдачи помѣщиками своихъ имѣній въ арендное содержаніе евреямъ, составляли, въ сущности, мѣры, весьма стѣснительныя, не только по отношенію къ евреямъ, но и по отношенію къ самимъ владѣльцамъ имѣній, такъ-какъ подобными мѣрами и постановленіями устанавливалось совершенно произвольное, внѣ законодательнаго порядка, ограниченіе ихъ владѣльческихъ правъ, относительно свободнаго распоряженія своею недвижимою собственностію, а въ данномъ случаѣ—даже доходами съ нея, вопреки общихъ узаконеній о правѣ частной собственности и силѣ договоровъ, основанныхъ на свободныхъ о ней соглашеніяхъ. Лишеніе же евреевъ правъ по договорамъ о кресценціяхъ, въ пользу помѣщиковъ, съ освобожденіемъ этихъ послѣднихъ отъ всякой обязанности по обезпеченію капиталовъ и денежныхъ суммъ, которые они заимствовали у евреевъ и которыми воспользовались, представлялъ мѣру, содержавшую прямое отступленіе отъ началъ гражданскаго правосудія.

Въ виду разоренія, какому вслѣдствіе этого должны были подвергнуться зажиточные евреи, которые составляли еще кой какую поддержку для еврейскаго населенія, находившагося, вообще, какъ уже извѣстно, въ крайне бѣдственномъ положеніи, депутаты отъ многихъ еврейскихъ обществъ рѣшились войти къ Государю, съ всеподданѣйшею просьбою объ отмѣнѣ сдѣланнаго Сенатомъ распоряженія, относительно вышесказанныхъ «кресценцій».

Императору Александру I благоугодно было, въ этомъ случаѣ,

весьма милостиво отнестись къ положенію евреевъ, вслѣдствіе чего, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, «все дѣло» о сказанныхъ кресценціяхъ, «не постановляя по оному окончательнаго опредѣленія, или если оно постановлено, не приводя его въ исполненіе, препроводить, предварительно, на заключеніе Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія», которому были подчинены, въ то время, дѣла всѣхъ, вообще, еврейскихъ обществъ и которымъ состоялъ, тогда, князь Голицынъ.

Князь Голицынъ, войдя въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, нашелъ, что, во всякомъ случаѣ, несправедливо обвинять въ немъ однихъ евреевъ, такъ-какъ истинно виновными въ немъ являются, не только евреи, но сами помѣщики, заключавшіе съ ними условія о «кресценціяхъ», а также присутственныя мѣста, ихъ утверждавшія. Поэтому, Министръ полагалъ справедливымъ, во 1-хъ, чтобы, по отобраніи имѣній у евреевъ, были обеспечены, на законномъ основаніи, ихъ капиталы тѣми самыми имѣніями, коихъ кресценція была имъ отдана, возвращая имъ сіи капиталы, съ законными процентами, по мѣрѣ доходовъ, собираемыхъ съ имѣній; во 2-хъ, чтобы отъ присутственныхъ мѣстъ, утверждавшихъ такія противныя законамъ условія, были потребованы объясненія. Въ этомъ смыслѣ, князь Голицынъ сообщилъ свое заключеніе Сенату. Послѣ этого, 20 декабря 1818 года, Министръ Юстиціи увѣдомилъ его, что опредѣленіе Сената во всемъ согласно съ его заключеніемъ, «кромѣ предполагаемой голосомъ одного сенатора отмѣны» Но какъ мнѣніе одного сенатора, казалось, не могло перемѣнить опредѣленіе Сената, то Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія не счелъ, въ то время, нужнымъ упоминать о немъ въ первомъ своемъ отзывѣ Министру Юстиціи, прося только его дать дальнѣйшій ходъ опредѣленію Сената. Между тѣмъ, 27 марта 1819 г., былъ полученъ состоявшійся по этому дѣлу указъ Сената, изъ котораго Министромъ тѣмъ было усмотрѣно, что въ немъ не упомянуто о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя онъ признавалъ нужными и справедливыми, а именно объ обеспеченіи еврейскихъ капиталовъ имѣніями помѣщиковъ и объ истребованіи объясненій отъ присутственныхъ мѣстъ, съ вѣдома которыхъ заключались контракты между помѣщиками и евреями. По полученіи отъ князя Голицына сообщенія, по этому поводу, Министръ Юстиціи, найдя, и съ своей стороны, предложенныя имъ мѣры «сколько справедливыми, столько необходимыми для прекращенія безчисленныхъ тяжбъ между евреями и

помѣщиками», предложилъ объ этомъ Сенату. Но вслѣдствіе происшедшаго разногласія между сенаторами, при разсмотрѣніи этого дѣла въ общемъ собраніи С.-Петербургскихъ его Департаментовъ, оно было внесено Министромъ Юстиціи въ Государственный Совѣтъ, куда князь Голицынъ внесъ записку и съ своей стороны.

Изъ этой записки усматривалось: 1) что по собраннымъ его Министерствомъ свѣдѣніямъ, въ одной Литовско-Гродненской губерніи 46-ю евреями, пользовавшимися кресценціями, затрачено на имѣнія помѣщиковъ 71,830 руб. на серебро и 17,840 руб. на ассигнаціи; 2) что ему, Министру, извѣстно изъ дѣлъ, что въ другихъ россійско-польскихъ губерніяхъ и въ Бѣлостокской области, евреями употреблены, равнымъ образомъ, на имѣнія капиталы, которые должны быть весьма значительны; 3) что, поэтому, «если не обеспечить оные, то, «по его мнѣнію, отъ сего произойдетъ вредъ не только всему *«еврейскому народу»*, и безъ того уже въ *крайней бѣдности* находящемуся, «но и самой казнѣ, которая будетъ имѣть еще менѣе средствъ къ «собранію съ евреевъ податей; ибо, по законамъ еврейской вѣры и по обычаямъ сего народа, достаточные должны пещись о пропитаніи «бѣдныхъ и оказывать имъ всякую помощь»; 3) что съ другой стороны помѣщики, какъ виновные въ этомъ дѣлѣ, имѣютъ тѣмъ менѣе основаній къ уклоненію отъ уплаты евреямъ затраченныхъ ими капиталовъ, что уплата эта есть только возвратъ имъ тѣхъ денегъ, которыми онѣ воспользовались; 4) что въ виду непрочности договоровъ о «кресценціяхъ», такъ-какъ они, большею частію, заключались домашнимъ порядкомъ, на простой бумагѣ, и могли, поэтому, быть не принимаемы судебными мѣстами къ разсмотрѣнію, а также въ виду возможности для владѣльцевъ, воспользовавшихся деньгами евреевъ, отчужденія своихъ имѣній, необходимо наложить на имѣнія вышесказанныхъ помѣщиковъ запрещенія, для предупрежденія перехода ихъ въ другія руки, и въ случаѣ, если какія изъ этихъ имѣній уже проданы, то наложить запрещеніе на другія имѣнія тѣхъ же помѣщиковъ; 5) что, вообще, по мнѣнію его, Министра, въ продажѣ кресценцій виновны судебныя мѣста, заключавшія незаконные контракты, помѣщики и евреи, почему несправедливо было бы «подвергать одинъ «классъ виновныхъ наказанію, изъемля изъ онаго два другіе, ибо су«дебныя мѣста не подвергнутся взысканію, по состоявшемуся послѣ «того милостивому манифесту, помѣщики ничего не потеряютъ, на«противъ того могутъ еще и выиграть, если откажутся возвращать

«данные имъ за кресценціи капиталы, и самую кресценцію удержать «въ свою пользу, и слѣдовательно одни только евреи будутъ нака-«заны за вину свою. Въ семъ случаѣ, обеспеченіе ихъ собственности, «не нарушая никакого закона, можетъ только уравнять всѣхъ сихъ «виновныхъ, и добросовѣстные помѣщики ни мало отъ предполагае-«мой имъ мѣры не потерпятъ».

При обсужденіи этого дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, большинство его членовъ, по своимъ личнымъ тогда взглядамъ на евреевъ, не отозвалось сочувственно къ акту правосудія, котораго такъ справедливо требовалъ Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и только пять членовъ согласились съ его мнѣніемъ. Но Монаршее правосудіе удовлетворило требованіямъ справедливости, такъ какъ Государю угодно было согласиться съ мнѣніемъ меньшинства. Вслѣдствіе сего, 20 декабря 1820 года, состоялось, по этому дѣлу, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, на основаніи котораго, договоры о кресценціяхъ, хотя и были вновь воспрещены, но правительствомъ были приняты, однако, мѣры къ обеспеченію капиталовъ, затраченныхъ евреями на помѣщичьи имѣнія (П. С. З. т. XXXVI № 27740,а; т. XXXVII № 28501).

Изъ этого видно, съ какими затрудненіями, при существованіи исключительныхъ узаконеній о евреяхъ, могли быть сохраняемы въ правительственной и судебной сферахъ правосудныя отношенія къ нимъ, даже по предметамъ, касавшимся частныхъ интересовъ и естественнаго для каждаго подданнаго права на равную со всѣми прочими подданными защиту и покровительство закона. Едва ли подобный образъ дѣйствія могъ оправдываться въ чемъ либо требованіями внутренней политики государства, такъ-какъ отъ этого проистекалъ скорѣе вредъ, чѣмъ какая либо польза, для его интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ. Достиженіе этимъ путемъ устраненія евреевъ изъ страны было, конечно, невозможнымъ, пребываніе же въ составѣ ея общаго народонаселенія милліонной массы людей, съ устройствомъ ее деморализировавшимъ и обращавшимъ сосредоточивавшіяся въ ней умственныя и экономическія силы не въ хорошую, а дурную сторону, влекло, очевидно, за собою существованіе въ государственномъ организмѣ элементовъ, постоянно задерживавшихъ правильное въ немъ теченіе дѣлъ и колебавшихъ коренныя основы его общественнаго порядка.

Недостаточное уясненіе себѣ этого органами правительственной власти было, конечно, одною изъ главныхъ причинъ шаткости и не-

опредѣленности ихъ взглядовъ на мѣры, принимавшіяся въ отношеніи евреевъ, а также быстрой измѣнчивости этихъ взглядовъ, нерѣдко, въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, принадлежавшихъ къ кругу государственныхъ дѣятелей того времени.

Изъ дѣла о кресценціяхъ, напримѣръ, видно, какъ справедливо и гуманно отнесся тогдашній Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, князь Голицынъ, къ евреямъ, по предмету огражденія ихъ населенія отъ опасности, какая могла произойти для него, вслѣдствіе предвидѣвшейся возможности разоренія зажиточнѣйшихъ изъ нихъ, при оставленіи въ силѣ сдѣланныхъ Сенатомъ распоряженій. Между тѣмъ, направленіе этого же самаго Министра было далеко не такимъ, всего, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ; такъ-какъ изъ состоявшагося 22 Апрѣля того же 1820 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, по возбужденному вопросу о правѣ евреевъ пользоваться наймомъ людей изъ числа христіанъ, видно, что княземъ Голицынымъ дано заключеніе, въ смыслѣ, весьма стѣснительномъ для евреевъ, съ упущеніемъ какъ бы изъ вида всей стѣснительности воспрещенія такихъ наймовъ, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, и для лицъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру.

Вопросъ объ этомъ предметѣ былъ возбужденъ, по поводу представленія Херсонскаго губернскаго начальства, въ которомъ оно довело до свѣдѣнія Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, «что въ еврейскихъ домахъ, какъ въ Херсонской губерніи, такъ «и другихъ, имѣется весьма значительное число женщинъ христіанской вѣры, которыя, служа у евреевъ, не только забываютъ и «оставляютъ безъ исполненія обязанности христіанской вѣры, но «принимаютъ обычаи и обряды еврейскіе, и нерѣдко по снисхожденію евреевъ (sic) впадаютъ въ развратъ» (П. С. З. т. XXXVII, № 28249).

Воспослѣдовавшая, вслѣдствіе этого, ограничительная мѣра, хотя и имѣла свой прецедентъ въ Сенатскомъ указѣ 22 Апрѣля 1818 года «о неотдачѣ должниковъ, изъ христіанъ, евреямъ для заработка долговыхъ суммъ», по вышесказаннымъ Положеніемъ Комитета Министровъ, распубликованнымъ Сенатомъ, подъ заглавіемъ: «*о недержаніи евреями въ домашнемъ услуженіи христіанъ*», подобному постановленію присвоена сила закона, лишь впервые, въ нашемъ русскомъ законодательствѣ, со времени присоединенія Бѣлоруссіи, съ еврейскимъ въ немъ населеніемъ. Въ основаніи обѣихъ этихъ прави-

тельственныхъ мѣръ лежала мысль огражденія христіанъ, не только православнаго, но всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, отъ случаевъ совращенія въ еврейскую вѣру. Изъ сего, а также изъ того обстоятельства, что мѣра воспрещенія евреямъ найма къ себѣ лицъ христіанскихъ исповѣданій, съ того времени, не утрачивала уже у насъ силу дѣйствующаго узаконенія, можно заключать, что въ нашей правительственной сферѣ господствовало какъ бы, неизгладившееся по настоящее время, убѣжденіе, съ одной стороны, о присутствіи въ евреяхъ стремленій къ распространенію своей вѣры среди христіанъ, а съ другой—о слабости и ненадежности религіозныхъ вѣрованій въ этихъ послѣднихъ. Необходимо, поэтому, не входя въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, которыми сопровождалось разрѣшеніе возбужденнаго Херсонскимъ губернскимъ начальствомъ вопроса, по этому предмету, предпослать нѣкоторыя данныя, для разъясненія, какъ степени опасности, какую евреи, въ этомъ отношеніи, представляютъ, вообще, для государства, такъ и правильности основаній, по которымъ сказанная мѣра была правительствомъ принята и перенесена, въ то время, въ законодательную область.

Идея душеспасенія людей присоединеніемъ ихъ къ правовѣрію, дѣйствительно, не принадлежитъ одному христіанству: она присутствуетъ, изъ нехристіанскихъ исповѣданій, напримѣръ, и въ магометанствѣ, гдѣ она проявлялась тоже съ оттѣнками религіознаго фанатизма, хотя съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что по ученію христіанской религіи, сообразному съ евангельскими истинами, вышесказанная цѣль должна быть достигаема лишь путемъ проповѣди и убѣжденія совѣсти, а по духу Корана, не возбраняется покорять сердца и силою оружія.

Что касается евреевъ, то по имѣющимся о нихъ религіозномъ направленіи даннымъ, приведеннымъ, между прочимъ, въ извѣстномъ уже сочиненіи профессора Хвольсона, религіозная пропаганда, ни въ одномъ изъ вышесказанныхъ видовъ, вовсе не свойственна духу еврейскаго вѣроученія, основаннаго на Талмудѣ и раввинскихъ постановленіяхъ.

Кромѣ приведенныхъ уже выше заключеній г. Хвольсона, касавшихся, между прочимъ, и этого предмета, въ сказанномъ сочиненіи его, по поводу предположеній о склонности евреевъ къ совращеніямъ въ свою вѣру, сказано, между прочимъ, еще слѣдующее: «. . . такъ «называемый религіозный фанатизмъ у евреевъ имѣетъ характеръ со«вершенно отличный отъ всякаго другаго фанатизма, не исключая и «христіанскаго. И это очень понятно. Христіанство не различаетъ ни

«отдѣльныхъ народностей, ни человѣческихъ породъ: оно обнимаетъ «своею любовію все человѣчество. Христіанская религія имѣетъ при-«званіе завладѣть всею вселенною и, съ своими великими внутренними «истинами, сознаетъ себя вправѣ называться *единою спасающею цер-«ковью.* На этомъ основаніи, во всѣ времена, случалось, что между «христіанами находились благочестивые люди, не чуждавшіеся ника-«кихъ способовъ къ распространенію истинной вѣры между другими «людьми и народами. Въ еврействѣ такой образъ дѣйствія вовсе не-«мыслимъ: евреи принимаютъ, что они потомки Авраама, Исаака и «Іакова, съ которыми Богъ вступилъ въ непосредственный, тѣсный «союзъ, что Богъ исключительно для нихъ *только* являлся на горѣ «Синайской и только имъ однимъ даровалъ такъ называемый законъ «Моисеевъ и что по всѣмъ этимъ причинамъ одни только они и обя-«заны исполнять этотъ законъ: для всякаго другаго народа законъ «Моисея не имѣетъ ни малѣйшей обязательности. Это одно изъ са-«мыхъ внутреннихъ убѣжденій еврейства. Знаменитыя семь заповѣ-«дей Ноевыхъ—вотъ все, въ чемъ заключаются обязанности всѣхъ «остальныхъ людей въ отношеніи къ высочайшему Существу. Ев-«рейская религія, по самой сущности своей, не претендуетъ на «исключительную привилегію спасительности; напротивъ, она учитъ, «что участія въ будущей жизни не будетъ лишенъ никакой благо-«честивый человѣкъ изъ какого угодно народа... По ученію раввиновъ, «евреи должны даже *отговаривать* всякаго желающаго принять еврей-«скую вѣру, поставляя ему на видъ всю трудность выполненія всѣхъ «ея законовъ» (стр. 110, 111 и 112).

Въ подтвержденіе справедливости этого, сославшись въ цитатахъ, на соотвѣтственныя мѣста въ Талмудѣ и другихъ еврейскихъ религіозныхъ источникахъ, въ томъ числѣ и на извѣстнаго, по своему авторитету среди евреевъ, Маймонида, г. Хвольсонъ тамъ же объясняетъ, что у евреевъ религіозный фанатизмъ только *внутренній*, т. е. касающійся ихъ самихъ и заключающійся въ строгомъ соблюденіи «всѣхъ мелочныхъ религіозныхъ предписаній», но отнюдь не *внѣшній*, который стремился бы къ присоединенію иновѣрцевъ къ еврейскому правовѣрію.

Эти выводы и заключенія, относительно религіозныхъ отношеній евреевъ къ иновѣрцамъ, вполнѣ подтверждаются, впрочемъ, и опытомъ временъ, а при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, касающихся евреевъ, живущихъ въ Россіи, и вѣковою экспертизою, имѣющеюся въ собственномъ нашемъ государствѣ.

Совершенная и всегдашняя, въ христіанскихъ земляхъ, независимость отъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ, относительно евреевъ, мѣръ, факта отсутствія въ нихъ склонности къ миссіонерству и пропагандѣ своей вѣры можетъ быть усмотрѣна, самымъ осязательнымъ образомъ, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что не взирая на цвѣтущее положеніе, въ какомъ евреи находились въ Польшѣ, во время царствованія династіи Пястовъ, съ X по XV столѣтіе, т. е. въ теченіи четырехъ вѣковъ, нѣтъ, однако, историческихъ слѣдовъ ихъ обвиненія, за тотъ періодъ времени, въ стремленіяхъ къ прозелетизму или въ какихъ либо противодѣйствіяхъ христіанской пропагандѣ, среди языческихъ племенъ и народовъ, только что начавшихъ тогда обращаться въ христіанство. Нельзя не принять во вниманіе и тотъ историческій фактъ, что въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ разсказовъ, чтобы послѣ того, какъ Владиміромъ Святымъ было отвергнуто предложеніе еврейскихъ старѣйшинъ относительно принятія ихъ вѣры, евреи стали бы препятствовать въ чемъ либо распространенію христіанства среди славяно-русскихъ племенъ. Между тѣмъ, при присутствіи въ евреяхъ, по ихъ вѣроученію, миссіонерскихъ стремленій къ склоненію въ свою вѣру, тѣ времена общаго невѣжества представляли бы самыя благопріятныя къ этому условія, особенно въ земляхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, гдѣ, при Пястахъ, религіозное вліяніе евреевъ могло бы имѣть существенное значеніе. Дальнѣйшая исторія Польши не представляетъ также данныхъ, которыя давали бы право заключать, что евреи обнаруживали какія либо религіозныя движенія, въ смыслѣ пропаганды и совращеній христіанъ въ свою вѣру. Причиною жестокихъ гоненій, воздвигнутыхъ на евреевъ въ Польшѣ въ XV столѣтіи, а также ограниченій, какимъ подверглись ихъ права съ вступленіемъ на престолъ династіи Ягеллоновъ, было не рвеніе евреевъ къ пріобрѣтенію изъ христіанъ послѣдователей своей вѣры, но, напротивъ, рвеніе католиковъ къ ихъ обращенію въ католицизмъ или къ истребленію огнемъ и мечемъ тѣхъ изъ нихъ, которые упорствовали въ своихъ вѣрованіяхъ.

Въ русскомъ Царствѣ, въ тотъ періодъ времени, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, мы видѣли, что, не взирая на народную, въ царствованіе Іоанна III, молву о «жидовской ереси» и евреѣ Захаріѣ, какъ ея распространителѣ, а также на созванный по поводу той ереси Соборъ и обличеніи Іосифа Санина, въ его «Просвѣтителѣ, Царь Алексій Михаиловичъ не усматривалъ, однако, никакой

опасности имѣть въ предѣлахъ своего Царства не только отдѣльныя личности, изъ евреевъ, но и сплошное ихъ населеніе, почему и не вносилъ въ свои законодательные акты никакихъ исключительныхъ постановленій, относительно евреевъ, съ цѣлію преимущественнаго стѣсненія ихъ правъ жительства въ Россіи, въ сравненіи съ прочими иновѣрными племенами, изъ числа «бусурманъ», т. е. людей нехристіанскихъ исповѣданій, чего никакъ не могло бы быть, еслибъ, въ то время, замѣчалась въ евреяхъ склонность къ нарушенію спокойствія Церкви, путемъ частыхъ совращеній русскихъ людей въ свою вѣру. За тѣмъ, до обнаруженія въ 1818 г., въ царствованіе Императора Александра I, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, т. е. внѣ мѣстъ осѣдлости евреевъ, секты «субботниковъ», въ государственныхъ актахъ нѣтъ другихъ слѣдовъ обвиненія евреевъ въ привлеченіи христіанъ въ свою вѣру, кромѣ разъясненнаго выше случая казни, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, еврея Бороха Лейбова и флота капитанъ-лейтенанта Возницына, судебный процессъ о которыхъ, никакъ не можетъ служить образцомъ вполнѣ правосудной кары, основанной на несомнѣнныхъ фактахъ и безпристрастныхъ сентенціяхъ.

Что касается секты «субботниковъ», то изъ состоявшагося, по поводу ея, Синодскаго указа 29 іюля 1825 года (П. С. З. т. XL, № 30436, а), видно, что она обнаружена, впервые, въ 1818 году, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи, вслѣдствіе подачи самими сектаторами всеподданнѣйшей жалобы на притѣсненія, претерпѣвавшіяся ими отъ мѣстныхъ начальствъ. Объ этой сектѣ, по Высочайшему повелѣнію, было, тогда же, произведено, свѣтскими и духовными властями, строжайшее изслѣдованіе, а 4 августа 1819 года, на основаніи данныхъ, представленныхъ епархіальнымъ и губернскимъ начальствами, съ ихъ заключеніями, состоялось опредѣленіе Св. Синода о мѣрахъ противъ той секты, съ переименованіемъ ея въ секту «іудействующихъ; но ни изъ опредѣленія Св. Синода, ни изъ оффиціальныхъ данныхъ, которыми онъ руководствовался, не усматривалось, чтобы кто либо изъ природныхъ евреевъ былъ уличенъ въ прикосновенности къ ней и подвергнутъ за это наказанію, по всей строгости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ. Поэтому, сообщенное тогда Преосвященнымъ Воронежскимъ свѣдѣніе, что сказанная секта возникла, среди православныхъ христіанъ, около 1796 года, «отъ природныхъ», будто, «жидовъ», осталось не вполнѣ достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что самъ Преосвященный, говоря о сектѣ, выразилъ сомнѣніе,

что бы она, по своему существу и своимъ обрядамъ, прямо вытекала изъ іудейскаго ветхозавѣтнаго богослуженія. Если же принять въ соображеніе, что возникновеніе этой секты было отнесено Преосвященнымъ къ 1796 году, т. е. къ тому времени, когда въ Россію переселялось множество иностранныхъ колонистовъ, различныхъ свободныхъ христіанскихъ толковъ и сектъ, основывавшихъ свои колоніи именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ обнаружена, впервые, секта «субботниковъ», то нельзя не прійти къ убѣжденію, что ея происхожденіе и распространеніе въ народѣ принадлежитъ, скорѣе всего, тѣмъ же колонистамъ, но отнюдь не евреямъ, которыхъ, въ то время, во внутреннихъ губерніяхъ и не было, а если, изъ нихъ, и были случайно туда заѣхавшіе, то, конечно, не съ религіозною цѣлію распространенія въ народѣ такой секты, которая не вытекала, прямымъ образомъ, изъ ихъ ветхозавѣтнаго вѣроученія и которая, въ случаѣ обнаруженія ихъ прикосновенности къ ней, имѣла бы для нихъ послѣдствіемъ, если не казнь по Уложенію 1649 года, то ссылку въ каторжныя работы, соединявшуюся, и послѣ отмѣны пытокъ, еще продолжительное время, съ истязаніями такого рода, какъ наказаніе, черезъ палача, кнутомъ, рваніе ноздрей, клейменіе и т. п. Сами послѣдователи сказанной секты не присвоивали себѣ названія, ни «іудействующихъ», ни «жидовствующихъ», и оно дано имъ, какъ это видно изъ Синодскаго указа 29 Іюля 1825 г., по распоряженію свѣтскихъ и духовныхъ властей, а послѣднее названіе «жидовствующихъ», на основаніи внесенной, тогдашнимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, графомъ Кочубеемъ, 23 Февраля 1823 года, въ Комитетъ Министровъ, записки, въ которой онъ, согласно съ заключеніями Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и предположеніями духовнаго начальства, не взирая на то, что никто изъ евреевъ не былъ уличенъ, по произведенному строжайшему о томъ разслѣдованію, въ прикосновенности къ сектѣ, выразилъ мнѣніе, какъ о необходимости немедленной высылки всѣхъ евреевъ, безъ исключенія, изъ уѣздовъ, въ коихъ находилась та секта, и изъ сосѣднихъ съ ними уѣздовъ, такъ и о наименованіи секты, въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ, «жидовскою», съ оглашеніемъ, что послѣдователи ея «подлинно суть Жиды, ибо, было сказано въ запискѣ, настоящее ихъ «наименованіе Субботниковъ или придерживающихся Моисееву Закону, «не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ «немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣж-«деніемъ, что обращать стараются ихъ въ Жидовство». Эта мѣра, въ

числѣ прочихъ, была принята, на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 Февраля 1825 года положенія Комитета Министровъ, хотя названіе секты «жидовской», на самомъ дѣлѣ, несоотвѣтствовала, быть можетъ, собственнымъ понятіямъ о себѣ ея послѣдователей.

Лучшимъ же доказательствомъ, что евреи не имѣли и не имѣютъ въ себѣ расположенія къ совращеніямъ въ свою вѣру, въ особенности людей православнаго закона, можетъ служить то обстоятельство, что въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, какъ до, такъ и послѣ ихъ вступленія въ русское подданство, начиная съ Царя Алексѣя Михаиловича по настоящее время, т. е. болѣе, чѣмъ за трехсотлѣтній періодъ времени, не взирая на густоту ихъ населенія въ возсоединенныхъ съ Россіею краяхъ и областяхъ, со времени ограниченія ими права жительства евреевъ въ Россіи, а также на тѣсныя ихъ отношенія, въ отправленіяхъ общественной жизни, съ мѣстнымъ тамъ населеніемъ,— ни въ полиціяхъ, ни въ мѣстныхъ судебныхъ мѣстахъ, ни въ Сенатѣ, не встрѣчалось распоряженій и приговоровъ, изъ которыхъ усматривались бы случаи судимости евреевъ за пропаганду своего закона и которымъ они были бы дѣйствительно, въ этомъ преступленіи, уличены и подвергнуты наказаніямъ, по всей строгости уголовныхъ законовъ. Кромѣ вышеупомянутой казни еврея Бороха и флота капитанъ-лейтенанта Возницына и встрѣтившагося, въ царствованіе Императора Николая I, случая обвиненія нѣкоторыхъ евреевъ въ совращеніи въ свою вѣру двухъ молодыхъ католичекъ, въ государственныхъ актахъ не имѣется слѣдовъ о понесеніи кѣмъ либо изъ евреевъ тяжкой кары, опредѣлявшейся за подобное преступленіе. Обстоятельства же послѣдняго изъ вышесказанныхъ случаевъ, встрѣтившагося въ царствованіе Императора Николая I, равнымъ образомъ, не могутъ давать повода къ признанію существованія среди евреевъ признаковъ несомнѣнной ихъ склонности къ прозелитизму. Изъ Сенатскаго указа, состоявшагося по этому дѣлу 9 Декабря 1826 года (2-е П. С. З. т. I, № 736), видно, что случай этотъ, послужившій поводомъ къ подтвержденію Сенатомъ строгаго выполненія узаконенія, воспрещавшаго евреямъ *нанимать къ себѣ въ услуженіе христіанъ*, заключался въ томъ, что по оговору нѣсколькихъ евреевъ, въ г. Видзахъ, Виленской губерніи, ихъ же единовѣрцами, евреи тѣ были привлечены къ возбужденному о нихъ уголовному дѣлу, по обвиненію въ совращеніи въ свою вѣру, двухъ безпріютныхъ молодыхъ католичекъ, Савицкой и Сапицкой, скитавшихся, съ малолѣтства, по домамъ евреевъ, причемъ, одна изъ

нихъ вышла замужъ за одного изъ обвинявшихся евреевъ. Состоявшійся объ этихъ евреяхъ приговоръ Виленскаго Главнаго Суда воспослѣдовалъ, въ существовавшемъ тогда порядкѣ слѣдственнаго процесса, на основаніи формальныхъ уликъ, съ принятіемъ къ руководству и крайне неудовлетворительныхъ формъ уголовнаго судопроизводства тогдашнихъ «Воинскихъ процессовъ», почему все это дѣло не представляло благопріятныхъ условій, для вполнѣ правосуднаго его рѣшенія. Совершенная правильность состоявшагося по этому дѣлу вердикта представляется сомнительною еще и потому, что въ приговорѣ, кромѣ сбивчивости и неопредѣлительности въ выводахъ и заключеніяхъ, о виновности вышесказанныхъ евреевъ, встрѣчаются соображенія такого рода: «въ чемъ они (обвиняемые евреи) ....не признаются, по согласнымъ съ воинскими процессами доводами обнаружились виновными», или: «хотя никто изъ нихъ ни въ чемъ не признался, и нѣтъ по «дѣлу законныхъ противу нихъ свидѣтельствъ; но какъ нельзя допустить, чтобы кагальные, яко начальники еврейскаго общества, могли «не вѣдать о столь важномъ случаѣ, то» и проч. Обвиненные, такимъ образомъ, евреи были приговорены Виленскимъ Главнымъ Судомъ, большею частію, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, съ предварительнымъ наказаніемъ нѣкоторыхъ плетьми, другихъ кнутомъ. Мѣра этого наказанія, за силою Всемилостивѣйшаго тогда манифеста 1 января 1826 года о восшествіи на престолъ, смягчена, значительно, Сенатомъ, отмѣною казни плетьми и кнутомъ; но Государю Николаю Павловичу, по всеподданнѣйшему докладу этого дѣла, угодно было повелѣть, изъ приговоренныхъ евреевъ, имѣвшихъ менѣе 30 лѣтъ, опредѣленному судебными приговорами наказанію вовсе не подвергать, ограничившись отдачею только ихъ въ солдаты, съ ссылкою въ Грузію.

Нынѣ же имѣются несомнѣнныя удостовѣренія, относительно факта отсутствія въ евреяхъ всякой склонности къ совращеніямъ въ свою вѣру и совершенной, въ этомъ отношеніи, безопасности евреевъ для спокойствія Церкви и Государства. Удостовѣренія эти содержатся въ оффиціальныхъ отзывахъ и заключеніяхъ бывшихъ губернскихъ, по еврейскому вопросу, Коммисій, изъ коихъ Ковенская, напримѣръ, Коммисія, принявъ, въ своихъ соображеніяхъ, во вниманіе то обстоятельство, что «на опытѣ не видно, чтобы были случаи совращенія въ іудейство», полагала, не только возможнымъ, но и необходимымъ разрѣшить евреямъ имѣть христіанскую прислугу (стр. 23 «Трудовъ» Коммисіи). Въ этомъ смыслѣ, по вопросу о христіанской прислугѣ у евреевъ,

высказались многія такія же Коммисіи и по другимъ губерніямъ, находящимся въ чертѣ осѣдлости евреевъ.

Что касается, наконецъ, носившейся уже, въ царствованіе Императора Александра I, народной молвы о существованіи, будто, среди евреевъ обычая умерщвлять христіанскихъ дѣтей, съ цѣлію употребленія ихъ крови, для разныхъ своихъ изувѣрныхъ обрядовъ [1]; то по произведеннымъ, и въ то время, изслѣдованіямъ, объ этомъ обстоятельствѣ, обвиненіе евреевъ въ существованіи между ними вышесказаннаго обычая было признано на столько несправедливымъ и неправдоподобнымъ, что по этому предмету воспослѣдовало особое Высочайшее повелѣніе Государя, строго воспрещавшее основывать судебные приговоры на подобныхъ вымыслахъ, о чемъ княземъ Голицынымъ, бывшимъ, въ то время, Главноуправляющимъ Духовными дѣлами Иностранныхъ Исповѣданій, 6 марта 1818 года, сообщено начальникамъ губерній, въ циркулярномъ предложеніи, слѣдующаго содержанія: «По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто, они «употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно, во «время польскаго правленія, были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщ-«вленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ «сихъ не оправдали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по «таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ, грамотами своими «1564 г. Августа 9, и 1566 г. Мая 20 дня, запретилъ обвинять ев-«реевъ, безъ всякаго основанія, въ употребленіи христіанской крови, «зная изъ священнаго писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ «послѣднее же время, именно въ 1763 году, Марта 21 дня, папскій «нунцій, по дѣлу евреевъ, писалъ: и въ недавнее время Римскій пре-«столъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, «что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови, для дѣланія «своихъ опрѣсноковъ; но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, «которыя достаточны были бы къ подтвержденію сего предразсудка

---

[1]) Легендарное значеніе народной молвы о существованіи, будто, среди евреевъ такого изувѣрнаго обычая, занесенной въ Россію изъ Западныхъ государствъ, преимущественно, католическихъ, а также совершенная несоотвѣтственность подобнаго обычая съ вѣроученіемъ евреевъ, не допускающей мысли о возможности даже возникновенія среди евреевъ чего либо подобнаго, безъ обнаруженія такихъ изувѣровъ самими же евреями, разъяснены вполнѣ Профессоромъ Хвольсономъ, какъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи его: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ", такъ и въ его извѣстной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь".

«противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить «ихъ виновными въ таковомъ преступленіи; и потому не призналъ «правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ осно-«ваніи сужденія. По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, «отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ, губерніяхъ извѣтовъ на «евревъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той же «надобности, Его Императорское Величество, пріемля во вниманіе, что «таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпри-«страстными слѣдствіями и королевскими грамотами, Высочайше пове-«лѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями «Монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщ-«вленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому пред-«разсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но «если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, «безъ предубѣжденія однако же, что они сдѣлали сіе, для полученія «христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе, на законномъ «основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относя-«щимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые ули-«чились бы въ преступленіи дѣтоубійства».

Объявленное, такимъ образомъ, Высочайшее повелѣніе составляетъ одинъ изъ актовъ Монаршаго правосудія Императора Александра I, къ евреямъ, находившимся въ подданствѣ Россіи, и служитъ въ числѣ другихъ, приведенныхъ уже выше, подобныхъ же актовъ, доказательствомъ о личномъ намѣреніи Государя не устанавливать, по отношенію къ евреямъ, исключительныхъ порядковъ, на основаніи господствовавшихъ противъ нихъ предубѣжденій, особенно, когда послѣдствіемъ такихъ порядковъ могло быть какое либо стѣсненіе въ правахъ, не только для евреевъ, но и для окружавшихъ ихъ жителей христіанскихъ исповѣданій.

Между тѣмъ, проведеніе правительствомъ, черезъ Комитетъ Министровъ, вышеупомянутаго постановленія о строгомъ воспрещеніи евреямъ найма къ себѣ въ услуженіе лицъ христіанскихъ исповѣданій, представляло именно такую мѣру.

Изъ вышесказаннаго представленія, по этому предмету, херсонскаго губернскаго начальства, усматривалось, несомнѣннымъ образомъ, только то, что множество бѣдныхъ людей изъ простолюдиновъ находили себѣ пристанище и дневное пропитаніе въ домахъ евреевъ и что они жили съ хозяевами въ совершенномъ согласіи, которое составляетъ одно изъ усло-

вій общественнаго спокойствія и тишины. Что касается объясненія начальства Херсонской губерніи, что женщины, жившія въ домахъ евреевъ, склонялись къ еврейской вѣрѣ, то оно не могло заслуживать большаго вѣроятія, потому, во первыхъ, что оно не было основано на формальныхъ объ этомъ изслѣдованіяхъ, при депутатѣ съ духовной стороны, во вторыхъ же, потому-что начальствомъ, въ тоже время, не сообщалось, какія именно обязанности христіанской вѣры не исполнялись сказанными женщинами и какіе, именно, обычаи и обряды были приняты ими отъ евреевъ. Неисполненіе всѣхъ церковныхъ правилъ, со стороны бѣдной женщины, заработывающей, въ потѣ лица, свое дневное пропитаніе и строго исполняющей свои обязанности по домашему хозяйству, не могло служить еще признакомъ отпаденія ея отъ христіанства; такъ точно, какъ не могло служить такимъ же признакомъ подчиненіе служащей женщины нѣкоторымъ обычаямъ хозяевъ, которые держались строго ихъ религіозныхъ вѣрованій, въ видѣ разныхъ домашнихъ обрядовъ, такъ-какъ женщины, находившіяся въ услуженіи, могли дѣлать это, во многихъ случаяхъ, изъ нежеланія стѣснять въ чемъ либо своихъ хозяевъ, относительно принятаго въ ихъ домахъ порядка. Наконецъ, въ самомъ представленіи вышесказаннаго начальства не содержалось никакихъ прямыхъ обвиненій противъ евреевъ о склоненіи ими тѣхъ женщинъ, путемъ увѣщаній или насильственно, къ обращенію въ ихъ вѣру. Объясненіе же его, что служащія въ домахъ евреевъ женщины предаются, будто, разврату, по какому-то ихъ снисхожденію къ нимъ, не составляя обвиненія въ личномъ и непосредственномъ развращеніи ими тѣхъ женщинъ или въ какихъ либо умышленныхъ поощреніяхъ ихъ къ тому, по меньшей мѣрѣ, не заслуживало на столько уваженія, чтобы придавать ему какое либо значеніе.

Такимъ образомъ, въ представленіи херсонскаго губернскаго начальства не содержалось никакихъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ, безъ особыхъ предубѣжденій противъ евреевъ, можно было бы, справедливымъ образомъ, обвинять ихъ въ склоненіи въ свою вѣру служащихъ у нихъ женщинъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и распространеніи ея, этимъ путемъ, въ народѣ, а слѣдовательно, и выводить заключеніе, что въ виду несомнѣнно угрожающей со стороны евреевъ опасности, для интересовъ Православной Церкви, представлялось, тогда, вполнѣ необходимымъ принятіе какой либо неотложной мѣры, и при томъ такой, которая, не ограничиваясь личною карою евреевъ,

виновныхъ или предполагавшихся виновными въ совращеніяхъ, падала бы своею тяжестью на все ихъ населеніе, безъ различія праваго отъ виноватаго, стѣсняя, въ то же время, и прочихъ жителей, изъ простаго званія людей, въ отправленіяхъ ихъ общественной съ евреями жизни. Между тѣмъ, Министръ Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, по поводу вышеупомянутаго представленія херсонскаго начальства, основываясь на предположеніи, достаточно неподкрѣпленномъ, что евреи прикосновенны, будто, къ сектѣ «субботниковъ», и настолько же недостовѣрныхъ свѣдѣніяхъ своего Министерства, что, будто, евреи, по ихъ вѣроученію «считаютъ своею обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру» и что изъ нѣкоторыхъ въ немъ дѣлъ видно, что женщины, жившія въ ихъ домахъ, принимали еврейскую вѣру, по ихъ убѣжденію, безъ объясненія, въ то же время, былъ ли кто изъ такихъ евреевъ судимъ, по преступленію за совращеніе въ свою вѣру, и приговоренъ къ наказанію,—вошелъ 8 января 1820 года въ Комитетъ Министровъ, съ запискою объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія, чтобы въ виду, не только приведенныхъ выше указовъ Сената 22 апрѣля 1818 г., о неотдачѣ христіанъ въ услуженіе евреямъ за долги, и 27 марта 1819 г., о прекращеніи договоровъ о кресценціяхъ, но и 20 гл. Уложенія Царя Алексія Михаиловича, было строго подтверждено воспрещеніе принимать евреями къ себѣ въ дома, для какихъ бы-то нибыло услугъ, христіанъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и свободныхъ, и притомъ обоего пола, съ тѣмъ, чтобы за нарушеніе этого правила, обѣ стороны, т. е. евреи и христіане, были подвергаемы взысканію по суду и чтобы наблюденіе за этимъ было возложено на губернское начальство, «которому, сказано въ запискѣ, вмѣнить въ обязанность имѣть попеченіе о христіанахъ, какіе находились въ домахъ евреевъ, или будутъ открыты, и сообщать о нихъ свѣдѣнія духовному начальству, для наставленія въ правилахъ и обязанностяхъ христіанства, если, по испытаніи, они окажутся нетвердыми въ оныхъ». Къ сему въ запискѣ было присовокуплено, что вышеозначенная мѣра, представлялась бы полезною и въ томъ отношеніи, что она способствовала бы открытію въ домахъ евреевъ мѣстъ, для ихъ собратій, которые, такимъ образомъ, имѣли бы средство снискивать себѣ пропитаніе. Согласно съ такимъ заключеніемъ, состоялось 10 февраля 1820 года Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, «о недержаніи евреями въ домашнемъ услуженіи христіанъ», при распубликованіи котораго, Сенатъ, въ своемъ

указѣ, по этому предмету, состоявшемся 22 апрѣля того же года, вывелъ на справку вышеупомянутые прежніе свои указы 22 апрѣля 1818 г. и 27 марта 1819 года.

Такимъ образомъ, узаконена мѣра, воздвигавшая, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, такъ сказать, каменную стѣну между евреями и христіанами и стѣснявшая, до крайности, тѣхъ и другихъ въ условіяхъ ихъ экономическаго быта. Основаніемъ же къ этому, кромѣ религіозныхъ предубѣжденій, послужилъ и тотъ взглядъ на евреевъ, вслѣдствіе котораго они являлись въ понятіяхъ, какъ-бы инородными, среди кореннаго населенія, племенемъ или націей, которой не суждено имѣть постоянное пребываніе въ Россіи, какъ странѣ, не могущей быть ихъ отечествомъ. Что взгляда этого, въ то время, не было чуждо и вѣдомство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, а быть можетъ и самъ князь Голицинъ, при всемъ своемъ гуманномъ и правдивомъ направленіи, по отношенію къ евреямъ, могутъ служить доказательствомъ встрѣчавшіяся въ оффиціальныхъ бумагахъ, исходившихъ отъ его лица, выраженія такого рода, какъ *«еврейскій народъ»*, *«законы и обычаи сего народа»*, и т. п. При этомъ, нельзя не замѣтить нѣкоторую сбивчивость и неопредѣлительность понятій сказаннаго вѣдомства, относительно религіозной цѣли, какой русскому правительству надлежало держаться, какъ призванному, по основнымъ законамъ государства, къ охраненію религіозныхъ интересовъ одного лишь господствующаго Греко-Восточнаго исповѣданія. Каждая религіозная мѣра, выходившая изъ предѣловъ этихъ интересовъ, составляла, въ строгомъ смыслѣ, прямое нарушеніе нашихъ основныхъ законовъ. Между тѣмъ, изъ воспослѣдовавшаго, 22 апрѣля 1820 года, согласно съ заключеніемъ князя Голицина, какъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ видно, что воспрещеніе евреямъ нанимать христіанъ, а христіанамъ наниматься къ евреямъ, касалось не однихъ лицъ православнаго исповѣданія, но христіанъ всѣхъ, вообще, вѣроисповѣданій, не исключая тѣхъ, которыя принадлежали къ числу только терпимыхъ, и что на губернскія начальства возложена обязанность пещись и заботиться о тѣхъ и другихъ, въ одинаковой мѣрѣ.

Такое широкое понятіе о религіозной цѣли государства было не свойственно съ понятіями о его обязанностяхъ, по отношенію къ православной церкви, для которой отъ этого, если строго разобрать, могло проистекать болѣе вреда, чѣмъ пользы. Изъ за такихъ, однако, сбивчи-

выхъ и неопредѣленныхъ понятій о сказанной цѣли принцессы, въ вышесказанномъ случаѣ, въ жертву многія экономическія выгоды и пользы, какихъ въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, въ виду многочисленности ихъ населенія, можно было бы ожидать, при допущеніи свободнаго обмѣна личныхъ услугъ между ними и другими жителями. Это условіе, столь естественное среди людей, постоянно живущихъ вмѣстѣ, могло-бы несомнѣнно, имѣть благія послѣдствія и для интересовъ желаемаго сліянія евреевъ въ правахъ и обычаяхъ съ прочимъ населеніемъ, такъ-какъ съ помощію взаимнаго обмѣна личныхъ услугъ, который сближалъ-бы между собою евреевъ и христіанъ *, евреи, по-

*) По всѣмъ имѣющимся и изложеннымъ выше историческимъ даннымъ о причинахъ возникновенія у насъ ограничительныхъ узаконеній о евреяхъ, въ томъ числѣ и узаконенія, стѣснившаго, какъ ихъ, такъ и христіанъ, относительно свободы договоровъ о личномъ наймѣ, едва ли было бы справедливо оправдывать этого рода дѣйствія стихійною борьбою *расъ*. Отсутствіе въ славяно-русскихъ племенахъ всякихъ элементовъ къ ней доказывается однимъ уже тѣмъ, что случаи „жидотрепаній“, какъ выражаются нѣкоторые, встрѣчались на Руси весьма рѣдко и происходили по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, съ промежутками времени, продолжавшимися многіе вѣка. Собственно въ русскомъ государствѣ, по его образованіи, такихъ случаевъ и не встрѣчалось, до нынѣшнихъ еврейскихъ погромовъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, пострадало, преимущественно, собственность евреевъ и которые, говоря справедливо, не имѣли инаго значенія какъ только *уличныхъ безпорядковъ*, доказывающихъ лишь, съ какою легкостью народная толпа можетъ быть возбуждаема противъ евреевъ, въ чертѣ ихъ осѣдлости, которою, искусственнымъ образомъ, установлена тамъ ихъ торговая и промышленная монополія. Религіозная, бытовая и политическая терпимость ко всѣмъ вообще иновѣрнымъ племенамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, составляла всегда отличительную, подмѣченную и иностранными писателями, черту истиннаго православія Греко-Восточной церкви и національнаго характера славяно-русской народности, а вмѣстѣ и одно изъ самыхъ великихъ ея политическихъ достоинствъ. Изображеніе этого предмета въ превратномъ свѣтѣ—значило бы несправедливо умалять это достоинство и набрасывать тѣнь на самую свѣтлую сторону національной личности русскаго народа. Поэтому, утверждать, что ограничительное у насъ законодательство о евреяхъ вызвано, будто, какими либо стихійными причинами, коренящимися въ расовой враждѣ къ евреямъ, можно только или при совершенномъ незнакомствѣ съ ходомъ касающихся ихъ мѣръ и постановленій, или при компромиссѣ съ наукою, фактами и собственными убѣжденіями. Прибѣгающія къ такимъ компромиссамъ лица, за неимѣніемъ опоры въ данныхъ у насъ на Руси, указываютъ на антисемитическія движенія противъ евреевъ въ Германіи. Между тѣмъ, изъ имѣющихся нынѣ объ этомъ явленіи оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что германскій антисемитизмъ, не имѣя корня въ политическихъ тамъ сферахъ, принадлежитъ кружку агитаторовъ, образовавшихъ особую какъ бы лигу, примкнувшую къ партіи *христіанскихъ соціалистовъ*, нигдѣ вообще нежелаемыхъ и имѣющихъ сильный отпоръ въ самой Германіи, въ партіи, напримѣръ, прогрессистовъ, во главѣ которой стоятъ столь просвѣщенныя личности, какъ Вирховъ и другіе. Лучшимъ доказательствомъ, что антисемитизму не придается значенія въ политическихъ сферахъ самой Германіи можетъ служить то обстоятельство, что тамъ, не взирая на этого рода пропаганду, не замѣчается, однако, никакихъ измѣненій въ правахъ евреевъ, съ цѣлю

добно тому, какъ это замѣчается уже, издавна, въ заграничныхъ государствахъ, стали-бы постепенно утрачивать ту обособленность, которая существуетъ еще у насъ въ Россіи, и которую, не отдавая себѣ отчета о настоящей причинѣ этого явленія, имѣютъ обыкновеніе приписывать, исключительно, винѣ самихъ евреевъ.

Изъясненный образъ дѣйствія имѣлъ тѣмъ менѣе справедливыя въ себѣ основанія, что съ ними соединялась какъ-бы мысль о совершенномъ безсиліи въ народѣ христіанскаго элемента, въ томъ числѣ, и среди православной паствы; тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, это не было такъ. Еслибъ, съ одной стороны, въ евреяхъ дѣйствительно существовали предполагавшіяся фанатическія стремленія къ распространенію въ народѣ своей вѣры, а съ другой стороны, среди христіанъ, дѣйствительно господствовала-бы слабость религіозныхъ вѣрованій, то въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, гдѣ такъ многочисленно ихъ населеніе, нѣсколько лѣтъ было-бы достаточно для превращенія ими христіанъ въ свою вѣру, или, по крайней мѣрѣ, для значительнаго уменьшенія, путемъ совращеній, ихъ контингента въ христіанскихъ паствахъ, и въ этомъ отношеніи, не только ограниченія и стѣсненія правъ, но и мѣры тяжкаго наказанія, могли-бы оставаться недѣйствительными, для предотвращенія этого неизбѣжнаго, при существованіи вышесказанныхъ условій, послѣдствія. Между тѣмъ, ничего подобнаго тамъ не произошло. Въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія миновало уже полвѣка, а нынѣ— уже болѣе столѣтія, со времени присоединенія, съ еврейскимъ населеніемъ, бѣлорусскаго края. При всемъ томъ, совмѣстное жительство христіанъ съ евреями, въ чертѣ ихъ осѣдлости, не причиняло тогда, какъ и теперь, никакой убыли въ прихожанахъ христіанскихъ паствъ, особенно православной. Это, само собою, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что въ еврействѣ нѣтъ стремленій къ прозелтизму, а въ народѣ христіанскомъ—къ переходу въ еврейскій законъ. Вѣковая замкнутость милліонной массы еврейскаго населенія, съ христіанскимъ населеніемъ, въ предѣлахъ извѣстной части государства, представляетъ, слѣдовательно, полезную, въ этомъ отношеніи, экспертизу.

возврата къ прежней, репрессивной, относительно ихъ, политикѣ, и что изданные, въ послѣднее время, австро-венгерскіе законы о ростовщичествѣ не носятъ никакихъ слѣдовъ какой либо исключительности по отношенію къ евреямъ, да и самое изданіе этихъ законовъ вызвано случаями ростовщичества, практиковавшагося не одними евреями, но и лицами христіанскихъ исповѣданій.

Нужно полагать, что еслибъ все это было извѣстно въ царствованіе Александра I, то, правительство, не стало, быть можетъ, держаться столь стойко политики исключительныхъ мѣръ, въ отношеніи евреевъ, и евреи, какъ и христіане, не были бы, между прочимъ, стѣсняемы въ отправленіяхъ ихъ общественной жизни, подобными мѣрами, какъ вышеупомянутая.

Но дѣйствуя, въ то время, въ полнѣйшемъ мракѣ, относительно всего почти, что касалось евреевъ, правительство продолжало слѣдовать принятой политикѣ, которая, съ теченіемъ времени, образовала въ законодательствѣ толстое наслоеніе отдѣльныхъ законовъ и постановленій, а въ государственномъ организмѣ—болѣзненный наростъ деморализированной, и собою деморализирующей, массы людей, съ толпою нищихъ и пролетаріевъ.

Не принимая, однако, съ своей стороны никакого почина къ возбужденію, въ законодательномъ порядкѣ, вопроса о принятіи какихъ либо общихъ мѣръ къ улучшенію этого, вреднаго для государства, положенія вещей, Сенатъ, какъ и прочіе высшіе органы государственнаго управленія, ограничивался, большею частію, относительно евреевъ, разрѣшеніемъ доходившихъ до него дѣлъ, по частнымъ случаямъ, ихъ касавшимся.

Такъ, 13 августа 1820 года, состоялся его указъ «объ исключеніи евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, изъ еврейскихъ обществъ, и изъ тѣхъ окладовъ, въ какихъ они до принятія христіанской вѣры состояли».

Изъ этого указа видно, что еще въ 1799 году, т. е. при Императорѣ Павлѣ I, Кіевскою Казенною Палатою былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ принявшимъ «Христіанскій Законъ» (какой не сказано) евреемъ, Петромъ Крыжановскимъ, приписаннымъ къ еврейскому обществу и платившимъ подати по окладу, для евреевъ установленному; вслѣдствіе чего, тогда же, Сенатомъ было сдѣлано распоряженіе объ исключеніи этого еврея изъ прежняго оклада, съ оставленіемъ въ мѣщанскомъ званіи, на ряду съ христіанами. Но какъ распоряженіе это воспослѣдовало только по Кіевской губерніи и касалось, поэтому, лишь ея, то въ 1820 году, т. е. черезъ 21 годъ послѣ вышесказаннаго случая, по поводу представленія Виленской Казенной Палаты о подобномъ же случаѣ, Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, признавая необходимымъ общее по этому предмету распоряженіе, входилъ объ этомъ въ сношеніе съ Министромъ Финансовъ, по

представленію котораго и воспослѣдовалъ вышесказанный указъ Сената, содержавшій испрашивавшееся общее распоряженіе, относительно порядка платежа податей евреями, принявшими христіанскую вѣру (П. С. З. Т. XXXVII, № 28,377).

Неустановленіе правительствомъ, въ теченіи столь продолжительнаго времени, послѣ принятія евреемъ Крыжановскимъ христіанской вѣры, общаго, относительно такихъ лицъ, порядка, есть фактъ, который, самъ собою, свидѣтельствуетъ, что среди многочисленнаго населенія евреевъ, какое было уже, въ то время, въ Россіи, случаи обращенія ихъ въ христіанскую вѣру были, вообще, единичными и весьма рѣдкими и что усложнявшія законодательную и административную дѣятельность мѣры внѣшняго принужденія евреевъ къ христіанству, выражавшіяся въ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ ихъ гражданскихъ правъ, не достигали своей скрытой цѣли, такъ точно, какъ не достигали ея и разнаго рода поощрительныя мѣры, въ которыхъ цѣль эта явственно уже обнаруживалась, такъ-какъ этого рода мѣры заключались въ уравненіи евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, въ правахъ съ прочими подданными, съ видимымъ намѣреніемъ правительства провести рѣзкую черту различія между лицами, исповѣдующими христіанскую вѣру, и евреями.

Это имѣло послѣдствіемъ только убѣжденіе этихъ послѣднихъ въ ихъ религіозномъ преслѣдованіи въ Россіи и располагало ихъ естественно къ энергической защитѣ себя путемъ религіозной сосредоточенности, съ непріязненными оттѣнками къ окружавшему ихъ населенію. Существованіе же евреевъ въ государствѣ, въ видѣ отдѣльныхъ еврейскихъ обществъ, присвоеніе этимъ обществамъ, съ самаго начала принятія евреевъ въ русское подданство, значенія самостоятельныхъ учрежденій еврейскаго народа, не только съ административными, но даже политическими оттѣнками, ясно выражавшимися въ признаніи за такими обществами и ихъ кагалами права народнаго какъ бы представительства своей націи, по дѣламъ касавшимся ея общихъ нуждъ и потребностей, подчиненіе этихъ обществъ, въ царствованіе Императора Александра I, въ этомъ именно видѣ, непосредственной власти одного изъ высшихъ государственныхъ органовъ, въ лицѣ, сперва, Министра Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, а потомъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, съ предоставленіемъ, въ тоже время, тѣмъ обществамъ и ихъ кагаламъ права самостоятельнаго завѣдыванія образованіемъ своего юношества; съ другой

же стороны, ограниченія и стѣсненія евреевъ, во всѣхъ сферахъ ихъ общественной дѣятельности—все это представляло, вообще, такое смѣшеніе началъ и основаній въ образѣ дѣйствія правительства, по отношеніи къ евреямъ, въ которомъ трудно было разобраться. Изъ всего этого, евреи и всѣ, вообще, власти въ государствѣ могли только выводить одно и тоже: что они, евреи, по признанію правительства, составляютъ въ государствѣ, несомнѣнно, отдѣльную націю, которая, по законамъ страны, должна вѣчно подлежать гоненіямъ и преимущественно изъ за ихъ вѣры.

Вслѣдствіе этого, личность еврея въ глазахъ правительства и властей, въ большинствѣ случаевъ, исчезала, являлась только ихъ нація, которая, собственно говоря, и была предметомъ всѣхъ вообще правительственныхъ мѣръ, касавшихся евреевъ.

Съ этой точки зрѣнія, представлялось часто справедливымъ стѣснять и гнать каждаго еврея, безъ различія его личности, на томъ только основаніи, что онъ принадлежитъ къ своей націи.

Въ этомъ отношеніи, весьма характеристичны встрѣтившіеся, въ то время, на практикѣ, случаи, по поводу которыхъ состоялся указъ Сената 31 Января 1821 года, «о наблюденіи за евреями, чтобы они не присвояли себѣ права по торговлѣ, имъ недозволенной» (П. С. З. т. XXXVII, № 28537). Изъ указа этого видно, что еще въ Январѣ 1817 года, въ г. Харьковъ, на существующую тамъ Крещенскую ярмарку, прибыло нѣсколько евреевъ, какъ заграничныхъ, такъ и живущихъ въ Россіи, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ были товары. Прибытіе ихъ туда, съ экономической точки зрѣнія, не могло, конечно, представлять, для кого бы-то ни было, особаго вреда, а напротивъ, могло бы оживить ярмарку и доставить способъ многимъ изъ жителей города, какъ изъ купечества, такъ и другихъ классовъ, пріобрѣсти для себя полезный товаръ, котораго въ Харьковѣ не было, за болѣе или менѣе дешевую цѣну. Къ тому же, прибывшія личности евреевъ могли быть людьми весьма благонадежными, пользовавшимися на ихъ родинѣ общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Но для тогдашняго слободско-украинскаго губернскаго начальства было достаточно, что они люди, принадлежащіе къ еврейской націи, почему, не разбирая ихъ личностей и усмотрѣвъ, что купца изъ г. Нѣжина, которому, по ихъ объясненію, были присланы привезенные ими товары, въ ту минуту въ Харьковѣ не оказалось, сказанное начальство признало нужнымъ принять строгія мѣры относительно ихъ, и не только воспретило имъ

торговать тѣми товарами, но сдѣлало распоряженіе о личномъ ихъ задержаніи и немедленной высылкѣ за черту губерніи, въ Маллороссію, что и было тотчасъ же приведено въ исполненіе. На это бердичевскими 2 гильдіи купцами еврейскаго закона была принесена, въ 1818 году, жалоба Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ просьбою, чтобы имъ, на основаніи 110 ст. Городоваго Положенія и журнала Государственнаго Совѣта 29 Мая 1814 года, было разрѣшено свободно торговать во всѣхъ россійскихъ городахъ и на ярмаркахъ. Но Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, управлявшій въ то время и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, оставилъ, и жалобу и просьбу этихъ евреевъ, безъ послѣдствій по слѣдующимъ основаніямъ: 1) «что хотя, 110 статьею Городоваго Положенія, и дозволена купцамъ 2 гильдіи торговля повсюду внутри государства, а журналомъ Государственнаго Совѣта 29 Мая 1814 г., предоставлено также всѣмъ состояніямъ торговать, на всѣхъ существующихъ въ Россіи ярмаркахъ, но сіи постановленія не могутъ относиться до купцовъ еврейскаго закона,» 2) что по Положенію 1804 года евреямъ позволено пользоваться внутреннею и внѣшнею торговлею въ 15 губерніяхъ, гдѣ «жительство имѣютъ» и что исключеніе изъ этого общаго правила сдѣлано только *для евреевъ христіанъ—членовъ Израильскаго Общества* *). Года два спустя послѣ этого, а именно, въ Августѣ 1820 г., слободско-украинскій гражданскій губернаторъ вошелъ съ представленіемъ къ Министру Финансовъ, въ которомъ объяснилъ, что въ г. Харьковъ прибылъ изъ г. Нѣжина грекъ Артиновъ и еврей Унтерманъ, для распродажи привезенныхъ первымъ изъ нихъ суконъ; при чемъ Артиновъ, которому сукна эти не принадлежали, былъ снабженъ отъ жившаго въ г. Нѣжинѣ коммисіонера Бензмана довѣренностію, изъ которой усматривалось, что собственникомъ тѣхъ суконъ былъ города Пружанъ 1-й гильдіи купецъ Перштейнъ, которымъ на продажу ихъ была выдана, съ своей стороны, особая довѣренность вышесказанному еврею Унтерману. При чемъ, въ довѣренности Бензмана Артинову было сказано, что такъ-какъ онъ малосвѣдущъ по части суконъ, то чтобы онъ продавалъ ихъ не иначе, какъ совмѣстно съ повѣреннымъ ихъ владѣльца, Унтерманомъ. Хотя право этого по-

*) Изъ этого видно, какое значеніе, на практикѣ, имѣла, по отношенію къ евреямъ, поощрительная мѣра, въ видѣ попечительства надъ евреями, принявшими христіанскую вѣру.

слѣдняго, не только на продажу въ Харьковѣ суконъ, но и на самое пребываніе его въ этомъ городѣ, по существовавшимъ тогда постановленіямъ, могло, конечно, не являться вполнѣ законнымъ и подвергнуться, вслѣдствіе этого воспрещенію со стороны мѣстнаго начальства, а самъ Унтерманъ—высылкѣ за черту губерніи; но, во всякомъ случаѣ, взаимныя по этому предмету между сказанными лицами соглашенія, выраженныя въ формальныхъ довѣренностяхъ, какъ и самыя довѣренности, не заключали въ себѣ ничего подложнаго, такъ-какъ не было, въ тоже время, обнаружено фальшивыхъ чьихъ либо на этихъ довѣренностяхъ подписей. Поэтому, послѣдствіемъ присоединенія Бенземаномъ къ греку Артинову еврея Унтермана могло бы быть только то, что съ воспрещеніемъ этому послѣднему принимать участіе въ продажѣ суконъ, первому, греку Артинову, пришлось бы продавать ихъ самому, такъ-какъ для воспрещенія такой продажи ему, какъ лицу, имѣвшему право торговли и свободнаго проживательства во всей Имперіи, не могло послѣдовать, на томъ только основаніи, что онъ не являлся собственникомъ товара, а только его фактическимъ владѣльцемъ и коммисіонеромъ, по неимѣнію, въ то время, въ виду прямого въ законахъ воспрещенія на это. Но гражданскій губернаторъ усмотрѣлъ, однако, въ довѣренности Бенземана *подлогъ,* хотя къ заподозрѣнію въ подложности имѣвшейся на ней подписи собственника товара Перштейна не представлялось никакихъ основаній. Вслѣдствіе этого, взглянувъ на еврея Унтермана, какъ обладателя подложной довѣренности, губернаторъ призналъ совершенно невозможнымъ допустить его къ продажѣ въ Харьковѣ суконъ. Заподозрѣвъ такимъ образомъ человѣка въ преступленіи, потому только, что онъ принадлежалъ къ еврейской націи, губернаторъ пришелъ, однако, въ затрудненіе, какъ поступить съ грекомъ Артиновымъ, къ воспрещенію которому продажи привезеннаго имъ сукна не представлялось прямаго законнаго основанія. Поэтому, онъ призналъ нужнымъ войти съ представленіемъ, по этому предмету, къ Министру Финансовъ, при чемъ возбудилъ въ немъ слѣдующій вопросъ: «что такъ-какъ имѣются случаи, въ которыхъ евреи поручаютъ по коммисіямъ продажу своихъ товаровъ русскимъ купцамъ, на ярмаркахъ, то можно ли дозволить такую продажу или нѣтъ, ибо на этотъ предметъ точнаго постановленія нѣтъ.

Министръ Финансовъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, т. е. отказомъ евреямъ въ правѣ продавать внутри Россіи свои товары,

чрезъ коммисіонеровъ, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) что россійскіе купцы, получающіе отъ *евреевъ-нехристіанъ* товары, могутъ производить оными торговлю только въ означенныхъ въ положеніи 1804 года губерніяхъ *) и 2) что торговля во всей Россіи, на правѣ россійскихъ 1 и 2 гильдіи купцовъ, дозволена однимъ только вступившимъ *въ общество израильскихъ христіанъ евреямъ*. Вмѣстѣ съ этимъ, «въ отвращеніе того, чтобы не могло подобныхъ вышеозначенному случаевъ встрѣтиться и на другихъ въ государствѣ ярмаркахъ, куда евреи нехристіанскаго закона домогаются также отправлять свои товары, какъ изъ прежней просьбы ихъ видно», Министръ Финансовъ вошелъ съ рапортомъ въ Сенатъ, въ которомъ, основываясь, исключительно, на томъ соображеніи, что изъ сопоставленія 13, 26 и 28 ст. Положенія о евреяхъ съ 6 п. Высочайше конфирмованныхъ 25 Марта 1817 г. правилъ для *общества израильскихъ христіанъ* видно, что только членамъ этого общества даруются права гражданства, не только тамъ, гдѣ поселены будутъ, но и во всемъ государствѣ; что же касается евреевъ, въ общество это не вступившихъ, то имъ дано право пользоваться торговлею только въ 15 губерніяхъ, поименованныхъ въ вышесказанномъ Положеніи,—просилъ Сенатъ: «не благоугодно ли будетъ сдѣлать повсемѣстное подтвержденіе, дабы торговля евреевъ, какъ черезъ нихъ самихъ, такъ и черезъ ихъ коммисіонеровъ и прикащиковъ, была производима во всей точности, сообразно съ Высочайше конфирмованными въ 9 день декабря 1804 и 25 марта 1817 годовъ объ нихъ узаконеніями; въ противномъ же случаѣ всякій *подлогъ* преслѣдуемъ-бы былъ по всей строгости законовъ». Согласно съ этимъ, состоялся вышеупомянутый указъ Сената 31 января 1821 года.

Изъ всего этого видно: 1) что въ то время, Министерство Финансовъ, не признавъ возможнымъ выйти изъ понятій губернатора о существѣ и значеніи коммисіонныхъ договоровъ, призналъ такіе договоры, согласно съ его взглядомъ, *подлогомъ*; 2) что такое же значеніе этого

*) Нельзя не замѣтить всю особенность подобнаго распоряженія, такъ-какъ по его смыслу, ограниченіямъ въ правахъ свободнаго передвиженія въ Имперіи должны были подвергнуться, не только евреи, но и ихъ товары; въ то же время, ограниченіямъ въ правѣ мѣстопребыванія и производства торговли, должны были подвергнуться и русскіе купцы, обладавшіе еврейскимъ товаромъ. Товаръ этотъ, такимъ образомъ, какъ-бы олицетворялся и дѣлался субъектомъ правъ, которому отдавалось даже преимущество передъ обладателемъ его—русскимъ купцомъ, ибо не лицомъ его, а товаромъ, находившимся въ его рукахъ, должно было опредѣляться мѣсто торговли имъ такимъ товаромъ.

рода договорамъ, согласно съ мнѣніемъ Министерства Финансовъ, присвоено и Сенатомъ, вслѣдствіе чего и Министерствомъ и Сенатомъ установлено воспрещеніе евреямъ и русскимъ купцамъ входить въ коммисіонныя соглашенія, по предмету продажи товаровъ внутри Россіи, совершенно произвольно, такъ-какъ, въ этомъ отношеніи, какъ сказано выше, не существовало еще тогда никакихъ прямыхъ воспрещеній закона *); къ истолкованію же въ этомъ смыслѣ существовавшихъ постановленій о евреяхъ, на основаніи которыхъ были воспрещены имъ только личный пріѣздъ во внутреннія губерніи Россіи и торговля тамъ, не представлялось никакихъ правильныхъ основаній, потому-что между личнымъ выполненіемъ торговаго дѣла и выполненіемъ его чрезъ посредство другихъ, по коммисіонному договору, имѣется существенная юридическая и обычная въ торговыхъ дѣлахъ разница; 3) что на основаніи принятой Министерствомъ Финансовъ и Сенатомъ, въ данномъ случаѣ, мѣры, касавшейся торговыхъ правъ, какъ евреевъ, такъ и русскихъ купцовъ, не лежало никакихъ торговыхъ, экономическихъ и финансовыхъ соображеній о ея вредѣ или пользѣ для жителей и государства, и 4) что главнымъ основаніемъ къ принятію такой мѣры, представлявшейся одинаково стѣснительною въ торговомъ отношеніи, какъ для еврейскаго и русскаго купечества, такъ, вообще, и для другихъ классовъ населенія въ Имперіи, служили правила объ *обществѣ израильскихъ христіанъ*, проводившія рѣзкую черту различія въ правахъ между евреями, въ него вступившими и въ него не вступившими, а слѣдовательно—цѣль чисто религіознаго свойства, но столь-же неопредѣленная, по отношенію къ интересамъ православной церкви, какъ и религіозная цѣль тѣхъ правилъ, которыми, какъ объяснено выше, открывалась широкая дверь въ государство лицамъ еврейскаго происхожденія всѣхъ странъ и всѣхъ вѣроисповѣданій христіанскаго закона, не исключая терпимыхъ, но нежелаемыхъ, какъ то: кальвинистовъ, анабаптистовъ, менонистовъ, гернгутеровъ, молокановъ, и т. п. Практическая несообразность дѣлавшагося, въ то время, примѣненія правилъ общества израильскихъ христіанъ къ дѣламъ, касавшимся евреевъ, усматривается весьма ясно, если принять въ соображеніе, что изъ-за цѣли пріобрѣтенія прозелита въ лицѣ ев-

---

*) Воспрещеніе объ этомъ, какъ мы увидимъ ниже, воспослѣдовало, нѣсколько позднѣе, и въ законодательномъ порядкѣ.

рея, не только русскаго подданнаго, но и иностраннаго, который могъ бы принадлежать къ одной изъ такихъ чуждыхъ для Православной Церкви христіанскихъ сектъ, какъ вышеупомянутыя, приносились, въ то время, закономъ и администраціей, въ жертву экономическія пользы государства, изъ числа самыхъ даже насущнѣйшихъ, какъ это въ дѣйствительности и произошло въ вышеприведенныхъ случаяхъ, въ которыхъ коммисіонная продажа еврейскихъ товаровъ могла служить къ оживленію торговли и удовлетворенію первѣйшихъ нуждъ и потребностей массы потребителей. При такихъ своеобразныхъ взглядахъ на евреевъ и отношенія къ нимъ кореннаго населенія государства, при отсутствіи, въ то же время, всякой предусмотрительности, относительно послѣдствій, какія могли имѣть для него вытекавшія изъ этихъ взглядовъ мѣры, нельзя было ожидать, конечно, скораго появленія въ правительственной сферѣ почина относительно коренныхъ какихъ либо преобразованій въ гражданскомъ бытѣ евреевъ.

Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, и Сенатъ, продолжали, поэтому, ограничиваться, по прежнему разрѣшеніемъ дѣлъ о евреяхъ, по отдѣльнымъ случаямъ, иной разъ, въ государственномъ отношеніи, весьма малозначущимъ.

Такъ, въ 1822 г., одинъ шкловскій мѣщанинъ изъ евреевъ, нѣкій Станиславъ Фромгольдъ, проживавшій въ С.-Петербургѣ и занимавшійся тамъ сѣдельнымъ мастерствомъ, перейдя въ христіанскую вѣру, *римско-католическаго вѣроисповѣданія*, пожелалъ, въ качествѣ христіанина, записаться, въ С.-Петербургѣ же, въ цехъ сѣдельнаго мастерства, съ поступленіемъ въ военную службу. Казалось-бы, что столь обыкновенный случай не могъ и не долженъ былъ бы вызывать потребности въ какихъ либо особыхъ мѣропріятіяхъ, со стороны высшаго правительства. Это и было бы такъ, еслибъ къ этому не примѣшивался религіозный вопросъ. Но какъ между податными классами евреевъ и другими классами людей, равныхъ съ ними состояній, по различію законовъ вѣры, существовало и различіе въ правахъ, то скромное желаніе мастера Фромгольда, по заведенному тогда порядку, потребовало особыхъ мѣръ, если не затруднявшихъ, то, болѣе или менѣе, утруждавшихъ, и низшее и высшее начальство. Избѣжаніе, въ данномъ случаѣ, соединенной съ гласностію оффиціальности представлялось тѣмъ желательнѣе, что мастеромъ Фромгольдомъ, при переходѣ въ христіанство, отдано предпочтеніе, предъ Церковью Православною, церквѣ

Римско-Католической, съ паствою которой, государство наше имѣло, какъ извѣстно, серьезные тогда счеты, религiозно-политическаго характера. Къ тому же, въ виду приведенныхъ уже выше специальныхъ правительственныхъ постановленiй, относительно правъ евреевъ, принявшихъ христiанскую вѣру, на военную службу и приписку къ христiанскимъ обществамъ податнаго состоянiя, дѣло о мастерѣ Фромгольдѣ, собственно говоря, не возбуждало никакого вопроса и могло быть разрѣшено, въ порядкѣ управленiя, ближайшими властями, на основанiи дѣйствовавшихъ постановленiй.

Но какъ дѣло шло о евреѣ, принявшемъ христiанство и представлявшемъ, для правительства, удобный случай провести различiе между этимъ евреемъ и прежними его единовѣрцами, то С.-Петербургское Губернское Правленiе не преминуло войти о немъ съ представленiемъ въ Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенiя, которое, съ своей стороны, давъ ходъ этому дѣлу, на ряду съ другими дѣлами государственнаго управленiя, признало нужнымъ представить его на разрѣшенiе Сената, съ своимъ заключенiемъ, на основанiи котораго просьба Фромгольда была вполнѣ, конечно, удовлетворена, какъ не представлявшая ничего несообразнаго съ законами, о чемъ, для единообразнаго руководства, въ подобныхъ случаяхъ, 30 ноября 1823 года, указомъ Сената предписано къ повсемѣстному исполненiю. Вслѣдствiе этого, указъ этотъ, какъ содержавшiй общее распоряженiе, нашелъ себѣ мѣсто въ Полномъ Собранiи Законовъ, гдѣ и помѣщенъ подъ слѣдующимъ заглавiемъ: «о принимании евреевъ, воспрiявшихъ христiанскую вѣру, во всякое податное состоянiе» (П. С. З. Т. XXXVIII, № 29,228).

Такимъ образомъ, не взирая на то, что повсемѣстное опубликованiе о томъ, что сѣдельный мастеръ Фромгольдъ, изъ евреевъ, проживавшiй въ С.-Петербургѣ, при переходѣ въ христiанство, избралъ предпочтительнѣе католическую паству передъ православной, едва ли могло удовлетворять требованiямъ политическаго такта, мастеръ Фромгольдъ вступилъ въ цехъ и военную службу, при обстановкѣ, которая, несоотвѣтствуя такому такту, представляла ту невыгоду, что обнаруживала, съ одной стороны, скрытую религiозную цѣль, въ образѣ дѣйствiя правительства, по отношенiю къ евреямъ, а съ другой стороны, какъ бы нѣкоторое равнодушiе къ интересамъ господствующаго исповѣданiя.

Сходственный съ этимъ образомъ дѣйствiй правительства усматри-

вается и изъ другаго указа Сената, воспослѣдовавшаго 30 ноября 1823 года.

Поводомъ къ этому указу было донесеніе Бѣлостокскаго Областнаго Правленія о томъ, что одинъ изъ тамошнихъ евреевъ, по фамиліи Абрамовичъ, принялъ Св. крещеніе, по обряду Римско-Католическаго же исповѣданія, и будучи, при крещеніи, переименованъ въ Франциска Добровольскаго, вступилъ въ монашескій орденъ францисканевъ. Донося объ этомъ, вышесказанное Правленіе испрашивало разрѣшеніе двухъ вопросовъ: 1) можно ли новообращенному еврею дать дозволеніе на вступленіе въ означенный монашескій орденъ и 2) какъ поступить, относительно исключенія его изъ подушнаго оклада.

По этимъ столь несущественнымъ, съ государственной точки зрѣнія, вопросамъ. возникла, однако, переписка, кромѣ Областнаго правленія, еще по Министерству Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ Сенатѣ и у Митрополита Римско-Католической церкви Богуша, послѣдствіемъ которой было появленіе 30 Ноября 1823 г. сказаннаго Сенатскаго указа, который, такимъ же образомъ, какъ и предыдущій, помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, подъ нижеслѣдующимъ заглавіемъ: «о допущеніи Евреевъ, по принятіи христіанской вѣры Римско-католическаго исповѣданія, вступать въ духовное званіе и о *«выключкѣ»* ихъ потомъ изъ подушнаго оклада» (П. С. З. т. XXXVIII № 29,662).

Такимъ образомъ, еврей, названный, по принятіи крещенія, Францискомъ Добровольскимъ, за неимѣвшій никакой, въ сущности, цѣны, для интересовъ господствующаго исповѣданія, религіозный актъ отступленія отъ своей вѣры,—актъ, который не послужилъ ни къ чему, какъ только къ увеличенію контингента личнаго состава монашескихъ орденовъ римской куріи,—пріобрѣлъ оффиціальное какъ бы поощреніе со стороны высшаго правительства, которое какъ-бы поощряло этимъ и другихъ евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, къ предпочтительному переходу въ католицизмъ.

Между тѣмъ, такое отступленіе въ религіозныхъ мѣрахъ, относительно евреевъ, отъ коренной цѣли принятаго основными законами принципа господствующаго исповѣданія лишало тѣ мѣры всякаго практическаго для него значенія.

Не взирая на очевидность всего сказаннаго, правительство пользовалось каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы изъ его неопредѣленныхъ религіозныхъ цѣлей дѣлать мотивъ къ стѣсненію правъ евреевъ, съ

отступленіемъ отъ надлежащей, по отношенію къ нимъ, справедливости.

Примѣръ этого имѣется еще въ слѣдующемъ случаѣ.

Въ 1805 г., было предписано указомъ Сената мѣщанъ, желающихъ перейти изъ одной губерніи въ другую, перечислять не иначе, какъ съ согласія прежняго общества, съ наблюденіемъ притомъ, чтобы на нихъ никакой недоимки не оставалось, и чтобы подати за нихъ, до будущей ревизіи, платились и по прежнему вѣдомству. Въ виду этого общаго правила, обезпечивавшаго исправность поступленія государственныхъ податей съ сказанныхъ ревизскихъ душъ, отвѣтственностію за нихъ двухъ обществъ, прежняго и новаго, а съ другой стороны, установленнаго приведеннымъ выше указомъ Сената 13-го Августа 1820 года совершенно иного порядка, относительно ревизскихъ душъ евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, одна изъ казенныхъ палатъ вошла съ представленіемъ къ Министру Финансовъ о разрѣшеніи вопроса, съ какого времени ревизскую душу еврея, обратившагося въ христіанство, слѣдуетъ, считать исключенною изъ податнаго оклада, лежавшаго на прежнемъ ея обществѣ: со времени ли ревизіи или только перехода въ христіанскую вѣру?

По обсужденіи этого вопроса, Министерство Финансовъ, принявъ во вниманіе, что указомъ Сената, 13 Августа 1820 года, велѣно евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, исключать изъ еврейскихъ обществъ и тѣхъ окладовъ, въ коихъ они до принятія христіанской вѣры состояли записанными, нашло, что евреи, принявшіе христіанскую вѣру, по точному смыслу этого указа, подлежатъ, съ того времени, причисленію къ податнымъ обществамъ христіанскихъ исповѣданій и исключенію *вовсе* изъ окладовъ по прежнимъ мѣстамъ, о чемъ, согласно съ заключеніемъ Министерства, и предписано къ повсемѣстному исполненію указомъ Сената, состоявшимся 26-го Ноября 1823 года, безъ объясненія, при этомъ, освобождаются ли еврейскія общества отъ отвѣтственности за очистку, выбывшими изъ нихъ, безъ ихъ согласія, вышесказанными евреями, числившихся на нихъ платежей, со времени ревизіи. Это давало право заключать, что такого освобожденія не послѣдовало, между тѣмъ, какъ сами выкрестившіеся евреи, изъ мѣщанъ, лично, отъ сказанной обязанности освобождались (П. С. З. т. XXXVIII № 29657).

Такая льгота по платежу податей, въ пользу евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, составляла, въ сущности, личное и весьма

широкое преимущество въ правахъ передъ ревизскими душами христіанъ мѣщанскаго званія; такъ-какъ по существовавшимъ тогда постановленіямъ, эти послѣдніе мѣщане, при ихъ перечисленіяхъ въ другія общества, были обязаны, во-первыхъ, испросить на то согласіе своихъ прежнихъ обществъ, и во вторыхъ, очистить себя передъ ними уплатою числившихся за ними недоимокъ, въ виду того, что на прежнихъ обществахъ, до слѣдующей ревизіи, оставалась отвѣтственность по платежу податей за выбывшія изъ нихъ души. Съ другой стороны, сказанное преимущество, освобождая вовсе евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, отъ платежей, по прежнимъ окладамъ, а слѣдовательно, и недоимокъ по нимъ, безъ освобожденія, въ то же время, еврейскихъ обществъ, къ которымъ они были приписаны, отъ отвѣтственности за такіе платежи и недоимки, представляло мѣру столь же несправедливую, сколько отяготительную для тѣхъ обществъ, такъ-какъ при изъятіи изъ нихъ, безъ ихъ на то согласія, ревизской души, они тѣмъ не менѣе должны были оставаться отвѣтственными за нее по платежу податей, до будущей ревизіи.

Такимъ образомъ, въ пользу еврея, который перешелъ бы даже не въ православную, а въ какую либо другую христіанскую вѣру, была установлена, изъ религіозной цѣли, исключительная льгота, которая, помимо ея несообразности съ общимъ порядкомъ, была сопряжена съ денежною несправедливостью, какъ въ отношеніи христіанъ такъ и евреевъ, не безъ ущерба и для казеннаго, интереса. Такое отступленіе отъ общаго порядка отбыванія государственныхъ податей, требовало, во всякомъ случаѣ, по существу предмета, новаго закона. Между тѣмъ, Министерствомъ Финансовъ и Сенатомъ, потому только, что дѣло шло о евреяхъ, присвоена власть установленія мѣры законодательнаго свойства, безъ испрошенія на то соизволенія Верховной власти, вопреки 1 ст. 29 §, III, дѣйствовавшаго въ то время, учрежденія Государственнаго Совѣта (П. С. З. т. XXXI, № 24,064).

Въ то самое время, какъ Министерства и Сенатъ прилагали такія заботы и попеченія о ничтожномъ числѣ евреевъ, переходившихъ въ иновѣрныя христіанскія вѣроисповѣданія, и при томъ, не столько, быть можетъ, по убѣжденію совѣсти, сколько по расчету матеріальныхъ выгодъ, евреи въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ: Могилевской и Витебской, подверглись, вновь, тяжкимъ мѣрамъ ихъ изгнанія изъ деревень и селъ.

Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ извѣстно уже, что по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, князя Куракина, 23 Декабря 1808 г., мѣры по выселенію евреевъ изъ деревень и селъ, установленныя 34 ст. Положенія 1804 года о евреяхъ, были пріостановлены, на основаніи Именнаго о томъ указа, состоявшагося 29 Декабря 1808 года, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Неудобоисполнимость всѣхъ этѣхъ мѣръ и ихъ несоотвѣтственность цѣли вполнѣ подтвердились и подробнымъ докладомъ, выработаннымъ затѣмъ, въ 1812 году, учрежденнымъ по Высочайшему повелѣнію особымъ комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Попова.

Хотя Комитетъ этотъ, по Именному о томъ указу 5 Мая 1818 года, былъ упраздненъ, а дѣла его переданы въ учрежденное тогда Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (П. С. З. т. XXXV, № 27363), но мѣры выселенія евреевъ изъ деревень и селъ до 1823 г. уже не возобновлялись.

Изъ вышеупомянутаго доклада этого Комитета ясно усматривалось, что причины неудовлетворительнаго состоянія крестьянъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ и большаго, среди ихъ, развитія пьянства, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, гдѣ число ихъ населенія было столь же значительно, скрывались не въ евреяхъ, а въ совершенно иныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, устраненіе которыхъ, по мнѣнію Комитета, зависѣло, преимущественно, отъ самого правительства. Сознаніе этого самимъ правительствомъ и было, между прочимъ, какъ извѣстно, причиною воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія о пріостановленіи приведенія въ дѣйствіе 34 ст. Положенія о евреяхъ.

Между тѣмъ, въ 1823 году, Сенаторъ Барановъ, который былъ посланъ въ Бѣлоруссію, для изслѣдованія причинъ встрѣтившихся затрудненій по продовольствію тамошнихъ обывателей, донесъ въ совершенную противоположность докладу вышеупомянутаго Комитета, что главною причиною разстройства тамошнихъ крестьянъ признается пребываніе евреевъ въ селеніяхъ и ихъ занятія тамъ продажею вина. Причемъ, въ этомъ же донесеніи, Сенаторомъ Барановымъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, что евреи не только не обращаются ни къ какимъ занятіямъ или трудамъ, «кои Положеніемъ 1804 года имъ для *собственной ихъ пользы* предоставлены, но напротивъ, усиливаясь

водворяться въ селеніяхъ, число ихъ еще болѣе въ оныхъ умножилось, къ сугубому разоренію хлѣбопашцевъ».

Вслѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію, были приняты, на основаніи 34 ст. Положенія о евреяхъ, по Бѣлорусскимъ губерніямъ, вновь мѣры къ выселенію евреевъ въ города и мѣстечки, тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, съ назначеніемъ 1-го Января 1825 года срокомъ, для приведенія этихъ мѣръ въ исполненіе. Причемъ, въ состоявшемся, по этому предмету, 11 Апрѣля 1823 года, Именномъ указѣ объяснено, между прочимъ, что поводомъ къ ихъ принятію послужили сообщенныя Сенаторомъ Барановымъ вышеприведенныя свѣдѣнія и «просьбы, принесенныя отъ бѣлорусскихъ дворянствъ» (П. С. З. т. XXXVIII, № 29420).

Въ чемъ именно заключались эти просьбы, по неимѣнію ихъ подъ рукою, въ точности сказать нельзя, но содержавшіяся въ томъ же Именномъ указѣ, въ числѣ прочихъ мѣръ, распоряженія, которыми разрѣшалось, съ одной стороны, евреямъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, для занятія хлѣбопашествомъ, а съ другой стороны — помѣщикамъ входить съ ходатайствами о дозволеніи имъ такого поселенія ихъ на своихъ земляхъ, хотя и внѣ деревень и селъ, даютъ право заключать, что это не было сдѣлано вопреки желанія тамошняго дворянства и что это дворянство вовсе не было прочь отъ продолженія своихъ имущественныхъ отношеній съ евреями, находя въ томъ для себя, конечно, пользу, а не вредъ. Если же и предположить, что нѣкоторыя изъ вышесказанныхъ просьбъ дворянства, о которыхъ упоминается въ Именномъ указѣ, содержали въ себѣ выраженіе желанія тѣхъ или другихъ помѣщиковъ о выселеніи евреевъ изъ принадлежащихъ имъ имѣній, то побудительною причиною къ этому легко могли быть корыстныя намѣренія многихъ изъ такихъ помѣщиковъ воспользоваться деньгами евреевъ, въ надеждѣ, быть можетъ, имѣть въ томъ такую же поддержку, какую многіе изъ тѣхъ же помѣщиковъ, въ 1820 году, встрѣтили уже однажды по дѣламъ о «кресценціяхъ» и противъ которой такъ энергично возсталъ, въ то время, Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князь Голицынъ.

Что касается свѣдѣній, сообщенныхъ сенаторомъ Барановымъ, то та часть ихъ, которая заключалась въ обвиненіи евреевъ, относительно ихъ уклоненія отъ земледѣлія и другихъ промышленныхъ занятій, указанныхъ для нихъ Положеніемъ 1804 г., а также ихъ усиленія къ водворенію въ деревняхъ и селахъ; то свѣдѣнія эти, въ виду вышеизло-

женныхъ данныхъ и соображеній, не могли быть признаны основанными на истинѣ. При невозможности, въ какую евреи были поставлены, силою вещей, заняться хлѣбопашествомъ и фабричнымъ производствомъ, а съ другой стороны—имѣть, болѣе или менѣе, надежныя средства къ снисканію себѣ пропитанія въ городахъ, въ которыхъ они были чрезмѣрно скучены, продолженіе ихъ пребыванія въ деревняхъ и селахъ должно было быть естественнымъ послѣдствіемъ общаго ихъ положенія, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости. Въ самомъ Именномъ указѣ 11 апрѣля 1823 г., о ихъ выселеніи въ Бѣлорусскомъ краѣ изъ деревень и селъ, содержались данныя, удостовѣрявшія, что правительство, понуждая евреевъ къ хлѣбопашеству, въ тоже время, ставило эту промышленность въ невозможныя для нихъ условія. Это видно изъ того, что Именной тотъ указъ, разрѣшая имъ селиться на помѣщичьихъ земляхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловилъ это обязанностію для такихъ евреевъ упражняться въ хлѣбопашествѣ не иначе, какъ *лично*, т. е. безъ помощи вольнонаемнаго труда, пособіе котораго было для нихъ затруднено и вышеупомянутыми строгими воспрещеніями пользоваться наймомъ людей изъ христіанъ,—воспрещеніями, которыя, въ это же самое время, были узаконены, въ видѣ подтвержденія, состоявшимся 30 іюля 1823 г., Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, прежнихъ объ этомъ распоряженій (П. С. З. т. XXXVIII, № 29557). При отсутствіи же такого существеннаго условія, для всякаго промышленнаго занятія, особенно для хлѣбопашества, это послѣднее не могло, конечно, представлять евреямъ никакихъ выгодъ, тѣмъ болѣе, что ихъ поселеніе на помѣщичьихъ земляхъ зависѣло отъ добровольныхъ соглашеній съ владѣльцами, условія которыхъ могли быть для нихъ отяготительными; безъ расчета же выгодъ, отъ еврея, какъ и отъ всякаго другаго, нельзя было требовать рвенія и усердія по какой бы то ни было отрасли промышленной дѣятельности.

Относительно же другой части представленныхъ сенаторомъ Барановымъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ встрѣтившіяся въ Бѣлорусскомъ краѣ затрудненія, по продовольствію крестьянъ, были приписаны, исключительно, евреямъ и ихъ занятіямъ по продажѣ вина, нельзя не замѣтить, что крайняя сомнительность полной достовѣрности такихъ свѣдѣній могла быть выведена изъ слѣдующихъ соображеній: 1) что эти свѣдѣнія были совершенно противоположны тѣмъ, которыя содержались во всеподданнѣйшемъ докладѣ вышеупомянутаго, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣт-

ника Попова, Комитета, которымъ докладъ этотъ былъ выработанъ самымъ тщательнымъ образомъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ же; 2) что въ то самое время, какъ евреи обвинялись сенаторомъ Барановымъ, по двумъ Бѣлорусскимъ губерніямъ: Могилевской и Витебской, въ томъ, что они были причиною затрудненій въ продовольствіи крестьянъ, подобныя обвиненія не возникали въ остальныхъ 13 губерніяхъ ихъ постоянной осѣдлости, изъ которыхъ во многихъ имѣлось не меньшее число евреевъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ въ деревняхъ и селахъ, и 3) что одновременно съ предположеніемъ о ихъ выселеніи изъ этихъ послѣднихъ въ Бѣлорусскомъ краѣ, для предупрежденія развитія въ простомъ народѣ пьянства, не встрѣчалось, какъ видно изъ вышеупомянутаго Именнаго указа 11-го апрѣля 1823 года, препятствія къ разрѣшенію евреямъ, наравнѣ съ прочими подданными, одинаковыхъ съ ними состояній, права продажи вина въ городахъ, между тѣмъ, въ городахъ, по многолюдству тамъ евреевъ и существованію въ значительномъ количествѣ и простаго класса людей, опасность для него отъ евреевъ могла представляться въ той же, если не въ большей еще мѣрѣ.

Были ли предписанныя по Бѣлорусскимъ губерніямъ мѣры выселенія евреевъ изъ деревень и селъ приведены дѣятельно въ исполненіе или нѣтъ—неизвѣстно. Но можно, съ большею или меньшею достовѣрностью, предполагать, что нѣтъ, такъ-какъ черезъ 19 дней послѣ состоявшагося объ этомъ Именнаго указа 11 апрѣля 1823 года, а именно 1 мая того же года, состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ «о составленіи особаго Комитета для устройства евреевъ, изъ каковаго положенія видно, что главною побудительною причиною къ этой общей мѣрѣ послужила записка, внесенная Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по поводу именно замѣчаній, сдѣланныхъ сенаторомъ Барановымъ о Бѣлорусскомъ краѣ и его соображеній, относительно улучшенія тамъ состоянія казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ этого Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ усматривается, что Комитетъ, хотя и принялъ во вниманіе соображенія сенатора Баранова, относительно вреда, какой, по его мнѣнію, происходитъ отъ водворенія евреевъ въ селеніяхъ, не только по Бѣлорусскимъ, но и по другимъ присоединеннымъ отъ Польши губерніямъ, но призналъ, однако, «что къ отвращенію зла, ими причиняемаго, одни частныя распоряженія не могутъ быть достаточны», по-

чему, по заключенію Комитета, представлялось необходимымъ составить изъ членовъ Комитета Министровъ особый Комитетъ, «который бы, сказано въ этомъ заключеніи, занялся подробными соображеніями «о всѣхъ вообще евреяхъ, въ Россіи находящихся», и который, «по «разсмотрѣніи изданныхъ доселѣ постановленій объ нихъ, изложилъ «мнѣніе свое, на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы «*учредить пребываніе ихъ въ государствѣ*, какія обязанности должны они нести въ отношеніи къ правительству, словомъ, чтобы «Комитетъ начерталъ, вообще, все, что можетъ принадлежать *къ лучшему устройству гражданскаго положенія «сего народа»*. При этомъ, Комитетъ Министровъ полагалъ вмѣнить тому Комитету въ обязанность, чтобы, онъ соображенія свои окончилъ и представилъ къ 1 Января 1824 года, и чтобы, согласно съ заявленіемъ Государственнаго Контролера, онъ былъ учрежденъ изъ Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Финансовъ, Юстиціи и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, такъ-какъ дѣла о евреяхъ относятся болѣе къ этимъ вѣдомствамъ. Такое положеніе Комитета Министровъ, 1 мая 1823 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія (П. С. З. т. XXXVIII № 29443).

Мысль объ учрежденіи особаго Комитета, не съ тѣмъ уже, чтобы ограничиться, въ отношеніи евреевъ, одними только административно полицейскими мѣрами, составлявшими отличительную черту положенія о нихъ 1804 года, но съ цѣлію, этотъ разъ, обнять всѣ предметы, касавшіеся основаній общаго положенія евреевъ въ Россіи, для болѣе положительнаго выясненія, какъ сказано въ положеніи Комитета Министровъ: «*на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ (евреевъ) въ государствѣ*», съ предоставленіемъ въ тоже время, особому Комитету широкой программы дѣйствія,— была такою государственною мѣрою, которая, сама собою, свидѣтельствовала о появившемся въ правительствѣ сознаніи крайней неудовлетворительности, какъ положенія 1804 года, такъ и вообще всѣхъ принимавшихся до того, въ отношеніи евреевъ, исключительныхъ мѣръ. Но, къ сожалѣнію, имѣвшаяся въ положеніи Комитета Министровъ вставка словъ: «къ лучшему устройству положенія *сего народа*», придавала направленію этого важнаго государственнаго дѣла такія оттѣнки, которыя не могли предвозвѣщать какіе либо рѣшительные шаги, со стороны правительства, къ кореннымъ измѣненіямъ въ его взглядахъ на евреевъ, а слѣдовательно, и въ самихъ мѣрахъ, по отношеніи къ нимъ, что, впослѣдствіи, и оправдалось.

Хотя, при этомъ, Комитету было вмѣнено въ обязанность представить свои соображенія къ 1 января 1824 года, но результаты его дѣятельности принадлежатъ, однако, уже царствованію Императора Николая I, такъ-какъ при Императорѣ Александрѣ I, работы его не были приведены къ окончанію.

Въ то время, какъ сказанный Комитетъ, приступивъ къ своимъ занятіямъ, началъ свою дѣятельность, правительство, руководствуясь своимъ прежнимъ направленіемъ, успѣло, еще въ то же царствованіе, принять не малое число исключительныхъ мѣръ, стѣснявшихъ до крайности права евреевъ и не имѣвшихъ подъ собою достаточной практической почвы.

Такъ 11 февраля 1824 года, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта «о переписи евреевъ, поступившихъ въ званіе свободныхъ земледѣльцевъ», съ цѣлію приведенія въ извѣстность числа тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно поступили въ это состояніе; при чемъ, было постановлено, что только эти евреи имѣютъ право пользоваться льготами, предоставленными положеніемъ 1804 г., но отнюдь не тѣ, которымъ заявлено только желаніе воспользоваться званіемъ земледѣльцевъ, съ присовокупленіемъ къ тому постановленію правила о томъ, что по истеченіи льготныхъ лѣтъ, евреи земледѣльцы, поселившіеся особыми селеніями, на собственныхъ земляхъ, должны будутъ платить подати наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами, а евреи, поселившіеся такимъ же образомъ, т. е. особыми селеніями, на земляхъ помѣщичьихъ—подлежать запискѣ въ окладъ вольныхъ людей, занимающихся хлѣбопашествомъ въ селеніяхъ старостинскихъ, помѣщичьихъ и принадлежащихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ (П. С. З. т. XXXIX, № 29775).

Изъ этого видно, что въ правительственной сферѣ, того времени, появилась мысль объ образованіи въ государствѣ *земледѣльческаго класса* евреевъ, въ видѣ *отдѣльныхъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній*, въ которыхъ евреямъ, вслѣдствіе одновременнаго требованія правительства, чтобы они занимались земледѣльческимъ трудомъ, не иначе, какъ *лично*, безъ права пользованія вольнонаемными людьми изъ земледѣльческихъ классовъ христіанскихъ исповѣданій, предназначалось жить отдѣльною организаціей, въ совершенно *отчужденномъ отъ прочаго населенія видѣ*.

Учрежденіе *еврейскихъ земледѣльческихъ колоній* и присвоеніе имъ такого исключительнаго характера были мѣрами, которыя необхо-

димо должны были способствовать не къ ослабленію, а къ усиленію въ евреяхъ той религіозной и племенной обособленности, которая, какъ тогда, такъ и теперь, постоянно ставится имъ въ упрекъ и признается однимъ изъ главныхъ препятствій къ сліянію ихъ въ правахъ и обычаяхъ, а также и въ правахъ, съ прочимъ населеніемъ государства.

Поэтому, съ *политической* точки зрѣнія, цѣль образованія въ государствѣ отдѣльныхъ колоній, изъ евреевъ, находившемся въ русскомъ подданствѣ, представляла, въ сущности, ту же несообразность, какую заключало въ себѣ преслѣдованіе, по отношенію къ евреямъ, религіозной цѣли, безотносительно къ интересамъ господствующаго исповѣданія, т. е. несообразность противорѣчія образа дѣйствій съ практическими цѣлями государства и ихъ исходными точками отправленія.

Съ *экономической* же точки зрѣнія, цѣль образованія отдѣльныхъ еврейскихъ колоній не находила достаточнаго оправданія въ практическихъ соображеніяхъ о ея результатахъ, такъ-какъ легко было предусмотрѣть, съ одной стороны, что обязательность въ этомъ дѣлѣ, ни къ чему не могла бы повести, по той естественной причинѣ, что никакая отрасль промышленной дѣятельности не можетъ быть навязываема тому или другому классу путемъ принужденія къ ней, хотя бы и «умѣреннаго», какъ говорилось въ оффиціальныхъ бумагахъ, того времени, по поводу принимавшихся правительствомъ строгихъ мѣръ къ побужденію евреевъ къ земледѣлію (док. зап. Управл. Мин. Вн. Дѣлъ, 2-е П. С. З. т. I, № 52); а съ другой стороны, что было бы тщетно ожидать добровольнаго превращенія, болѣе или менѣе, значительной части евреевъ, *тогдашнихъ поколѣній*, въ земледѣльческій классъ, съ образованіемъ ими изъ себя отдѣльныхъ колоній, особенно при тѣхъ условіяхъ, какими предполагалось обставить, въ то же время, ихъ земледѣльческій трудъ и сельскую промышленность.

Успѣхъ въ развитіи земледѣлія и хлѣбопашества, среди извѣстнаго класса людей простого званія свободныхъ сельскихъ состояній, прилагающихъ къ нимъ свой *личный трудъ*, зависитъ, вопервыхъ, отъ навыка къ нему не одного, а цѣлаго ряда поколѣній, въ потѣ лица, изъ рода въ родъ, воздѣлывавшихъ землю, на которой, поселены; во вторыхъ, отъ условій, въ какія этотъ классъ людей поставленъ въ странѣ, какъ по отношенію къ своей земельной собственности, такъ и по отношенію къ свободѣ выбора средствъ для произ-

водства, съ одной стороны, земледѣльческихъ работъ, а съ другой — торговыхъ оборотовъ по сбыту сельскихъ своихъ произведеній.

Между тѣмъ, ни въ одномъ изъ этихъ отношеній, евреи, по ихъ положенію, какъ вообще, такъ и по предназначавшемуся имъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ, не могли предусматривать благопріятныхъ, для своихъ земледѣльческихъ занятій, условій.

Изъ приведенныхъ выше, весьма, въ то время, недавнихъ, постановленій, усматривалось, что правительство, привлекая ихъ къ земледѣльческимъ занятіямъ, ограничило, одновременно, ихъ право пользованія, какъ въ колоніяхъ, такъ и внѣ оныхъ, *вольнонаемнымъ трудомъ*, исключительно, людьми ихъ собственнаго племени и религіи, или другими словами, ихъ собственнымъ классомъ населенія, ихъ собственными рабочими силами. Но въ этомъ именно отношеніи, они не могли не ощущать крайнюю свою неудовлетворительность.

Навыкъ къ тяжелымъ земледѣльческимъ трудамъ, обусловливающихся развитіемъ необходимыхъ для нихъ физическихъ силъ, преимущественно силы мышцъ, съ выносливостью климата и погоды, во всякое время года, пріобрѣтается земледѣльческими классами, не только упражненіемъ въ земледѣліи и хлѣбопашествѣ цѣлаго ряда ихъ поколѣній, но ихъ *жительствомъ въ деревняхъ и селахъ* и постояннымъ, такимъ образомъ, вращеніемъ въ условіяхъ сельскаго быта.

Между тѣмъ, цѣлыя поколѣнія евреевъ, переселившихся изъ Германіи въ Польшу, а затѣмъ, перешедшихъ въ русское подданство, въ продолженіи многихъ вѣковъ, находились, въ этомъ отношеніи, въ совершенно иныхъ условіяхъ. Въ католическихъ, а за тѣмъ и протестантскихъ странахъ, Германіи, на нихъ смотрѣли, сперва, исключительно, только какъ на купцовъ и торгашей деньгами, почему они не только не поощрялись къ поселеніямъ въ деревняхъ и селахъ, но подобно тому, какъ въ новѣйшее время у насъ, подвергались весьма частымъ изгнаніямъ изъ нихъ. Слѣды принятія, напримѣръ, австрійскимъ и прускимъ правительствами мѣръ къ ограниченію ихъ правъ жительства, преимущественно, *одними городами*, имѣются не далѣе, какъ въ прошломъ еще столѣтіи *). Что касается Польши, то изъ данныхъ, имѣющихся въ «Матеріалахъ» бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ усматривается, что евреямъ разрѣшено селиться

---

*) Allgemeine Encyclopädie der Wissenshaften und Künste, II sect., H -M. 28. Theil. стр. 94, 97.

тамъ на казенныхъ и духовныхъ земляхъ, для занятія земледѣліемъ, лишь по постановленію намѣстника Царства Польскаго 4 февраля 1823 года, т. е., при русскомъ уже владычествѣ. До того же дѣйствовалъ декретъ Короля Саксонскаго, Герцога Варшавскаго, 30 октября 1812 года, основанный, вѣроятно, на прежнихъ польскихъ постановленіяхъ, въ силу котораго евреямъ дозволялось селиться въ Польшѣ, лишь подъ условіемъ открытія какой-либо полезной фабрики или для занятій оптовою торговлею, но отнюдь не для земледѣлія. Вообще въ Польшѣ взглядъ на евреевъ былъ такой же, какъ и въ Западной Европѣ, до воспослѣдовавшихъ въ ней реформъ въ ихъ гражданскихъ правахъ. Евреи являлись въ глазахъ польскихъ властей, вообще, людьми, ни къ чему другому неспособными, какъ только къ мелочной торговлѣ и денежнымъ дѣламъ, считались королевскими рабами и вынуждались образомъ дѣйствія правительства къ скитальческой жизни, такъ-какъ съ одной стороны, къ земледѣлію они не только тамъ не поощрялись, но оттѣснялись отъ него, какъ прямыми мѣрами польской политики, такъ и условіями, въ какихъ находилась тамъ, вообще, земельная собственность, сосредоточившаяся, преимущественно, въ рукахъ магнатовъ, шляхты и духовенства; а съ другой стороны, евреи, не изгоняясь изъ предѣловъ польскихъ владѣній, вытѣснялись и изъ городовъ, вслѣдствіе предоставлявшихся многимъ изъ нихъ особыхъ привилегій (privillegii de non tolerandis Judaeis), на основаніи которыхъ такіе города получили право не допускать евреевъ къ водворенію въ ихъ чертѣ и даже къ изгнанію ихъ оттуда. Если же, при Пястахъ, евреи пользовались, сравнительно, болѣе выгоднымъ положеніемъ, то затѣмъ, при Ягеллонахъ, вѣковыя стѣсненія и ограниченія ихъ правъ, въ вышесказанномъ направленіи, уничтожили всѣ благія послѣдствія, какія могли бы произойти для нихъ отъ прежняго положенія (2 ч. «Матеріаловъ», стр. 51145 и слѣд.). Естественно, поэтому, что въ Польшѣ, нарождавшіяся поколѣнія евреевъ, при вышесказанныхъ условіяхъ, не могли пріобрѣсти, ни расположенія, ни навыка къ земледѣльческому труду, почему дѣятельность евреевъ ограничивалась, въ Польшѣ и ея провинціяхъ, преимущественно, торговлею и промыслами городскихъ состояній, а въ деревняхъ и селеніяхъ — арендованіемъ у частныхъ владѣльцевъ земель и разныхъ хозяйственныхъ статей и заведеній, главнымъ образомъ, винокуренныхъ заводовъ, корчемъ, постоялыхъ дворовъ и шинковъ, для продажи питей. Съ поступленіемъ же этихъ самыхъ евреевъ въ русское подданство, имъ, какъ извѣстно,

дѣйствіями властей и Сената, вопреки законодательныхъ предначертаній Императрицы Екатерины II, былъ, съ самаго начала, закрытъ всякій доступъ въ сословія земледѣльческихъ классовъ, какъ свободныхъ сельскихъ состояній, такъ и крѣпостныхъ, съ ограниченіемъ ихъ приписки только къ городамъ и городскимъ въ нихъ сословіямъ и званіямъ, съ цѣлію вытѣсненія ихъ именно изъ селъ и деревень. За тѣмъ, какъ, равнымъ образомъ, извѣстно, правительствомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія были приняты даже дѣятельныя мѣры къ изгнанію ихъ изъ селъ и деревень, гдѣ нѣкоторое ихъ число успѣло водвориться, еще во время польскаго правительства, при содѣйствіи самихъ владѣльцевъ частныхъ земель и населенныхъ имѣній.

Поэтому, хотя изъ свѣдѣній о нынѣшнемъ положеніи евреевъ во многихъ странахъ Азіи, Африки и Европы, а также у насъ, на Кавказѣ, напримѣръ, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западнаго края *), видно, что среди ихъ имѣется весьма значительное число, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ селеній, которыя преданы земледѣлію и хлѣбопашеству, съ приложеніемъ къ нимъ *личнаго труда*,—явленіе, которое, въ связи съ историческими данными о древнемъ бытѣ евреевъ, даетъ полное право заключать, что земледѣльческія занятія вовсе не противны ихъ вѣроученію и что, при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени, евреи могутъ вполнѣ быть способными и годными къ земледѣльческимъ трудамъ; но при общемъ положеніи, въ какомъ находились собственно поколѣнія евреевъ, жившихъ въ Польшѣ и ея областяхъ, входящихъ нынѣ, въ составъ русскаго государства, нельзя было, конечно, ожидать, чтобы изъ ихъ поколѣній, существовавшихъ въ первой четверти настоящаго столѣтія, возможно было образовать классъ полезныхъ земледѣльцевъ, вполнѣ расположенныхъ и способныхъ къ земледѣльческому

*) Въ имѣющемся въ 1 ч. „Матеріаловъ“ бывшей Коммисіи по устройству быта евреевъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по главному управленію Юго-Западнымъ краемъ, за 1872 годъ, сказано, между прочимъ: „въ Грузіи, Арменіи и Карабахѣ евреи носятъ мѣстный костюмъ говорятъ мѣстнымъ языкомъ и *въ селеніяхъ своихъ занимаются усердно хлѣбопашествомъ*“. Одинъ изъ современныхъ писателей нашихъ, Словутинскій, въ статьѣ, подъ названіемъ: „Волости 1 участка“, говоритъ, между прочимъ: „можетъ быть мнѣ скажутъ, что евреи положительно неспособны къ земледѣльческому труду, какъ они доказали-де на дѣлѣ въ устроенныхъ спеціально, для пріученія ихъ къ земледѣлію, колоніяхъ. Это рѣшительно невѣрно. Я самъ видѣлъ евреевъ-земледѣльцевъ въ Виленскомъ уѣздѣ, пашущихъ и обработывающихъ свои земли не хуже настоящихъ тамошнихъ крестьянъ (Русск. Вѣстн. № 8. 1879 г.); тоже самое подтверждается и другимъ нашимъ писателемъ, Шмаковымъ. (День, за 1869 г. №№ 9, 10 и 11), а также свѣдѣніями, имѣющимися въ „Трудахъ“ нѣкоторыхъ губернскихъ, по еврейскому вопросу, Коммисій.

труду, даже при денежныхъ и земельныхъ пособіяхъ со стороны правительства, особенно если принять во вниманіе, что земледѣліе было разрѣшено имъ, подъ условіемъ приложенія къ нему личнаго своего труда *), и что кромѣ этого ограниченія, въ тоже время, не задолго передъ тѣмъ, если припомнить, имъ было отказано правительствомъ въ ходатайствѣ о производствѣ торговли по временнымъ свидѣтельствамъ крестьянъ, вслѣдствіе чего, а также общаго тогда положенія евреевъ, ихъ право свободнаго передвиженія и торговли, не только въ Имперіи, но даже въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, было чрезмѣрно стѣснено и ограничено; тогда-какъ свобода передвиженія и торговли для каждаго промышленнаго лица, въ томъ числѣ и для сельскаго поселянина, составляетъ необходимое условіе для успѣшнаго сбыта произведеній, а слѣдовательно одно изъ самыхъ существенныхъ условій для развитія промышленности и поощренія къ ней.

Поэтому, родившаяся въ правительствѣ, при постоянномъ его стремленіи къ сосредоточенію евреевъ въ городахъ и ограниченію ихъ дѣятельности купеческими и мѣщанскими промыслами, мысль образованія, въ тоже время, изъ евреевъ земледѣльческихъ колоній, съ увѣренностію достиженія этимъ путемъ внезапнаго превращенія, болѣе или менѣе, значительной ихъ части въ полезныхъ земледѣльцевъ, не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя можно было бы признать основанными на вполнѣ ясномъ отчетѣ о дѣйствительномъ положеніи вещей и отъ которыхъ правительство было бы вправѣ ожидать какихъ либо благотворныхъ послѣдствій.

Мѣры, принятыя къ образованію изъ евреевъ земледѣльческихъ поселеній, или колоній, въ Новороссійскомъ краѣ не увѣнчались, слѣдовательно, успѣхомъ, преимущественно, по причинамъ, отъ евреевъ не зависѣвшимъ, что было сознаваемо и самимъ правительствомъ,

---

*) Доказательствомъ, что при всемъ томъ, въ евреяхъ и ихъ сказанныхъ поколѣніяхъ не существовало, ни природнаго отвращенія къ земледѣлію, ни религіозныхъ предубѣжденій противъ него, основанныхъ на предполагающихся талмудическихъ ихъ вѣрованіяхъ, можетъ, кажется, служить то обстоятельство, что по изданіи Положенія 1804 г., добровольно переселившихся евреевъ, на отведенныя имъ въ Херсонской губерніи казенныя земли, по 1810 годъ, было до 600 семействъ, въ числѣ 3640 душъ обоего пола, а въ означенномъ году ожидалось прибытіе туда еще до 300 ихъ семействъ, при чемъ весьма многіе переселились туда *на свой собственный счетъ* (П. С. З. т. XXXI, № 24185, а и 2-е П. С. З. т. I, № 52). Когда же, въ царствованіе Императора Николая I было предназначено отвести евреямъ казенныя земли въ Тобольской и Омской губерніяхъ, то переселиться туда изъявили желаніе 1317 душъ евреевъ (2-е П. С. З. т XII, № 9843).

какъ это видно изъ Высочайше утвержденныхъ положеній Комитета Министровъ, воспослѣдовавшихъ 6 Апрѣля 1810 г. въ царствованіе Императора Александра I, и 12 Января 1826 г., въ первый годъ царствованія Императора Николая I (П. С. З. т. XXXI, № 24185, а и 2-е П. С. З. т. I, № 52). Неуспѣху такому не мало содѣйствовало и предначертанное, для еврейскихъ поселеній, устройство, въ основаніи котораго лежалъ взглядъ на евреевъ, состоявшихъ въ русскомъ подданствѣ, какъ на иностранныхъ колонистовъ, притомъ, такихъ которые подлежали совершенному разобщенію съ кореннымъ населеніемъ, хотя, въ то же время, за ними не признавалось права пользованія одинаковыми съ тѣми колонистами правами и льготами, на томъ основаніи, какъ сказано въ послѣднемъ изъ вышеприведенныхъ положеній Комитета, что «евреи отличаются отъ иностранныхъ поселенцевъ и тѣмъ, что будучи природные подданные Россіи, не могутъ требовать себѣ преимуществъ болѣе тѣхъ, коими пользуются «казенные крестьяне». Между тѣмъ, имѣется случай, что евреямъ поселенцамъ было предоставлено облегченіе по платежу податей и разсрочкѣ казеннаго долга, числившагося на нихъ по водворенію, примѣняясь къ примѣру сдѣланнаго снисхожденія Данцигскимъ колонистамъ (Выс. ут. мн. Госуд. Сов. 19 Ноября 1817 г.,—П. С. З. т. XXXIV, № 27147). Изъ этого видно до какой степени правительственные взгляды на евреевъ русскихъ подданныхъ были, въ то время, сбивчивы и неопредѣленны, что естественно влекло за собою и крайнюю шаткость и неопредѣленность правоваго положенія евреевъ въ Россіи, въ томъ числѣ и евреевъ-поселенцевъ, при каковомъ условіи нельзя было и расчитывать, конечно, на развитіе въ нихъ склонности къ земледѣльческому состоянію. Условія сельской промышленности евреевъ въ составѣ земледѣльческихъ колоній, были еще болѣе стѣснены впослѣдствіи, правиломъ, воспрещавшимъ имъ сбывать свои сельскія произведенія далѣе тридцативерстнаго разстоянія отъ ихъ селеній (Выс. ут. пол. о евр.-землед., 2-е П. С. З. т. XIX, № 18562, § 55) *).

Какъ значительно, вообще, было стѣснено, въ то время, право свободнаго передвиженія евреевъ въ Россіи, даже въ мѣстахъ ихъ

*) При всемъ томъ, положеніе нынѣшнихъ поколѣній евреевъ-земледѣльцевъ, поселенныхъ въ Херсонской губерніи, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ „Трудахъ“ губернскихъ по еврейскому вопросу, коммисій, является, болѣе или менѣе, удовлетворительнымъ.

постоянной осѣдлости, усматривается, между прочимъ, изъ состоявшагося 16 Іюня 1825 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ, о выдачѣ евреямъ плакатныхъ паспортовъ.

По существовавшему тогда общему порядку всѣмъ лицамъ податнаго состоянія, для свободнаго пріѣзда ихъ въ другія губерніи, выдавались печатные плакатные паспорты, по установленной формѣ. Между тѣмъ, не имѣя въ виду прямаго или, лучше сказать, исключительнаго постановленія о такихъ плакатныхъ паспортахъ, въ отношеніи евреевъ, нѣкоторыя изъ подлежащихъ начальствъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, для переѣзда ихъ въ другія губерніи, ограничивались снабженіемъ ихъ письменными видами, съ которыми, не только задерживали тамъ евреевъ, но подвергали ихъ даже взятію подъ стражу, черезъ что чрезвычайно претерпѣвали ихъ торговыя и промышленныя дѣла.

Въ виду этого, Черниговская Казенная Палата вошла съ представленіемъ къ Министру Финансовъ, въ которомъ, объясняя вышесказанныя затрудненія, встрѣчаемыя евреями, снабженными на проѣздъ въ другія губерніи одними письменными видами, просила разрѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли допустить выдачу евреямъ плакатныхъ паспортовъ, которая, по мнѣнію Палаты, Положеніемъ о евреяхъ воспрещена.

Министръ Финансовъ, признавъ нужнымъ испросить, по этому предмету, разрѣшеніе Высочайшей власти, вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ особою запискою, въ которой объяснилъ, между прочимъ, что на основаніи общихъ постановленій, лицамъ податнаго состоянія письменные виды выдаются только для отлучекъ не далѣе, какъ на на тридцативерстное разстояніе отъ ихъ мѣстъ постояннаго пребыванія и что въ положеніи 1804 года не содержится постановленія о выдачѣ евреямъ, отлучающимся на дальнѣйшее разстояніе, вмѣсто печатныхъ, письменныхъ видовъ, почему приписывая возбужденный Черниговскою Казенною Палатою вопросъ объ этомъ единственно недоразумѣнію, полагалъ разрѣшить выдачу евреямъ печатныхъ плакатныхъ паспортовъ, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ каждый разъ было приписываемо: «сей паспортъ имѣетъ силу только въ городахъ и селеніяхъ, для жительства евреевъ дозволенныхъ». Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ это мнѣніе, испросилъ, по этому предмету, Высочайшее соизволеніе, вслѣдствіе чего, состоялось, по этому предмету, Высочайше утвержденнаго 16 Іюня 1825 года положеніе Комитета Министровъ (П. С. З. т. XL, № 30386).

Такимъ образомъ, вопросъ о весьма малозначущей полицейской мѣрѣ, разрѣшавшійся, по мнѣнію самого Министра Финансовъ, точнымъ смысломъ существовавшихъ постановленій, послужилъ поводомъ къ утружденію одного изъ высшихъ органовъ государственнаго управленія—Комитета Министровъ и даже Высочайшей власти; тогда-какъ, незадолго передъ тѣмъ, болѣе серьезный и существенный вопросъ, касавшійся предмета, на который не существовало прямаго закона, а именно вопросъ о дарованіи евреямъ, принявшимъ христіанство, льготы, по платежу податей, которая падала тяжелымъ бременемъ на еврейскія общества, тѣмъ же Министерствомъ и Сенатомъ было признано возможнымъ разрѣшить, въ порядкѣ управленія, не повергая тотъ вопросъ на Высочайшее воззрѣніе.

Въ этомъ же самомъ 1825 году, права жительства евреевъ подвергнулись новымъ ограниченіямъ, по отношенію къ полосамъ Россіи, граничащимъ съ иностранными державами. Обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, были слѣдующія.

Еще въ 1812 году, при проѣздѣ Императора Александра I, черезъ Волынскую губернію, по всеподданнѣйшему докладу тамошняго гражданскаго губернатора, воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе объ удаленіи евреевъ, живущихъ близь границы, въ помѣщичьихъ селеніяхъ и особыхъ домахъ пограничныхъ повѣтовъ, въ тѣ мѣстечки и кагалы, гдѣ они по ревизіи записаны.

Мѣра эта, какъ видно, воспослѣдовавшая во время отечественной войны, имѣла административно-полицейскій характеръ и касалась только тѣхъ изъ живившихъ близь границы евреевъ, которые имѣли временное тамъ пребываніе, числясь, по ревизіи, жителями другихъ мѣстъ. Поэтому, принятіе тогда, въ отношеніе ихъ жительства въ пограничныхъ полосахъ, сказанной мѣры, хотя, быть можетъ, и могло вызываться военными, въ то время обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ, нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключить, что побудительною къ тому причиною могла служить собственно политическая неблагонадежность евреевъ, въ смыслѣ шпіонства, лазутничества, измѣны и перехода на непріятельскую сторону. Нужно предполагать скорѣе, что удаленіе евреевъ отъ границъ, въ мѣста ихъ приписки было ничто иное, какъ требованіе точнаго, въ то время, соблюденія существовавшаго общаго порядка, относительно жительства каждаго лица податнаго состоянія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ числился по ревизіи, съ цѣлію предупрежденія скопленія по границамъ, при

военныхъ обстоятельствахъ, людей разнаго званія, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, въ числѣ которыхъ могло быть много евреевъ, оттѣсненныхъ, въ внутреннихъ центрахъ ихъ населенія, отъ законныхъ промысловъ торговою и промышленною конкурренціею ихъ собственныхъ единовѣрцевъ. Между тѣмъ, черезъ четыре года послѣ этого, а именно въ 1816 году, когда время отечественной войны давно уже миновало, не только не оставивъ никакихъ слѣдовъ относительно случаевъ, которые могли бы служить поводомъ къ обвиненію евреевъ въ политической неблагонадежности, но сохранивъ, напротивъ, какъ уже объяснено выше, многія достовѣрныя свидѣтельства объ ихъ полнѣйшей преданности русскому правительству, — ревизовавшій Волынскую губернію сенаторъ Сиверсъ, во время пребыванія своего въ Радзивиловѣ, призналъ нужнымъ весьма строго взглянуть на то обстоятельство, что по самой границѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, евреи содержали корчмы и производили торговлю, отчего, по мнѣнію того сенатора, происходили «величайшія злоупотребленія». Въ чемъ именно заключались эти злоупотребленія, въ точности неизвѣстно, но нужно полагать, что подъ ними разумѣлась, преимущественно, контрабанда. Вслѣдствіе этого, сенаторомъ Сиверсомъ, собственною властію, было сдѣлано распоряженіе, чтобы кромѣ евреевъ, которые по ревизіи тамъ не числились, были удалены оттуда всѣ вообще жившіе тамъ евреи, на разстояніе отъ границы, не ближе 50 верстъ, и чтобы на будущее время имъ ни подъ какимъ предлогомъ не дозволялось приближаться къ границѣ на разстояніе меньшее, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшаго съ виновныхъ взысканія. На основаніи этого распоряженія, далеко, нужно замѣтить, выходившаго за предѣлы Высочайшаго повелѣнія, воспослѣдовавшаго, по этому предмету, въ 1812 году, началось переселеніе евреевъ отъ границы за черту пятидесятиверстнаго разстоянія отъ нея, которое продолжалось до 1821 г., безъ всякаго различія, относительно личности тѣхъ евреевъ. Въ это же самое время, нѣкоторые начальники пограничныхъ западныхъ таможенныхъ округовъ донесли Министру Финансовъ объ ихъ подозрѣніи на евреевъ, проживавшихъ близъ границы, что они, подъ видомъ содержанія тамъ корчемъ, занимаются незаконною торговлею, а Наслѣдникъ Царевичъ Константинъ Павловичъ препроводилъ къ тому же Министру жалобу помѣщика, по фамиліи Хамца, на губернское начальство за допущеніе евреевъ жить близъ границы, въ противность Высочайшаго повелѣнія и послѣдующихъ распоряженій.

Министръ Финансовъ вошелъ, по этому предмету, съ запискою въ Комитетъ Министровъ, въ которой объяснилъ, что онъ удостовѣрился изъ многихъ дѣлъ, что евреи имѣютъ склонность къ тайному привозу товаровъ и *способствованію въ томъ другимъ*, и что для этой именно цѣли, они стараются поселяться при границѣ, къ чему употребляютъ разные извороты, нанимая у пограничныхъ владѣльцевъ имѣнія, дома, мельницы и корчмы, за которые платятъ значительныя арендныя деньги, тогда-какъ статьи эти, по ихъ положенію, на самомъ дѣлѣ, не приносятъ никакихъ доходовъ, что, по мнѣнію Министерства, само собою служило яснымъ доказательствомъ, «что они (евреи), находясь при границѣ, занимаются только противозаконнымъ промысломъ тайнаго ввоза товаровъ и укрывательства оныхъ въ нанимаемыхъ ими мѣстахъ, а также и вывоза нашей монеты, чѣмъ сильно вредятъ, какъ ходу правильной торговли, такъ и успѣхамъ отечественныхъ мануфактуръ и фабричныхъ заведеній и наносятъ ущербъ пошлинному доходу». Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Министерство Финансовъ полагало привести вышеозначенныя распоряженія сенатора Сиверса, объ удаленіи евреевъ отъ границы на 50 верстъ, въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы евреи могли жить на этомъ пространствѣ только въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ есть кагалы, и такое постановленіе распространить, кромѣ Волынской, на всѣ прочія пограничныя губерніи. Ко всему этому Министерствомъ присовокуплено, что хотя разсмотрѣніе всѣхъ, вообще, дѣлъ о евреяхъ возложено на особый Комитетъ, но что испрашиваемая мѣра не терпитъ отлагательства и что немедленное приведеніе ея въ исполненіе не могло бы представлять особыхъ стѣсненій для самихъ евреевъ, такъ-какъ число ихъ тамъ «не можетъ быть очень велико, а удаленные отъ границъ евреи легко могутъ себѣ снискать пропитаніе».

Комитетъ Министровъ повергъ представленіе Министра Финансовъ на Высочайшее воззрѣніе, но Государь Императоръ, неудовлетворившись приведенными Комитетомъ и Министерствомъ доводами, соизволилъ повелѣть испросить, предварительно, по этому предмету, мнѣніе Наслѣдника Цесаревича.

Великій Князь Константинъ Павловичъ, отнесясь къ этому дѣлу болѣе справедливымъ образомъ, замѣтилъ, съ своей стороны, «что «не видно, сдѣлано ли, въ семъ случаѣ, какое различіе между евре«ями, содержащими дома, корчмы, мельницы и тому подобное по «найму, отъ тѣхъ, которые имѣютъ ихъ или другія какія недвижи-

«мыя заведенія, въ собственность имъ принадлежащія; ибо если та-«ковые сыщутся, то *лишить ихъ собственности было бы неспра-«ведливо*». Согласно съ этимъ замѣчаніемъ, Комитетъ Министровъ дополнилъ предполагавшуюся мѣру объясненіемъ, «что она относится, только къ тѣмъ евреямъ, на 50 верстномъ разстояніи отъ границы, которые содержатъ домы, корчмы, мельницы и тому подобное по найму, а на евреевъ, имѣющихъ таковыя заведенія собственныя, она не распространяется». Государю Императору угодно было согласиться на такое дополненіе предположенной мѣры, съ тѣмъ, чтобы въ ней было присовокуплено правило, чтобы евреи, имѣющіе тамъ собственные дома и заведенія «владѣли оными только сами и ни подъ какимъ предлогомъ не передавали такихъ заведеній своихъ другимъ евреямъ; въ случаѣ же надобности могутъ уступать оныя, по взаимному соглашенію, прочимъ жителямъ изъ христіанъ, но отнюдь не евреямъ». Въ этомъ смыслѣ, 11 Апрѣля 1825 г., состоялось по этому дѣлу Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, распубликованное 30 іюня того же года указомъ Сената, подъ заглавіемъ: «дополнительныя распоряженія касательно удаленія евреевъ отъ границы на 50 верстъ». При этомъ, срока на выселеніе оттуда евреевъ положено не было, изъ чего можно заключить, что выселеніе это предполагалось немедленное (П. С. З. т. XL, № 30402).

Внезапная высылка всѣхъ евреевъ, жившихъ въ пограничныхъ полосахъ на 50 верстное разстояніе отъ границы, въ томъ видѣ, въ какомъ эта мѣра, согласно съ распоряженіями сенатора Сиверса, предполагалась Министерствомъ Финансовъ, должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, лишеніе тамошнихъ владѣльцевъ доходовъ отъ отдачи въ наемъ евреямъ хозяйственныхъ статей,—доходовъ, которые по признанію самого Министерства, были значительны, а съ другой стороны—общее разореніе тамъ евреевъ, съ лишеніемъ многихъ изъ нихъ, безъ суда и даже безъ ихъ личнаго въ чемъ либо обвиненія, недвижимой собственности. Хотя, при этомъ, Министерствомъ было выражено мнѣніе, что число всѣхъ евреевъ, жившихъ у границъ, не должно было быть велико и что они, не взирая на ихъ внезапную высылку оттуда, легко могли бы снискать себѣ пропитаніе въ другихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости; но это было однимъ лишь предположеніемъ, ничѣмъ, въ дѣйствительности, не оправдывавшимся, если-бы было принято во вниманіе, какъ то, что пятидесяти-верстная полоса, согласно съ предложеніемъ Министерства, не должна была

ограничиваться одною Волынскою губерніею, но распространиться и на прочія пограничныя губерніи, такъ и то, что въ мѣстахъ ихъ осѣдлости господствовала общая нищета, которая, при многолюдствѣ евреевъ, преимущественно, и оттѣсняла ихъ къ границамъ. Изъ этихъ обстоятельствъ, если бы они не были упущены изъ вида, можно было сдѣлать совершенно противоположный выводъ, а именно, что сказанною высылкою евреевъ ихъ масса, во внутреннихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости, увеличилась бы не малымъ, а весьма значительнымъ числомъ пролетаріевъ, и что едва ли можно было надѣяться, чтобы эти послѣдніе, въ такомъ разоренномъ состояніи, могли бы тамъ найти себѣ пристанище, безъ отягощенія еврейскихъ обществъ, и безъ того отягощенныхъ уже множествомъ другихъ подобныхъ единовѣрцевъ. Равнымъ образомъ, можно было усмотрѣть, что чрезъ это ущербы и потери понесла бы и сама казна и что, въ этомъ случаѣ, она едва ли не потерпѣла бы, сравнительно, болѣе, чѣмъ отъ встрѣчавшихся случаевъ тайнаго привоза товаровъ, особенно при условіи удовлетворительнаго устройства и состоянія пограничной таможенной стражи.

Не оправдываясь, такимъ образомъ, съ точки зрѣнія практической пользы, вышесказанная мѣра, въ то же время, не находила оправданія и съ точки зрѣнія надлежащей справедливости.

Предложенная Министерствомъ Финансовъ внезапная высылка евреевъ на 50 верстное разстояніе отъ границы была основана, главнымъ образомъ, на предположеніи объ особой склонности всѣхъ вообще евреевъ къ тайному провозу тамъ товаровъ. Между тѣмъ, вполнѣ извѣстно, что такою же точно склонностію отличаются, во всѣхъ странахъ, всѣ вообще пограничные жители, безъ различія классовъ и вѣроисповѣданій, такъ точно, какъ жители, вблизи лѣсовъ, изобилующихъ дичью, отличаются особымъ расположеніемъ къ браконьерству, какъ нашъ народъ, во время откупной системы—стремленіемъ къ корчемству. Вооруженная стража, съ достаточнымъ комплектомъ расторопныхъ людей, и строгія мѣры наказанія лицъ, пойманныхъ, съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія—всегда и вездѣ представлялись, по общимъ о томъ понятіямъ, единственными и самыми надежными средствами къ предупрежденію частыхъ случаевъ браконьерства, корчемства и контрабанды, а слѣдовательно къ защитѣ частнаго и казеннаго интереса. Поэтому, причина развитія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ этого рода незаконныхъ промысловъ всегда и вездѣ относилась, главнымъ образомъ, къ неудовлетворительному устройству и состоянію лич-

наго состава лѣсной, кордонной или пограничной стражи, но не къ качествамъ или склонностямъ того или другаго класса населенія, такъ-какъ склонности къ наживѣ или удовлетворенію своихъ потребностей незаконными путями, при существованіи легкихъ и благопріятныхъ къ тому условій, проявляются въ народныхъ массахъ, совершенно независимо отъ того, армяне ли они, греки, евреи, турки, татары, поляки или русскіе. Поэтому никому, вообще, ни у насъ, ни заграницею, съ цѣлію предупрежденія сказаннаго рода нарушеній частнаго или казеннаго интереса, не приходила мысль объ ограниченіи гражданскихъ правъ тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежали нарушители, и о наложеніи, такимъ образомъ, за предполагаемыя или дѣйствительно совершенныя преступленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, огульной и постоянной кары на все ихъ населеніе, безъ всякаго различія праваго отъ виноватаго.

Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, безъ того благопріятнаго для евреевъ, жившихъ по границамъ, обстоятельства, что на нихъ было обращено Государемъ, лично, Монаршее вниманіе, могла бы состояться, по отношенію къ нимъ, мѣра именно такого характера, тогда-какъ это было бы тѣмъ менѣе справедливымъ, что она была бы не вполнѣ согласна съ обстоятельствами, изъясненными самимъ Министерствомъ Финансовъ и слѣдовательно имѣвшимися у него въ виду, какъ по приведенному дѣлу, такъ и по другому, касавшемуся, равнымъ образомъ, пограничныхъ евреевъ.

Это послѣднее дѣло возникло за нѣсколько времени передъ тѣмъ, а именно, по вопросу о воспрещеніи постояннаго водворенія въ Россіи евреямъ, выходящимъ изъ-за границы.

Для побужденія правительства къ принятію этой мѣры, Министерствомъ Финансовъ было объяснено, между прочимъ, что въ пограничныхъ мѣстностяхъ развитію контрабанды способствовали, преимущественно, не евреи, жившіе въ Россіи, а евреи сосѣднихъ государствъ, которые, уклоняясь тамъ отъ отбыванія рекрутской повинности натурою и перебѣгая оттуда къ намъ, скоплялись на нашихъ границахъ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ. Это обстоятельство и послужило однимъ изъ поводовъ къ состоянію 15 марта 1824 года Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ о воспрещеніи евреямъ, выходящимъ изъ заграницы, водворяться въ Россіи (П. С. З. т. XXXIX, № 30004).

Нельзя не обратить еще вниманіе на то обстоятельство, что въ за-

пискѣ, по предмету удаленія евреевъ на 50-ти верстное разстояніе отъ границы, Министерство Финансовъ, основываясь на донесеніяхъ нѣкоторыхъ начальниковъ пограничной стражи лишь объ ихъ подозрѣніи въ тайномъ провозѣ товаровъ евреями, изъ числа русскихъ подданныхъ, безъ указанія кто именно изъ нихъ былъ пойманъ и уличенъ въ томъ преступленіи, объяснило, между прочимъ, что изъ многихъ дѣлъ усматривается, что они не только сами занимаются этимъ незаконнымъ промысломъ, *но способствуютъ къ тому и другимъ.* Изъ этого выводится прямое заключеніе, что и само Министерство признавало тотъ фактъ, что на границахъ тайнымъ провозомъ товаровъ и пользованіемъ предметами, не оплаченными тарифомъ, занимаются не одни евреи, но и другіе люди, изъ числа русскихъ подданныхъ, различныхъ классовъ и состояній, имѣвшихъ въ евреяхъ только болѣе или менѣе ловкихъ пособниковъ. Фактъ этотъ подтверждался, въ то время, многочисленными случаями и дѣлами. Очевидно, поэтому, что удаленіе отъ границъ евреевъ, хотя и лишило бы прочихъ тамъ жителей удобствъ, проистекавшихъ отъ ихъ содѣйствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не искоренило бы зла, а только открыло бы для прочихъ жителей болѣе обширное поле, для личныхъ упражненій въ промыслѣ этого рода, съ помощію которыхъ, они, въ скоромъ времени, достигли бы искусства въ обманахъ и ухищреніяхъ, для обхода бдительности пограничной стражи, и безъ содѣйствія евреевъ. Потери казны, безъ принятія мѣръ къ лучшему устройству пограничной стражи, были бы вышесказанною мѣрою мало чѣмъ уменьшены, съ явною выгодою для контрабандистовъ, которые безъ конкурренціи со стороны евреевъ, имѣли бы возможность неоплаченные пошлинами товары сбывать по цѣнамъ гораздо высшимъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что средствомъ къ положенію извѣстныхъ предѣловъ развитію контрабанднаго ремесла въ пограничныхъ полосахъ могло служить, единственно, приведеніе пограничной таможенной стражи въ удовлетворительное положеніе, но отнюдь не такая мѣра, какъ высылка оттуда евреевъ, представлявшая ограниченіе ихъ правъ жительства въ чертѣ ихъ осѣдлости, т. е. мѣру, которая, кромѣ разоренія жившихъ тамъ евреевъ, должна была тяжестью своею насть на все ихъ населеніе, съ наложеніемъ на него, въ тоже время, новаго нравственнаго пятна.

Монаршее правосудіе и чувства справедливости Наслѣдника Цесаревича спасли отъ послѣдствій такой мѣры часть пограничнаго насе-

ленія евреевъ, изъ русскихъ подданныхъ, а именно тѣхъ, которые обладали тамъ недвижимою собственностію; но по усвоеннымъ тогда взглядамъ, не могли предупредить, однако, всѣхъ невыгодныхъ отъ этого послѣдствій, для нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ страны и самаго даже казеннаго интереса.

Вскорѣ, однако, строгость вышеозначенной мѣры, по отношенію къ евреямъ, которые должны были подвергнуться ей, въ силу Высочайше утвержденнаго 11 Апрѣля 1825 года положенія Комитета Министровъ, была нѣсколько смягчена появившимся 14 Ноября того же 1825 года указомъ Сената, которымъ разъяснено, что срокомъ, для приведенія ея въ исполненіе должно считаться истеченіе контрактовъ и условій, законнымъ образомъ заключенныхъ, до обнародованія этого положенія, за исключеніемъ, впрочемъ, изъ сего Волынской губерніи, по которой мѣру удаленія евреевъ на 50-ти верстное разстояніе отъ границъ было признано Сенатомъ необходимымъ привести въ исполненіе тотчасъ, не дожидая истеченія вышесказанныхъ сроковъ, на томъ основаніи, что Высочайшее о томъ повелѣніе существовало съ 1812 года, было подтверждено въ 1816 году и никакимъ другимъ постановленіемъ неотмѣнено (П. С. З. т. XL, № 30581).

Передъ этимъ, а именно 30 Іюня 1825 года состоялось по другому частному случаю, Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, изъ котораго усматривается нѣкоторая нерѣшительность уже высшаго правительства въ принятіи строгихъ мѣръ къ ограниченію правъ жительства евреевъ въ Россіи, путемъ закона, въ виду разработывавшагося учрежденнымъ въ 1823 году особымъ Комитетомъ проекта новаго Положенія о евреяхъ. Случай этотъ слѣдующій.

По поводу просьбы мѣщанина г. Орши, изъ евреевъ, Есселя Рѣзакова о перечисленіи его съ семействомъ въ Георгіевское мѣщанство Кавказской губерніи, Министръ Финансовъ вошелъ съ запискою въ Комитетъ Министровъ, въ которой, объяснилъ, что хотя Положеніемъ 1804 г. о евреяхъ, въ видѣ поощренія ихъ къ земледѣлію, разрѣшено имъ пріобрѣтать земли и селиться въ Астраханской и Кавказской губерніяхъ, но что онъ, съ своей стороны, полагалъ бы воспретить имъ, разъ на всегда, постоянное водвореніе въ Астраханской губерніи и Кавказской области, съ отмѣною вовсе и предоставленнаго имъ вышесказаннымъ Положеніемъ права пріобрѣтенія въ тѣхъ краяхъ земель и поселенія на помѣщичьихъ и казенныхъ земляхъ, разрѣшивъ имъ тамъ лишь временное пребываніе, на основаніяхъ, указанныхъ тѣмъ Положеніемъ. Въ подтвержденіе

правильности этого мнѣнія, Министерствомъ Финансовъ были приведены, между прочимъ, слѣдующія соображенія: 1) что со временъ Императрицы Елисаветы Петровны, правительство всегда закрывало евреямъ путь къ водворенію ихъ въ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, 2) что «евреи, «чуждаясь, *какъ по опытамъ извѣстно*, земледѣлія, не могутъ при-«нести, въ семъ отношеніи, никакой пользы для края; 3) что съ дру-«гой стороны, водвореніе сихъ людей, уклоняющихся, при всякой воз-«можности, отъ исполненія Государственныхъ постановленій, когда «оныя не соотвѣтствуютъ исключительно ихъ выгодамъ, въ такихъ «губерніяхъ, которыя по положенію своему отверсты для внѣшней тор-«говли, безъ сомнѣнія нанесло бы ущербъ Таможеннымъ сборамъ и «общественному кредиту и послужило бы къ подрыву тамошняго ку-«печества».

Обстоятельства, касающіяся евреевъ въ Россіи, вообще, и правительственныхъ, по отношенію къ нимъ, мѣръ, въ ихъ историческомъ ходѣ, въ особенности, изъ всѣхъ приведенныхъ выше, со времен Царя Алексія Михаиловича, данныхъ, на столько теперь извѣстны, что ошибочность вышеизложенныхъ трехъ доводовъ Министерства Финансовъ становится вполнѣ ясною. Первый изъ нихъ не могъ имѣть значенія, потому-что онъ заключался въ мысли о примѣненіи къ евреямъ мѣръ той политики, которая относилась къ періоду времени, когда евреи не состояли еще въ русскомъ подданствѣ, а слѣдовательно, возможможной еще тогда, но не свойственной уже положенію вещей, измѣнившемуся со времени присоединенія Бѣлоруссіи и пріобрѣтенія евреями, вступившими въ русское подданство, значенія составной части общаго народонаселенія Россіи, въ числѣ образующихъ его другихъ племенъ и народностей; почему, приведеніе Министерствомъ Финансовъ вышесказаннаго довода могло служить лишь доказательствомъ, или совершеннаго упущенія изъ вида касавшагося евреевъ положенія вещей, какъ прежняго, такъ и современнаго тогда, или же недостаточнымъ знакомствомъ съ нимъ. Второй доводъ былъ основанъ на однихъ лишь общихъ предубѣжденіяхъ и предразсудкахъ, относительно скрывающагося, будто, въ евреяхъ природнаго нерасположенія къ земледѣльческому труду, поддерживаемаго ихъ талмудическимъ вѣроученіемъ, съ ссылкою, въ подтвержденіе такого предположенія, на свидѣтельство опыта, какого Россія относительно земледѣльческихъ занятій евреевъ и ихъ природной къ нимъ способности или неспособности, въ то время, по причинамъ, изложеннымъ выше, не имѣла и имѣть не могла.

Что касается, наконецъ, третьяго довода, то онъ былъ основанъ, отчасти, на предположеніи въ евреяхъ обычной какъ бы склонности, къ уклоненію отъ выполненія государственныхъ постановленій страны, не признававшихся ими, исключительно, для себя выгодными; отчасти, на недостаточно разъясненномъ выводѣ, что евреи несомнѣнно принесли бы ущербы таможеннымъ въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской сборамъ и общественному кредиту; отчасти же, на ошибочномъ экономическомъ взглядѣ, что торговая конкуренція, со стороны евреевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, могла бы быть, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ чемъ либо вреднѣе, чѣмъ въ Западномъ краѣ, при ихъ чрезмѣрномъ тамъ многолюдствѣ. При чемъ, упустивъ какъ бы совершенно изъ вида общіе интересы потребителей, т. е. всего вообще населенія въ вышесказанныхъ губерніяхъ, Министерство Финансовъ, въ данномъ случаѣ, ограничило свои соображенія интересами мѣстнаго тамъ купечества, и притомъ, не одного русскаго, но также и азіатскаго, въ пользу котораго приносились, такимъ образомъ, какъ бы въ жертву торговые и промышленные интересы, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, гдѣ уменьшеніе ихъ численности, какъ людей, исключительно, торговыхъ и промышленныхъ, составляло, и въ то время, одну изъ насущественныхъ тамъ потребностей.

Комитетъ Министровъ, согласившись, въ принципѣ, съ доводами Министерства Финансовъ, не рѣшился, однако, испросить Высочайшее соизволеніе на отмѣну содержавшихся въ Положеніи 1804 года о евреяхъ постановленій, которыми имъ разрѣшалось водвореніе въ Астраханской губерніи и на Кавказѣ, но призналъ нужнымъ пріостановить переселеніе туда евреевъ, въ видѣ временной лишь мѣры, впредь до разсмотрѣнія вышеупомянутымъ особымъ Комитетомъ общаго ихъ положенія въ государствѣ, полагая передать въ тотъ Комитетъ и сказанное дѣло, по прошенію еврея Есселя Рѣзакова. Это положеніе Комитета Министровъ 30 Іюня 1825 года удостоилось Высочайшаго утвержденія, но распубликовано Сенатомъ, подъ заглавіемъ, не вполнѣ соотвѣтствовавшимъ, впрочемъ, точному смыслу этого положенія, а именно подъ слѣдующимъ: «о запрещеніи евреямъ селиться въ Астраханской губерніи и Кавказской области». (П. С. З. т XL, № 30404).

Въ то самое время, какъ Комитетъ Министровъ поколебался въ безусловномъ принятіи, относительно евреевъ, предположенной Министерствомъ Финансовъ вышесказанной ограничительной мѣры, Сенатомъ,

въ духѣ прежнихъ его мѣръ, были допущены болѣе строгія дѣйствія. Это видно изъ его указовъ, состоявшихся одинъ за другимъ, по двумъ различнымъ случаямъ. Одинъ изъ этихъ случаевъ заключался въ томъ, что 25 семействъ вышедшихъ изъ Австріи евреевъ, издавна поселившихся въ г. Николаевѣ и принявшихъ уже присягу на русское подданство, представивъ поручителей въ исправномъ платежѣ ими податей, просили объ утвержденіи ихъ въ правахъ гражданства, съ приписскою ихъ въ томъ городѣ къ мѣщанскому состоянію. Херсонская Казенная Палата, согласно съ ходатайствомъ Николаевскаго Городоваго Магистрата, не встрѣтивъ къ удовлетворенію просьбы тѣхъ евреевъ никакихъ препятствій, вошла, по этому предмету, съ представленіемъ въ Сенатъ, который, хотя и не нашелъ основаній къ отказу сказаннымъ евреямъ въ ихъ ходатайствѣ, но отнесся съ особою строгостію къ этому случаю, предписавъ Казенной Палатѣ, указомъ 27 Августа 1825 года, въ виду Высочайше утвержденнаго положенія Комитета Министровъ 15 Марта 1824 года *), впредь выходящихъ изъ-заграницы евреевъ и живущихъ по паспортамъ Миссіи, къ присягѣ на русское подданство не приводить и къ постоянному жительству въ Россіи не допускать (П. С З. т. XL № 30465).

Въ другомъ случаѣ, Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о нѣкоторыхъ должностныхъ лицахъ и помѣщикахъ Минской губерніи, преданныхъ суду, за допущеніе недостатка въ продовольствіи крестьянъ, нашелъ одного изъ тѣхъ помѣщиковъ, по фамиліи Щита, виновнымъ въ противозаконной отдачѣ своего имѣнія въ арендное содержаніе евреямъ и приговорилъ его, Щита, за этотъ проступокъ, къ аресту при полиціи,

---

*) Нельзя не замѣтить, что изъ этого Положенія Комитета Министровъ, касающагося правъ иностранныхъ евреевъ, по водворенію въ Россіи, усматривается, что въ представленіи Министерства Финансовъ, съ какимъ оно входило, по этому предмету, содержатся отзывы непріязненнаго содержанія по отношенію и, къ евреямъ, состоявшимъ въ русскомъ подданствѣ, какъ племени вообще вредномъ для благосостоянія государства; при чемъ, такой взглядъ подкрѣплялся Министерствомъ несогласными съ фактами предположеніями, что евреи не платятъ исправно подати, единственно вслѣдствіе ихъ уклоненія отъ этого и упорства въ непроизводительныхъ родахъ занятій, и указаніемъ, что русскимъ правительствомъ постоянно признавалась необходимость подвергать ихъ права ограниченіямъ и отягощать ихъ податьми, съ совершеннымъ умолчаніемъ о законоположеніяхъ Императрицы Екатерины Великой, дѣйствовавшихъ о евреяхъ до принятія въ 1791 и 1794 годахъ, т. е. въ концѣ Ея царствованія, ограничительныхъ мѣръ, подобно тому какъ это было сдѣлано тѣмъ же министерствомъ въ его представленіи 1825 года, по предмету водворенія евреевъ въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской (П. С. З. т. XXXIX, № 30004).

срокомъ на двѣ недѣли. За разногласіемъ Сенаторовъ о такой мѣрѣ наказанія, дѣло перешло въ Государственный Совѣтъ, гдѣ, по обсужденіи его, сперва въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи Департаментовъ, карательная мѣра Сената была принята большинствомъ голосовъ, и воспослѣдовавшее, по этому предмету, мнѣніе Государственнаго Совѣта, 22 Октября 1825 года, Высочайше утверждено, вслѣдствіе чего, Щитъ, по всей вѣроятности, и былъ подвергнутъ аресту, къ которому онъ былъ приговоренъ, въ административномъ порядкѣ, Сенатомъ (П. С. З. т. XL № 30543).

Въ этомъ же самомъ мѣсяцѣ, т. е. въ Октябрѣ 1825 года, обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о евреяхъ, отправляющихъ товары изъ пограничныхъ таможень, по коммисіямъ, въ великороссійскія губерніи. Государственный Совѣтъ, по поводу этого вопроса, разсуждалъ, что «узаконеніями не дозволено доселѣ евреямъ производить торговлю внутри Государства, что давъ имъ новое право коммисіонеровъ или прикащиковъ, ожидать можно стачки у нихъ, какъ съ иностранными торговыми домами, такъ и съ купцами великороссійскихъ губерній, чрезъ что непремѣнно перейдетъ современемъ торговля въ ихъ руки, и сами евреи, въ видѣ прикащиковъ, воспользуются свободою имѣть долговременное пребываніе внутри Государства». По симъ причинамъ, Государственный Совѣтъ полагалъ: «по торговлѣ, евреямъ предоставленной, не вводить ничего новаго и ограничивать оную для нихъ единственно 15-ю губерніями, кои поименованы въ Высочайше конфирмованномъ 9 Декабря 1804 г. докладѣ». Мнѣніе это, 26 Октября 1825 г., Высочайше утверждено (П. С. З. т. XL № 30561).

Въ настоящее время, какъ извѣстно, допущены свободныя торговыя отношенія между русскими купцами и евреями, какъ непосредственно, такъ и по коммисіямъ, а въ одной изъ внутреннихъ губерній, именно Харьковской, имѣется довольно значительное уже населеніе евреевъ, изъ купцовъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ, имѣющихъ постоянныя торговыя и промышленныя сношенія съ прочими тамъ жителями и русскимъ купечествомъ. Между тѣмъ, изъ заключеній бывшей Харьковской, по еврейскому вопросу, коммисіи и имѣющихся отзывовъ таможняго мѣстнаго главнаго начальства, усматривается, что отъ сказанныхъ сношеній и самаго пребыванія тамъ евреевъ не проистекаетъ никакого особаго вреда, ни для населенія, ни для купеческаго класса, ни для казны («Труды» Харьковъ. Ком. и отзывъ Генер.-Губер. отъ 12-го Января 1882 г. за № 66).

Поэтому, изъ вышеприведенныхъ, имѣющихся въ законодательномъ постановленіи 26-го Октября 1825 года, мотивовъ, весьма затруднительно выяснить, что именно разумѣлось, въ то время, подъ стачкою отправлявшихъ на коммисіею свои товары евреевъ, съ иностранными негоціантами и русскими купцами, а также огражденіе чьихъ именно интересовъ разумѣлось правительствомъ въ мѣрѣ воспрещенія продажи товаровъ евреями внутри Россіи по коммисіямъ: торговыхъ ли классовъ, класса ли потребителей или же казны? Не вполнѣ понятно также, почему именно отправка евреями изъ пограничныхъ таможенъ на коммисію товаровъ, оплаченныхъ тарифомъ, а слѣдовательно поставленныхъ въ условія, достаточно ограждавшія отечественную мануфактурную и фабричную промышленность, могла имѣть послѣдствіемъ переходъ торговли въ руки, исключительно, однихъ евреевъ? Но какъ, при этомъ, выражено опасеніе, что такого рода операціи дадутъ евреямъ поводъ пріѣзжать во внутреннія губерніи и имѣть въ нихъ долговременное пребываніе, то нужно полагать, что въ сказанномъ случаѣ, руководили существовавшіе, въ то время, въ правительственной сферѣ, общіе мотивы, скрывавшіеся въ недостаточно точныхъ и ясныхъ понятіяхъ о всемъ, что касалось евреевъ, и побуждавшіе правительство, какъ бы безотчетно, принимать, въ отношеніи ихъ, разнохарактерныя мѣры, съ закрытіемъ, для нихъ, по возможности, доступа во внутреннія губерніи Россіи. Нерѣшительность, въ этомъ случаѣ, правительственнаго образа дѣйствія могла, конечно, имѣть свою причину и въ томъ, что, въ то время, обсуждались въ вышеупомянутомъ особомъ Комитетѣ, «для лучшаго устройства евреевъ», общіе вопросы объ ихъ гражданскомъ положеніи въ Россіи.

Этою законодательною мѣрою, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Сенатскимъ указомъ 14 Ноября 1825 года, объ удаленіи евреевъ отъ границы, по истеченіи срока контрактамъ, заканчиваются правительственныя дѣйствія, относительно евреевъ, въ царствованіе Императора Александра I.

Изъ настоящаго обзора принимавшихся у насъ, въ Россіи, относительно евреевъ, законодательныхъ и правительственныхъ мѣръ, въ ихъ историческомъ ходѣ, начиная со временъ Царя Алексія Михаиловича, вытекаютъ слѣдующіе главные выводы:

I. Нынѣ дѣйствующему въ Россійской Имперіи законодательству о евреяхъ предшествовали, по отношенію къ нимъ, два различные, по характеру политики, и, съ государственной точки зрѣнія, не подлежащіе смѣшенію, періода времени: одинъ, когда евреи, не состояли въ

русскомъ подданствѣ и государство наше могло, въ извѣстной степени, по усмотрѣнію правительства, подлежать закрытію для нихъ; другой, когда евреи, по возсоединеніи съ Россіей прежнихъ областей древней нашей Руси, находившихся подъ владычествомъ Польши, вступили въ русское подданство и пріобрѣли, въ качествѣ натурализированнаго класса гражданъ, значеніе составной и многолюдной части общаго народонаселенія государства, которое, вслѣдствіе этого, такому закрытію, въ силу самихъ вещей, подлежать уже не могло.

II. Въ первомъ изъ тѣхъ двухъ періодовъ времени, въ политической сферѣ, хотя и проявлялась мысль о безусловномъ очищеніи русской территоріи отъ евреевъ, но лишь въ моменты царствованія Императрицъ Екатерины I, Анны Іоановны и Елисаветы Петровны, исключительно, вслѣдствіе религіозныхъ взглядовъ на евреевъ; при чемъ, ни эти царствованія, ни предшествовавшія имъ, не представляютъ слѣдовъ *идеи о локализированіи евреевъ* въ какой либо извѣстной части государства, съ одновременнымъ для нихъ закрытіемъ всѣхъ другихъ его частей.

III. Императрица Екатерина Великая, по принятіи евреевъ въ русское подданство, въ числѣ жителей Бѣлоруссіи, держалась лично политики безусловнаго уравненія евреевъ въ ихъ гражданскихъ правахъ съ прочими подданными, но правительствомъ, вопреки законодательнымъ предначертаніямъ Государыни, усвоенъ, съ первыхъ моментовъ вступленія евреевъ въ русское подданство, а затѣмъ внесенъ и въ законодательную область, совершенно иной образъ дѣйствія, направленный къ *локализированію* евреевъ въ возсоединенныхъ съ Россіею краяхъ и областяхъ, съ мыслею объ ихъ вытѣсненіи, по возможности, вовсе изъ предѣловъ государства, путемъ стѣсненія и ограниченія гражданскихъ правъ евреевъ и отягощеніемъ ихъ податьми, послѣдствіемъ чего было появленіе, въ концѣ того же царствованія, ограничительныхъ, въ этомъ смыслѣ и съ этого цѣлію, узаконеній.

IV. Главными причинами къ такому образу дѣйствія правительства, относительно евреевъ, были слѣдующія: 1) преслѣдованіе религіозной цѣли обращенія евреевъ въ христіанскую вѣру, безъ различія вѣроисповѣданій, вопреки основнымъ законамъ государства о защитѣ и оборонѣ, исключительно, господствующаго Греко-Восточнаго-Каѳолическаго исповѣданія; 2) не провѣренныя изслѣдованіями предубѣжденія о природныхъ свойствахъ евреевъ и качествахъ ихъ вѣроученія, — предубѣжденія, не дававшія возможности различать, съ достаточною

ясностію, слѣдствія отъ самихъ причинъ, 3) религіозно-политическій взглядъ на евреевъ, какъ на народъ чуждый, къ коренному населенію не принадлежащій, даже въ числѣ жителей другихъ не христіанскихъ исповѣданій, и ошибочное признаніе, вслѣдствіе этого, что Россія, для евреевъ, не можетъ быть отечествомъ, 4) упущеніе изъ вида экономическаго условія о равномѣрнѣйшемъ распредѣленіи въ государствѣ его торговыхъ и промышленныхъ силъ, путемъ водворенія въ немъ начала свободной торговли, и 5) отступленіе отъ условія о единообразномъ устройствѣ государства, на началахъ гражданскаго и политическаго равенства всѣхъ его частей и обитающихъ въ нихъ племенъ и народностей, не принадлежащихъ къ числу степныхъ или кочующихъ.

V. Сказанные взгляды на евреевъ и вытекавшій изъ нихъ исключительный образъ дѣйствія правительства, по отношенію къ нимъ, установившись, такимъ образомъ, въ политической нашей сферѣ, не былъ за симъ подвергаемъ въ ней дальнѣйшимъ обсужденіямъ, въ законодательномъ порядкѣ, и по учрежденіи, въ царствованіе Императора Александра I, Государственнаго Совѣта.

VI. Послѣдствіемъ исключительнаго порядка вещей, принятаго относительно евреевъ, было исчезновеніе ихъ личности въ понятіи объ ихъ націи, какъ чуждой и непріязненной для русской страны и русскаго народа, и появленіе понятія о нравственной ея отвѣтственности за каждаго изъ своихъ членовъ, что не могло не повлечь за собою ослабленіе въ сознаніи властей, низшихъ и высшихъ, идеи справедливости, по отношенію къ каждому изъ такихъ подданныхъ, въ отдѣльности.

VII. Подъ вліяніемъ сказанныхъ взглядовъ и вытекавшаго изъ нихъ режима установились въ политической сферѣ: 1) шаткость и неопредѣлительность правъ состоянія евреевъ въ Россіи, по которымъ имъ было присвоено положеніе въ государствѣ, сходственное съ положеніемъ *степныхъ или кочующихъ* инородныхъ племенъ и, отчасти, даже людей бѣглыхъ и бродячихъ, 2) стѣсненія евреевъ, путемъ ограниченій ихъ гражданскихъ правъ, во всѣхъ сферахъ ихъ общественной дѣятельности, —стѣсненія, которыя были сопряжены съ частыми нарушеніями коренныхъ законовъ о правѣ частной собственности, свободѣ торговли и силѣ договоровъ, основанныхъ на добровольныхъ соглашеніяхъ, по отношенію, не только къ евреямъ, но и частнымъ лицамъ

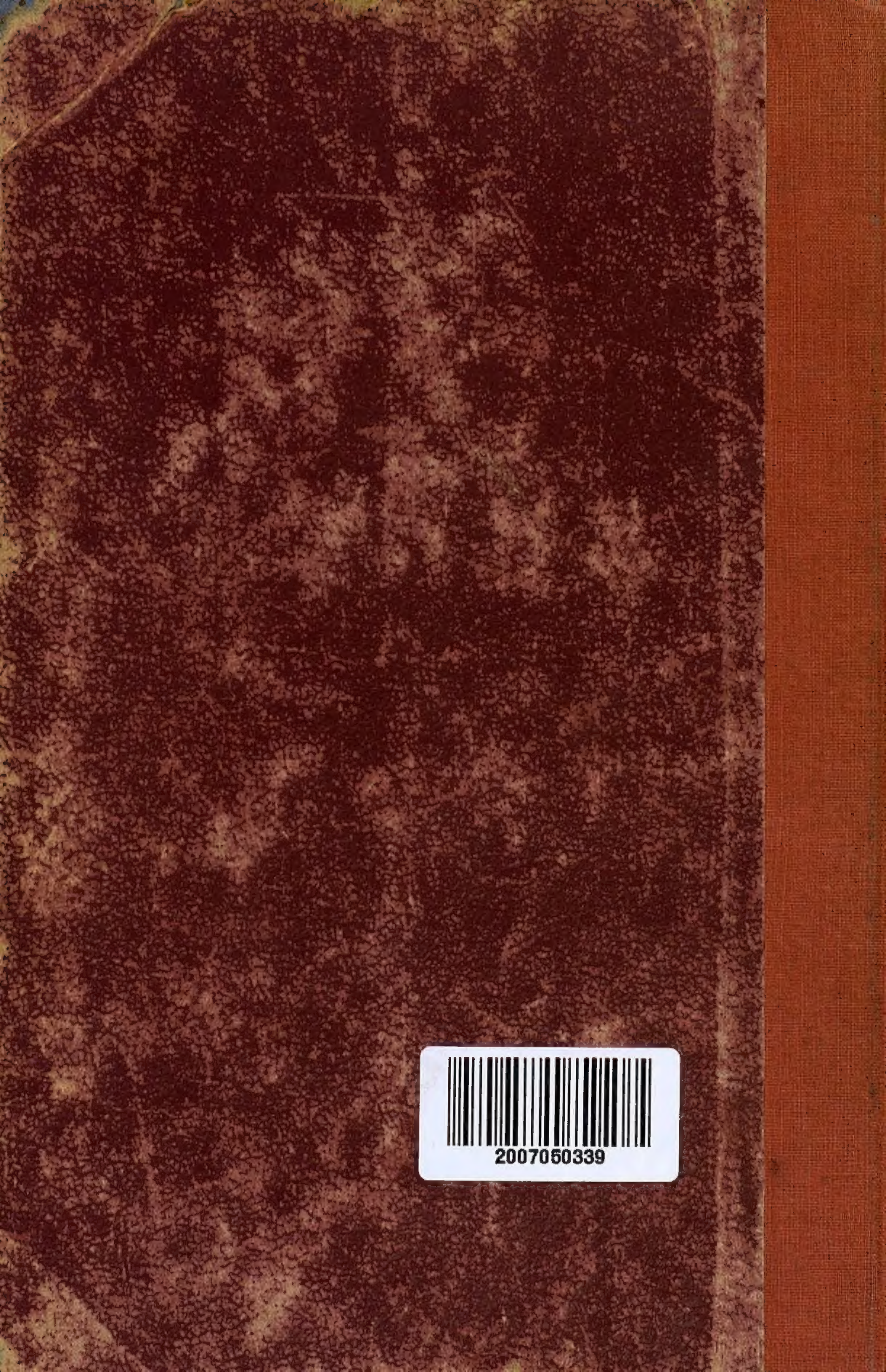
всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, изъ числа рабочаго класса людей, купечества, владѣльцевъ поземельной собственности и даже класса потребителей, какъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, такъ и внѣ оной, съ нерѣдкими, въ тоже время, случаями отступленія, по дѣламъ частнаго и общественнаго интереса евреевъ, отъ надлежащей справедливости, которая возстановлялась лишь дѣйствіемъ Монаршаго правосудія.

VIII. Исключительный образъ дѣйствія, относительно евреевъ, образовалъ въ нашемъ законодательствѣ, еще въ періодъ времени, предшествовавшій нынѣ дѣйствующимъ о нихъ узаконеніямъ, наслоеніе разнохарактерныхъ, противорѣчивыхъ и непослѣдовательныхъ мѣръ и постановленій, въ основаніи которыхъ, судя по ихъ мотивамъ, не заключалось, въ большинствѣ случаевъ, достаточныхъ соображеній о практическихъ пользахъ государства, съ точки зрѣнія его торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ, вслѣдствіе чего, въ концѣ царствованія Императора Александра I, появилось въ самомъ правительствѣ сознаніе о крайней неудовлетворительности тогдашнихъ узаконеній о евреяхъ, — сознаніе, выразившееся въ учрежденіи особаго Комитета «для лучшаго устройства евреевъ».

Въ слѣдующемъ, за симъ, царствованіи Императора Николая I произведены, несомнѣнно, весьма существенныя измѣненія въ гражданскихъ правахъ евреевъ, отмѣною двойныхъ съ нихъ податей, привлеченіемъ къ отбыванію рекрутской повинности натурою и расширеніемъ правъ евреевъ, съ цѣлію поощренія ихъ къ общему образованію; но на сколько этимъ улучшено общее правовое положеніе евреевъ въ Россіи—составляетъ вопросъ, относящійся къ періоду нынѣ дѣйствующаго о евреяхъ законодательства.

Опечатки.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Читать:*
16	5	помѣщеніе	помѣщенію
21	24	15274	15473
22	13	7191	7194
—	21	1810	1710
—	27	1187	1186
26	примѣч. строк. 2	мнѣнія	мнѣніемъ
27	35	возсоединенныхъ къ Россіи.	возсоединенныхъ съ Россіею
28	21	Елисавѣты	Елисаветы
32	34	Борухъ	Борохъ
—	37	продолжалось	продолжилось
33	3	сжечь	съ сжечь
41	6	12946	12949
42	32	стала приводить	стала проводить
43	30	Коховскаго	Каховскаго
47	10	Польши	Польшѣ
52	20	противоположны	противоположно
60	25	начала	началъ
63	5	вышеуказанномъ	вышесказанномъ
65	18	24130	24127
72	1	Коховскій	Каховскій
86	24	записаться	записавься
93	примѣч.		
—	строк. 6	т. 1	п. 1.
96	7	17329	17327
115	3	18015	18132
121	32	11 Марта	14 Марта
130	12	землевладѣліи	земледѣліи
158	7	яснаго	явнаго
164	17	Обраруживали	обнаруживали
167	примѣч.		
—	строк. 14	держится	держатся
168	примѣч.		
—	строк. 8	virum dortissimum rerum semitaricum	virum doctissimum rerum semiticarum
—	14	на званіе ея члена	на званіе ея почетнаго члена
187	27	такія мѣры не оправдывались	такая мѣра не оправдывалась.
189	примѣч.		
—	строк. 4	т. XI	т. XL.
—	5	т. XXXII, а	т. XXXII, № 25013, а.
190	4	выкрѣстившій	выкрестившійся.
—	27	21 Апрѣля	20 Апрѣля
217	примѣч.		
—	строк. 8	съ винограднаго и водки	съ винограднаго вина и водки (П. С. З. т. XXIX, № 21.998).
221	15	долговыя тюремныя заключенія	долговыя тюремныя отдѣленія.
228	12	привилегированныхъ классовъ, не вполнѣ	привилегированныхъ классовъ и не вполнѣ.
—	29	представлялъ мѣру	представляло мѣру
265	8	находившемся	находившихся
266	примѣч.		
—	строк. 1	Н—М	Н—N
273	35	Наслѣдникъ Царевичъ	Наслѣдникъ Цесаревичъ
274	3	тайному привозу	тайному провозу
276	16	то же	то же

2007050339